

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 85.

Цена годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 16 ІЮЛЯ, СРЕДА.

МЫСЛЬ ЛЕВКАДСКІЙ.

Я родился въ одномъ изъ городовъ Этолійскихъ, на брегахъ Ахилоя. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я увидѣлъ въ первый разъ юную Мирею. Глаза мои очаровались, сердце — преда-лось ей навсегда. Съ сего мгновенія я позабылъ мирныя забавы дѣтства. Часто ходилъ я меч-пашъ въ ближій лѣсъ, никѣмъ почти не посѣ-щаемый. Я всегда осматривался передъ неболь-шою статуею Любви, произносилъ имя Миреи, и вздыхалъ. Въ одинъ вечеръ я сорвалъ розу, и положилъ ее къ подножію бога. На другой день пришелъ, и увидѣлъ, что цвѣтокъ мой соединенъ съ другою, только что сорванною розой. Пріят-ное удивленіе объяло меня; тысячи смѣшанныхъ мыслей смѣнялись у меня въ головѣ, и надежда оживила мое сердце, подобно какъ роса увядшій цвѣтокъ оживляетъ. Я нарвалъ еще цвѣткъ, украсилъ ими бога, и возвратился въ мое жили-ще. Ночь помрачала уже синеву небесъ; она несла съ собою сонъ и пріятныя видѣнія; но видѣнія сіи проносились надъ моею хижиною; — я не могъ заснуть. Наконецъ день показался; я нѣсколько разъ уже приближался къ жилищу Миреи; хо-телъ ее видѣть, пасть къ ногамъ ея и поклясть-ся ей въ любви, достойной красоты ея; но видѣлъ женщину, которой строгій видъ вселялъ только страхъ и робость. Я пошелъ опять къ лѣсу и непримѣтно приблизился къ изображенію

бога. Я видѣлъ молодую дѣвушку, которая при-лепала къ моему гирлянду другую. Я тихо при-ближаюсь и беру ее за руку: она выпускаетъ вздохъ, оборачивается, пошеплетъ взоръ и краснѣетъ. Я бросился къ ея ногамъ и сказалъ: „я люблю тебя, прекрасная Мирея; давно уже люблю тебя; и клянусь любить вѣчно. Клянусь богомъ, который насъ видитъ и слышитъ, что буду любить тебя вѣчно.“ Мирея открываетъ малновыя уста свои, и голосомъ, столь же лег-кимъ, какъ зефиръ: „я принимаю твою клятву, сказала она, и клянусь сама этимъ-же самымъ богомъ, что единственное мое желаніе будетъ — нравиться тебѣ всегда.“

Я почти ежедневно видѣлъ ее на томъ же самомъ мѣстѣ; говорилъ ей о моей вѣжності; она меня слушала; говорилъ ей еще о томъ же — и она меня слушала съ новымъ удовольствіемъ. Я прижималъ ея руку къ моему сердцу; губы мои иногда прика-сались къ ея губамъ; я пылъ благовоный воздухъ, которымъ она дышала. . . . ; бѣлая дерзость оскорбила-бы прекрасную Мирею; гнѣвъ ея отвлекъ-бы меня далеко отъ ней — и я умеръ бы съ печали.

Однажды я примѣтилъ горестъ въ ея взорѣ. „Небо, сказала она, даровало мнѣ жестокую мать; я боюсь, чтобы эта жестокость не была при-чиною нашихъ бѣдствій. . . .“ поцѣлуй не позволилъ ей докончить. „Вѣрь мнѣ, юная подруга, сказалъ

я, что предусмотрительность ужасна: не поперяемъ наслоящаго въ сѣтованіи о-будущемъ.“

На другой день я узналъ, что Мирею соединился чрезъ три дня съ однимъ изъ богатѣйшихъ гражданъ Эерма: молнія поразила-бы меня легче. Пришедъ въ себя, я старался не вѣрнть моему несчастію. Я бѣгу къ Мирею, и вижу, что дверь ея хижины убрана цвѣтами — несомнѣнный знакъ приближающаго торжества. Бѣшенство овладѣло мною: я началъ срывать вѣтки и топтать ихъ ногами; потомъ побѣжалъ въ лѣсъ, бывшій свидѣтелемъ прежнихъ нашихъ радостей; разбилъ статую Любви, и удалился, проклиная мѣсто моего рожденія.

Отдаленіе и разлука не погасили моей страсти. Я находилъ вездѣ образъ той, которой спасался избѣгнуть. „Я хочу забыть ее, думаю я, или умереть,“ и пошелъ къ мысу Левкадскому.

Прихожу туда: безчисленное множество народа покрывало берегъ. Жрецы, послѣ обычныхъ возліаній, закаляютъ двухъ горлицъ, призывающъ Нептуна, и сходящъ попомъ въ лодки, чтобы спасать любовниковъ, которые ищущъ въ волнахъ конца своихъ мученій.

Приходитъ молодой человекъ, Мирсилъ; горестъ видна на лицѣ его. Прекрасная Цефиза является въ то же время, при громѣ похвалъ красотѣ ея. Сія похвала выводитъ наконецъ Мирсила изъ его размышленій. „Неужели, вскричалъ онъ, будучи столь молода и прекрасна, ты могла найтти любовника непостояннаго.“ — Они всѣ непостоянны. — „Покрайней мѣрѣ, я знаю одного, который постояненъ.“ — Но примѣру его никто не послѣдуетъ. — „Я хочу ему слѣдовать; воишь, до чего доводитъ постоянство.“ — Для чего сдѣлала ты дурной выборъ? — „Развѣ пвой лучше?“ — Я обманулась, и хочу за то наказатъ себя. — „Я хочу поже; но согласишь, что это безразсудно.“ — Я согласна, — что мой невѣрный одинъ достоинъ наказанія. — „Мою невѣрную

должно-бы бросить въ волны.“ — А я, вмѣсто наказанія, приготавливаю новое шоржество его ищеславію. — „Гораздо лучше-бы было отмстить ему.“ — Я согласна. — „Не довольно быть согласна.“ — И такъ, я хочу мщенія. — „Неужели я уступаю тебѣ въ томъ?“ — Цефиза не отвѣчала ни слова, и потомъ, взявъ одинъ другаго за руку, они удалились.

Мы видѣли, какъ потомъ пришелъ одинъ изъ жителей Эвадіи. Онъ потерялъ обожаемую супругу. Онъ проклиналъ жизнь и кричалъ управлявшимъ лодками: „если ваши души не чужды состраданія, не спасайте меня; дайте мнѣ соединиться съ тою, которую я люблю; именемъ Боговъ заклинаю васъ, не спасайте меня.“ Онъ сказалъ, и бросился въ море; но, едва достигнувъ волнъ, онъ просираетъ руки, и выплываетъ къ берегу.

Юный Аенианищъ заступилъ его мѣсто. Въ рукахъ держалъ онъ порплетъ и локонъ волосъ. Золото и жемчугъ блискали на его одеждѣ; волосы его были умащены благовоіями; видъ и поступъ его дышали нѣгою. „Циниска обожаетъ меня, говорилъ онъ, и я, я чувствую, что начинаю любить ее: пора ее оставить.“ Съ сими словами онъ бросилъ въ море порплетъ и локонъ, и пошелъ назадъ, нагъвая нескромную пѣсию, и улыбаясь предъ всѣми женщинами, которыя встрѣчались ему на пути.

Послѣ того пришли изъ Сиракузъ двѣ женщины знатнаго рода. Пріятный румянецъ не украшалъ ихъ лицъ: видъ ихъ былъ столь же смѣлъ, какъ видъ аплетовъ. Онѣ сходящъ на песокъ; снимаютъ свою обувь, прикасающъ ногами къ поверхности водъ, и воздаютъ Нептуну хвалу за исцѣленіе. Возвратясь въ полноу, одна изъ нихъ взяла за руку Аенискаго комедіянта, а другая богатаго Самосскаго купца.

Взоры всѣхъ устремались на двухъ любовниковъ, которые шли, держа за руку другъ друга

Они едва еще вышли из дѣтства. Слезы орошали ихъ лица; они обнялись съ нѣжностію, и приближались уже къ краю бездны, какъ вдругъ дрожащій голосъ старца остано­вилъ ихъ. „Что вы дѣлаете, дѣти мои, сказалъ онъ: ка­кая горестъ помнитъ васъ?“ — „Мы любимъ другъ друга, отвѣчалъ молодой человекъ: вопъ наше несчастіе. Любовь есть наше мученіе; одна мысль занимаетъ насъ; сонъ оставилъ наши вѣжды; улыбка убѣгаетъ нашихъ устъ; ужасное изне­моженіе снѣдаетъ наше тѣло; разлука для насъ ужасна, это есть продолжительная смерть; но, при свиданіи, мы еще въ большемъ беспокойствѣ; слезы мѣшаются съ нашими поцѣлуями, мы боимся будущаго, боимся, что будемъ когда нибудь разлучены; ревность мучитъ насъ; словомъ, любовь есть наше несчастіе: мы хотимъ опъ не изцѣлится.“ — Старецъ улыбнулся: „Ви­дите-ли вы эту скалу, сказалъ онъ: на ней стоитъ храмъ Гименя; войдите въ него — и ваши му­ки прекратятся.“

Юные любовники послѣдовали совѣту старца, и мѣсто ихъ заступила молодая вдова. Одежда ея и поступь означали горестъ. Она вздохнула; приближилась къ краю бездны, посмѣр­вля на волны, и вдругъ: „благодареніе и слава без­мернымъ, сказала она: я изцѣлилась.“

Тутъ явилась знаменитая Сафо. Множество зрителей толпилось вокругъ нея: тысячи голо­совъ хвалили ее и жалѣли о ней. Въ юности своей она оскорбила природу и любовь. Последняя ужасна въ мщеніи: она зажгла свой пламенный вѣ сердца бѣдной Сафо и оставила хладъ въ ду­шѣ Фаона. Сія несчастная дѣвушка держала въ рукахъ лиру, которую она столько усовершен­ствовала; на головѣ былъ у нея вѣнокъ изъ лавровъ и миртовъ. Она приближилась къ скалѣ твердыми шагами, и запѣла оду, сопровождая ее игрою на лирѣ. Отдаленіе не позволило мнѣ слышать несчастную Сафо, но я видѣлъ, какъ она бодро

бросилась въ волны. Одни говорятъ, что она, во время паденія, превратилась въ лебедя; другіе — что морскія нимфы приблизились и унесли ее.

Толпа непримѣтно разошлась, и я взошелъ на мысъ. Тамъ я колебался нѣсколько минутъ. Я не боялся смерти — боялся равнодушія. Перес­тавъ любить! эта мысль меня ужасала, и я покушался остаться въ моихъ мукахъ. Наконецъ разсудокъ возымѣлъ верхъ: я хотѣлъ уже бро­ситься въ волны, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то держитъ меня за платье. Обо­рачиваюсь, вижу Мирею, и заключаю ее въ свои объятія. „О невѣрная и вѣчно любимая Мирея, сказалъ я: чего пришла ты искать въ сихъ мѣстахъ?“ — При сихъ словахъ она открыва­етъ прекрасные глаза свои и говоритъ: „могъ ли ты подозрѣвать меня? какъ могъ ты удалиться, не выслушавъ меня? Увы! въ тотъ день, когда жестокая мать изрекла мой приго­воръ, когда ты оставилъ наше селеніе, я искала тебя на мѣстѣ прежнихъ нашихъ свиданій, и нашла только — знаки твоего отчаянія. Я хотѣла предложить тебѣ бѣжать со мною, раздѣлять мою участь и жить только для любви. Ночью я возвратилась въ селеніе и приближилась къ своему жилищу. Отецъ твой сидѣлъ на по­рогѣ хижины и плакалъ; онъ звалъ любезнаго сына, и слезы его текли ручьями. Я удалась; долго искала тебя, и, не надѣясь нигдѣ най­ти, рѣшилась придти сюда и молить Нептуна, чтобы изцѣлялъ меня опъ любви моей.“

Надобно было чувствовать мои мученія, чтобы понять мое блаженство: оно продолжается и кончится — вмѣстѣ съ моею жизнью. Я не забылъ словъ старца и поклонялся Любови не вхо­дя въ храмъ Гименя.

Изъ Парки.

СТАНСЫ.

На морѣ жизни я безъ страха
Упорно правлю челнокомъ;
Въ неснать пѣнистая влага
Кипитъ и брызжеть подъ рулемъ.

*

Но долго ль путь мой будетъ мраченъ?
Съ грозою долго ли борьбы?
Иль жребій лучшей мнѣ назначенъ
На шайной харнии судьбы?..

*

Никто, никто не дастъ отвѣта!
Но вотъ звезда надъ челнокомъ!
Мнѣ яркій свѣтъ ея знакомъ;
Имъ грудь не разъ была согрѣта!—

*

Не гасни жъ дружины звезда
За испріязненною тучей,
И влаги бурной и гремучей
Не успрашусь я никогда.

А. Подольскій.

1827.

Н Ы Н Ъ Ш Н И Й С В Ъ Т Ъ.

(Въ Альбомѣ А. Е. Из — бу.)

- „Что дружба? ...“ — Слово безъ значеня.
- „Любовь? ...“ — Игра воображеня.
- „Женимба? ...“ — Выгоды расчетъ.
- „Замужство? ...“ — Тысяча хлопотъ.
- „Надежда? ...“ — Господь почини безмолвнѣй.
- „Point d' honneur? ...“ — Законъ условный.
- „Усердье? ...“ — Лестни онміамъ.
- „Почтенье? ...“ — Чувство къ богачамъ.
- „Любезность? ...“ — Ловкое кокетство.
- „Любовь къ роднымъ? ...“ — Видъ на наслѣдство.
- „Довѣрие? ...“ — Занять предлогъ.
- „А деньги? ...“ — Деньги? это Богъ!

Платонъ Волковъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

35. *Людмила*, Дрррамма въ прехъ отдѣленіяхъ.
Подражаніе Нѣмецкой: Лепоге, и составленная
изъ Баллады Г. Жуковскаго, съ сохраненіемъ
нѣкоторыхъ стиховъ его. С.П.Б., въ Типографіи
Плюшара, 1830. Въ 12 (100 стран.)

Вотъ участь жалкая изъ Драмъ!

Плохая самая удача:
Играють съ *горемъ* пополамъ (*),
И слышеть смѣхъ на мѣсто плача.
Одна-бъ хоть добрая душа
Рѣшилась за нее вступиться;
Всѣ говорятъ: не хороша!
Для чтеня даже негодился!
И можно молвить не грѣша:
(Ужъ такъ судьба опредѣлила:
Она сурова къ ней была!)
Она хоть именемъ *Людмила*,
Но *людми* вовсе не *мила*.
Коль книжку прочитаешь угодно,
Чтобъ позвать вамъ,—то Плюшаръ
Ее продасть довольно сходно:
За рубль шесть гривенъ экземпляръ.

(*) *Людмилу* играютъ при *половинѣ* комедіи: *Горь отъ ума*.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Изд. Меркурія, желая дать новую форму сей
Газетѣ, болѣе удобную для размѣщенія въ пей
статей, нашель себя въ необходимости пере-
мѣнить Типографію, въ которой-бы шрифтъ
пребывавшійся для сего нѣсколько меньше,
быль свободенъ; а какъ обспоятельность сіе бы-
ло сопряжено съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, ибо
почти всѣ въ Петербургѣ Типографіи заняты
работою, то выходъ листковъ сей Газеты въ
печеніе послѣднихъ десяти дней долженъ былъ
остановиться. Между тѣмъ, чпобъ Газета вы-
ходила въ назначенные дни, печатаніе Меркурія
въ новой Типографіи началось съ 85 No. Невы-
данные же *шесть* нумеровъ (79, 80, 81, 82, 83 и 84)
выйдутъ въ слѣдъ одинъ за другимъ въ теченіе
сего мѣсяца. О времени же ихъ выхода будетъ
особо извѣщено.

Выходишь по понедѣль-
никамъ, средама и пят-
ницама.

№ 86.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1850, 18 ІЮЛЯ, ПЯТНИЦА.

ПУТЕШЕСТВУЮЩІЙ ДОМЪ.

АНЕКДОТЪ.

(Изъ иностраннаго Журнала.)

Въ Анжуѣ, среди большой амен, примыкаю-
щей къ замку Шарнасе, стоялъ маленькой до-
микъ, окруженный садомъ. Шарнасе, желая ку-
пить сію хижину, чтобы уничтожить безобра-
зный видъ въ аменѣ, предлагалъ значительную
сумму владѣльцу оной, но сей послѣдній ни на
что не согласился. Будучи настойчиваго нрава,
Шарнасе, для достиженія своей цѣли, употребилъ
страшную хитрость, которая заставила смѣяль-
ся судей, самыхъ сердитыхъ. Однажды онъ позвалъ
къ себѣ хозяина домика, который былъ порп-
нымъ, и сказалъ ему: „мнѣ нужно имѣть какъ
можно скорѣе ливрен для всѣхъ моихъ людей:
возьмешься-ли ты, сосѣдъ, у меня въ домъ
сшить ихъ безъ остановки, не выходя изъ ко-
мнаты? разумеется, тебя будутъ хорошо кор-
мить; а по окончаніи работы“—прибавилъ онъ:
— „получишь за то щедрую плату. Согласенъ
ли?“ — Порпной не отказался. Онъ помѣстился
въ назначенной ему комнатѣ; началъ кроить,
рѣзать, обрѣзывать, шить, и даже не имѣлъ
охоты выпавить носа въ окно. Въ продолженіе
его работы, Шарнасе велѣлъ снять почный
плакъ съ хижины, сада, даже съ расположенія
мебели, посуды и прочей мелочи. Взявъ всѣ сіи

Томъ 2. No. 86.

предосторожности, онъ приказалъ разобрать
домъ и перенесъ его на четыре ружейныхъ
выспрыла отъ прежняго мѣста, разставилъ ме-
бель и посуду, все какъ было прежде, а землю,
гдѣ стояла хижина, велѣлъ сравнять и покрыть
дерномъ, такъ что не осталась ни одной черны
прежняго ея существованія. Всѣ сіи перемѣны
были такъ скоро исполнены, что кончились
прежде работы порпнаго. Наконецъ, когда всѣ
ливрен были сшиты, Шарнасе, щедро награ-
дивъ порпнаго, велѣлъ его накормить и въ 9
часовъ вечера отпустилъ хмельнаго домой.—Бѣ-
днякъ всю ночь проискалъ свою хижину, пола-
гая найти ее на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ,
и на разсвѣтѣ только замѣнилъ ее въ двухъ
сплахъ шагахъ отъ себя. Бывъ суевѣренъ, онъ
утвердился въ томъ мнѣніи, что самъ нечистый
духъ вмѣшался въ это дѣло, и не осмѣливалъ
войти въ домъ, полагая, что найдетъ шамъ все
собраніе домовыхъ. Узнавъ, наконецъ, отъ сосѣдей
своихъ истинную причину, онъ хотѣлъ жаловаться,
требовать правосудія отъ начальства,
даже отъ самаго Короля. . . . но судьи смѣя-
лись до слезъ! — Порпной, по мнѣнію ихъ, былъ
не правъ.

Н. Т—щ—въ.

ВЪ АЛЬБОМЪ N.

Давно знакомый Вамъ Поэтъ,
Могуль и я, пѣвцама во слѣдъ,
Въ вѣнокъ Вашъ вплестъ цвѣтны просыма?..

Въ Альбомѣ славныхъ сихъ именъ,
Гдѣ все Поэты вѣковые,
Могу ль опъ Марсовыхъ знаменъ
Я спастъ подъ знамя Аполлона? —
Нѣтъ! чуждѣ мнѣ пѣсней славныхъ даръ;
И у подножья Геликона
Горнишь во мнѣ военный жаръ!
Мои мечты, мои молитвы,
Воспоминанья о друзьяхъ
И о волшебныхъ сердца снахъ
Живы въ часы кровавой битвы.
Солдашъ душой и ремесломъ,
Какъ появлюсь я въ Вашъ Альбомъ?..
Но такъ и быть: какъ будто дома —
(Нельзя жъ солдату опстунатъ!)
Брожу я по листкамъ Альбома
И собираюсь писать.

Изъ края радостной весны,
Гдѣ такъ оправдѣтъ лучъ денницы,
Вы, возвращаясь подъ сѣнь сполиты,
Меня не встрѣтите. Войны
Поклонникъ жадный, Аполлона
И милыхъ Грацій позабывъ,
Я буду шамъ, близъ Геликона,
Внимать кровавыхъ битвъ призывъ.
Тамъ пролешаютъ навѣчно годы
Воспорговъ юныхъ, и мечты
При бурныхъ выюгахъ непогоды,
При видѣ чуждой красоты,
Подъ небомъ лоснымъ, а не мечальнымъ.
Простившись съ міромъ идеальнымъ,
Я возвращуся въ край родной
Сшарикъ и пѣломъ и душой.
И въ немъ неузнаанный, забытый,
Любви не встрѣчу нѣжныхъ словъ
И милыхъ сердцу прежнихъ сповъ.
Тяжелымъ жребіемъ убитый,
Явлюся къ вамъ, какъ прежде я,
И вы узнаете меня.
Вы сострадательнымъ привѣтомъ
Отраду подарите мнѣ,
И я, забытый скучнымъ свѣтомъ,
Свѣтъ позабуду въ пшеницѣ.

Карлеофи.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

36. *Карлъ Смѣлый или Анна Гейерштейнская, два трака.* Соч. Сира В. Скопта. Перевелъ съ Англійскаго С. де Шаплетъ. Пять частей. С. П. Б. 1830, въ Типографіи Штаба Опидѣльнаго Корпуса Внутренней Спражи. Въ 12. (въ 1-й ч. 232, во 2-й 227, въ 3-й 254, въ 4-й 272, въ 5-й 264 стран.) (*)

Бѣдный Вальперъ-Скоптъ!.. У насъ, на Руси, ему понесчазливилось! Во Франціи и Германіи, и особенно въ послѣдней, онъ имѣетъ переводчиковъ, людей свѣдущихъ, Литераторовъ; а у насъ прибрали его къ рукамъ почтенные книгопродавцы. Если-бъ не было ввоза въ Россію Французскихъ книгъ, то у насъ, по малому знанію и употребленію Нѣмецкаго языка, и по весьма малому числу знапковъ Англійскаго, очень немногіе знали-бы о существованіи этаго любимаго всей просвѣщенной Европы. И неудивительно. Упомянувъ о Коннетаблѣ Чесперскомъ и Кеншенъ Дюрвардѣ, хорошо переведенныхъ, и присоединивъ къ нимъ два, при (не обчесться-бы!) Романа В. Ск., переведенные посредственно, — о прочихъ Русскихъ переводахъ, не грѣша противу совѣсти, можно сказать, что ихъ взять въ руки совѣстно. Укажемъ, для примѣра, на Вудстока, поспрадавшаго опъ убійственнаго пера Г. Герасимова, и на мучительныя предложенія Г. Воскресенскаго. Довольно упомянуть о сихъ двухъ переводчикахъ, чтобы съ прискорбіемъ напомнить въ какомъ шуповскомъ нарядѣ у насъ щеголяеть В. Скоптъ. Главную причину этаго должно предполагать въ томъ, что у насъ многіе Литераторы, по какому-то странному, неумѣстному, непонятному самолюбию, спыдятся быть переводчиками. Трудно повѣрить, что инаго изъ нихъ можно обидѣть, если посвѣщавать ему

(*) Продается въ книжной лавкѣ М. Глаунова и у прочихъ книгопродавцевъ. Цѣна пяти частей съ порепромомъ, на любской бумагѣ 16, на веленовой 18 руб. за пересылку три рубля.

заявятся какимъ нибудь переводомъ; ибо почти все они, цѣня свое дарованіе слишкомъ высоко, смѣло полагаютъ войти въ храмъ безсмертія посредствомъ стиховъ, сочиняемыхъ ими болѣею частію для Альбомовъ уѣздныхъ барышентъ, или думаютъ создать себѣ имя въ попомствѣ нѣсколькими клочками рухлой прозы. Почти все они убѣждены въ томъ, что рѣшительно не надобно имѣть никакихъ способностей, чтобы перевести хорошо Романъ; и что подобный трудъ слишкомъ ничтоженъ для человека съ большимъ дарованіемъ (которое каждый изъ нихъ полагаетъ въ себѣ). Думая, что они въ состояніи создавать оригинальныя вещи, многіе изъ нихъ часто весьма удачно достигаютъ своей цѣли, т. е. творятъ оригинальныя глупости.

Между тѣмъ такое бездѣйствіе нашихъ Литераторовъ, происходящее, справедливѣе сказать, отъ недоспающаго терпѣнія въ болѣею ширѣ, отъ неправильнаго понятія, которое они имѣютъ объ истинной пользѣ Словесности, и отъ ребяческаго желанія чаще видѣть печатное свое имячко подъ каждою ничтожною мѣлочью, — доставило нацимъ книгопродавцамъ обильныя средства къ удачному соображенію обстоятельствъ, относящихся къ общественной ихъ пользѣ. Есть люди, рѣшившіеся списывать себѣ пропитаніе несвойственными для нихъ трудами: ихъ-то сдѣлали книгопродавцы дѣятельными посредниками между собою и читающею публикою. Можно-ли, напримѣръ, ожидать чего добраго отъ человека, обзавшагося за какіе нибудь 20 рублей (а иногда и менѣе) поставивъ печатный листъ?.. Для книгопродавца-же тотъ переводъ и лучше, который сходнѣе: нѣтъ пужды, что надъ нимъ трудился человекъ, невѣдающій ни Французскаго, ни Русскаго языка. Переводъ пріобрѣтенъ за бездѣлицу; напечатанъ, какъ возможно хуже. Что за дѣло! Знаменитое имя Автора на заглавномъ листкѣ

все выручаетъ! — Московскія и Петербургскія Ведомости переплывы: они провозглашаютъ о поступившемъ на сихъ дняхъ въ продажу передъ новаго Романа В. Скопца; сподько-то частей и сподько-то рублей. Смѣшливый сочинитель публикаціи напишетъ заглавіе крупными буквами, не забудетъ примодвить словечка два о Европейской извѣстности Автора, и — *finis!* Добросовѣстные Журналисты пропеютъ новому переводу вѣчную память, думая похоронить его заживо; а недобросовѣстные (не рѣдко случается!) покривятъ душою — и похвалятъ, изъ неспросительнаго угожденія къ корыстолюбивымъ видамъ издавателей, съ которыми имѣютъ коммерческія сдѣлки. Переводъ-же между тѣмъ блаженно здравствуетъ подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ смысленныхъ букинистовъ, рачительно наблюдающихъ за его здоровьемъ, и удачно сбывающихъ съ рукъ все залежалое, до негодное, по части книжной промышленности. Кстапи о букинистахъ! Читая книжцыя публикаціи, помѣщаемыя въ Ведомостяхъ, часто довольно сожалѣешь о любителяхъ шпенія, находящихся въ провинціяхъ, и принимаешь участіе въ этомъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ находилась они при выпискѣ книгъ изъ столицъ по упомянутымъ публикаціямъ. Возьмемъ въ образецъ именно переводы Романовъ Вальтера-Скопца, которые подали намъ поводъ коснуться сего предмета. Известно, что они, особенно въ провинціяхъ, расходящая успанине пронихъ книгъ. Цѣны имѣ, смотря по количеству частей, публикующая въ Ведомостяхъ по 20, 15 и 10 рублей. Теперь вопросъ: многіе-ли изъ иногородныхъ особъ, выписывающихъ книги, знаютъ, что цѣны сіи назначаются впрое и вчетверо выше тѣхъ, по которымъ онѣ продаются; а если кто и знаетъ, что какъ удобно торговаться посредствомъ письменныхъ сношеній? Не должно-ли сожалѣть, если они вынуждены выписы-

вашь книги по публикуемымъ цѣнамъ, между тѣмъ, какъ, напримеръ, Романы В. Скопша продаются у букинистовъ по 1 р. 20 к., по 1 р., за каждую часть, а нѣкоторые Романы и дешевле.

Изложивъ главнѣйшія причины, по коимъ мы не имѣемъ хорошихъ переводовъ сочиненій знаменитаго Британца, къ спѣху нашей Словесности должно признаться, что возвѣщаемый нынѣ нами переводъ одного изъ лучшихъ его Романовъ есть только *второй* переводъ изъ всѣхъ прочихъ съ Англійскаго. Не даромъ прозванъ Вальперъ-Скопшъ оранцузеннымъ въ Россіи! — Отечественная читающая публика должна считать себя обязанною многимъ Переводчику Карла Смѣлаго: онъ хорошо передалъ намъ лучшія произведенія Жуи, Путешествіе по Турціи Вальша, и нѣкоторые другія сочиненія. Имъ же переведенъ и Вудспокъ, Романъ Вал. Скопша; жаль только, что не съ Англійскаго.

Извлекаемъ содержаніе новаго Романа: Сочинитель, въ началѣ, представляетъ величественныя картины Альпійскихъ горъ, описывал ихъ съ тѣмъ вдохновеніемъ, которому мы удивляемся въ его изображеніяхъ Шотландіи. Для разнѣпѣннѣйшей противоположности нѣкоторая часть дѣйствія происходитъ въ Провансъ, и Вал. Ск. изобразилъ спрану Трубадуровъ съ талантомъ великаго Поэта. Вал. Скопшъ, подобно Шекспиру, не имѣетъ героя въ своихъ сочиненіяхъ: это же можно сказать и о семъ его произведеніи. Карлъ Смѣлый обращаетъ на себя главное вниманіе, хотя онъ является уже въ послѣднихъ помахъ. Эпопъ Романъ заключаетъ въ себѣ удивительное разнообразіе картинъ, сцѣнъ, и дѣйствующихъ лицъ; участіе безпрестанно переходитъ отъ одного предмета къ другому, ни-

сколько однакожъ чрезъ то не ослабляясь. Испорія и чудесное, попеременно привлекаютъ къ себѣ вниманіе; ужасы народного мятежа слѣдуютъ за описаніемъ Альпійскаго ландшафта; сраженіе смѣняется описаніемъ бала, и п. п. Въ прилпной Сочинителемъ обширной рамѣ видишь каждаго изображеннымъ въ своемъ оригинальномъ видѣ: Швейцарца XV столѣтія; феодальнаго вельможу и его клевреповъ; монаха, представителя знаменитаго Феме или Тайнаго Судилища; гражданъ вольныхъ городовъ; рыцарей; Трубадуровъ; Принца; Короля; словомъ сказать, цѣлую картину среднихъ вѣковъ.

О достоинствѣ перевода не распространяемся: труды Г. де Шаппета, по прежнимъ его переводамъ, извѣстны публикѣ съ похвальной стороны. — Изданіе Романа красиво. Къ 1-й части приложенъ портретъ Вальперъ-Скопша, хорошо нарисованный и выгравированный.

К. Н. Т — ой.

L O G O G R I P H E.

J'ai quatre pieds, c'est l'inconstance
Qui fait tout mon pouvoir en France;
En mettant ma tête à l'écart,
Je tiens du génie et de l'art.
Puis arrangeant à ma manière
Mes quatre pauvres prisonniers,
De l'asyle des vieux guerriers
J'en forme l'abri tutélaire;
Un pronom peut encor se faire;
Me nommer n'est pas nécessaire.

СВѢРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамаъ и пят-
ницамаъ.

№ 87.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 21 ІЮЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ ЕЕ?

(Изъ Petit Courrier des Dames.)

Потому, что я зналъ ее ребенкомъ, когда подру-
тилъ ея, равныхъ лѣтъ съ нею, весело бѣгали и играли;
она же не принимала участія въ ихъ забавахъ.

Взоръ ея не выражалъ дѣтской веселой беспеч-
ности. Это былъ идеалъ крохотки, свойствен-
ной однимъ только ангеламъ.

Приятный ея голосъ проникалъ въ душу, какъ
проникаетъ вечерній зефиръ въ листья деревьевъ;
она оживляла сердца, какъ оживляетъ утренняя
роса поблекшую траву.

Когда бывало скажешь мнѣ — ребенку, по-
шли равныхъ съ нею лѣтъ, какое нибудь при-
вѣщаніе, — тогда я былъ счастливъ на цѣлый
день; ибо я уже любилъ ее!

Любить ее — мнѣ было такъ свойственно!
Мы оба жаждали впечатлѣній, даже иногда и
грустныхъ.

Тишина ночи, пѣніе соловья, звукъ свирѣли,
очаровывали ее. Мы слушали ихъ съ непредѣ-
леннымъ чувствомъ, и прекрасные глаза ея напол-
нились слезами; — они по медленно текли, по
внезапно прекращались. . . . . Со мною происхо-
дило тоже.

Настало время — и ей исполнилось 15 лѣтъ.
Это возрастъ желаній, разсѣянности, баловъ,
кокетства; — но ея желанія оставались прежними.

Сидѣвшая какою-то грустною, она казалась
еще болѣе разсѣянною; и крохотность ея стано-
вилась выразительнѣе.

Томъ 2. No. 87.

Изрѣдка появлялась она въ свѣтъ, и я за нею.
Въ толпѣ молодыхъ дѣвицъ, прекрасныхъ и
веселыхъ, я видалъ ее блѣдною, по очарователь-
ною въ самой печали. Иногда она улыбалась,
смотря на забавы своихъ подругъ.

О! какъ я ее за то и люблю!.. Васъ это
удивляетъ? . . .

Такъ ужели вы не пробѣняете всѣ розы въ свѣтъ
на василекъ, поблекшій опъ полуденныхъ жаровъ?

Ужели вы не предпочтете вечернюю зарю —
знойному солнцу?

И такъ, вамъ болѣе нравится блескъ
люстры въ позлащенныхъ залахъ, чѣмъ гаснущая
и едва проливающая слабый свѣтъ лампада въ
вашей комнатѣ? . . .

Вотъ опъ чего вы не можете разгадать при-
чины: *почему я люблю ее!* —

Н. Кр — въ.

ВЪ АЛЬБОМЪ К. П. Х.

Хотя писатель я для дамъ,
Хоть много я писалъ въ Альбомы,
Не знаю написать что Вамъ:
Вѣдь мы другъ съ другомъ незнакомы.
О чемъ бы мнѣ въ стихахъ сказать
Разумной скромницѣ дѣвицъ,
Первойшей въ Туль мастерицъ
Различнымъ бисеромъ шить?
Не только въ осень, — и въ морозы
Подъ Вашей хитрою рукой
Родятся васильки и розы,
Тюльпанъ, и астра, и левкой;
Опъ жара, времени не вянущъ —
Поможки имъ двинуться станутъ.
Волшебная у Васъ игла!
Хвала искусницѣ, хвала!

Зачѣмъ, какъ Вы игрой своею,
Зачѣмъ л кистью не владыо?
Я брата Вашего портретъ
Нарисовать-бы Вамъ въ Альбомчикъ. —

Не живописецъ я — Поэтъ.
А впрочемъ вѣдь и мы Поэты
Рисуемъ иногда портреты
Безъ красокъ, съ помощію словъ
Созвучныхъ, имено: стиховъ.

Б. . . . . П. . . . . добрый малой,
Какъ красна двница смирентъ;
Нѣтъ вытренности въ пемъ удалой —
Оль въжливъ, скромецъ, хопъ уменъ.
Не зараженъ оль атеизмомъ,
Ни пагубнымъ либерализмомъ,
Царей не судить и святыхъ,
Но почитаеиъ много ихъ.
Онъ сердцемъ добръ и даже пѣженъ,
А къ должности весьма прѣлженъ:
Надъ счетами весь день сидишь
И четверти не прогладитъ.
Пойдетъ по службѣ онъ далеко,
Но не подниметъ пось высоко:
Б. . . . . П. . . . . не шаковъ —
Изъ добрыхъ, умныхъ моряковъ.
Въ одномъ его лишь обвиняютъ,
Что правомъ онъ хопя и пихъ,
Но будто споритъ очень ляхъ:
Смолого даже называютъ.
Добро бы это опъ чужихъ,
А по вѣдь опъ кузитъ своихъ.
За чпожь зовуиъ его *смолого*? —
За правду онъ споитъ горою;
Гдѣ должно, смѣло говоритъ,
Для угожденья не молчитъ.
Хвала тебѣ, о мужъ ислѣствивый!
Ты не лукаишь, какъ Пизанъ!
Нѣтъ, право молодецъ Вашъ братъ.
Борисъ Хр. . . . . правдолюбивый.

А. Изм.

С М Ъ С Ъ.

Смотръ Журналамъ.

Какая-то миленькая провинціалочка, находясь
пыиъ въ Пепербургѣ, печатаетъ въ Свѣ. Пчелъ
письма къ своей подругѣ, живущей въ губерн-
скомъ городѣ. Эти письма мнѣ чрезвычайно
правятся, и я заочно опъ всей души полюбила
ихъ сочинительницу. Какая она должна быть
милочка!.. Въ прешемъ письмѣ (см. 80-й

№. Свѣ. Пч.), упоминая о Французскомъ Театрѣ,
она говоритъ слѣдующее: „Ахъ! милая, что я
„должна иногда слышатъ во Французскомъ Теат-
„рѣ! Красиво, горю, не знаю, куда дваться,
„а другія дамы *сидятъ преспокойно, и какъ буд-*
„*то не слышатъ.* Я не понимаю, смѣшны-ли эти
„экивоки, забавны-ли, полько они возмущаютъ
„мою душу. . . . Спросить ни у кого не смѣю, по
„слышу, что говорятъ, будто Французской языкъ
„все перепитъ, и что по-Русски было-бы гнусно и
„несперпно, то по-Французски забавно и прѣ-
„пно. Чудеса! — Должна я молчатъ и слушать,
„глядя на другихъ!“ — Вотъ провинціализмъ! Что
на сердцѣ, то и на языкѣ, и даже на перѣ!..
Только вопъ въ чемъ кажется мнѣ несообраз-
ность въ ея словахъ: если она *не понимаетъ* шѣхъ
экивоковъ, которые слышитъ во Французскомъ
Театрѣ, то стало бытъ она не совсѣмъ хоро-
шо разуметъ по-Французски, ибо весьма много
изъ нихъ даже и *недеусмысленны*. Впрочемъ,
если она ихъ не понимаетъ, то опъ чего-же
они возмущаютъ ей душу? Опъ чего она крас-
нѣетъ, горитъ? Приниворяется плутовочка: это
ужь не то на перѣ, что на сердцѣ; но за всѣмъ
шѣмъ видно, что она должна бытъ существо
самое невинное; ибо, понимая Французскіе экивоки,
не сидитъ преспокойно, какъ прочія, и не пока-
зываетъ, *будто ихъ не слышитъ*. Вотъ наши
споличныя почно ничѣго не разумютъ: иная
двушка лѣтъ 35, а настояцій ребенокъ! Я очень
часто дѣлаю наблюдения за ними, но не смѣю ни
въ чемъ ихъ упрекнуть: такъ благочестія полны
(изъясняюсь стихомъ Пушкина, ихъ любимца),
какъ нельзя болѣе. Во многихъ Французскихъ
пѣсахъ помня твердо всѣ нескромныя мѣста, я
никогда не пропускаю ихъ даромъ мимо ушей, и
всегда пользуюсь случаемъ, чпобъ наблюдать въ
это время за физиогноміею нашихъ красавицъ.
Только доходишь время до экивоковъ, я сей часъ
навожу лорнетъ на ближній ко мнѣ ложъ. Нѣ-

которыя старушки и дамы улыбулися; пѣкопорья, какъ-бы съ негодованіемъ, отвернулася; а дѣвицы . . . ни, ни! Такъ приваровлять искусно, что не глядѣть даже на сцену, показывая, будто не занимаютъ на этотъ разъ спектаклемъ, и какъ-бы онъ былъ не Французскій, а Китайскій. У нихъ въ это время пресерьезныя личики: невольно подумашь, что эти экивоки обращаютъ ихъ къ мыслямъ о спасеніи души своей. Но возвращусь къ милой провинціалкѣ. Я сердечное принимаю въ ней участіе, и искренно совѣщала-бы любезному ея папѣ не возить ее во Французскіе спектакли (развѣ по строгому выбору) и увезти ее скорѣе въ свою губернію; а то она скоро образуется по столичному: послушается Французскихъ экивоковъ, напишется стиховъ А. С. Пушкина, знаменитаго Пѣвца Графа Нулина, — и тогда . . . мало-ли что, можетъ случиться? Избави, Боже! — *(Сообщено отъ Мае. Вл. Толской.)*

— Недавно на одномъ изъ Парижскихъ Театровъ давали спектакль въ пользу бѣдныхъ. Нѣкто изъ Русскихъ, находящихся въ Парижѣ, прислалъ за свой билетъ *два тысячи* франковъ. По этому челолюбивому поступку намъ пріятно узнать своего соотечественника; но Французскій Журналъ, изъ котораго мы заимствуемъ сіе извѣстіе, добавляетъ, къ сожалѣнію нашему, къ сему обстоятельству слѣдующее: присланный за билетомъ объявилъ, чпобы въ случаѣ, если кто пожертвуетъ за свой билетъ больше, дать знать его господину; тогда онъ остальное добавитъ. Теперь мы готовы не вѣрить Французскому Журналу и въ состояніи отказать отъ своего сообщича. И такъ щедрость сего послѣднлаго должна вмѣниться ему не въ достоинство, но въ порокъ: не челолюбіе, а пустое тщеславіе руководило его въ этомъ случаѣ. Жаль, что Дирекція Парижскаго Театра не проучила

глупое хвастовство сего господина, и не уведомила его, что какой нибудь Французъ богатъ далъ за свой билетъ — сто тысячъ франковъ! . . . Пусть-бы онъ добавилъ! . . . Жаль, что Французскій Журналъ скрылъ его имя: не сынокъ-ли это какой нибудь офрануженной Русской Барыни, находящейся въ Парижѣ для образованія своего ума и сердца, готовящейся привести со временемъ своею службою пользу Государю и Отечеству, и пріобрѣтающей тамъ необходимыя для сего свѣдѣнія? . . . Впрочемъ, лучше изъ хвастовства помочь бѣднымъ двумя тысячами франковъ, нежели отъ добраго сердца дать Штабъ-Офицерской вдовѣ съ чепырьми малолѣпными дѣтьми — *пятъ* рублей, и въ тоже время (неужели изъ хвастовства?) употребить нѣсколько тысячъ рублей на покупку брилліантовъ для какой нибудь обвѣщаной танцовщицы, на заведеніе ей экипажа и обмеліровку ея квартиры? . . .

— Въ 6-й книжкѣ Опечесствъ. Зап., подъ рубрикою умористики (т. е. юмористики), мы нашли довольно занимательную статью подъ названіемъ: *Катонъ XIX вѣка*. Въ ней содержаніе. Трудовъ, образованный и благородно-мыслящій чиновникъ, обнадеженный Начальствомъ, что онъ за свою усердную службу представленъ къ награждѣ, состоящей изъ 500 или 600 рублей, и надѣясь получить оную въ скоромъ времени, приготовилъ записку къ своей невѣстѣ, въ которой проситъ ее о принятіи отъ него ожидаемой имъ награды; ибо эта сумма, не смотря на ея незначительность, можетъ покрыть маленькой долгъ, который беспокоитъ ся семейство. При выходѣ изъ своего Департамента, Трудовъ въ разсѣянности не спряталъ этой записки. Она найдена дежурнымъ, неопесаннымъ (какъ говоритъ Авперъ стапыи) Канцеляршомъ Пропочинымъ, и доставлена Экзекутору. Сей послѣдній, желая обратиться въ дурную сто-

рону благородное памѣреніе Трудова, вручаетъ записку Директору, и убѣждаетъ его въ помѣ мнѣніи, что записка писана не къ невѣстѣ Трудова, а къ какой нибудь развратной жещинѣ. Директоръ, Капонъ XIX вѣка, которому вакансія помощника столоначальника, занимаемая Трудовымъ, нужна была для своего племянника, Крахмалина, кандидата Камеръ-Юнкерства, всегда разгуливающего въ Департаментѣ съ лорнетомъ въ одной рукѣ, съ Furetъ въ другой, — приказываетъ исключить Трудова изъ списка чиновниковъ, представленныхъ къ наградамъ. Трудовъ, освѣдомившись о семъ, идетъ объясниться съ Директоромъ. Его Превосходительство представляетъ ему *уважительныя причины*, по которымъ онъ лишенъ награды. Эти уважительныя причины состояли въ лоскуткѣ вишешной бумаги, доставленномъ Экзекуторомъ, и на которомъ Трудовъ написалъ записку къ своей невѣстѣ. Трудовъ увѣряетъ Его Пр—ство, что онъ получилъ превратное понятіе о несчастной, девишней дѣвухкѣ . . . „Несчастливая, невинная“ — прерываетъ Его Пр—ство: „какія выраженія! Какъ будно изъ печатнаго! Ахъ, Г. Трудовъ! въ „ваши лѣта всякая жещина кажется ангеломъ; „вамъ еще не знакомъ обманъ; и я былъ-молоды; „но всегда ненавидѣлъ развратъ. Какая нибудь „презрѣнная, *равно встѣмъ общая, какъ чара кру-* „говая, (какъ говоритъ Пушкинъ) никогда не „могла обворожить меня. Исправьтесь: забудь- „те эту презрѣнную пиварь . . .“ Трудовъ перелетъ перичиіе; и тупъ-же, подавая просьбу въ отставку, говоритъ: „я болѣе не вамъ подчиненный; я не могу служить подъ вашимъ начальствомъ.“ — „А я, воскликнулъ Капонъ: очень радъ не имѣть такихъ развратныхъ молодыхъ людей. Вы свободны; а мѣсто ваше при-

надлежитъ *доброму, честному* — Крахмалину. Трудовъ былъ уволенъ; но вскорѣ, по ходатайству одного Вельможи, нашелъ прекрасное мѣсто въ другомъ Министертвѣ, женился на молодой своей Анепъ — и блаженствуетъ. Однажды онъ въ Театрѣ сидитъ съ своею женою въ ложѣ, во вшоромъ ярусѣ, и восхищаясь игрою Каратыгина, видитъ сидящаго въ низу, въ ложѣ, подъ лютерою А., блестящей зеркалами, знакомаго пожилаго челоуѣка съ сіяющею звѣздою на пепиметрскомъ фракѣ, увивающагося около прелестной жещины, одежда и обращеніе коей невольно завѣряли въ томъ, что она первоклассная жрица Венеры. Такъ точно: это была знаменитая Н., которая принадлежала сердцемъ миловидному Крахмалину, но продана симъ послѣднимъ своему дядѣ за шпашное мѣсто спаршаго помощника столоначальника! Въ соседней ложѣ сидѣли двѣ дѣвицы, около которыхъ вертѣлся рой фрачныхъ и мундирныхъ францовъ, ловящихъ легкую побѣду. Ктожь были эти жалкія жертвы? . . Дочери нашего Капона, коего правца столь строги, что онъ опинимаетъ награду у трудолюбиваго чиновника и изгоняетъ его изъ службы, за то, что онъ осмѣлился написать записку къ обожаемей имъ честной дѣвухкѣ! — Мы усердно повторимъ восклицаніе Сочинителя этой сцены: *ainsi va le monde!* . .

Логогрифъ, помѣщенный въ прошедшемъ №, значить: *mode, ode и dôme.*

С H A R A D E.

Mon premier est le bruit d'un arbre fracassé;
Voyelle est mon second; vous avez mon troisième;
Nos ayeux l'ont perdu, vous le perdrez de même;
En Pologne, lecteur, mon entier est placé.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 88.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 57 рублей.

1830, 23 ІЮЛЯ, СРЕДА.

О ВЫГОДАХЪ

ИМѢТЬ ЛѢНИВАГО ЛЮБОВНИКА.

Съ созданія міра, съ тѣхъ поръ, какъ, муж-
чины вздумали любить женщинъ, а женщины
мужчинъ, они взаимно ищутъ средствъ бытъ
счастливыми, и до сихъ поръ тайна сія еще
не была разгадана.

Какой мужчина не создавалъ образа любезной,
которую-бы онъ обожалъ, если-бъ она соединила
въ себѣ тѣ прелести, которыя рисовало ему
воображеніе? Какая изъ женщинъ не избирала въ
Ромашъ какого либо героя за образецъ любви-
ва, которымъ желала-бы она обладать(*)?.. Какая
изъ нихъ не думала о качествахъ, которыхъ
должно было-бы желать въ любовникѣ?..

Иная желала-бы видѣть въ любовникѣ своемъ
еще большую страсть, страсть въ полномъ смыслѣ
слова, съ ея принадлежностями, ревностію и
деспотизмомъ; страсть сія содѣлала-бы ее не-
счастливою, но удовольствовала-бы ея тщеславію:
ибо въ этомъ случаѣ ей можно было-бы мечтать,
что она есть единственный предметъ неограни-
ченной любви.

Другая желала-бы имѣть нѣжнаго и чувстви-
тельнаго любовника, чтобы наслаждаться съ
нимъ мечтательными любви метафизической, счи-

(*) Малкадель былъ некогда симъ образцемъ для пи-
сателей. *Прим. Набожника.*

талъ, что самая упоенная страсть есть та,
которою мы бываемъ болѣе ослѣплены.

А та, которая будетъ имѣть болѣе самолю-
бія, нежели разсудка, болѣе желанія властвовать,
нежели необходимости любить, — пожелаесть лю-
бовнику своему душу робкую, покорную, чтобы
упердись надъ нимъ свое владычество, чтобы
пробывать опъ него пожертвованій, которыхъ,
въ продолженіе времени, содѣлаютъ ему неспо-
сными его оковы. — Всѣ эти желанія безумны!..

И такъ, чего-жъ желать для счастья, воскли-
кнуть женщины, когда ни чрезмерная страсть,
ни слѣпая покорность, не суть качества необхо-
димыя въ любовникѣ? — Чего желать? — *Ль-
ниваго любовника*: да, лѣниваго любовника! Удоб-
но, чтобы лѣнь, которую, неизвѣстно почему,
обращаютъ въ порокъ, (впрочемъ въ свѣтъ вооб-
ще существующую превратную мнѣнію о вещахъ)
была-бы главнымъ въ немъ свойствомъ: ибо онъ,
бывъ лѣнивымъ, не допуститъ овладѣть собою
ни тщеславію, ни любви къ наукамъ, ни склон-
ности къ удовольствіямъ жизни; желанія его,
какого-бы рода они ни были, спадаютъ исчезающе
при малѣйшемъ препятствіи; сначала онъ, нѣ-
нясь всѣми любезными женщинами, будетъ на-
ходить ихъ достойными своего уваженія, но
потомъ скоро увидитъ, что болѣе трудности,
нежели удовольствія, обладаеши имъ. Вотъ чело-
вѣкъ, котораго должно любить, которымъ долж-
но быть любимой!

Но, скажутъ женщины, чтобы понравиться столь лънивому существову, ужели должно самой навязываться ему? ибо самая-же лънь преодолѣтъ затрудненія, воспламеняющія другихъ мужчинъ, послужитъ къ его удаленію отъ той женщины, которая вздумала-бы приобрести его для себя.

Согласна, что трудно сыскать въ семь случаевъ средина; но какъ не должно смѣшивать лънь съ равнодушіемъ, по это уже въ обязанностяхъ женщинъ не ошибиться въ признакахъ, которые бываютъ иногда одни и тѣже. — И такъ цѣль моя не есть давать имъ совѣты, но только сообщить мое открытіе, чтобы научить ихъ бытъ счастливыми въ такомъ обстоятельстве жизни, въ которомъ рѣдко намъ удастся быть благополучными.

Я уже сказала, что лъливый человекъ, по мнѣнію моему, есть превосходнѣйшій любовникъ. Въ этомъ порокъ или достоинствѣ (что нужды до названія!) я ручаюсь почти за всѣхъ мужчинъ. Я люблю самаго любезнаго лънивца, какой только существуетъ въ свѣтѣ: лънь его вредитъ болящей части его собственныя выгоды и служитъ только къ моему удовольствію; онъ проводитъ жизнь свою въ пожертвованіяхъ для меня, которыхъ я не требую, и за которые чувствительно ему благодарна. Не должна-ли я ему быть признательна, когда напримѣръ, проводитъ онъ у меня нѣсколько часовъ, вмѣсто того, чтобы, оставшись дома, углубиться въ мечтанія, или заниматься сладостнымъ *far niente* Испальянцевъ? Я уверена, что онъ, расположившись у меня, забудется, не потому, чтобы я любезностию моею ускорила полетъ времени, но отъ того, что ему нужно будетъ переменить мѣсто, чтобы отыскать другое, болѣе пріятное; или не отъ того, дабы я льстила, что любима имъ до такой степени, что ему пріятно быть со мною, нежели съ другою; нѣтъ, но потому что лънь удерживаетъ его тамъ, куда привле-

къ удовольствію. Замѣтите между прочимъ, что для меня лънь въ моемъ любовномъ неодолимѣ ума, какимъ онъ обладаетъ: ибо умъ, по моему мнѣнію, доставляетъ счастье очень рѣдко, а скуку часто навлекаетъ. Но возвратимся къ другимъ совершенствамъ моего лънивца.

Онъ можетъ иногда быть невѣрнымъ, но никогда не можетъ быть непостояннымъ. Никогда не должно опасаться измѣны рѣшительной съ его стороны: если-бы онъ и встрѣтилъ женщину, болѣе ему нравящуюся, то малѣйшаго затрудненія для достиженія новаго предмета желаній своихъ, побудитъ его возвратиться къ прежней любви, которой главное достоинство состоитъ въ томъ, что она не пребудетъ уже болѣе новыхъ хлопотъ.

Доказавъ совершенно пользу лъни для любви, осмѣется сказать, какимъ образомъ должно поступать, чтобы болѣе нравиться лънивцу. И это совершенная бездѣлица: нѣжность безъ страсти, ибо это есть масштабъ его склонности; веселость безъ въпренности, ибо онъ пребудетъ утѣшенія; ловкость безъ прихворства, ибо необходимо напоминать ему иногда такія вещи, о коихъ онъ и не подумаетъ, если не принять труда показать ему важность оныхъ.

О ты, котораго я люблю такимъ, каковы ты есть: сохрани навсегда эту драгоценную лънь, которая составляетъ прелесть моей жизни! Безъ нее я спрашивалась-бы ежеминутно лишиться тебя. Это моя эгида, при которой я спокойно наслаждаюсь своимъ счастьемъ..... (*)

Эрнестина Л.....

Съ Фран. Э.

(*) И такъ, по мнѣнію Г-жи Эрнестины Л....., почти всѣ спихотворцы могутъ быть хорошими любовниками, ибо они вообще лъливы. Слышите ли, милостивыя государыни? .. *Прич. Коррек.*

Н И Щ А Я:

„Мой сыгъ! мой сыгъ! пройись мольбою,
„Умилосердись надо мною;
„Не опскажи подь кровь пришить
„Свою опчальную мать.

„Я не могу отъ изнуренья
„Дойти до ближняго селенья;
„На мнѣ часъ рубища одна;
„Мнѣ холодно; я голодна.

„Припомни, я съ тобой, бывало,
„Насущный хлѣбъ мой раздѣляла?
„Услышь ты у своихъ дверей
„Спогъ нищей матери пвоей.

„Ужели щещно я тоскую?
„Ужели мать свою родную,
„— Въ углу, — въ прищворѣ, — гдѣ нибудь, —
„Ты не допустишь опдохнуть?

„Мой вопль перяется напрасно:
„Не дашь ты матери несчастной
„Подъ кровомъ пышнаго дворца
„Холодный сыгъ спереть съ лица!

„Меня-бы слезы облегчили,
„Онъ-бы мнѣ опрадой были.....
„Но слезъ не нахожу въ себѣ:
„Всѣ выплакала по тебѣ.

„Мой сыгъ! какъ нищую просую,
„Прими ты мать свою родную:
„Я не скажу, я ушаю,
„Съ тобою, сыгъ мой, связь мою.

„Кто ластится ко мнѣ такъ нѣжно?
„Ахъ! эпо ты мой другъ надежный,
„Мой вврпый песъ!... Но прочь! но прочь!
„Умру я въ пыщную ночь.

„Спши, мой сыгъ! спши, мой мялый!
„Доколь храню остатокъ силы,
„Еще могу псебя проспитъ;
„Еще могу псебя любить!

Но, Боже!... вьюгой снговой
„Одыша я, какъ песною!....
„Мой сыгъ!... Мой сыгъ!... — И смолкло все!...

Есть замокъ, — шамъ, — за Репномъ, — далеко;
Онъ опустилъ, перивинкомъ поростъ,
И въ цемъ, въ часы полуночи глубокой,
Зимой, когда мясль, и вьюга, и морозъ,
Печальный спогъ по сводамъ раздается,
И вторился вдоль преснувшей сптны;
Вщпръ зашумишь, мясль грозите вьется.....
Тогъ спогъ — какъ будто спогъ опчальной жены.

И пушникъ замка обьгаешъ,
Поспшишь, равняясь съ нимъ, идетъ,
Несчастной матери спраданья вспоминаешъ,
И пмилшь сына онъ жестокаго клянешъ.

П. Волковъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

37. *Наука о стихотворствѣ*, Боало. Переводъ спсихами Графа Хвостова. Изданіе четвертое. С. П. бургъ, въ Типографіи Плюшара, 1830. Въ 4 (Съ подлинникомъ и примъчаніями Переводчика 140 стран.)

Великолѣпное изданіе!.. Величественный форматъ in quarto напоминаешъ, какимъ образомъ печатаются произведенія знаменитыхъ Писателей; бумага веленева, ровная, чистая; шрифтъ опимъно красивъ и ясенъ; названія главъ (въ подлинникѣ) напечатаны готическими буквами; словомъ сказать, у насъ мало книгъ, которыя были-бы изданы такимъ великолѣпнымъ образомъ. Честь и хвала почтенному Переводчику!.. Слава Типографіи Плюшара! —

Оспнается сказать о переводѣ: по какъ мы не имѣемъ правиломъ излагать мнѣній своихъ о книгахъ, которыхъ не читаемъ, почему и удерживаемся на сей разъ отъ всякаго критическаго сужденія о трудѣ Графа Дмитрія Ивановича; а предославляемъ себѣ исполнить эшу обязанность на будущее время. Мы теперъ занялись чтеніемъ славнаго сего произведенія, и, по прочтеніи онаго, немедленно представимъ своимъ читателямъ отчетъ въ литературномъ достоинствѣ перевода Его Сіяшельства. Между шмъ

извѣщаемъ, что на обверткѣ сей книги объявлено, что ее получать можно въ книжныхъ лавкахъ Смирдина, Сленниа и Плюшара, въ Москвѣ у Ширлева и у другихъ книгопродавцевъ. Цѣна экземпляру, въ отношеніи къ великолѣпно изданію, самая дешевая: 5 рублей.

С М Ъ С Б.

— Въ Римѣ, въ Маѣ мѣсяцѣ, отправлялись праздники почнымъ привидѣніямъ, Лемуриями называвшіеся. Тогда запирались все храмы, и все свашьбы того времени почитались несчастливыми, отъ чего произошла пословица: въ Маѣ мѣсяцѣ худо женишься. Г. Руссовъ, основываясь на Овидіи, выводитъ изъ сего заключеніе (въ 5-й кн. Отеч. Зап.), что въ Россіи многіе до сего времени, придерживаясь этому правилу, говорятъ: не должно въ Маѣ женишься, чтобы не маяться въкъ свой. Сообщается для свѣдѣнія холостыхъ людей.

— Нѣкоторые Журналы предваряютъ, что въ непродолжительномъ времени выйдетъ новое сочиненіе Вальтера-Скотта подъ названіемъ: *Исторія Демнологіи и чародѣйства*. Авторъ, какъ извѣстно, давно уже собиралъ для сего матеріалы. Все съ особеннымъ любопытствомъ ожидаютъ появленія этой книги, которая, какъ полагаютъ, будетъ однимъ изъ примѣчательныхъ сочиненій В. Скотта.

— На сихъ дняхъ пойманъ здѣсь воръ, въ фуражкѣ котораго нашли украденныя имъ деньги. Замѣчательно, что на тульѣ его фуражки (какъ обыкновенно у многихъ бываетъ) было написано: *помни восьмую заповѣдь, т. е. не укради*.

М О Д Ы.

П а р и ж с к і я.

Наложный при Дворѣ прауръ, по случаю кончины Англійскаго Короля, ввелъ въ большее употребленіе различныя ткани, сѣраго и чернаго цвѣтвъ.

Шали изъ чернаго *крепъ-шалуа* съ цвѣтными узорами въ особенномъ употребленіи.

Пелеринки изъ гладкаго шюля съ широкимъ рубцомъ въ большой модѣ. У нихъ рубецъ сей вырѣзывается зубцами, или вышиваются по оному.

На бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ вышиваются на переднемъ полошницѣ богатыми узорами въ видѣ передника. Рукава у сихъ платьевъ по большой части широкіе до самой кисти и богато вышитыя.

Нѣкоторые газовые капоты украшаются колосьями, васильками и шиповникомъ.

У капотовъ изъ розоваго крепа блонды замѣнены полувуалями изъ *point-d'Angleterre*.

Ленты, которыми завязываются шляпки, обшиваются блондовымъ рюшемъ.

Соломенные шляпки изъ *paille de riz* весьма низки.

Многія Англичанки носятъ различныя галантерейныя серебряныя вещи; черная одежда придаетъ особенный блескъ симъ послѣднимъ.

Шарада, помѣщенная въ прошедшемъ № (въ которой, замѣнимъ мимоходомъ, въ послѣднемъ стихѣ есть опечатка: вм. *grasé*, читай: *placé*), значитъ: *Grac-o-vie*.

Е N I G M E.

Construit depuis longtems, tous les jours on me fait
On me prend dans les champs, on me prend à la ville
Ce que j'offre d'unique, et qui l'est on effiet,
C'est que, même étant seul, on me compte par mille

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 89.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 57 рублей.

1830, 25 ІЮЛЯ, ПЯТНИЦА.

Д Ъ Л О.

Всѣ знаютъ, какъ непріятно имѣть *дѣла*, особенно иностранцамъ; но всѣ согласяся, что едва-ли кто не имѣлъ ихъ. Чѣмъ касается до меня, который пакъ-же не Русскій, какъ то видно будетъ, — я бы никогда не началъ *дѣлъ*, если-бы покойный отецъ мой не оставилъ мнѣ ихъ въ наслѣдство: собственно на мою часть досталось только шесть апелляціонныхъ, да вмѣстѣ съ дядьями и братьями около двадцати пяти... Но не въ томъ *дѣло*. По вызову Земской Полиціи, долженъ я былъ разстаться съ мирнымъ моимъ помѣщикомъ и отправиться въ губерскій нашъ городъ, для слушанія рѣшенія по одному изъ нѣхъ шести *дѣлъ*. Едва успѣвъ выйти изъ коляски, я тотчасъ пошелъ къ присутственнымъ мѣстамъ: узнаю, гдѣ Гражданская Палата, вхожу, и у перваго встрѣтившагося мнѣ подьячаго спрашиваю: что, батюшка, въ какомъ положеніи мое *дѣло*? Тотъ уже готовъ былъ сдѣлать мнѣ всѣ нужныя справки, особенно услышавъ мое обѣщаніе о *благодарности*, — какъ вдругъ печально представился мнѣ другой способъ узнать ходъ моего *дѣла*. — Входя въ эту комнату, мужчина лѣтъ пятидесяти, съ знакомъ оплечія за пятнадцать лѣтъ: всѣ встаютъ, низко кланяются. Это былъ Секретарь. Подошедъ къ полусѣдому Повытчику съ дворянскою медалью, онъ спросилъ у него: „а что,

Томъ 2. No. 89.

Павелъ Герасимовичъ, *дѣло* о *дѣлѣ* — какъ у насъ двигается?“ —

Повытчикъ. О какомъ *дѣлѣ*, Карпъ Сидоровичъ? У меня *дѣлъ* много.

Секретарь. Проспо, сударь о *дѣлѣ*, о Типулярномъ Совѣтникѣ *Дѣлѣ*, по которому, я тебѣ вчера еще говорилъ, надобно написать опредѣленіе.

Повытчикъ. Да вы, Карпъ Сидоровичъ, мнѣ приказывали только написать по одному *дѣлу*, и опредѣленіе совѣмъ уже готово къ подписанію; это о....

Секретарь. Дайте мнѣ его сюда. (*с.м.о.т.р.и.т.ь*) Ну вотъ оно и есть. (*ч.и.т.а.е.т.ь*) По просьбѣ Типулярнаго Совѣтника Дела.... охъ ужъ этѣ мнѣ ошибки! Не знаете, сударь, гдѣ *л*, гдѣ *е* поставили, а еще учились въ уѣздномъ училищѣ. Неужели не знаете, что *дѣло* пишется чрезъ *л*?

Повытчикъ. Винавать, Карпъ Сидоровичъ, не буду впередъ; я, я думалъ, что фамиліи пишутся....

Секретарь. Тутъ нечего, сударь, думать, а принимите *дѣлѣно*. Прочтите опредѣленіе. На сколькихъ бишь оно листахъ? —

Повытчикъ. На 12-ти, Карпъ Сидоровичъ. (*ч.и.т.а.е.т.ь*) По Указу и пр.

Такимъ образомъ, выслушавъ все это опредѣленіе до конца, я узналъ, что оно по моему *дѣлу*, и что это *дѣло* оканчивается въ мою пользу, пакъ, что уже не нужно было и давать си-ней ассигнаціи подьячему въ знакъ благодарно-

спи. — Я узналъ тогда и еще много кое чего; но узнали-ли читатели великую тайну *дэла о дэлле*? . . . Если нѣтъ, то я имъ скажу, что моя фамилія естъ: de P Eau; но на Русскомъ, убоясь вслѣй премудрости, подписываюсь я: *Дэло*; а несчастный Секретарь хотѣлъ, чтобы меня писали: *Титулярный Советникъ Дэло*.

Степная деревня, 3 Юля 1830.

АНГЛІЙСКАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

(Изъ Gazette des Tribunaux.)

Незадолго предъ симъ явилась въ Лондонскую Полицію Англичанка въ траурѣ. Слезы ея, рыданія и глубокая печаль, омрачавшая лице ея, все предвѣщало, что она хотѣла объявить о какомъ-то ужасномъ злодѣяніи. Чемберсъ, Судья, присудствовавшій въ то время, прервалъ другое дѣло, чтобы выслушать просьбу печальной вдовы. На нея обратились всѣ взоры,—но долгое время она была не въ силахъ объясниться. Наконецъ, выпувъ изъ мѣшка окровавленного пѣпуха, коего голова недавно была опрѣзана, она сказала Судьѣ: „смотриште, милоспивый государь, въ какое жалкое положеніе, чудовище привело невинную пварь сію!“ — Видъ пернатой жерпвы соспавлялъ такую противоположность съ ожидаемой сценою, что все собраніе, даже и самый Судья, громко расхохотались. Вдова, возмущенная такимъ безчеловѣчїемъ, чуть не упала въ обморокъ; но, оправясь нѣсколько, отвѣчала на вопросы Чемберса: „виновникъ сего ужаснаго убійства естъ мой сосѣдъ Гласкокъ; вопъ какъ опмшилъ онъ за побѣду, которую мой пѣпухъ одержалъ надъ его пѣпухомъ.“ — „Какъ, сударыня!“ — прервалъ ее Чемберсъ: „развѣ вы занимаетесь спекуляціями пѣпущаго боя?“ — „Совѣсьмъ нѣтъ, милоспивый государь“ — отвѣчала сердито вдова, опирая слезы: „я слишкомъ челоѣколюбива, чтобы мучить сихъ бѣдныхъ пварей; и

чтобъ мой пѣпухъ, мой несчастный пѣпухъ драмся для того, дабы доспавить мнѣ деньги! Нѣтъ, никогда! Однакоже онъ имѣлъ духъ воинственный; — не смотря на все мои старанія удержать его въ заперши съ курицами, которыхъ я назначила его подругами, онъ перелетѣлъ черезъ стѣну сосѣдняго дома, опвѣстывая дерзкому вызову другаго пѣпуха. Владѣлецъ сего послѣдняго, безчестный Гласкокъ, подоспѣлъ съ саблею въ рукъ—и невинная жерпва пала въ неравномъ семь боѣ!“ —

„И пакъ, сказалъ находившійся шупъ молодой Юриспъ: теперь сварите изъ него супъ или соусъ.“ —

Вдова отвѣчала, что она лучше согласится умереть съ голода, нежели съѣсть пшцу, оставшую послѣ покойной машери; она объявила, что воздвигнетъ пѣпуху своему приличный памятникъ на ппичьемъ дворѣ; но что прежде будетъ искавъ правосудія на поступокъ Гласкока.

Чемберсъ объявилъ, что какъ дѣло сіе не по его части, то чтобы вдова обратилась въ Палашу, гдѣ послѣ оцѣнки пѣпуха, и по удостовѣреніи въ дѣйспивительности обвиненія, Гласкокъ будетъ приговоренъ къ заплатѣ слѣдующихъ пропорей и убытковъ.

Просительница удалилась, сопровождаемая смѣхомъ всей публики. Она опять залилась слезами, и обнявъ печальные остатки пѣпуха своего, воскликнула: „что мнѣ пропорей и убытки, если чудовище, совершившее такое злодѣяніе, не будетъ повѣщено! Бѣдный другъ, прибавила она съ нѣжностію: ни курицы пвой, ни я, мы шебя болѣе не увидимъ!“ —

Вл. З — III

В З О Р Ы.

Какъ пошь счастливей, кто собою

Могъ вниманье заслужить;

Но счастливей, кто порою

Милый взглядъ могъ уловить.

Милый взглядъ, прелестны очи,
Вы на пагубу даны;
Вы тревожите средь ночи
Золотые сердца сны.

Вы вселилися въ мечтания,
Неразлучныя со мной;
Нашли вы мнѣ спряданья,
Неразлучныя съ поскоюй.

Вы жестокіе шерзали
Сердце бѣдное мое;
Вы жестоко показали.
Все могущество свое.

Взоры милые, простите
Вы мени на этошъ разъ;
Взоры, взоры, не вините
Несчастливаго отъ васъ.

Вы певнины: вы смотрѣли
Хладнокровно на меня,
И чудесно пламенили
Жаромъ пайнаго огня.

Неужели я, сердечно
Васъ любя, не буду зрѣшь?
Неужели вамъ павѣчно
Долженъ пѣснь прощальну спѣшь?..

Взоры, взоры, покажите
Вы въ послѣдній разъ себя;
Взоры, взоры, покажите
Дерзновеннаго мени!..

Ф. Дьяковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

38. *Селамъ или языкъ цвѣтотвъ.* С. П. бургъ, въ
Типографіи Народн. Просв., 1830. Въ мал. 16
(132 страи.)

Любовь избрѣшательнѣе на Воспокъ, чѣмъ
у насъ, на суровомъ Сѣверѣ. У насъ чрезвычайно

спрудно отккрыть чувства свои дѣвушкамъ, не обрашивъ на то чьего либо вниманія. Минуту, въ которую можно сдѣлать признаніе между чистыхъ глазъ, эту минуту уловить трудно, или по крайней мѣрѣ надобно имѣть большое терпѣніе, чптобы дожидаться ее. И сколько пройдетъ времени, пока представится благопріятный случай! Между пѣтмъ и Сѣверные любовники бывають довольно пылки; а чѣмъ любовь пламениѣе, тѣмъ слѣдственнѣе она нетерпѣливѣе. Какъ бытъ! — Объяснишься посредствомъ музыки, шапцевъ: выбирать Романсы, слова которыхъ соотвѣтствуютъ съ обстоятельствомъ случая, или прибѣгать къ помощи копильона, — по ревнивой слухъ наблюдателей, и все это выводится изъ употребленія даже и въ провинціяхъ; а нынѣ почти вошло въ обыкновеніе, чптобы молодые люди были въ эптомъ какъ возможно болѣе скрытны: самые близкіе знакомые ничего не знаютъ, пока не получатъ извѣстительнаго билета о помолвкѣ.

Воспокъ же, гдѣ пачиственностъ со стороны любовниковъ, пачке необходима, хотя и по другимъ причинамъ, — обилуетъ многими средствами для взаимнаго ихъ между собою объясненія. Къ числу самыхъ удобныхъ изъ нихъ должно присоединить *Селамъ*. Селамъ есть вѣнокъ, сплетенный изъ разныхъ цвѣтотвъ, изъ коихъ каждый на языкъ любви имѣетъ свое значеніе. „Какія нѣжности!“ — воскликнуть супруги обо его пола, отцвѣтшія невѣсты и пожилые холостяки. Не нѣжности, милосивыя государыни и милосивые государи; а Селамъ, по нашему мнѣнію, п. е. по мнѣнію молодыхъ холостыхъ людей, есть вещь прекрасная и самая полезная. Мы имѣемъ болѣе права судить о достоинствѣ и пользѣ Селама, нежели вы; и если вы не согласитесь съ нами, то, вѣроятно, потому, чпто цѣнокоторыя изъ васъ похожи въ эптомъ случаѣ (извините за сравненіе!) на лисицу, увивающую

ся около винограда, у которой *хоть видит око, но зубь не ѣмлетъ*; а некоторые подходятъ подъ смыслъ известной Русской пословицы: *сытый голоднаго не разумлетъ*. И такъ мы называемъ Селамъ полезнымъ изобрѣщеніемъ, а почему, представляемъ доказательство.

Влюбиться не мудро — это ужь всемъ известно; можно влюбляться еженедѣльно, по въ одну, по въ другую, даже и въ Петербургъ. (Мы увѣрены, что Петербургскія красавицы поблагодарятъ насъ мимою улыбкою за это привѣтствіе, хотя съ нашей стороны, мимоходомъ прибавимъ, это есть ничто иное, какъ только привѣтствіе.) Отъ чего-же такое непостоянство въ мужчинъ?.. Отъ неуверенности въ чувствахъ своей любезной! Отъ препятствій, затрудняющихъ объясненіе съ нею!.. Но Селамъ — Селамъ есть истинно благодѣтельное изобрѣщеніе для любви!.. Представьте себѣ: вы влюблены; но какимъ образомъ довести это до свѣдѣній той, кому о семъ вѣдать надлежитъ?.. Вотъ какимъ: во-первыхъ, купите Селамъ (т. е. книжку) (*) и подарите его вашей любезной, если она еще не имѣетъ его; во-вторыхъ, послать въ *Magasin des fleurs naturelles* (который у Нарвской заставы), чтобы купить шамъ пужныхъ цвѣтковъ; свить изъ нихъ вѣнокъ, вручить вашей любезной — и дѣло кончено. Вотъ и *billet-doux*, а при томъ ароматное!..

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

(*) Селамъ продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ въ С. Петербургъ и въ Москвѣ по пяти рублей за экземпляръ.

М О Д Ы.

Лондонскія.

По случаю кончины Георга IV, Леди ввели въ употребленіе бѣлые креповые чепчики, отдѣланные чернымъ газомъ; на правой сторонѣ оныхъ бывають нѣсколько листьевъ изъ чернаго крепа. — Шемизетки изъ чернаго крепа и съ такимъ же рюшемъ. — Платье изъ чернаго *Гро де Нанль* съ креповой отдѣлкой такого-же цвѣта; напередѣ дѣлають два широкихъ руло отъ пояса до подола; рукава широкіе сверху и сужены внизу. — Перчатки и башмаки черные; опашало черное креповое.

Вечерній туалетъ. Надѣвають черныя креповыя шляпки съ перьями; поля у нихъ складками и отдѣланы бантами изъ бѣлаго крепа. — Платье изъ чернаго крепа на черномъ шелковомъ чехлѣ; шемизетки изъ бѣлаго крепа; переднее полопинище платья застегнуто бантами, въ которыхъ находятся богато отдѣланные *агаты*.

Загадка въ прошедшемъ No. значитъ: *chemin*

LOGOGRIPHE.

Cher lecteur, sur cinq pieds,

Je vauх six pieds.

Réduite à quatre pieds

Je cours à travers champs, n'ayant ailes ni pieds.

J'offre un animal sur trois pieds

De deux pattes pourvu. N'ayant plus que deux pieds,

Je serai, cher lecteur, dans ton corps et tes pieds.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, среда́мъ и пят-
ница́мъ.

№ 90.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 28 ІЮЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Я родился въ Англіи, и первыя лѣта своей юности провелъ въ Н. Еще въ самой колыбели я лишился матери: одинъ отецъ оспался свидѣлемъ моихъ дѣтскихъ игръ и единственнѣйшимъ моимъ покровителемъ. Бывъ послѣднею опраслію древней и знаменитой фамиліи, онъ рѣшился оспавить свѣтъ, отечество, друзей, и поселился на необитаемой скалѣ.

Познанія его ограничивались физикою, копорой онъ щательно старался изучить меня; остальное образованіе мое довершила природа: она непрямъшно и глубоко врѣзала въ мое сердце дикія свои впечатлѣнія, укрѣпила шѣлесныя силы и оживила мои страсти. Сообщая всѣ свои помыслы, даже самыя спранныя, одной природѣ, я получилъ нравъ дикій и угрюмый. Покорный во всемъ ея закону, я все на свѣтъ презиралъ: и общество человѣка, и сладостную улыбку женщины, и пѣжный голосъ младенца, и дружбу; однимъ словомъ всѣ удовольствія жизни и самую цѣль существованія. Не смотря на суровость клима-та, я въ печальномъ нашемъ жилищѣ вкушалъ наслажденія, неизвѣстныя городскимъ жителемъ; разнообразныя, непрерывныя наслажденія, копорыя находилъ въ своемъ уединеніи. Доспигнувъ 18-ти лѣтняго возраста, я лишился и отца: тогда одинъ изъ моихъ дядей принялъ во мнѣ

попеченіе, и опправилъ меня въ Лондонъ. Угрюмъ и дикъ, совершенно не зная свѣта, я не встрѣчалъ никого, съ кѣмъ-бы могъ ужиться; для кого при-сутствіе мое не было-бы тягостно. Это на меня сильно подѣйствовало, и я возненавидѣлъ другихъ за то, что меня убѣгали. Такимъ образомъ пропекли при года: я доспигнулъ совершеннотѣптія и получилъ свое наследствво. Исполненный отвращенія къ свѣтской жизни, мечтая объ одномъ только уединеніи, я рѣшился путешествовать. Мнѣ хотѣлось посѣтить опдаленныя и необитаемыя земли; пройти глубокіе пески знойной Аравіи; обширныя степи и дремучіе лѣса Африки. Желанія мои исполнились: я видѣлъ многія спраны. Такимъ образомъ непрямъшно промчались годы, одинъ за другимъ: юность моя прошла, наступилъ зрѣлый возрастъ, и наконецъ старость посребрила мои волосы. Тогда неопредѣленное беспокойство овладѣло мною, и я, въ заблужденіи своего сердца, сказалъ самъ себѣ: пойду взглянуть на лица своихъ ближнихъ. Вздумалъ и рѣшился покинуть необитаемыя пустыни, чтобы снова сдѣлаться городскимъ жителемъ.

Доспигнувъ приморскаго города, я опправился въ Англію. На корабль находился человекъ, копорый, докучая мнѣ безпрестанно, сдѣлался для меня чрезвычайно несносенъ, и копорого вовсе не смущало хмуреніе моихъ бровей. Это было существо, исполненное любопытства, самолюбія и той надмѣнности, копорой по-

знается человекъ ничтожный, легкомысленный, избалованный пустыми призраками свѣтской жизни. Для него было необходимо разговаривать; по рѣчи его выражали мѣлкія и несновапельныя мысли, которыя упоминали вниманіе. Впрочемъ казалось, что онъ былъ одаренъ особенною смѣлостью. Напрасно я старался внушить въ него нѣкоторое ко мнѣ уваженіе, хотѣлъ заставить его или молчать или избѣгать моего присутствія; но онъ безпрестанно искалъ меня, слѣдовалъ за мною, какъ тѣнь, и повидимому, никакая сила не могла опалить его опъ меня. Я чувствовалъ, что мое сердце было исполнено негодованія, когда я усремлялъ на него свои взоры, ибо онъ для меня былъ подобенъ тѣмъ существамъ, конхъ гнусность и отвращительная наружность служилъ предметомъ ужаса и омерзенія. Когда онъ начиналъ со мною говорить, то во мнѣ рождалось непреодолимое желаніе броситься къ нему на шею и удушить его. Часто приходило мнѣ на мысль бросить его на съѣденіе акуламъ, которыя, съ кровавыми глазами и разверзною пастью, всегда плавали около нашего корабля; но безпрестанно окружающіе насъ люди мѣшали мнѣ исполнить сіе, и я оставялъ это намѣреніе. Иногда я уходилъ въ свою каюту, и бросаюсь на постель, смыкалъ глаза, чтобы сколько нибудь успокоить себя и облегчить то непріятное расположеніе духа, въ которое онъ приводилъ меня. Но чтоже?.. Когда я раскрывалъ глаза, онъ уже споялъ подлѣ моей постели, муча меня своимъ болтаньемъ и упоминательною докучливостью безчисленныхъ своихъ вопросовъ. Однажды ночью я былъ разбуженъ необыкновеннымъ крикомъ мажросовъ. Я поспѣшилъ взойти на палубу, и узналъ, что корабль нашъ съѣтъ на подводный камень. Боже! какое ужасное зрѣлище! Мѣсяцъ величественно сіялъ на чистомъ, голубомъ небѣ; море было гладко и спокойно: въ немъ отражались звѣзды, какъ сафиры. Одна-

коже среди сего сладостнаго спокойствія природы, 350 человекъ, составляющіе экипажъ нашего корабля, готовы были быть поглощенными Океаномъ. Опощедъ въ сторону, я слышалъ громъ, подобный свисту ехидны, и оборотившись назадъ, увидѣлъ своего преслѣдователя. Лучи мѣсяца освѣщали блѣдно-голубые его глаза;—,мы не разстанемся даже и здѣсь“ — сказалъ онъ мнѣ, и кровь застыла въ моихъ жилахъ. Я сдѣлалъ движеніе, какъ-бы хотѣлъ кинуть его въ то море, которое долженствовало въ скоромъ времени поглотить всѣхъ насъ: но луна озарила его своимъ блескомъ, и я не смѣлъ до него допронуться. Не ожидая избѣгнуть грозившей всѣмъ намъ участи, и понадеявшись на свое искусство въ плаваньи, я бросился въ Океанъ и поплылъ къ утесу, который, при лунномъ свѣтѣ, былъ виденъ въ отдаленіи. Акула, какъ-бы предузнавъ мое намѣреніе, уже спорожила меня; но я успѣлъ увернуться опъ нея. Черезъ нѣсколько минулъ вдругъ послышался прескъ; воздухъ наполнился крикомъ опчальнѣ 350 человекъ, находившихся на кораблѣ; но это продолжались не болѣе пяти минулъ — и все опять сдѣлалось спокойно по прежнему. По крайней мѣрѣ, сказалъ я самъ себѣ, и его голосъ раздавался съ прочими; и такъ наконецъ мы разстались. Достигнувъ берега, я легъ, чтобы освѣжить свои силы,

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

САМОУБИЙЦА.

Р о м а н с ъ .

Въ степи, подъ сосною, вдали
Чернѣетъ свѣжій холмъ земли;
Жилецъ пустыни одинокій,
Въ пемъ спитъ Пѣвецъ глубокимъ спомъ:
Какъ дикъ его подземный домъ,
Полузатмохшій и высокій.
Одинъ, въ глуши пустынныхъ мѣстъ,
Надъ нимъ поскуепъ вѣрный крестъ.

Богъ вѣсть, подружки, отъ чего
 Такъ рано смерть взяла его!
 Онь палъ добычей добровольной
 Неопразимаго свинца;
 Знать сердцу бѣднаго Пѣвца
 На бѣломъ свѣтѣ было больно!
 Одинъ, въ глуши пустынныхъ мѣстъ,
 Надъ нимъ тоскуешь вѣрный крестъ.

Сбылось. Пѣвецъ печали палъ;
 Никто его не оплакивалъ,
 Душъ поминокъ не пировали;
 Всѣ презирали сиротой,
 И на распутьи подъ сосной,
 Самоубійцу скоронили.
 Одинъ, въ глуши пустынныхъ мѣстъ,
 Надъ нимъ тоскуешь вѣрный крестъ! . .

Я. Др — въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

*Селамъ или языкъ цвѣтовъ,
 (Продолженіе.)*

Хотя *billet-doux*, въ Европейскомъ вкусѣ, заключающее въ себѣ первое признаніе, пишется довольно пространно, и нерѣдко наполняется различными нѣжностями въ Восточномъ родѣ, — но какъ-бы вы не желали расплодить его, и какъ-бы подробно не хотѣли изъяснить въ немъ свои чувства, — на все это имѣете возможность посредствомъ Селама. Вотъ образчикъ, составленный по формѣ Европейскаго письма (т. е. имѣющаго вступленіе и заключеніе), въ которомъ, кажется, изложено все относящееся къ дѣлу.

Вънокъ, сплетенный изъ 29 цвѣтовъ: 1. *Желтушная трава* (Воробьиное семя. *Lythospermum arvense*.); 2. *Коммелина* (*Commelina communis*.); 3. *Зимовникъ* (Луговой шафранъ, безвременный цвѣтъ. *Colchicum autumnale*.); 4. *Листокъ козлей бороды* (*Periclymenum semper virens*. *Chevrefeuille*.); 5. *Ангелика* (Ангелика, Аягель, сыпь. *Angelica*.); 6. *Бальзаминъ* (*Impatiens balsamina*. *Balsamine*.); 7. *Нарцисъ желтый* (*Narcissus*

incomparabilis flore pleno.); 8. *Фиалка трехцвѣтная* (*Viola odorata*.); 9. *Змееголовникъ* (Змеева ягода, переступъ простой или бѣлой, рожденець, парамышекъ права. *Bryonia aspera sive alba*. *Vigne blanche*.); 10. *Цвѣтъ кофейнаго дерева* (*Coffea*.); 11. *Ландышъ* (*Convallaria majalis*. *Muguet*.); 12. *Мясляникъ* (*Lunaria rediviva*.); 13. *Гвоздика бѣлая* (*Dianthus alba*. *L'ocillet Shok ou blanc*.); 14. *Померанцовый цвѣтъ* (*Aurantium*.); 15. *Дубровка* (Роспротъ, очанка. *Teucrium chamaedrys*. *Germandrée*.); 16. *Царскій свѣнецъ* (*Tritilaria*.); 17. *Царская свѣга* (*Verbascum thapsus*.); 18. *Безсмертный цвѣтъ* (Златая пуговица. *Gnaphalium margaritaceum*. *L'immortelle*.); 19. *Блюющъ* (Плющъ. *Hedera*. *Lierre*.); 20. *Жизненное дерево* (*Thiya*.); 21. *Девичья въ зелени* (*Braut in Naaren*.); 22. *Финиковый листъ* [*Phoenix dactylifera*.]; 23. *Левкой бѣлый* [*Cheiranthus albus*. *Giroflier*, ou *violier blanc*.]; 24. *Сингосемлянка* [Ледовитка. *Chiosocosa*.]; 25. *Кожушкинъ лѣвъ* [Булавистый плауцъ, правка изъ рода мховъ. *Polytrichum aureum*. *Das Goldhaar*.]; 26. *Старець* [Крестовая трава, приметъ. *Crucianella*.] 27. *Червоонецъ* [Воловій языкъ, червецъ, мужичья трава. *Buglossum vulgare majus*.]; 28. *Лимонный листъ* [*Citrus*.]; 29. *Чудоцвѣтъ перуанскій* [Одуръ сонная, красавица. *Mirabilis jalappa*. *Belle de nuit*, *bella donna*.]

И такъ, если всѣ снi растенія будутъ сплетены между собою въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они расположены здѣсь, то, прибѣгнувъ къ Селаму [т. е. къ книжкѣ], въ которомъ находится ключъ къ объясненію каждаго изъ вышепоказанныхъ растеній, вы узнаете, что это огромное, разноцвѣтвое и ароматное *billet-doux*, переведенное на языкъ любви, содержитъ въ себѣ слово въ слово слѣдующее:

„Прелестнѣйшая изъ своего пола! Я люблю тебя. Любовь моя вѣчна, и съ каждымъ днемъ увеличивается болѣе. Все въ тебѣ прекрасно: ты сіяешь передъ всѣми, какъ царица, и я сморю зависплыми глазами на окружающихъ тебя. Я безпрестанно о тебѣ думаю: ты моя дневная мысль, ночная мечта моя. Я не могу жить безъ тебя! Долго впайнѣ я любилъ тебя: надежды мои по блекнутъ, какъ цвѣтокъ, по

снова оживаюпъ. Ввѣрься мнѣ. Я не могу описатьъ тебѣ всю силу любви моея. Какой жертвы бы опъ меня не попребовала, все исполню. Какъ ангела, молю тебя, — тебя, существо небесное: отдай мнѣ твою руку, отдай мнѣ твое сердце, и ничто въ мнѣ не прельститъ меня. Моя любовь постоянна: навсегда и крѣпко привязанъ я къ тому, что избралъ однажды; ни суровость Сѣвера, ни палящія лучи Юга не отвлекутъ меня отъ избранной мною. Отъ тебя зависитъ смерть и жизнь моя; будь ко мнѣ благосклонна. Удовольствуешь-ли тебя домашнее счастье? Миръ и довольство сдѣлаюпъ насъ счастливыми. Сжался надъ моею любовью! Испомнися-ли мои желанія? Дай мнѣ отвѣтъ. Не забудь, что я люблю тебя, какъ только любишь возможно! Твоя любовь для меня всего дороже! Прощай! Весь твой.“

Не смотря, что языкъ цвѣтовъ нѣтъ, онъ довольно краснорѣчивъ и удобенъ для объясненія своего предмета. Въ этомъ *billet-doux* нѣтъ недостатка ни въ чувствахъ, ни въ выраженіяхъ. Какая жестокая не смягчилась, по полученіи отъ своего рыцаря столь сильнаго доказательсва нѣжной его привязанности къ ней!.. Доказательсво дѣйствительно сильное, ибо надобно принять на себя немаловажный трудъ искать цвѣтовъ и плести вънокъ, наблюдая между нами порядокъ для составленія желаемой рѣчи. Какая жестокая въ отвѣтъ на подобное посланіе не дастъ *черную бузину* (1), или *вишню* (2), или *лазорный гяцинтъ* (3), или *миртъ* (4), или *красную розу* (5), или *геліотропъ* (6)?.. Если-же какой нибудь красавицъ и не будетъ нравиться плѣнчннй его юшоша, то все, въ роаяпю, она не спашепъ отвѣчать ему *дурми-*

номъ (7), или *чертовой бородой* (8), или *чеснокомъ* (9), даже и попому, что сіи распенія, по грубости своего свойсва, вовсе несоотвѣстственны съ нѣжными ея чувствами; для отпаза-же своего она можетъ употребить *пчельникъ* (10), или *горичетъ* (11), или *ясминъ* (12).

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

- (1) Пусторыль. *Sambucus nigra*. Sureau. Я твоя.
- (2) *Prunus cerasus*. Ты приковахъ къ себѣ мое сердце; возьми его, если, полное любовью, оно можетъ удовлетворить тебя.
- (3) *Hyacinthus fl. pl.* Я къ тебѣ не равнодушна.
- (4) *Myrtus*. Будь постояненъ; сладостна награда любви.
- (5) *Rosa flore rubro*. Ты побѣдилъ мое сердце.
- (6) Солнцевъ оборотъ, солнцевъ цвѣтъ. *Heliotropium Peruvianum*. Тебя повсюду ищетъ мое сердце.
- (7) *Datura fastuosa*. Какъ ты смилость!
- (8) Ласпочникъ. *Asclepias arborescens*. Удались!
- (9) *Allium sativum*. Ты нестерпимъ.
- (10) Медовка. *Melissa officinalis*. Melise. Ты прекрасенъ; но я не могу любить тебя.
- (11) Марьянъ цвѣтъ, двичья красота. *Luchnis coronata*. Ты напрасно пылаешь.
- (12) *Jasminum officinale*. Jasmin blanc. Будь доволенъ и моего дружбою.

Логогрифъ, помѣщенный въ прошедшемъ No, значить: *toise, oise, oie, os*.

С Н А К А Д Е.

Un diamant est mon premier,
 Il en a toute l'apparence;
 Un gros village est mon dernier,
 Et mon entier ville de France.

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
шкамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 91.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 30 ІЮЛЯ, СРЕДА.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Продолженіе.)

Я спалъ до разсвѣта. Проснувшись, я глядѣлъ вокругъ себя, и страна, которая можеть являться только въ сновидѣніяхъ, представилась тогда моему взору. Море не сохранило и слѣда вчерашняго происшествія: оно тихо волновалось у ногъ моихъ; небо было ясно и безоблачно; тихій, прохладный вѣтерокъ освѣжилъ меня. Я вспалъ въ хорошемъ расположеніи духа, и пройдя нѣкоторое разстояніе по землѣ, которой сдѣлался обитателемъ, достигнулъ до вершины высокой горы; взойдѣ на нее, я увидѣлъ, что находился на маленькомъ островѣ. Осматривая окрестности, я нигдѣ не замѣтилъ слѣдовъ человѣческихъ; это открытіе было для меня весьма приятно. „И такъ, я буду одинъ!“ вскричалъ я съ восхищеніемъ и спустился съ горы. Едва я достигъ до подошвы горы, какъ увидѣлъ человѣческую фигуру, ко мнѣ приближающуюся. Разсматривая ее, я почувствовалъ, что особенный ужасъ овладѣлъ мною. Человѣкъ приблизился ко мнѣ, и я въ немъ узналъ моего лютаго преслѣдователя, спасшагося изъ волнъ. Онъ подходилъ ко мнѣ съ ужасною улыбкою; мрачныя глаза его сверкали; онъ кинулся въ мои объятія. Я предпочелъ-бы въ ту минуту объятія ядовитаго змѣя. „Любезный другъ! мы опять вмѣстѣ!“ — сказалъ онъ мнѣ. Съ ужасомъ глядѣлъ я на него и не отвѣчалъ ни слова. — Я вошелъ въ большую

пещеру; онъ послѣдовалъ за мною. „Какъ счастливы мы будемъ здѣсь“ — сказалъ онъ мнѣ: „мы будемъ неразлучны.“ — Я онѣмѣлъ, услышавъ сіе. — Тогда былъ полдень: голодъ одолевалъ меня. Я вышелъ, убилъ ланя, принесъ ее въ пещеру и изжарилъ кусокъ на благовонномъ деревѣ. Когда было готово, эшотъ человѣкъ началъ ѣсть мое кушанье съ жадностію, изъявля живую радость. „Намъ трудно будетъ здѣсь имѣть хороший столъ“ — сказалъ онъ мнѣ. Я хранилъ молчаніе. Наконецъ онъ легъ въ углу пещеры и заснулъ. Увѣрившись, что онъ погруженъ въ глубокой сонъ, я, вышедъ изъ пещеры, привалилъ огромный камень къ ея отверстію, чтобы лишить моста змѣя возможности выйти изъ оной; а самъ направилъ пушъ въ противоположную сторону. Теперь пришла моя очередь радоваться, ибо я скоро нашелъ другую пещеру. Я сдѣлалъ себя столъ изъ деревьевъ и постель изъ моху и лишьевъ. Потомъ, вышедъ изъ новаго своего обиталища, я долго любовался величественною картиною моря, которая представилась мнѣ въ необозримомъ его пространствѣ, и воскликнулъ съ восхищеніемъ: „теперь я буду одинъ!“

На другой день я снова вышелъ, поймалъ дикаго козленка, принесъ его въ мою пещеру, и приготовилъ такъ же, какъ ланя. Но я не чувствовалъ голода и не могъ ѣсть. Я опять вышелъ, намѣреваясь обойти весь островъ. Солнце почти закатилось, когда я возвратился. Чпожъ я увидѣлъ, вошедъ въ пещеру?.. Человѣкъ, копо-

раго я считалъ заживо погребеннымъ, сидѣлъ на моей постели предъ столомъ. Онъ захохоталъ, увидѣвъ меня, и отпнлъ отъ рта кость приготовленнаго мною козленка, которую началъ было глотать.

„А!“ сказалъ онъ: „ты чужь не сыгралъ славной со мною шутки; но въ пещерѣ было отверстіе, котораго ты не замѣнилъ; и чрезъ него-то я вышелъ, чтобы отыскать тебя. Найти тебя мнѣ было совсемъ не трудно, ибо островъ очень малъ. И такъ, мы теперь опять вмѣстѣ, и вѣрно болѣе не разлучимся.“

„Встань и спупай за мною“ — сказалъ я ему. Онъ всталъ, и я увидѣлъ, что онъ всего приготовленнаго мною козленка оспалилъ только одиъ кости. Гнѣвъ совершенно овладѣлъ мною; чрезъ обжорство ненавистнаго гостя, я долженъ былъ оставаться голоднымъ.

Я взошелъ на возвышенный утесъ. „Смотри“ — сказалъ ему: „ты видишь рѣчку, разделяющую этотъ островъ на двѣ части; ты будешь занимать одну половину, а я другую: ибо мы не можемъ быть вмѣстѣ и пипаться за однимъ столомъ.“

„Ты пребуешь невозможнаго“ — отвѣчалъ онъ: „я не могу убить лани или поймать козленка; и потому, если ты не спанешь кормить меня, я долженъ буду умереть съ голода.“

„Развѣ ты не можешь пипаться плодами, или птицами, ловящимися въ силкахъ, или рыбами, которыхъ море выкидываетъ на берегъ?..“

„Конечно; и я не столько ихъ люблю, какъ лань и козленка“ — отвѣчалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ.

„Хорошо — возразилъ я: по ту сторону рѣки есть большой камень; я обязуюсь ежеднев-но класть на него лань или козленка, чтобы ты имѣлъ желаемое. Но если ты когда нибудь, перейдя рѣку, придешь на мою сторону — я

убью тебя. Вѣрь словамъ моимъ, какъ вѣришь, что море бушуетъ и птицы летаютъ.“

Я сошелъ съ горы и повелъ его къ берегу рѣки. „Я не умѣю плавать“ — сказалъ онъ. На плечахъ своихъ я перенесъ его на другую сторону, сдѣлавъ ему постелю, столъ и оставилъ его. Перешедъ обратно ручей, и вспулая на часть острова, мнѣ назначенную, я былъ въ восхищеніи, и радостно вскричалъ: „теперь я буду одинъ!..“

Прошѣкли два дня: я дѣйствительно былъ одинъ. На третьи сутки я отправился на охоту. День былъ опымно жаркой и я весьма успалъ. Возвратясь въ свою пещеру, я увидѣлъ, что врагъ мой лежалъ на моей постели. „Вотъ и я“ — сказалъ онъ: „мнѣ наскучило быть одному, и я опять пришелъ къ тебѣ.“

Полный гнѣва, мрачно смотрѣлъ я на него. „Какъ вѣришь, что море бушуетъ и птицы летаютъ, такъ вѣрь, что я убью тебя“ — вскричалъ я, и спавъ его съ постели, вынесъ его изъ пещеры и положилъ на песчаный берегъ Оксана. Мгновенный страхъ овладѣлъ мною. Я пораженъ былъ мертвою тишиною, царствовавшей въ семь уединеніи. Если-бъ были свидѣтели, я при нихъ удушилъ-бы сего челоука; но въ пустынѣ, окруженной всеобщимъ молчаніемъ, я имѣлъ свидѣтелемъ одного только Всевышняго!... Мысль сія ужаснула меня; я освободилъ его. „Клянись, сказалъ я, клянись болѣе меня не тревожить, не переходить назначенныхъ тебѣ границъ, и я не убью тебя.“ — „Не могу дать тебѣ такой клятвы“ — отвѣчалъ онъ: „я хочу лучше умереть, нежели отказаться отъ удовольствія видѣть образъ челоука; даже чертъ моего врага.“

Эти слова слова воспламенили гнѣвъ мой! — Я повергъ сего челоука на землю, спавъ на грудь его и крѣпко давилъ ему горло. — Нѣсколько минутъ онъ бился, но наконецъ испустилъ послѣд-

нее дыханіе. — Я онѣмѣль. — Когда я взглянулъ на его лице, мнѣ казалось, что жизнь водворилась въ немъ; мнѣ казалось, что пусклый взоръ его обращался на меня; что отвратительная улыбка шевелела его багровыя губы; что руки его, оставившія на песку отпечатокъ мученій смерти, протягивались схватить меня. Я опять спалъ давить ногами грудь его; потомъ вырылъ на берегу яму и схоронилъ въ ней трупъ. — „Теперь, сказалъ я, я увѣренъ, что буду одинъ.“ — Но въ позже время мысль объ опшельнической жизни заняла меня; какое-то сильно-грустное чувство овладѣло мною. Всѣ члены мои препетали, подобно слабымъ соспавамъ ребенка, чѣмъ нибудь испуганнаго; волосы мои встали дыбомъ и кровь застывала въ жилахъ. Если-бы предложили мнѣ въ то время возвратитъ ясные дни моей юности на условіи пребыть въ томъ мѣстѣ еще нѣсколько минутъ, — я бы отвергъ предложеніе. Я убѣжалъ, спѣшилъ удалиться, и обошелъ кругомъ весь островъ. Когда я дошелъ до морскаго берега, неизъяснимый страхъ овладѣлъ мною: тогда единственнѣйшимъ моимъ желаніемъ было, — перепешись въ безпредѣльную пустыню и остаться въ ней навсегда.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Селамъ или языкъ цвѣтвъ.

(Окончаніе.)

Мы не упомянули еще о важномъ препятствіи, могущемъ встрѣтиться при введеніи у насъ въ употребленіе Селамовъ. Это препятствіе состоитъ въ томъ, что не всегда и не вездѣ можно найти цвѣты, въ коихъ придесть надобность; а также и то, что немногіе у насъ имѣютъ основательныя свѣдѣнія въ Ботаникѣ и знаютъ настоящія именованія растеній. Этому, по нашему мнѣнію, нельзя иначе пособить, какъ по нашему мнѣнію, чтобы въ случаѣ невозможности достать

какихъ либо цвѣтвъ, замѣняя ихъ другими, ближе имѣющими сходство съ ними; во всякомъ же случаѣ, какъ намъ кажется, необходимо, при свиваніи вѣвка, прикрѣплять къ каждому цвѣтку особый ермычокъ, на которомъ было-бы написано его именованіе. Симвъ послѣднимъ средствомъ отвратился недоразумѣніе, легко могущее иногда встрѣтиться, чтобы какой нибудь цвѣтокъ [особенно изъ числа малозвѣстныхъ] не былъ принятъ за другой: ибо въ семь случаевъ будетъ принято и другое значеніе, которое зависить отъ настоящаго именованія цвѣтка. А какъ Селамъ [книжка] есть нѣчто въ родѣ морской сигнальной книги, по которой корабли, находясь другъ отъ друга въ значительномъ разстояніи, ведутъ между собою переговоры флагами, то съ помощію ермычковъ, прикрѣпленныхъ къ малозвѣстнымъ цвѣткамъ, нельзя уже будетъ ошибиться: надобно будетъ только отыскать въ книжкѣ именованіе цвѣтка, чтобы узнать его значеніе.

Этотъ нѣжный способъ изъясняется въ любви приняты съ особенною благосклонностію не только пылкими и вътрѣнными Французскими, но даже и сдержанными Нѣмками: во Франціи и Германіи разошлось въ короткое время по нѣсколькимъ изданіямъ этой книжки. Мы смѣемъ думать, что и наши прекрасныя соотечественницы также обращаютъ на нее свое вниманіе. Въ Литературной Газетѣ [No. 39] утверждаютъ, что наши дѣвицы не спаруютъ свивать Селамовъ между прочимъ и поному, что у насъ маменьки не запираютъ дочерей и не *лѣгшаютъ* имъ выбирать *по сердцу* вѣрнаго спутника жизни. Вотъ попо и есть, что Лит. Газета явно ошибается въ этомъ, не смотря, что сама принадлежитъ къ женскому полу [въ грамматическомъ отношеніи]: что у насъ маменьки не запираютъ дочерей, — это весьма справедливо; но что онѣ мѣшаютъ имъ выбирать по сердцу вѣрнаго

спутника жизни, — это весьма часто случается. Въ семь-же послѣднемъ обстоятельстве Селамъ можетъ служить весьма благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ. Незадолго до изданія на Русскомъ языкѣ сей книжки, въ Петербургѣ совершился одинъ бракъ посредствомъ способа, предлагаемаго Селамомъ, которыми воспользовались любовники для соединенія своего, зная его по Французскому изданію. Мать никакъ не хотѣла выдать дочь свою за любимаго ею человѣка, и употребляя во зло родительскую власть, принуждала ее выйти по своему выбору, за человѣка, къ которому она не чувствовала не только никакой склонности, но даже ненавѣдя его. Уже назначено было обрученіе съ симъ послѣднимъ. Дочь, видя что не оспаривается никакого средства, нашла случай доставить своему любовному [съ которымъ вслѣдствіи преграждено было ей свиданіе] *любовный листокъ* [1], и небольшой пучекъ разныхъ цвѣтѣвъ, перевязанный волосами [2]. Въ отвѣтъ на сіе она получила *трехцвѣтныя колокольчики* [3] и *колосъ пшеницы* [4]. Черезъ день она получила *колокольчики голубыя карпатскіе* [5] и *бѣлыя колокольчики* [6]. Въ отвѣтъ на сіе послала нѣсколько *колокольчиковъ и портулакъ* [7]. Условившись такимъ образомъ, они убѣжили и соединились.

Издатель сей книжки, Г. Ознобишинъ, хороший нашъ Ориенталистъ, пріятный Поэтъ, и, какъ сказано въ Вѣстникѣ Европы, мыслящій Писатель въ прозѣ, говоритъ въ своемъ посвященіи Селама слѣдующее:

У насъ Гаремы неизвѣстны;
Нашъ Свѣръ холоденъ! — Для дамъ
Селамы будутъ бесполезны:
Онъ такъ преданы мужьямъ! . . .
Но вы, чьи очи голубыя
Такъ робко внизъ опущены,
Для васъ, дѣвнцы молодыя,

Блестящъ въ поляхъ цвѣты весны!
Онъ строгой маменьки украдкой,
Онъ прозорливыхъ . . . глазъ,
Селамъ свивайте, въ нѣтъ сладкой:
Любовь легко научитъ васъ.

Совѣтъ очень милъ! — Чтобы дамы занимались Селами — избави Господи! — а дѣвнцамъ — почемужъ не такъ? Спроситъ: *погелужь?* . . . Отвѣтъ: каждой изъ нихъ надобно *мужъ!* . . . [Гдѣ дѣло идетъ о пиническомъ предметѣ, шамъ римы сливаются сами собою и въ прозѣ.]

Въ заключеніе, должно принести Г. Ознобишину искреннюю благодарность отъ молодыхъ людей обоого пола за изданіе сей книжки. Щегольская наружность ея соотвѣтственна съ многою своею цѣлю. Надобно думать, что многія почтутъ нужнымъ присовокупить ее къ туалетнымъ своимъ шайнамъ [во избѣжаніе всякаго подозрѣнія], а многіе станутъ носить ее въ карманѣ, пока не украсятъ себя — въкомъ Гименей! — Обращаясь къ красавицамъ, прилично повторить слова Поэта:

Селамъ свивайте, въ нѣтъ сладкой:
Любовь легко научитъ васъ! . . .

По крайней мѣрѣ я, по написаніи сей статьи, немедленно отправляюсь за *коммелинами*, которыхъ преднолагаю роздать въ *разныя руки* . . . можетъ быть до *десяти*, и буду ожидать, отъ которой прежде получу въ замѣнъ *бузину черную*.

Евгеній Лизинъ.

[1] Чинарь. *Platanus orientalis*. *Меня преслѣдуютъ стаси меня!*

[2] Эта эмблема означаетъ: *пожить меня и убѣжили.*

[3] Дневная красота, колокольчики навилшныя. *Convulvulus tricolor* *Потерпи только одинъ день.*

[4] *Spica cecalis*. *Я забочусь: скоро ты будешь лоскъ.*

[5] *Campanula Carpathica*. *Назначъ гасъ вечера.*

[6] *Campanula alba*. *Укажи мнѣ числомъ колокольчиковъ гасъ.*

[7] Жирная шрапа. *Portulacca*. *Маленькая дверь [въ извѣстномъ мѣсяцѣ] будетъ отворена.*

Шарада въ прощ. No. значитъ: *Stras-bourg*.

E N I G M E.

Je suis un joli corps, d'un très-léger volume,
Qui va, revient dans l'air, et sans pied porte plume.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаммъ и пят-
ницамъ.

№ 92.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 1 АВГУСТА, ПЯТНИЦА.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Окончаніе.)

Съ захожденіемъ солнца я возвратился въ свою пещеру. Съвъ на краю поспели, я закрылъ руками лице. Миѣ послышался шорохъ: я взглянулъ, и увидѣлъ на другомъ концѣ постели давленнаго и погребеннаго мною чловѣка. Онъ сидѣлъ въ распояннн шести шаговъ отъ меня, съ значительнымъ видомъ шевелилъ головою, и обративъ на меня тусклый взоръ свой, захохоталъ. Я выбѣжалъ изъ пещеры и кинулся въ лѣсъ; тамъ разпростерся на землю; — но въ шести шагахъ отъ меня опять находился чловѣкъ сей! Я затрепеталъ отъ страха; но бодрость моя постепенно возвратилась: я началъ говорить съ нимъ; но онъ не отвѣчалъ миѣ ни слова. Я снова упалъ на землю, и лежа безъ всякаго движенія, не смѣлъ взглянуть на него. Когда наступила ночь, я возвратился въ пещеру и легъ на постелю: чловѣкъ сей легъ со мною. Въ бышнспивъ я хотѣлъ схватить его; но не могъ.

Дни протекали за днями и все было одно и то же. На постель, за столомъ, въ пещерѣ, въ онѣй, днемъ, ночью, — это неумолимое существо было неразлучно со мною и всегда въ распояннн шести шаговъ. Разсматривая прекрасное мѣстоположеніе обитаемаго мною острова, восхищалась его климатомъ, и обращая взоръ на своего ужаснаго поварища, который однимъ смѣхомъ

отвѣчалъ на выраженія моей горести, — сколько разъ повпорлялъ я самъ себя съ опчаяніемъ: „впредь никогда я не могу быть одинъ!..“

Однажды корабль показался въ морѣ. Бывшіе на немъ увидѣли поданный мною знакъ и прислали за мною шлюбку. Вступая на борть корабля, говорилъ я: „наконецъ избѣгнулъ моего преслѣдователя!“ — и въ туже минушу увидѣлъ, что онъ лѣзетъ на палубу. Я старался сбросить его въ море; но тщетно. По прежнему онъ расположился близъ меня; ѣлъ и спалъ со мною. — Я возвратился на свою родину; вступилъ въ свѣтъ; посѣщалъ праздники, балы, концерты, спектакли; — но неразлучный поварищъ никогда не оставлялъ меня.

Все это одна мечта; это чловѣкъ существуетъ только въ одномъ моемъ воображеніи, — подумалъ я, и рѣшился посоветоваться съ лучшими Докторами о пользованіи мнимой своей болѣзни, предполагая достигнуть до того, что бы миѣ быть одному.

Я обратился къ одному изъ славнѣйшихъ врачей и вѣрилъ ему за тайну все происшедшее со мною. Это былъ весьма умный и смѣлый чловѣкъ: онъ обѣщалъ освободить меня отъ несноснаго призрака, никогда невыходившаго изъ моего воображенія.

„Гдѣ теперь привидѣніе?“ спросилъ онъ меня, улыбаясь: „я не вижу его.“

— Въ шести шагахъ отъ насъ, отвѣчалъ я.

„Я все таки не вижу его, возразилъ онъ. Если-бъ сей призракъ дѣйствительно существовалъ; то я бы такъ-же видѣлъ его, какъ и вы.“

Тутъ вступилъ онъ въ ученые разсужденія, коими доказывалъ, что привидѣнїя не существуютъ. Я не хотѣлъ возражать ему; но приказалъ слугамъ своимъ усыпать въ одной комнатѣ весь полъ пескомъ, и введя въ оную Доктора, заперъ дверь.

„Гдѣ теперь привидѣнїе?“ спросилъ онъ.

— „Какъ и прежде, въ шести шагахъ отъ насъ“ — отвѣчалъ я.

Докторъ засмѣялся.

— „Смотрите на песокъ, сказала я, вотъ на это мѣсто. Что вы замѣчаете? . . .“

Докторъ запрепещалъ и оперся на меня, чтобы не упасть.

„Когда вошли мы, сказалъ онъ, весь полъ былъ ровно усыпанъ пескомъ, а теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ вы указываете, я дѣйствительно вижу слѣды двухъ ногъ человѣческихъ.“

Я нахмурилъ брови и перешелъ на другое мѣсто, чтобы заславить привидѣнїе слѣдовать за мною.

— „Теперь, сказала я Доктору: что вы видите здѣсь меня? . . .“

„Слѣды шѣхъ-же человѣческихъ ногъ“ — отвѣчалъ онъ, едва переводя дыханіе.

— „Неужели вы не можете избавить меня отъ сего?“ вскричалъ я, одолеваемый поскою и опичаиіемъ: „ужели никогда не буду я одинъ? . . .“

Тутъ я увидѣлъ, что ноги привидѣнїя черпали на песку слово: „*Никогда!* . . .“

[Изъ New Monthly Magazine.]

КЪ ФАНИИ.

Помнишь, Фанни, какъ весною,
Вдоль смѣющихся луговъ,
Въ легкомъ челнѣ, я съ тобою
Несся волею въпрорывъ? . .

Помнишь, Фаннп, какъ сердечно
Любовалась ты водой;
Какъ продливъ желала вѣчно
Ты прогулку, ангелъ мой? . .

Для чего-же въ грустной жизни
Мнѣ боишься руку дань? . .
До береговъ своей отчизны
Лучше вмѣстѣ доплывать . . .

Время, какъ ручей игривый
Прошекаетъ средь луговъ,
Мчяшся, коль въ сердцахъ счастливыхъ
Дышишь свѣтлая любовь! . .

Карлгофъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

39. *Исторія Государства Польскаго.* Сочиненіе Георга Самуила Бандшке. Пер. съ Польскаго П. Г. Часть первая. С. П. бургъ, въ Тип. Россійской Академіи. Въ 8. [342 стран.]

Кромѣ Исторіи Солиньяка, переведенной и напечатанной въ шестидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, мы не имѣли до сего времени на опечественномъ языкѣ никакихъ сочиненій, прямо относящихся къ Исторіи народа, намъ соплеменнаго, и Государства, находящагося нынѣ въ единой державѣ съ Россією. Хотя Бандшке не принадлежитъ къ лучшимъ Польскимъ Историкамъ, но за всѣмъ шѣмъ книга его приноситъ важную пользу для насъ, Русскихъ, обязанныхъ основательно знать Польскую Исторію. Г. Г. очень хорошо переведшій сіе сочиненіе, заслуживаетъ совершенную признательность отъ всѣхъ благомыслящихъ соотечественниковъ, которые должны обратить вниманіе на сей достойный уваженія трудъ его.

Эта первая часть доведена до 1386 года, до эпохи соединенія Польши съ Литвою. Вторая часть, заключающая въ себѣ событія до новейшихъ временъ, печатается, и выйдетъ въ Октябрѣ сего года.

Сей первый томъ *Исторіи Государства Польскаго* продается у Издателя оной, А. Ф. Смирдина, въ книжномъ его магазинѣ у Синяго моста, въ домъ Гавриловой. Цѣна двумъ частямъ 10, съ пересылкою 12 рублей. При покупкѣ первой части выдается билетъ на вторую.

С М Ъ С Ъ.

Смотръ Журналамъ.

(Сообщено отъ Мав. Вл. Толской.)

— Въ 29-мъ Но. Галатеи напечатано письмо одной Малороссіанки къ своей пріятельницѣ, содержащее въ себѣ замѣчанія на *Монастырку*, Романъ Г. Погорьльскаго. Многіе, небывавшіе въ Малороссіи, могутъ подумать, что естественное чувство оскорбленнаго самолюбія водило перомъ Сочинительницы письма; но все шѣ, которые имѣли случай пробывать значительное время въ этомъ краю, шѣ, по долгу безпристрастія, соглашались съ ея замѣчаніями. Впрочемъ, по моему мнѣнію, никто изъ благомыслящихъ Малороссіанъ не гнѣвается на Г. Погорьльскаго за его сочиненіе: ему хотѣлось написать Романъ, и, чтобы угодить господствующему въ нынѣшнее время вкусу публики, — онъ написалъ сатирической. Вѣроятно, никто изъ читателей *Монастырки* [кромѣ, развѣ, слишкомъ скудныхъ понятіемъ о вещахъ, то есть скупо надѣленныхъ отъ природы здоровою Логикою, которыхъ, конечно, не мало на бѣломъ свѣтѣ!] не вздумаетъ искасть въ ней *общей* картины образа жизни и нравовъ Малороссіанъ: то есть, чисбы тамошнія дѣвицы [одѣвающіяся, впрочемъ, какъ говорятъ самъ же Авторъ, по моднымъ Журналамъ] ходили въ *большихъ кожанныхъ сапогахъ* и пр.; чтобы онѣ такъ-же говорили по-Французски, какъ упоминаетъ Г. Погорьльскій; чтобы въ самомъ дѣлѣ босая телушка Монастырки могла служить образцемъ для костюма Малороссійской деревенской барыни, и проч. и проч?.. Въ Романѣ

позволяется писать все, лишь-бы разсмѣшилъ читателя. Кію будетъ искасть въ Монастыркѣ общей картины современныхъ нравовъ и обычаевъ Малороссіанъ?.. Всякій благомыслящій читатель и безъ напоминаній критики увѣренъ, что въ Малороссіи весьма немного семействъ, подобныхъ семейству Дюндика, описанному Г-мъ Погорьльскимъ. Монастырка есть картина частная, а не общая; картина семейства, а не народа. Я безпристрастна, и скажу, что въ нашихъ Великороссійскихъ Губерніяхъ найдется богатый рудникъ для рѣзкой, одушевленной сатиры: лишь-бы вздумалось отрыть его комунибудь изъ Русскихъ Ювеналовъ! — Впрочемъ, за чѣмъ далеко ходишь?.. И у насъ въ Петербургѣ стѣнись только заглянувши въ цѣкопорые уголки, — Богъ знаетъ что увидишь. — Если-бъ комунибудь вздумалось предсавить въ миниатюрѣ какое либо семейство, — неужели по этому стали-бы судить о картинѣ жизни и нравахъ цѣлой Сподицы?.. Неужели по Намалѣ Павловнѣ, изображенной въ Графѣ Нулинѣ, можно имѣть общее понятіе о Русскихъ дамахъ?.. Неужели можно опредѣлительно заключить о нравственности Петербургскихъ дамъ по совету, котораго спрашиваетъ у нихъ Пѣвецъ Нулина, чтобы вывести изъ затруднительнаго положенія свою геронню?.. Кажется, нельзя и неблагоприятно. — Мнѣ кажется, что шутки на счетъ Французскаго языка, обращаемыя Г. Погорьльскимъ на Малороссійскихъ дѣвицъ, дѣйствительно могутъ показаться устарѣлыми въ настоящее время: онѣ были молоды, и следовательно были пріятны, во времена фонъ Визина. — Ахъ! не лучше-ли было заглянуть куданибудь повыше и поближе?.. Это еще небольшая укоризна для Русскаго народа, если Малороссійскія дѣвицы плохо говорятъ по-Французски. Въ Парижѣ, какъ полагаю должно, найдется многіе Французы, которые еще плоше говорятъ по-

Русски. Но вопъ чпо худо: у насъ, въ Россіи, найдутся многіе, которые именами своимн обя-заны поддерживать добрую славу имени Русскаго, правды которыхъ были опорами отечества, но они — едва умѣютъ объясниться съ слугами своимн по-Русски, и не вѣняютъ себя въ по-рокъ пезнаніе языка отечественнаго! — Спраши-ваются: чѣмъ болѣе оскорбляется чувство на-роднаго самолюбія? . .

М О Д Ы.

П а р и ж с к і я.

(25 Юля н. с.)

Между платьями изъ киссен [organdi], вышиваемыми шерстью, замѣчаются шныя, у коихъ подъ рубцомъ вышиты букеты boule de neige. Листья ихъ вышиваются зеленою, а цвѣты бѣлою шерстью. Рукава короткіе и на каждомъ изъ нихъ по вышитому букету.

Нѣкоторыя же платья изъ той же матеріи вышиваются шерстью и шелкомъ вмѣстѣ. По-левой макъ и васильки составляютъ букеты; первые вышиваются красною шерстью, а послѣд-ніе голубымъ шелкомъ.

Тюлевая капезу, обшитыя кружевомъ, часто надѣваются на гроденаплевые полосатыя платья. На гуляньяхъ носятъ платья изъ той-же ма-теріи съ широкими полосами: одна полоса бѣлая, а другая цвѣтная. На спинѣ и на груди соспав-ляются изъ сихъ полосъ шевроны.

Весьма широкая газовая лента, надѣтая на шею, и составляющая на срединѣ груди розетку, называется collier à la napolitaine.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издапель Свѣ. Меркурія убѣдительноше про-сипъ всѣхъ Любителей отечественной Исторіи, имѣющихъ въ рукописяхъ какія либо свѣдѣнія, ка-сающіяся до жизни и службы Государственнаго Канцлера *Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина*, доставить оныя ему на самое корот-кое время. Составляя полное его жизнеописаніе, Издапель Свѣ. Меркурія имѣетъ надобность во всѣхъ матеріалахъ, относящихся къ сему предме-ту, и почтетъ себя обязаннымъ душевною призна-тельностью всѣмъ тѣмъ особамъ, коимъ благоуго-дно будетъ содѣйствовать ему, въ предпринимаемъ имъ трудѣ, исполненіемъ сей покорнѣйшей его просьбы. Доставленные къ нему рукописи, по извлеченіи изъ нихъ всего нужнаго, будутъ воз-вращены немедленно къ приславшимъ ихъ осо-бамъ въ совершенной сохранности. Всѣ пакеты можно адресовать въ Библіотеку для чтенія А. Ф. Смирдина [находящуюся у Спасскаго моста, въ домъ Гавриловой], написавъ на оныхъ: *Изда-телю Свѣрнаго Меркурія.*

Загадка, помѣщенная въ прошедшемъ No, зна-читъ: volant.

Л О Г О Г Р И П Е.

Avec cinq pieds on me monte sur deux;
Mon chef à bas, je coule en un pays heureux;
Mon chef encore à bas, je blanchis tes cheveux.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамаъ и пят-
ницамаъ.

№ 93.

Цѣна годовому изданію,
состолицему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 4 АВГУСТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

КРЫЛЯ АМУРА.

(Изъ Парни.)

Однажды мы съ Алпаидой нашли Амура, спящаго на розовомъ ложѣ. „Плѣнимъ его, сказа-ла мнѣ шихо Алпаида, и унесемъ въ нашу хижину: мы насладимся его муками, и попомъ освободимъ его; надобно только украсимъ его лукъ и обрѣзать крылья.“ — „Крылья обрѣжемъ, опѣвѣчалъ я, но лукъ пусть останешся.“

Мы пришли за работою: вѣдемъ гирлянды изъ розъ, связываемъ ими руки и ноги бога, и уносимъ его въ наше жилище. Онъ пробуждается, и хочетъ разорвать свои оковы; но они были сплѣтены руками моею Алпаиды! Не могли никакъ освободиться, онъ началъ плакать. „Ахъ! возвратите мнѣ свободу, кричалъ онъ; если вы будете долго держать меня въ плѣну, то я сдѣлаюсь похожъ на Гименя.“ — Хорошо, мы отпустимъ тебя; но сперва надобно обрѣзать у тебя крылья. — „Какъ! вы будете столь жестоки?“ — Да, ты сдѣлаешься отъ того любезнѣе, и это принесетъ большую пользу вселенной. — „Какъ я несчастливъ! но когда ни просьбы мои, ни слезы не могутъ пронуть васъ, дайте, я опрѣжу ихъ самъ!“

Тогда онъ опрѣзалъ свои крылья, и положилъ ихъ къ ногамъ Алпаиды. Я былъ удивленъ, видя Амура столь покорнымъ.

Мы беремъ его попеременно на колѣна. — Безразсудный! я осмѣлился играть съ сильнѣйшимъ

Томъ 2. № 93.

и вѣроломнѣйшимъ изъ боговъ. Новый жаръ овла-дѣвалъ всѣми моими чувствами. Взоры Алпаиды говорили мнѣ, что она чувствовала пѣже мученія. Она бросилась на дернъ; я сълъ подлѣ нее; я вздохнулъ; она томно посмопирѣла на меня; я ее понялъ . . . . О ужасное чудо! при первомъ поцѣлуѣ нашемъ, крылья Амура стали распу-сва. Они примѣшно увеличивались, по мѣрѣ пого, какъ мы предавались восторгамъ любви своей, и наконецъ были столь велики, какъ и прежніе.

Тогда богъ посмопирѣлъ на насъ съ коварною улыбкой. „Знайте, сказалъ онъ, что любовь не можетъ быть безъ крыльевъ. Пусть опрѣзываютъ ихъ у меня; наслажденіе опять мнѣ возвращаетъ ихъ: вы увидите скоро, что пенерешиія ни чѣмъ не хуже прежнихъ.“

Увы! предсказаніе бога исполнилось. Но мщеніе его обратилось на меня одного. Алпаида мнѣ измѣнила, и я плачу о ней, вмѣсто того, чтобы забыть ее. Напрасно я хопѣлъ любить другихъ; я чувствую, что любить можно только однажды.

Ф. Дельковъ.

Б У Р Я.

Тучи темныя сошлись,
Ярко молніи блестятъ;
Громы съ громами сперлись,
Ихъ перуны все разлѣтъ;
Горы съ прескомъ упадаютъ,

Преклоняюся явса,
Камни въ воздухъ летаютъ
И пылаютъ небеса.
Вотъ природы разрушенъе,
Вотъ погибельный конецъ!...

Нѣтъ! душъ успокоенье
Снова шлетъ благой Творецъ:
Солнце яснымъ лучами
Отогнало прочь отъ насъ
Молвы съ грозными громами.

Беззаконныя дѣлами!
Буря есть подобье васъ:
Вы страшнѣе все низвергнуть,
Добродѣтель истребить,
Сущность Бога опровергнуть
И невинность развратить.
Но невинность побѣждаетъ
Ваши козни доброшюй,
И средь васъ она сіяетъ
Свѣтлой себа красошюй.

III.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

40. *Театральный Альманахъ на 1830 годъ.*
С. П. бургъ, въ Тип. Плюшара, 1830. Въ 16.
(354 стран.)

Отрывки изъ разныхъ Театральныхъ пѣсень, изъ коихъ нѣкоторыя напечатаны уже особо, составляютъ эту книжку. Къ нимъ прибавлено немного Анекдотовъ, по содержанию своему вовсе несоответственныхъ съ планомъ Театрального Альманаха; впрочемъ одинъ или два изъ нихъ довольно забавны. Публика давно уже негодуетъ на помещаемыя иногда и въ Литературныхъ Альманахахъ отрывки изъ поэмъ и Драматическихкихъ сочиненій, не заключающіе въ себѣ отдѣльной части сочиненія, изъ котораго заимствованы, но есць немнѣющіе ничего цѣлаго; — но можетъ-ли доставить ей удовольствіе книжка, вся составленная изъ отрывковъ, а что всего хуже, изъ отрывковъ, скудныхъ по содержанию

своему и рѣшительно немнѣющихъ никакого литературнаго достоинства. Безвкусіе собираателя, прудившагося въ составленіи сей книжки, примѣрно: опасаясь быть несправедливымъ, мы не убѣждаемся въ плоть мнѣнія, чтобы нѣкоторыя изъ пѣсень были такъ плохи въ цѣломъ, какъ показывають помещенныя изъ нихъ отрывки, и думаемъ, что, вѣроятно, можно было-бы сдѣлать изъ нихъ выборъ удачнѣе. — Лучшіе отрывки изъ помещенныхъ въ Театральномъ Альманахѣ суть слѣдующіе: изъ Трагедіи: *Ерццакъ*, соч. Г. Хомякова; изъ Шекспировой Трагедіи: *Макбетъ*, пер. Г. Рощева; изъ Шиллеровой Трагедіи: *Донъ Карлосъ*, пер. Г. Ободовскаго; изъ Греческой Драмы: *День паденія Мисололги*, пер. Э. Э. Кошкина; изъ Трагедіи: *Прародительница*, пер. Г. Ободовскаго. Довольно; мы и то, кажешся, показали болѣе, нежели сколько-бы надлежало.

Въ началѣ сей книжки напечатана статья, въ которой Сочинитель хотѣлъ преснавить нынѣшнее состояніе Драматической Литературы, сценическаго искусства и реляцію Театральныхъ дѣйствій прошедшаго года. Говоримъ *зотъ*, ибо мы видимъ это изъ начальныхъ строкъ сей статьи; но у Автора, при ея сочиненіи, образъ мыслей нѣсколько разъ измѣнялся: отъ этого вышло такое разнорѣчіе, что поодку не добѣшся, о чемъ идетъ дѣло. Авторъ разсудяетъ, что главная причина, по которой у насъ *мало* Литераторовъ, и которая препятствуетъ успехамъ нашей Словесности, есть — Государственная служба! Это онъ основываетъ на слѣдующемъ силлогизмѣ: подобно-де не рѣшмы, принскивать, а писать отношенія и записки. Дѣло попятное: Авторъ разумѣетъ въ семъ случаѣ такихъ писачекъ, копорыхъ, за принскиваніе рѣшмы, надлежало-бы сѣчь розгами, и приговаривать: не пиши! не пиши! — „Вся служба, говоритъ Авторъ, иныхъ отъ разсѣянія, *сдѣлается Эпиграммною* (?), — или даже Элегіею (Театр. Альм.

спран. 6): „Жизнь человеческую называютъ Драмою: не въ силу ли этого служба можетъ сдѣлаться Эпиграммою? . . Не понимаемъ! — „Когда же, продолжаясь Авторъ, дневные труды по службѣ кончатся, то наслажденіе лѣности опытаешь часто самья *письмо-охотникъ* руки макавыми гирляндами — и прощай Литература!“ — Эки сонн! Впрочемъ лучше, чтобъ они спали, чѣмъ писали! Да пригрѣзится-ли имъ во снѣ, что ихъ *письмо-охотникъ* руки *опутаны макавыми гирляндами*. Едва-ли! — „Рѣдко хорошій писатель, говоритъ Авторъ, былъ хорошимъ должностнымъ человекомъ.*“ На основаніи сего, мы утверждаемъ, что Авторъ упоминаемой статьи долженъ быть весьма хорошій должностной человекъ. — Вотъ краснорѣчіе! Вотъ Логика! Что касается до разпорѣчій Автора въ прочихъ его сужденіяхъ, то они крайне забавны: онъ сперва горюетъ, что Драмапическіе (не комическіе-ли?) Писатели не имѣютъ никакихъ денежныхъ выгодъ, а потомъ, черезъ нѣсколько спрапическихъ, вѣроятно забывъ о написанномъ прежде, сѣпуетъ, что и за эфемерныя бенѣфисныя произведенія платятъ вири-дорого! — Какъ согласить это? На чемъ основаться? . .

Чѣмъ-бы пожвниться отъ Театрального Альманаха? . . Кажется, нѣчѣмъ! — Развѣ двумя водильными куплетами? — Вотъ они:

Любовь, повѣрше, вещь пустая,
Давно ужъ свѣтъ не въришь ей.
Жена пусть будетъ и журналъ,
Лишь деньги были-бы у ней.
Любовь съ годами пропадаетъ,
Она, какъ легкій дымъ, пройдетъ:
Лишь въ службу Гимней вспуасетъ,
Амуръ въ отставку подаетъ.

(Изъ Водевиля: *Кредиторъ путешественникъ*.)

(*) Почему-же это? . . Неужели только безграмотные могутъ быть хорошими должностными людьми? — *Изд.*

Какъ чудесъ свѣтъ, хоть очень толкъ!
Иная мапушка твердитъ,
Что дочь ея совсѣмъ ребенокъ,
А не ребенкомъ дочь глдитъ.
Вотъ по какой ошибкѣ спрапной
Намъ пѣжность въ немнѣ смѣша:
Иную звать пора-бы Анной,
А все Анечка она.

(Изъ Водевиля: *Молоды и старъ; женаты и нты*.)

Если это не понравится, такъ ужъ лучшаго, право, не доищешься! —

А вотъ образчикъ въ другомъ родѣ:

(Гуго (въ креслахъ,) Эльвира (на колыняхъ возлѣ арфы: часы бьютъ двѣнадцать (ночи).)

Г у г о.

Мой *призывный часъ* пробилъ.
Сжался! дай чего желаю,
Что мнѣ нужно . . .

Э л ь в и р а.

Пошмаю.

Люди невѣрующіе, которые вздумаютъ усомниться въ справедливости нашихъ выписокъ, благоволяте сами, если угодно, опыската эпо на 206-й спрапцѣ Театрального Альманаха.

Ар. Зав.

С М Ъ С Б.

Смотрѣ Журналамъ.

(Сообщено отъ Мав. Вл. Толской.)

— Въ 42-мъ Но. Лип. Газеты, въ статьѣ Г. Капеллина: *Размышленія и Разборъ*, на спрап. 46-й, въ лѣв. столб., я замѣтила новенькое словечко: *оподлить*. Это словечко, по моему мнѣнію, облагоорожено въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, что вспрѣчается въ Газетѣ, которая безпрѣстанно разсуждаетъ о слогѣ и тонѣ хорошаго обществана и п. п. Во всякомъ другомъ случаѣ подобныя выраженія легко могутъ *оподлить* достоинство хорошаго слога.

— Въ помъ-же Но. Лит. Газеты, въ кой-же спашь, на кой-же страниць, и въ помъ-же столбцъ, Г. Капенинъ предлагаетъ слѣдующій совѣтъ: „кто хочетъ знать вполнѣ Аріоста, „пусть научится *читать* по-Итальянски.“ Справное дѣло! Неужели только надобно выучиться *читать*, чтобы разумѣть Писателя?.. Неужели и самъ Г. Капенинъ только умѣетъ *читать* по-Итальянски, а между тѣмъ размышляетъ объ Итальянскихъ Поэтахъ и разбираетъ ихъ?.. Непонятно!.. Выучиться читать на какомъ нибудь Европейскомъ языкѣ весьма легко, но чтобы разумѣть его — другое дѣло! Многіе наборщики въ Типографіяхъ умѣютъ *читать* по-Итальянски: не думаю, чтобы они знали вполнѣ Аріоста!—Неужели не шумитъ Г. Капенинъ(*)?..

— Въ 30-мъ Но. Дамскаго Журнала расхваливается Драма: *Людмила*(**). По дѣломъ ей! —

А Н Е К Д О Т Ы.

1. Одинъ щеголь, пообѣдавъ въ рестораціи, въ Пале-Рояль, спрячалъ себѣ въ карманъ столовой приборъ. Трактирный мальчикъ, подавая счетъ ему, замѣтилъ это, и весьма хладнокровно взявъ перо, добавилъ въ счетъ цѣну прибора. Похиппелъ немедленно все заматилъ, радуясь, что опдѣлался такъ дешево. Мальчикъ-же, провожая его, сказалъ весьма вѣжливо: „если вамъ, М. Г., и впредь понравится что нибудь въ нашей рестораціи, я покорнѣе прошу располагать всѣмъ, чѣмъ угодно, какъ своею собственностію.“

2. „Пушечные выстрѣлы не могутъ разбудить нѣкоторыхъ людей“ — говорили недавно въ со-

(*) Эта привязка, по моему мнѣнію, не совсемъ основательна: это Г. Капенинъ пишетъ для того, чтобы только читали, а не понимали. *Изд.*

(**) См. 73, 74 и 85 NN. Свѣ. Мерк.

брании у Г-жи Ж. Многіе изъ собесѣдниковъ представили тому нѣсколько примѣровъ, а Г. Н. утверждалъ, что у одного изъ его пріятелей, во время сна, пога сгорѣла, и что онъ проснулся не прежде, какъ уже огонь добрался до его колына. Всѣ засмѣялись сему разсказу, а Г. Н. утѣрялъ въ справедливости сего случая, вызываясь на доказательство. Ему предложили пари, на которое онъ согласился.

„Теперь, милостивые государи, прошу пожаловать за мною“ — сказалъ Г. Н.: пріятель мой имѣлъ двѣ ноги до этого происшествія, которое лишило его одной — деревянной; я увѣрю, что онъ пожертвуетъ новою своею ногой, чтобы доказать вамъ мною сказанное и доставить мнѣ случай выиграть закладъ.“

М О Д Ы.

Моды воспользовались Алжирскою экспедиціею: многія матеріи получили новыя названія; теперь появились ленты изъ Алжирскаго газа; серьги дѣлаются полумѣсяцемъ; а головные уборы называются Алжирскими. *Sable d'Alger* и *tante d'Alger* модные цвѣта для платьевъ. Шляпки называются *à la vainqueur*: На фулярахъ и опаксахъ изображаютъ однимъ рисункомъ Алжиръ, осаду крѣпости Императорской и обь арміи.

Логогрифъ въ прошедшемъ Но. значитъ: *etage, Tage u âge.*

Е N I G M E.

Mes deux yeux sont ouverts, pourtant je ne vois rien.
Ma bouche est entr'ouverte, eh bien! je ne dis rien;
Cependant plusieurs mots s'échappent de ma bouche;
Très-souvent de mes yeux partent de doux regards;
Mon front ne rougit point pour quelques mots gaillards;
Et je possède un nez que jamais on ne mouche.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
викамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 94.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 6 АВГУСТА, СРЕДА.

СМЕРТЬ МАРИИ СТУАРТЪ.

(Отрывокъ изъ *Исторіи Шотландіи Вальтера-Скотта.*)

.... Однако, не смотря на предубѣжденіе
всѣхъ подданныхъ въ ея пользу, Елисавета не
хотѣлось показать себя причиною смерти Ма-
рин. Особы, имѣвшія надзоръ надъ несчастною,
безпрестанно получали письма отъ Англійскихъ
Министровъ, о томъ, что первые принесли-бы
величайшую пользу Вѣрь и ея Защитницѣ (*),
умершавшей тайно Королеву Шотландскую. Но
сн жестокіе спражи, не смотря на всю свирѣ-
пость ихъ, въ отношеніи къ царственной плѣн-
ницѣ, были къ нимъ внушеніямъ непреклонны;
ибо знали, что хитрая Елисавета не замедли-
ла-бы сложить на нихъ однихъ всю гнусность
сего поступка, и заставила ихъ же самихъ отвѣ-
чать за него имѣніемъ и жизнію. Однако она
обнаружила къ нимъ свое неудовольствіе и Поле-
та (Paulet) называла *слабыми трусами, ко-
торый хвастается своею вѣрностію; но не умѣетъ*
доказать ее на дѣлѣ.

При всемъ томъ, по причинѣ непреклонности
Полеа и Друри, надобно было дать сему дѣлу
всѣ наружныя формы суда. Елисавета подписала
повелѣніе (warrant) о приведеніи въ исполненіе
смертнаго приговора Королевы Шотландской;—и
поручила Секретарю своему, Дависону, укрѣпить
его Большою печатью; что и было на другой

(*) Defensor fidei, титулъ Англійскихъ Государей.

Пр. Перев.

Томъ 2. № 94.

день исполнено въ Тайномъ Совѣтѣ. Узнавъ о
томъ, хитрая Елисавета изъявила большое не-
годованіе Дависону, и сказала ему, что, по мнѣ-
нію людей просвѣщенныхъ, съ Марією можно-бъ
было поступить иначе. Сей, видя въ этой мнимои
переменѣ образа мыслей Елисаветы свою гибель,
сообщилъ о всемъ подробно Канцлеру Королев-
ства. И когда сей послѣдній объявилъ это Тай-
ному Совѣту, то всѣ Члены онаго единогласно
рѣшились принять на себя всю отвѣтствен-
ность, кою могла-бы подвергнуться Коро-
лева. Они тогда же послали съ Билемъ (Beale),
Актуаріусомъ Совѣта, ужасную бумагу къ Гра-
фамъ Кенпу и Шрюсбурн, для немедленнаго испол-
ненія.

При полученіи страшнаго вѣсти, Марія сохра-
нила величайшую твердость духа. — „Душа, го-
ворила она, душа, которая пренещетъ при видѣ
„эшафота, недостойна радостей небесныхъ. Я хо-
„пя и не думала, что сестра моя изрѣчетъ мой
„смертный приговоръ; но пѣтъ не менѣе охотно
„повинуюсь моеи судьбѣ.“ Она потпачетъ попре-
бовала той помощи, кою одна оспасается
при дверяхъ гроба; но и въ семъ снисхожденіи,
копоре дѣлающъ величайшимъ злодѣямъ, ей бы-
ло отказано. Тогда несчастная изложила наскоро
послѣднюю свою волю въ короткихъ, исполненныхъ
чувствъ, письмахъ къ роднымъ своимъ, бывшимъ во
Франціи. Она раздѣлила все, что у ней было
драгоценнаго, своимъ людямъ, прося ихъ хранить

сии подарки въ память ихъ Королевы. Сими распоряженіями занялась она вечеромъ наканунѣ дня ея казни.

8 Февраля 1587 года, Королева Шотландская, сохраняя всю крепость души и свойственное ей величіе, вышла на большой дворъ замка, гдѣ былъ приговоренъ эшафотъ, покрытый чернымъ сукномъ. Гофмейстеръ ся, Мельвиль, получилъ тогда позволеніе проститься съ его Государынею, коюрой онъ споль вѣрно служилъ. Онъ упалъ къ ея ногамъ при горчайшихъ рыданіяхъ и укоряя судьбу, которая опредѣлила ему пережить Марію Стюартъ и принести въ Шотландію горестную вѣсть о ея казни! — „Не плачь, добрый мой Мельвиль!“ — сказала Марія: „но радуйся, что „сегодня смерть избавитъ меня отъ всѣхъ „спраданій.“ Насилу могла она выпросить, чтобы позволили дамамъ ея проводить ее на эшафотъ, и когда ей возражали, что вопли ихъ могутъ пронзесить безпорядокъ, она сказала, что ручается за своихъ прислужницъ въ сохраненіи тишины.

Свѣвъ на страшный шабурешъ, она хладнокровно выслушала приговоръ, прочтенный Билемъ, и, казалось, не обращала ни малѣйшаго вниманія на увѣщанія Епископа Петербургскаго, къ спасенію котораго не принадлежала, ибо была непоколебима въ Римскомъ исповѣданіи. Она молила Небо о прощеніи грѣховъ ея, — по обряду своей Церкви. Потомъ начала снимать съ себя пѣ одежды, копорыя могли препятствовать совершенію казни, и когда помощники палача хотѣли ей въ помъ пособить, она скромно отвѣчала, что не желаетъ имѣть подобныхъ служителей. Потомъ крошко упрекнула своихъ жепницъ, копорыя не могли удержаться отъ воплей, и, съ величайшею твердостью духа, положила голову на плаху. Палачъ, двумя ударами, отдѣлилъ сію голову, носившую двѣ короны (*), и когда возвысилъ

ее надъ эшафотомъ, то Декашъ Петербургскій возгласилъ: „такъ погибнуть всѣ враги Королевы „Елисаветы!“ Ни одинъ голосъ, кромѣ Графа Кенпа, не могъ произнести: „Аминь.“ Всѣ прочіе задыхались отъ слезъ и рыданій.

Таковъ былъ конецъ Маріи Шотландской, имѣвшей тогда не болѣе сорока четырехъ лѣтъ. Дарованіе ея и умъ были не менѣе ея красоты. И нельзя сомнѣваться ни въ естественной добротѣ ея сердца, ни въ величій ея души. Не смотря на все то, она была изъ несчастнѣйшихъ Государей, копорымъ когда либо была поручена судьба народовъ. И сии несчастія сопровождали ее отъ колыбели до . . . эшафота!

О. Дьяковъ.

ВЪ АЛББОМЪ Н.

Счастливыи даръ владѣшь перомъ
Съ моею не ладить головою:
Я плохо съ музами знакомъ,
Онъ смѣются надо мною,
И ждуть теперъ съ улыбкой злою,
Что напишу я Вамъ въ Альбомъ.
Какъ бышь! Я ихъ люблю душою:
Пусть ихъ смѣются въ добрый часъ,
Я радъ смѣшнѣе и ихъ, и Васъ.

Смѣшнаго много есть на свѣтѣ:
Повѣсь и модныхъ шамуновъ,
Педаптовъ, въпрениць, шушовъ
У всѣхъ довольно на примѣтъ.
Иной на зеркальномъ паркени
Усердный рыцарь мильхъ дамъ,
Весь вѣкъ кружится по баламъ,
Или въ уборномъ кабинетѣ.
Другой для пары острыхъ словъ,
На свѣтѣ все бранишь готовъ!
А третій — обществу прелестныхъ,
Въ жару воспорговъ неумѣстныхъ,
Снихи чипаетъ не випадъ
Тогда — какъ слушанъ не хотлятъ!
Последній спрахъ смѣшонъ бываешъ,
Но попъ ужъ вѣрно всѣхъ смѣшнѣй,

(*) Французскую и Шотландскую. *Прим. Перев.*

Который самъ спихи мараешь
 На зло всѣхъ Музъ, на зло людей,
 На зло и совѣспи своей!...
 Увы! къ числу Пѣвцовъ несчастныхъ
 Пришлось и мнѣ принадлежать....
 Чшожь дѣлать?.. надобно молчать,
 И въ угожденіе прекрасныхъ
 Хоть и смѣшнымъ быть, да писать!..
 Но я немного списхожденя
 Желан для своихъ проказъ:
 Гдѣ опыскать мнѣ вдохновеня?
 Я былъ Поэтомъ на заказъ!...

IV.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

41. *Эхо*, Литературный Альманахъ 1830.
 Москва, въ Типограф. С. Селивановскаго. Въ 16.
 (IV и 241 стран.)

Этотъ Альманахъ довольно уже давно получилъ въ Петербургъ; но до сего времени ни въ одномъ еще изъ здѣшнихъ Журналовъ не опоздалось о немъ *эхо*! Между тѣмъ Телеграфъ и Галатея провозгласили, что онъ изданъ съ благотворною цѣлю, и оба сіи Журнала, по чувству филантропін, совѣтуютъ покупать эту книжку, ибо выручка назначена для добраго дѣла. Мы жалѣемъ, что Издатель сего Альманаха не употребилъ средствъ, которыхъ были-бы дѣйствительнѣе для лучшаго достиженія его цѣли: предварительно объявивъ о ней, ему надлежало-бы обратиться ко всѣмъ хорошимъ нашимъ Писателямъ, и, вѣроятно, каждый изъ нихъ усердно пожертвовалъ-бы *хорошою* прозою и стихами. Такимъ образомъ могъ бытъ составленъ Альманахъ, который по литературному своему достоинству заслуживалъ-бы вниманіе публики, — и сія послѣдняя благосклоннѣе приняла-бы *хорошую* книжку, изданную съ благородною цѣлю. Теперь же, Свѣ. Меркурій, по примѣру упомянутыхъ Журналовъ, считаешь обязанностію своею также попросить читателей своихъ купить

эту книжку, напоминая, что каждый изъ нихъ пожертвованіемъ незначущей суммы сдѣлаешь — доброе дѣло! Купившій книжку прочтетъ въ ней спашью подъ названіемъ: *Столица*, которая одна только изъ четырехъ прозаическихъ спашей, напечатанныхъ въ ней, не дурна; прочтетъ и большихъ пясть или шестъ пьестъ въ стихахъ, и — изъ уваженія къ благородной цѣли Альманаха, будетъ снисходителенъ къ недоспашкамъ прочихъ произведеній, его составляющихъ.

Между тѣмъ *Эхо* опличается особенною новостію въ своемъ родѣ: изъ всѣхъ напечатанныхъ въ семъ Альманахѣ прозаическихъ и стихотворныхъ пьестъ ни подъ одною нѣтъ Авторскаго имени. Выдумка, не совсѣмъ полезная собственно для Альманаха, но ещѣ для цѣли, съ которою онъ изданъ (ибо у насъ многіе покупаютъ Альманахи, заключая о литературномъ достоинствѣ ихъ по Авторскимъ именамъ, въ нихъ находящимся); но весьма выгодная для бѣльшей части Гг. Авторовъ, помѣспившихъ въ семъ Альманахѣ свои сочиненія, ибо, къ сожалѣнію, весьма немногія изъ сихъ послѣднихъ примѣчательны. Впрочемъ по духу и содержанію пьестъ легко можно узнать нѣкоторыхъ Поэтовъ, какъ на примѣръ (если не ошибаемся!!) *Э. Н. Глинку*:

Разкрылся сумракъ, будто кто-то
 Ко мнѣ идетъ,
 И, упомятому заботой,
 Покой несетъ.
 Спройна и бѣлая одежда,
 Какъ депъ видна,
 Шаговъ не слышно... Такъ *Надежда*....
 Ужель она? —

Жалѣемъ, что такихъ пьестъ немного въ этомъ Альманахѣ! — Въ Посланіи къ А. Н. В—у, хотя Сочинитель въ первомъ стихѣ проситъ *не называть его Поэтомъ*; но Г. В. не имѣетъ права исполнить его просьбу: Я..... общимъ голосомъ публики именуется Поэтомъ. Въ этомъ Посланіи, Сочинитель прощается (не въ пер-

вый и разумѣется не въ послѣдній разъ, будь
сказано мимоходомъ—)

съ молвой,
Съ своей Камѣной молодой,
Съ бутылкой, гаркой, Телеграфомъ,
Съ П. А. Канастеромъ, Вагшпафомъ,
И просвѣщенной суепою.

Сочинитель хочеть

въ своемъ Киммеріонѣ,
Въ святой семейственной глуши
Найти счастливыи миръ души
Роднаго дружества на лонѣ!

Дай Богъ! — Сочинитель увъряеть Г. В.:

Не врешь? Знай же: пивой Пивецъ
Теперь совсѣмъ преобразованъ;
Простыль (*), смиренъ (?), разочарованъ;
Всему конецъ, всему конецъ!

Далѣе, Сочинитель воспоминаеть слѣдующее:

Я помню, милый мой, когда-то
Мы веселились за одно,
Любили жизни торюватой
Прохлады, пѣсни и вино;
Я помню, пламенной душою
Ты восхищался, какъ тогда
Возсіявала надо мною
Надеждъ возвышенныхъ звезда;
Какъ, рано славою залпленъ (**),
Въ раздолъ вольнаго жиптя,
Гулялъ студенески беспеченъ,
И съ лирой мужествовалъ я!

Довольно!.. На сихъ выпискахъ мы основываемъ
свою догадку въ имени Поэта, которыи студенески
беспечно мужествовалъ съ своею лирою!—

Куплеты, посвященные К. З. А. В—ой, мы
приписываемъ Г. Ш., Поэту, въ произведеніяхъ
котораго не рѣдко встрѣчаюися хорошія мысли,
удачно выраженные Поэзіею.

Неужели ни одной изъ нашихъ догадокъ нѣтъ
справедливой? . .

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

(*) По пламеннымъ спивкамъ Поэта — энаго не ви-
дно. *Ар. Зав.*

(**) Это сказано неможко самолюбиво; — но не-
можко быть самолюбивымъ дозволяеть хоро-
шему Поэту! — *Ар. Зав.*

М О Д Ы.

П а р и ж с к і я.

(25 Іюля п. с.)

—Различныхъ родовъ рукава называются
à la mameluck. Нѣкоторые изъ нихъ опмѣно
широки опъ плеча до самой кисти, гдѣ окапчи-
ваются перехватомъ; другіе перехвачены выше
локтя; иныя-же бывають перехвачены плъ
разъ, начиная опъ локтя до кисти.

—Замѣчаюися блондовые чепцы, у коихъ въ-
нокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ поддерживаешь
спереди опдѣлку.

—Гроденаплевые бопинки въ большомъ упо-
требленіи: конецъ у нихъ четвероуголенъ. Нѣ-
которые изъ нихъ шнуруются спереди.

—Рисунки, изображающіе взлпше Алжира или
что либо опносящееся къ сему происшествію,
безпрестанно умножаюися. Экраны, шторы,
опахалы предспавляють различныя мѣстополо-
женія Алжира. Лепны и матеріи начали уже
заимствованъ, своя именованія опъ береговъ
Африки, ибо во Французскихъ модахъ занима-
тельность названія неразлучна съ предестію
изобрѣщенія. (*Petit Courrier des Dames.*)

Логотифъ въ прошедшемъ No. значить
masque.

С H A R A D E.

Armé de mon premier, le doigt léger d'Elise
S'exerce avec adresse au bel art d'Arachné.
Par mon dernier un singe excitant la surprise,
D'un peuple curieux se voit environné.
L'homme franc hait mon tout, le blâme et le mépris.

СВѢРНЫЙ МЕРКУРІЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаѣ и пят-
ницамъ.

№ 95.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 57 рублей.

1830, 8 АВГУСТА, ПЯТНИЦА.

ОДНО СЛОВО.

(Подражаніе иностранному.)

Одно слово! Сколько заключается въ этомъ словѣ! Сколько выражено пятью буквами!.. Однимъ словомъ можно занять Филолога на цѣлыя сутки, не истощая предмета: столько оно можетъ быть разнообразно, многосложно; столько неисчерпаемо для наблюдателя!—

Одно слово! Это имѣетъ тысячу измѣненій въ смыслѣ. Это важно и ничего не значить. За одно слово два человека дерутся на смерть, цѣлыя Арміи сражаются. За одно слово судятся; за одно слово мирятся. Главное сосиоить въ значеніи сего слова.

Иногда желаніе сказать острое слово заставляеть сказать дерзкое слово.

Иногда говорятъ (тѣ, которые пользуются особою привилегією) словечко на ухо начальнику, и это словечко часто бываетъ вредно для некоторыхъ, нежели тысяча словъ, сказанныхъ о нихъ вслухъ. Въ непріемный день просипель является къ судѣ, желая сказать ему только одно слово, и ему отказываютъ. Какая жестокость! Для одного только слова судья не имѣетъ времени! Важнаго-же или богатаго просипеля судья принимаетъ на одно слово — и нѣсколько часовъ слушаетъ это слово; другіе-же бѣдные испицы ждутъ, пока кончится это слово, и не дождавшись, должны идти обратно.

Толкъ 9. № 95.

Острое слово болѣе всего имѣетъ свою выгоду и невыгоду: нередко случается, что за такое слово выходятъ въ люди; чрезъ одно слово дѣлаются извѣстными, и за одно-же слово впадаютъ въ безвѣстность.

За однимъ словомъ Поэтъ просияживаетъ цѣлыя сутки, и оно не дается, между тѣмъ какъ тысяча ненужныхъ словъ приходитъ ему въ голову. Одно слово украшаетъ періодъ; одно слово портитъ всю пьесу.

Изъ всѣхъ злоупотребленій наибольшее сосиоить въ употребленіи словъ.

У дѣтей свое слово; нѣкоторыя жепцины имѣютъ свое честное, собственно имъ принадлежащее слово; у купцевъ свое последнее слово; у каршежныхъ игроковъ свое благородное слово. Но кто-же вернитъ этимъ словамъ?..

Словомъ, нѣтъ ничего прекраснѣе, ужаснѣе, умнѣе, утѣшительнѣе, и имѣетъ способность привести въ опчаяніе, — какъ одно слово, сказанное во время или неспани, вслухъ или на ухо, въ веселомъ расположеніи духа или съ угрюмымъ видомъ, днемъ или ночью, послѣ обѣда или напощакъ. Для ннхъ это слово есть самая вредная, а для другихъ самая полезная вещь въ свѣтѣ; для ннхъ оно слишкомъ непріятно, а для другихъ весьма восхищательно.

Я бы могъ сказать вамъ еще нѣсколько словъ; но боюсь, читатели, чибобъ вы не поймали меня за слово.

Э.

З Д Ъ С Ъ И Т А М Ъ.

Гдѣ л? Чпо л? Чпо ждешъ меня вдали?
 Какое мнѣ въ сей жизни назначенье?
 Сыиъ побѣ я — иль горсть земли,
 Случайной прихоти шворенье? ..
 Я опблескъ Вѣчнаго, подобіе боговъ;
 Такъ сомнѣвался, такъ вѣрли и прежде.
 Но сомнѣваться-ль въ шомъ? .. Повѣришь-ли
 надеждъ,
 Мечтательной красѣ безумныхъ мудрецовъ?
 Я вѣрю ей — я вѣришь ей жслато;
 Но *тамъ* она вѣриве-ли, чѣмъ здѣсь?
 Когда умру — умру-ли весь? ...
 Отвѣтъ одинъ: *не знаю!* ..

N.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

*Альманахъ: Эхо,
 (Окончаніе.)*

Сужденіе наше объ эптомъ Альманахъ мы по-
 вѣспили-бы въ Мерк. гораздо ранѣе, если-бы
 одно обстоятельство не побудило насъ проме-
 длить нѣсколько времени напечатаніемъ сей ста-
 тьи. Это обстоятельство есть *пари*, заключен-
 ное между собою двумя Петербургскими Липе-
 раторамъ по слѣдующему случаю. Въ семъ Аль-
 махъ напечатано одно стихотвореніе, кото-
 рое, не смотря на его ничтожность, и заклю-
 чающееся въ немъ пингическое удалство (во-
 шедшее нынѣ въ моду), по мнѣнію одного изъ
 птѣхъ Липераторовъ, непременно надлежало бытъ
 до небесъ превознесеннымъ въ Лип. Газетѣ, из-
 дающейся, по ея собственнымъ словамъ, *не для
 публики*, а только *для нѣкотораго числа Писа-
 телей*. Но какъ смыслъ сихъ словъ явно пока-
 зываетъ цѣль, съ которою издается Лип. Газета,
 и которая основана въ шомъ, чтобы расхвали-
 вать до нес plus ultra каждую спрочку въ произве-
 деніяхъ упомянутаго нѣкотораго числа Писате-
 лей, и какъ стихотвореніе, напечатанное въ Эхо,
 принадлежитъ Поэту, находящемуся въ упомя-
 нупомъ нѣкоторомъ числѣ Писателей, — то, по
 всѣмъ симъ основательнымъ причинамъ, одинъ изъ

сказанныхъ Липераторовъ совершенно убѣдился
 въ шомъ, что означенное стихотвореніе будетъ
 поставлено Лип. Газетою въ число образцовыхъ,
 восящихъ на себѣ отпечатокъ Европейской ге-
 ніальности, заслуживающихъ Европейской из-
 вѣстности, блистающихъ порывами Европей-
 скаго остроумія, опбличающихся тонкимъ зна-
 ціемъ Европейскаго общежитія, опбличающихся
 въ Поэтъ Европейскую образованность, заклю-
 чающихся въ себѣ всѣ Европейскія достоинства,
 et cetera, et cetera. Другой — же Липераторъ не
 соглашался съ симъ мнѣніемъ, полагал, что Лип.
 Газета посовѣспитъ въ эптомъ случаѣ, для под-
 держанія своей цѣли, добродушно издѣваться надъ
 своими читателями. Эптомъ споръ дошелъ между
 ними до такой степени, что они ударили *пари*,
 и хотя послѣднему изъ сихъ Липераторовъ,
 вспунившемуся за Лип. Газету, прочіе собесе-
 дники, случившіися въ то время съ ними, напо-
 минали Рускую пословицу: *споръ до слезъ, а объ
 замлдѣ не бейся*, — но онъ не послушался, пого-
 ричился, и (вѣроятно!) оспанелся въ накладъ!

Между птѣмъ, не имѣя возможности хранить
 долѣе сей тайны, мы выписываемъ напечатанное
 въ Альманахъ стихотвореніе, бывшее предме-
 томъ спора:

Прочь съ презрѣнною тождою,
 Цыць, схоластики, молчать!
 Вамъ-ли, *гертвою душиго*
Жаръ Поэзіи помятъ?
 Дико, бѣшено (*) спремлепье,
 Чѣмъ Поэтъ одушеленъ:
 Тамъ въ безумномъ упоеніи
 Богъ Поэтовъ, Аполлонъ,
 Съ Марсіаса содралъ кожу!
 Берегись его дѣтей:
 Эпиграммой ХЛОПНУТЬ ВЪ РОЖУ,
 Риной бѣшеной своей
 Въ поэтическія плени
 Приударятъ дураковъ,
 И позоръ вашъ, *лрака дѣти* (**),
 Отдадутъ на свистъ въковъ! ..

(*) Въ самомъ дѣлѣ бѣшено, — какъ пиже сего видно
 будетъ. *Ар. Зав.*

(**) О чадо *свѣта!* .. *Прим. Корректора.*

Опикрорвенно сознаемся, что мы надѣлены опть природы черствою душою, ибо рѣшительно не видимъ, чѣмъ пламенѣеть такая Поэзія! Чпо днко и бышено спремленье, которымъ Поэты быль одушевленъ въ еемъ случаѣ, — это совершенная правда; чпо въ эпомъ стихотвореніи мы находимъ бышеную рнему (хотя благозвучную, но не совсѣмъ благоприличную), — это также правда; а чпо сіе стихотвореніе опличается какимъ-то поэтическимъ Дошкишопствомъ, — это аксіома!..

Ар. Зав.

С М Ъ С Б.

Кроатскій Банъ.

(Ильмрійскій Романсъ.)

Быль въ Кроацин Банъ, слѣпой на правый глазъ, мухой на лѣвое ухо. Онъ правымъ глазомъ сморѣль на бѣдность народа; лѣвымъ ухомъ слушалъ жалобы своихъ Воеводъ. Кпо былъ богатъ, на того доносили; на кого доносили, того умерщвлял. Банъ велѣль опсѣчь головы Гуманая Бео и Воеводъ Жаболичу, и взялъ ихъ сокровища. Онъ казилъ ихъ невинно и привидѣнія сихъ двухъ жерпвъ безпреспацио его преслѣдовали. Каждую ночь, при ложѣ его сподли Гуманай и Жаболичъ, глядя на него полухшими взорами. Въ то время, какъ звѣзды блѣднѣюптъ, а небо начинаеть краснѣть на Востокъ; тогда (ужасно!) оба привидѣнія кланялись ему, какъ-бы привѣпствуя съ добрымъ упромъ; головы ихъ падали съ своихъ шуловницъ на полъ и капнулись по немъ. Тогда только Банъ могъ уснуть. Однажды, въ мрачную и холодную зимнюю ночь, Гуманай сказалъ Бану: „мы давно уже тебѣ кланяемся; зачѣмъ-же ты никогда головой даже не кивнешь?“ — Банъ, дрожа, вспаль; но полько наклонился, чпобы опдать поклонъ, голова его сама собою упала съ шуловницъ и поканилась по полу. — (Изъ *Revue de Paris.*)

— Печатается еще новый Историческій Романъ подъ названіемъ: *La colonna rove sciata*, соч. Манцони. Говорятъ, что это будетъ послѣдній Романъ славнаго сего Писателя, ибо онъ занимается нынѣ сочиненіемъ: *O vrednoloz vlijanii Romanovъ na pravstvennostь.*

Сыновляя любовь. (*Невъльмилешное.*) „Скучая въ Россіи, смѣясь надъ языкомъ и обычаями своихъ соотечественниковъ, перевозносъ все Нѣмецкое, и браня все Русское, зачѣмъ вы прѣхали сюда изъ Дрездена?“ — спросилъ я у Г..... — „За тѣмъ, отвѣчалъ онъ, что отецъ и мать писали мнѣ, что они болны, стары, и чпо, слѣдспвенно, мнѣ надобно приготоовиться къ принятію наслѣдства. Полагая, чпо они совсѣмъ уже готовы къ оставленію сей жизни, я прискакаль сюда сломя голову. Каково-же мое удивленіе и досада! (Досада, прибавилъ онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, опъ того, что я напрасно шревожилъ себя беспокойною дорогою.) Я нахожу ихъ совершенно здоровыми, и вовсе недумающими о задачѣ мнѣ имѣнія на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ они писали. Я три года ожидаю съ неперпѣніемъ, чпобы обратно ухватъ въ милый мой Дрезденъ.“ — II.

— Наконецъ нетерпѣливое ожиданіе Петербургской публики исполнилось: знаменитая пѣвица Генріетта Зонштагъ прибыла сюда изъ Москвы. Поздравляемъ Любителей пѣнія.

Объявленіе. Г. Коллежскій Совѣпникъ Ивановъ издаеть новую книгу подъ названіемъ: *Указатель законовъ объ учебныхъ заведеніяхъ, съ учрежденія оныхъ въ Россіи*, въ которой собраны всѣ постановленія, относяціяся къ сей важной Государственной части. Книга сія, заключающая въ себѣ до 35 печатныхъ листовъ, въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Подписка принимася въ магазинъ Смирдина: цѣна экземпляру 10 рублей. Имена подписавшихся будутъ напечатаны.

НЕКРОЛОГІЯ.

26-го прошлаго Іюля скончался въ Москвѣ, въ Сокольникахъ, извѣстный Орапоръ и Поэтъ, *Алексій Федоровичъ Мерзляковъ*. Со смертію сего добродѣтельнаго и просвѣщеннаго мужа, Русская Словесность понесла чувствительную утрату: кромѣ услугъ, присенныхъ ей собственными его лицературными трудами, покойный Мерзляковъ образовалъ для Россіи много Писателей, изъ коихъ нѣкоторые состоятъ нынѣ въ числѣ лучшихъ нашихъ Прозаиковъ и Поэтовъ. Вѣроятно многіе изъ его воспитанниковъ, побуждаемые чувствами душевной благодарности, украсятъ печальными цвѣтами Поэзиі раннюю гробницу добраго своего наставника, которому обязаны первымъ образованіемъ своего дарованія.

Маститый нашъ Бардъ Графъ Д. И. Хвостовъ первый своею Музою почтилъ памятникъ покойнаго Поэта. Изд. Меркурія имѣлъ честь получить отъ Его Сіятельства слѣдующую надгробную, написанную почтеннымъ Поэтомъ немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ Мерзлякова:

Нашъ Сверхный Лагарпъ, любимецъ Русскихъ Музъ,
Отъ бремъ разрѣшась житейскихъ міра узъ,
Взлетѣлъ на Геликонъ небснаго чертога
Воспѣвъ съ Державинымъ святину, правду Бога.

МОДЫ.

П а р и ж с к і я .

Мужскія.

— Для щеголя необходимо быть одѣту упрямъ: въ льпнемъ серпукъ и сѣрой шляпѣ; а вечеромъ во фракъ, бѣломъ галсукъ и черной шляпѣ.

— На дачахъ, до обѣда, щеголи посятъ шерстяные зеленые или черные серпуки поколѣно, съ мепаллическими бѣлыми пуговицами.

— До сего времени нѣкоторые *оберъ щеголи* носили воротники изъ велелевой бумаги; нынѣ дѣлаютъ такіе-же галсукъ. Тѣ изъ нихъ, которые походятъ на фуляры, называются *romantique*. — (Journal des Dames et des Modes.)

Шарада, помѣщенная въ прошедшемъ №, значить: *Détour*.

LOGOGRIPE.

Ici l'ou me vénère, ailleurs je suis proscrit,
Et jadis pour mon culte on fit plus d'une guerre:
Dans les conciles même où l'on m'avait maudit,
Je fus réinstallé par l'ordre du Saint-Père.
Si tu coupes ma tête, alors, mon cher lecteur,
Tu trouveras le nom qu' on donnait à ces sages
Qui vinrent d'Orient pour voir notre Sauveur,
Lui présenter leurs vœux et leurs humbles hommages.
Mon corps renferme aussi certain mot en usage,
Qui figure le tems et dont le prompt déclin
Déplait à la coquette et même à l'homme sage.
On ne me voit en grand que dans un lieu divin.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣльникамъ, среда́мъ и пятница́мъ.

№ 96.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 156 NN. въ С. П. Б. 50, съ доставкой 40, съ пересылкою 37 рублей.

1830, 11 АВГУСТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА.

Нѣ вовсе не былъ сусвѣрень, хотя многіе происшедшіе съ нимъ въ жизни случаи побуждали его убѣдиться въ справедливости нѣкоторыхъ предразсудковъ. Въ числѣ нѣсколькихъ разсказанныхъ имъ Анекдотовъ, намъ кажется примѣчательнымъ слѣдующій. Бывъ пажемъ у Людовика XV, однажды онъ имѣлъ порученіе, слишкомъ важное для пажа. Порученіе сіе состояло въ томъ, чтобы отвезти въ Прагу къ одной знатной дамѣ великолѣпную одежду для назначеннаго тамъ маскарада. Едва-ли какой нибудь изъ кабинетъ-курьеровъ ѣзжалъ скорѣе, въ сравненіи съ нашимъ посланнымъ: смотря на него, можно было подумать, что онъ везетъ извѣстіе о выигранномъ сраженіи, или, что участь Имперіи зависѣла отъ сей поѣздки. Наконецъ гербъ Богеміи блеснулъ въ глазахъ нашего курьера: онъ радостно прищипорилъ коня своего и быстро перелетѣлъ черезъ границу.

Пажъ, восхищаясь тѣмъ, что скоро достигнетъ цѣли своего путешествія, душевно жалѣлъ, что ему, въ продолженіе пупи, не удалось извѣдать своего мужества. Вдругъ, при выѣздѣ изъ темнаго лѣса, конь его кинулся въ сторону и такимъ прыжкомъ выбилъ-бы изъ сѣдла всякаго другаго всадника; но пажъ, мастерски ѣздившій верхомъ, удержался. Немедленно схватился онъ за свою шпагу, готовясь показать дерзкаго, испугавшаго его лошадей, полагая непременно увидѣть

передъ собою атамана разбойниковъ. Но, о несчастіе! и тѣни разбойника не представилось глазамъ его: вмѣсто того сползла передъ нимъ старуха и просила у него милостыни.

Пажъ кинулъ сію золотую монету. Нищая взглянула на нее и невольно вскрикнула. „Золотая монета. Ахъ, милоспивый господи! какъ вы добродѣтельны! какъ выразить мнѣ благодарность мою! . . “ И въ то же время, заслоня ему дорогу, старуха продолжала: „остановитесь на минуту; я сообщу вамъ полезное извѣстіе“—и внимательно посмотря на молодаго всадника, сказала: „счастіе и бѣдствія попеременно будутъ вашимъ удѣломъ: вы будете счастливы въ любви; будете сидѣть за столомъ Королевскимъ; но берегитесь той, у которой острый носъ, сѣрые глаза и плоскія губы.“—Сказавъ сіе, старуха поклонилась и скрылась въ лѣсу. Пажъ улыбнулся такому предсказанію, и, прищипоря коня своего, помчался далѣе. Не встрѣшивъ болѣе никакого особеннаго случая въ своемъ путешествіи, онъ прѣхалъ въ Прагу.

Представляясь особъ, къ которой имѣлъ порученіе, онъ взглянулъ на нее, думая о сказанномъ старухой; но быстрый взглядъ сей особы и величественныя черты ея показали пажу, что не ее разумѣла предсказательница.

Прошло двадцать лѣтъ, и прежній пажъ, находясь уже въ большомъ званіи, былъ посланъ въ Римъ съ нѣкоторыми порученіями, оппосланными къ важнымъ обстоятельствомъ того времени. Желаніе, узнать цѣль его прѣзда въ Римъ,

приводило въ движеніе умы всѣхъ посланныхъ отъ другихъ Европейскихъ Дворовъ. Но все было тщетно: N* былъ чрезвычайно скрытенъ. Спирались узнать, въ чемъ состоятъ его склонности, и удостовѣрились, что онъ не былъ твердъ противу привлекательностей пѣжнаго пола. Самая прелестная женщина была употреблена для того, чтобы выведашь у него тайну—и она скоро приковала его къ своей колесницѣ. Но онъ, вздыхая у ногъ ея, остается безмолвнымъ, какъ и прежде, Италіанка, досадуя, что не можетъ получить обѣщанной награды, ибо не можетъ довести любовника своего до нескромности, поклялась опмститься ему, и въ одинъ вечеръ рѣшилась умеривить его, если онъ изъ любви къ ней не откроетъ пребуемой тайны.

Наступилъ условный часъ для свиданія; N* полетѣлъ туда, гдѣ ожидала его коварная любовница. Сидя на роскошномъ диванѣ съ обожаемою женщиною, которая тогда казалась ему еще прелестнѣе, онъ вдругъ замѣчаетъ смертоносное орудіе, спрятавшее у груди ея; кидаетъ испуганный, быспрый взглядъ на Италіанку—и въ это время вспоминаетъ предсказаніе старухи. Онъ разглядываетъ черты своей любезной, и находитъ тѣ самыя, которыхъ долженъ былъ остерегаться. Напрасно желаетъ онъ скрыть свое смущеніе: Римлянка прочитала оное въ его взорахъ. Ей нечего болѣе медлить; ему надлежало погибнуть. Выхватя кинжалъ, она поражаетъ имъ своего любовника: N* умѣлъ опвесити ударъ, который устремленъ былъ ему въ сердце. Кинжалъ воцарился ему въ руку; кровь брызнула; но N*, не потерявъ присутствія духа, вырвалъ кинжалъ изъ рукъ убійцы . . . .

N* тщательнѣе беретъ эпощъ кинжалъ, и ежедневно, смотря на него, говаривалъ: „я буду остерегаться острыхъ посовъ, сѣрыхъ глазъ и плоскихъ губъ.“

Пер. Э.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ СМЕРТЬ ОРЛА.

(Изъ Фран. Журнала.)

Нѣсколько Шопландскихъ жнецовъ, занимаясь своего работою, увидѣли орла, парящаго надъ вершинами высокихъ горъ, между которыхъ онъ тогда находился. Неудивительно видѣть орловъ въ Шопландіи, но сей былъ особенной величины. Онъ возвышался въ воздухѣ, величественно дѣлая круги. Болѣе всего примѣчательно въ полетѣ сихъ птицъ, что движеніе ихъ крыльевъ едва примѣтно; возвышаясь въ воздухѣ, они кажутся поддерживаемыми какъ-бы неоснижимому силою. Жнецы скоро замѣтили, что въ полетѣ орла, обратившаго на себя ихъ вниманіе, было что-то необыкновенное. Крылья его сильно прѣстали, какъ-бы отъ судорожнаго движенія; хотя полетъ его былъ весьма быспръ, но круги, дѣлаемые имъ въ воздухѣ, постепенно становились менѣе. Наконецъ, онъ исчезъ въ облакахъ; но скоро увидѣли его опять, спремительно летящаго къ землѣ; не дѣлая уже болѣе круговъ, онъ лѣтѣлъ перпендикулярно, какъ падающее тѣло. Едва коснулся онъ земли, какъ народъ кинулся къ нему, чтобы поймать его.

Полагали, что мѣлкая пудя достигла орла и въ облакахъ; но каково было удивленіе собравшихся людей, когда они увидѣли на спинѣ его огромную ласточку съ чернымъ хвостомъ. Съ свойственною звѣркамъ симъ смѣлостію, она встала на заднія лапы, переднія приложила къ рыльцу, и поворачиваясь на всѣ стороны, нѣсколько минутъ разматривала жнецовъ; а потѣмъ спрѣлою исчезла въ кустарникахъ. Пернатый владыко, плавая въ своей крови, былъ уже мерпвъ. Въ немъ не нашли ружейныхъ ранъ и поселане удостовѣрились, что ласточка учинила это царевійство. Желая освободиться отъ сего презрѣннаго, а вмѣстѣ и опаснаго непріятеля, орелъ подилялся съ нимъ къ небесамъ; но не могши сбросить его опшуда, сдѣлался жертвою его злобы.

Опасны иногда ничтожные враги! . . .

О Н А.

Она со мной!... Она мол,
 Души любимица младая!...
 Какъ ижно сморщить на меня,
 Рукой притвнливой лаская!
 Какъ ярокъ цвѣтъ ея ланитъ!
 Какъ въ дѣвственнѣй душѣ кипитъ,
 Въ-мишуру крашкуютъ свисающа,
 Борьба смѣлловости, желанья!
 Какъ живъ огонь ея очей,
 Какъ помень звукъ ея рѣчей,
 Какъ пламенны ея лобзанья!....
 Съ какою пылкою душой
 Порывъ страшней она узнала!
 Съ какою ивгою живѣй
 Въ монхъ облянцяхъ шрепетала!...
 О, вѣчно, вѣчно не забудь
 Мишуры сладкой уношенья,
 Когда, клянись моего бытъ,
 Она, въ пылу самозабвенья,
 Прижавшись, прильнувъ ко мнѣ,
 Рукою снагъ мой обвиняла,
 И страшнѣ, кипищала въ душѣ,
 Высоко грудь ей волновала.
 Взоръ дѣвы, вепрѣченнѣй монмъ,
 Блиссалъ, одушевленнѣй счастьемъ!....
 . . . . .
 Довѣрчивая, какъ дитя,
 Шлишиельна, какъ дѣва рая,
 Она со мной, она мол,
 Души любимица младая!...

П. Волковъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

42. *Разбойникъ*. Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе И. М. Х. А. С. (значеніе сихъ буквъ находится подъ покровомъ непроницаемой тайны, которую, вѣроятно, никто не будетъ разгадывать;) Матвѣя Покровскаго. Москва, въ Тип. Арм. Испит. Гг. Лазаревыхъ, 1830. Въ 16. (67 стран.) (*)

Эпошъ разбойникъ съ первой страницы до послѣдней ужасаетъ читателей; но не злодѣйствами своими, а варварскими стихами; за что, по опредѣленію литературнаго уголовного суда, приговоренъ онъ къ вѣчному започенію—плѣсъ подъ пыльною сполою забвенія въ подвалахъ книгопро-

(*) На обверткѣ сего творенія напечатано такъ: продается у старухъ Никольскихъ воротъ, противъ старой Аншеки, въ новой книжной лавкѣ Сидельникова. Цѣна—4 рубля!

давцевъ, гдѣ обречены на эту же участь *Разбойникъ*, Г. Маникова, *Корсеръ*, Г. Олина (надѣлавшій неслыханныхъ злодѣний въ области здраваго смысла) и другіе подобные мучители читающаго человеческого рода.

С. М Ъ С Б.

Сматрѣ Журналъ.

(Сообщено отъ Мав. Вл. Толской.)

— Въ 43-мъ Но Лип. Газеты напечатано стихотвореніе подъ названіемъ: *Смуглинка*. Нѣкоторые приписываютъ эпту пьесу молодому Поэту, только что начинающему знакомиться съ музами, а другіе утверждаютъ, что она принадлежитъ одному извѣстному Писателю, уже не разъ воспѣванному и блянокъ, и бриептокъ, и блондинокъ. Прекрасные стихи, которыми написана сія пьеса, заставляютъ думать, что она дѣйствительно принадлежитъ сему послѣдному. Я съ удовольствіемъ выписываю слѣдующіе шесть стиховъ, которые мнѣ особенно нравятся:

Рѣзва, задумчива, ижна,
 Добра, лукава, холодна;
 То горделива, какъ свобода,
 То вдругъ послушна, какъ раба,
 То непришворна, какъ природа,
 То непоштина, какъ судьба.

Въ среду, 30 Июля, было у меня много гостей. Одна изъ дѣвицъ, нашедши лежащій на флигелѣ вышедшій въ этотъ день Но Лип. Газеты, потчасъ обратила свое вниманіе на напечатанныя въ немъ стихи, которые начала читать вслухъ. Къ ней подошли еще нѣкоторыя дѣвицы. Къ этимъ слушательницамъ присоединилось еще нѣсколько молодыхъ мужчинъ и пожилыхъ дамъ, изъ коихъ одна была мать читавшей. Представте себѣ то затруднительное положеніе, въ которое приведена была сія послѣдняя, пединиельская дѣвочка лѣтъ 16-ти, когда она дошла до того мѣста, гдѣ Поэтъ слишкомъ далъ волю пламенному своему воображенію, и гдѣ онъ говоритъ:

Я все, что носить имя счастья,
 И жизнь мою готовъ отдать,
 Чтѣбъ . . . . .

Зная, что вы никакъ не рѣшитесь напечатать въ своей Газетѣ (хотя и для примѣра) сихъ двухъ послѣднихъ стиховъ, я замѣняю ихъ почками, предоставляя любопытнымъ (разумѣется *мужчинамъ*) самимъ справиться съ 43-мъ No. Лип. Газеты. Надобно было видѣть сцену, которую произвели эти два стиха. Милая Анепа (имя читавшей дѣвicy) замаясь, покраснѣла, не могла продолжать далѣе. Смятеніе ея и прочихъ дѣвицъ, слушавшихъ чтеніе, увеличилось еще болѣе, когда онѣ замѣтили, что самые мужчины были, повидимому, приведены въ нѣкоторое замѣшательство. Мать Анепы, женщина вспыльчивая, самолюбивая, вышла почти изъ самой себя: она вырвала листокъ изъ рукъ дочери, напоминая о приказаніи своемъ никогда не читать ничего безъ ея дозволенія. Негодованіе ея возрасло до такой степени, что она при всѣхъ наговорила мнѣ довольно много колкихъ непріятностей, упрекая меня въ томъ, что я держу у себя такія непозволительныя сочиненія. А я чѣмъ виновата? Я, къ сожалѣнію, сама не успѣла еще въ этотъ день разглядѣть 43-го No. Лип. Г., а если-бъ видѣла эти стихи, то, разумѣется, не сдѣлала-бы неосторожности — оставивъ этотъ No. на эгидѣ. „Эдакой развратъ! Эдакое безчиніе!“ восклицала она безпрестанно. Я всячески старалась ее успокоить: увѣряла ее, что Литературная Газета издается первыми Русскими Писателями, извѣстными правдивнымъ образомъ своихъ мыслей (я, разумѣется, скрыла отъ нее, что объ этомъ писано только въ Лип. Газетѣ); увѣряла ее, что нигдѣ болѣе не заботятся о приличіи и тонѣ хорошаго общества, какъ въ Лип. Газетѣ. Однакожъ ничто не могло: пріятельница моя никакъ не хотѣла убраться, чтобы стихи, ей соотвѣтствовавши съ

помомъ хорошаго общества; по ея причудливому мнѣнію, подобныя стихи прилично будто-бы читать только такимъ женщинамъ, которыя сослуживаютъ свой особый классъ. Что будешь дѣлать! У всякаго свой образъ мыслей!.. Она и до сего времени не жаловала Русскихъ Журналовъ, полагая, что такого изданія, какъ Furet (*), никогда не существовало на святой Руси; а съ этого случая поклялась не брать въ руки ни одного Русскаго газетнаго листочка. Вотъ какой домъ произошелъ отъ двухъ только стиховъ! Въ этотъ разъ мнѣ чрезвычайно досадилъ Архипархъ Михайловичъ: чѣмъ-бы стараться помочь мнѣ успокоить разгнѣванную гостью, онъ своими ироническими намѣтками болѣе раздувалъ пламя. Я старалась дать дѣлу другой оборотъ, а онъ ушверждалъ свое. Онъ вздумалъ увѣряя, что совершенно несправедливо упрекать Лип. Газету въ безразличности спящей, въ ней помѣщаемыхъ; Литературная же Газета сама объявила, что она издается *не для публики*, а для нѣкотораго числа Писателей, существующихъ въ литературномъ мѣрѣ взаимными похвалами. Слѣдственно, какія-бы ни были помѣщаемы въ ней статьи, она права: она не заботится о публикѣ, а публика тѣмъ менѣе должна о ней заботиться. Правъ-ли Ар. Михайловичъ, разсудите сами.

(*) И въ Furet нерѣдко промелькываютъ статьи, не совсѣмъ благочестивыя. Онъ чего-же святъ этотъ Журналь?.. Чудное дѣло! — Изд.

Логогрифъ въ прошедшемъ No. значить: image, mage и âge.

ENIGME.

Je suis, mon cher lecteur, tout au bout de la main;
Je commence la nuit, et je finis demain.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
викамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 97.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 57 рублей.

1830, 13 АВГУСТА, СРЕДА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

„Гдѣ ты пропадалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, любезный Пахомъ Сидоровичъ?“ кричалъ Г. Бушуевъ, встрѣясь со мною прошлый вѣпорникъ на Невскомъ проспектѣ. „Но гдѣ же не мѣсто тебѣ бранить, а приходи-ко сего дня вечеромъ на чашку чаю. У меня собираются теперь по вѣпорникамъ Литераторы.“

— „Похвальное дѣло, Гаврило Герасимовичъ, что вы предпочли полезное пріятному, и вмѣсто баловъ собираете у себя Литераторовъ.“

„Эхъ, братецъ! по неволѣ предпочтешь, опивчалъ Бушуевъ, когда это полезное для кармана сходишь. Вѣдь ты знаешь, что я имѣю плямбу и прошлую зиму недаромъ разорился на эти проклятые балы? А все жена виновата: „вѣдь надо же пригласить, да приласкать нужныхъ людей, повторяла она безпрестанно: а куда лучше зазвать, какъ не на балы?“ Чужъ вышло? Вѣдь какъ не паровилъ я о дѣлѣ, не удалось и слово замолвить. Только разъ я поймалъ одного изъ гостей, самаго нужнаго человѣка, и успѣлъ было заманить его въ другую комнату; но лишь только началъ читать экстрактецъ изъ дѣла (всего на двадцати листкахъ), какъ окаленные заиграли проклятый *лекосесъ*, и въ этой-же комнатѣ поплясали танцы. Ну, до дѣла-ли гнушь, сами разсудите, Пахомъ Сидоровичъ? Но теперь супруга

моя уѣхала въ деревню, и я вмѣсто прежнихъ баловъ и застѣй, принимаю у себя однихъ лишь пріятелей, а между ними человѣка два или три и нужныхъ для меня бываетъ. Люди они невзыскабельные: поднесешь имъ по одному, по другому стаканчику пушша, а гнушь ксташи прочтень опривочекъ и изъ дѣльца, якобы для примѣра дѣловаго слога. Есть время и посудить, пополкованъ, не опасаясь, что проклятая музыка помѣшаетъ.

Я похвалилъ новое намѣреніе Бушуева, и мы разошлись, давъ слово увидѣться вечеромъ.

Въ условное время — ровно въ 6-ть часовъ — я отправился къ Бушуеву, жившему тогда на Васильевскомъ острову. Тамъ заспалъ уже нѣсколькихъ человѣкъ, мнѣ вовсе незнакомыхъ. Они сидѣли вокругъ чайнаго столика, на которомъ споялъ кипящій самоваръ. Хозяинъ съ радостію меня встрѣтилъ и посадилъ подлѣ одного толстяка въ мундирномъ сертукѣ и съ огромною трубкою въ зубахъ. За табачнымъ дымомъ я едва могъ разсмотрѣть гостей, которые съ жаромъ разговаривали объ откупахъ. Между гнѣмъ мой сосѣдъ сильно апаковалъ подлѣ него сидящаго молодого человѣка, въ черномъ фракѣ и въ очкахъ, разсказами о всѣхъ приступахъ, ретридахъ и форсированныхъ маршахъ послѣдней Французской войны. Напропивъ другой, пользовался иногда молчаніемъ героя (что однакожъ очень рѣдко случалось) разсказывалъ о пу-

пешешествіяхъ по чужимъ краямъ, когда онъ находился при Кн. Д*, въ должности домашняго Секретаря.

Изъ словъ перваго я потчасъ догадался, что онъ долженъ быть опсавной Маіоръ, недавно прѣхавшій изъ провинціи искать *прилижнаго* себѣ мѣста, и служившій въ послѣднюю Французскую войну въ какомъ нибудь пѣхопномъ полку. Въ чемъ и не ошибся.

„Господа! сказалъ Пешиметринъ (ипакъ назывался молодой человекъ въ черномъ фракѣ и въ очкахъ), возвыся голосъ: „нашъ любезный хозяинъ, Гаврило Герасимовичъ, просилъ меня принести для сегодняшняго вечера журналъ моего путешествія. Я взялъ съ собою нѣсколько опривковъ, самыхъ занимательныхъ, и съ вашего позволенія, — продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана тетрадь, — начну чтеніе съ самаго веселаго, пріятнаго и великолѣпнаго города въ свѣтѣ — съ Парижа.“

„А! подѣ Парижемъ!..“ воскликнулъ мой соудъ, опсавной Маіоръ.

„Долго-ли вы прожили въ Парижѣ?“ спросилъ хозяинъ у Пешиметрина, пребывая восклицаніе Маіора.

„Въ Парижѣ? отвѣчалъ Пешиметринъ съ замѣшательствомъ: я не доѣзжалъ до него только нѣсколько миль; дѣла домашнія заставили меня воротиться въ Россію; однакожъ...“

„Подѣ Парижемъ!“ повторилъ еще громче Маіоръ, и тѣмъ вывелъ изъ замѣшательства путешественника — „жаркое было дѣло! Мы дрались, какъ львы, и неприятель побѣжденъ. Я, какъ теперь вижу всю позицію нашей Арміи“ — заключилъ громогласно Маіоръ, и въ восторгѣ началъ разспавлять въ боевой порядокъ бывшія на столѣ чашки. И моя чашка не была пощажена: она представляла въ этомъ случаѣ корпусъ Генерала Д—ва.

„Одолжите мнѣ вашу тетрадь на минуту“ — сказалъ Маіоръ, обращаясь къ молодому человеку, сидящему прошивъ него въ синемъ сертукѣ — передъ которымъ лежала пюлстая тетрадь — это была Трагедія, его сочиненія. Авторъ, полагая, что Маіоръ любопытствовалъ ее прочесть, съ радостію подалъ; но, какъ онъ, бѣдный, ошибся!

„Вотъ, господа, будетъ у насъ и Парижъ“ — воскликнулъ Маіоръ; и двинувъ всю армію къ столицѣ Франціи, сдѣлавъ столь сильный приступъ, что едва не изорвалъ всего города! Но жалобные вопли Автора о пощадѣ остановили приступъ, и тѣмъ спасли несчастную тетрадь; чашки-же роздали опять прежнимъ хозяевамъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ N.*)

Р . . . . . Ъ.

Вы въ сповидніяхъ, друзья,

Бывали ль счастливы судьбою?

И въ сповидніяхъ, какъ я,

Видали ль вы ее съ собою?

То наслажденье знали ль вы,

Когда, мечтаемъ уносной,

Я вспоминалъ былые сны . . .

Улыбку, голосъ *несравненной*.

Гдѣ были вы, когда весной

Блуждалъ по рощѣ я любимой, —

Блуждалъ одинъ съ моей тоской,

Съ тоской сердечною о *милой*!

О *ней* мечпалъ я всякій часъ,

Меня ничто не занимало —

Воспоминаніе о вась

Душѣ опрадою бывало.

Друзья, вы здѣсь; — но ахъ! судьба

Мнѣ жить не съ вами присудила:

Не можетъ быть моей *она* —

Безъ *ней* одинъ удѣлъ — могилъ.

О. Дякоба.

С М Ъ С Б .

Смотръ Журналамъ.

(Сообщено отъ Мав. Вл. Толской.)

— Сочинитель стихотворенія подъ названіемъ: *Собраніе пастыльскихъ*, радующійся, что оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ Вѣстникъ Европы и въ Московскомъ Телеграфѣ, сдѣлалъ въ немъ пѣкворую въ одномъ или въ двухъ стихахъ перемену, повидимому для того, чтобы имѣть поводъ перепечатать его въ 43-мъ Но Литературной Газетѣ. „Сіе стихотвореніе“ — говоритъ въ энтузіазмѣ Лип. Газета: „обратило на себя общее (*) вниманіе.“ Такому вниманію, какое обращено на сіе стихотвореніе, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, ярмъчательная своею уродливостью и безправственнаго цѣлю, обращаетъ на себя вниманіе—но какое? . По моему мнѣнію, Лип. Газетѣ надлежало-бы объяснить въ семь случаевъ пѣ объяснительства, по которымъ упомянутое стихотвореніе обращаетъ на себя вниманіе, надлежало-бы для того, чтобы люди нескромныя, нескрывающіе тайны Литературныхъ, не внушили пѣкоторымъ читателямъ, что это произведеніе не имѣетъ нравственной цѣли. Мнѣ было-бы вчуже досадно, если-бъ пацались такіе, которые не могли-бы испинно похвальной цѣли, съ которою написано и напечатано упомянутое стихотвореніе, и которая приносила особенную честь Сочинителю. Могущъ напишется люди, неударенные особенною проницательностію, которые вздумаютъ некапъ опредѣленнаго смысла въ таинственныхъ звѣздочкахъ, находящихся въ упомянутомъ стихотвореніи, — и что тогда ска-

(*) О стихотвореніи: *Собраніе пастыльскихъ*, сдѣланы были отзвы въ двухъ или въ трехъ нашихъ Журналахъ, разумется въ ироническомъ родѣ. Лип. Газета, называя это общимъ вниманіемъ, дѣлаетъ въ семь случаевъ безъ намѣренія привѣтствіе этимъ Журналамъ. *Изд.*

жетъ Издапель Карманной книжки, Г. Олицъ, извѣстный въ отечественной Словесности образцовыми своими произведеніями: *Кальсонъ и Корсеръ?* . . Что скажетъ Г. Олицъ, которому, какъ извѣстно изъ его Карманной Книжки, и прежде *поглы-то* весьма не правилось упомянутое стихотвореніе? . . Что скажетъ сей многоирощенный мужъ, увидѣвъ, что *льляка казьяка* прежняго изданія обратилась въ пынѣнемъ *въ льлякую букашку?* . . Увы! . . Букашка казьяка спѣннъ! воскликнетъ онъ въ полномъ смиреніи сердца; и читатели его повпорятъ спройнымъ хоромъ: *стѣннъ! стѣннъ!*

—44 Но Лип. Газеты начинается статьяю: *Страшный гость*, въ которой Г. Сомовъ описываетъ сонъ одного Липовскаго Цана Венжевича. Нынѣ въ Авторахъ слишкомъ мало изобрѣтательности, и отъ того, вѣроятно, мы часто встречаемся съ описаніями сповъ въ стихахъ и прозѣ. Прочитавъ *Страшнаго гостя*, невольно вздумаешь спросить у Г. Сомова: на яву-ли написана имъ эта снасть? —

—Въ слѣдъ за *Страшнымъ гостемъ* напечатано стихотвореніе Г. Трилунаго подъ названіемъ: *Жизнь*. По первому стиху сей пьесы:

Вначалъ жизнь памъ многое сулпнъ —

Я убѣдилась, что Г. Трилунаго вздумалъ передѣлать на свой ладъ пьесу подъ симъ же названіемъ покойнаго Веневитинова, котораго *Жизнь* начинается такъ:

Сначала жизнь пѣвляетъ насъ . . .

Содержаніе тоже; но, разумется, не пѣ мысли, чувства и стихи! —

—Въ 45 Но Лип. Газеты напечатана снасть: *Балъ за Москвортьемъ*. Долго я ломала себя голову, угадывая, чтобы такое было: *Москвортьемъ*. Въ Москвѣ, какъ извѣстно, часть города, находящаяся за Москвою рѣкою, называется *Замосквортьемъ*; но о какомъ-то *Москвортьемъ* я въ первый разъ только слышу, и полагаю, что, кромѣ Литера-

шурпой Газеты, оно нигдѣ болѣе не существуетъ. Я спрашивала у Аристарха Михайловича, правильно-ли сказано: *Балъ за Москворть-велью*; а онъ увѣряетъ, что такъ говорятъ Московскимъ нарѣчьемъ, копорымъ перѣдко изъясняется Лип. Газета. Я прочитала эту маленькую спашейку, и изъ оной узнала только то, что одна изъ Московскихъ улицъ называется Тверского, и что въ Москвѣ есть Москва рѣка. Новости! Эта спашейка оканчивается тѣмъ, что Пронскій зѣваетъ — и весьма естественно: онъ вѣрно знаетъ, что безполковный разговоръ его съ Вѣрой Ивановной напечатается въ Лип. Газетѣ, и вообразилъ чинашеля, неоднократно зѣвнувшего за этой спашейкою, не смотря на ея краткость. Что хотѣлъ сказать Авпоръ этой спашейкою — извѣстно одному только ему. Топчась можно отгадать, что для наполненія 45 Но Лип. Газеты недоставало на полторы гранки оригинала, и потому, для выдачи Но въ назначенный день, надобно было чѣмъ нибудь наполнить пустое мѣсто. Ужъ лучше-бы выдашь было съ пробѣломъ, чѣмъ печатать такой вздоръ: чинашеля не оспался-бы въ наглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за содержаніе спашейки! Вопъ близкое подражаніе:

Два пріятели А. и Б. встрѣтились на Невскомъ Проспектѣ.

А. Здравствуй.

Б. Здравствуй.

А. Здоровь-ли?

Б. Слава Богу.

А. Прощай.

Б. Прощай.

Конецъ; поставьте зѣйку ~~~~~ и описывайте въ Типографію набиратьъ. Подписчики, хоть зѣвай, а читай.

М О Д Ы.

П а р и ж с к і я.

(5 Августа н. с.)

— Нынѣ замѣчено много шарфовъ изъ Индійской кисеи, вышитыхъ въ памбуръ цвѣтными шелками. На платьяхъ изъ бѣлаго органди, надъ рубцомъ, такое-же шитье. Гирлянда-же изъ зелени, вышитая зеленою и темною шерстью, на платьяхъ изъ batiste de laine, бѣдно-сѣраго цвѣта, дѣлаетъ весьма хорошій видъ.

— На вечернихъ гуляньяхъ примѣчательные наряды состоятъ: въ кисейномъ пенуарѣ (peignoir), подбитомъ шелковою матерією соломеннаго цвѣта. Онъ былъ обшитъ кругомъ, равно какъ и двойная пелерника, собраннымъ кружевомъ. Шляпка креповая того-же цвѣта убранныя лиловыми колокольчиками. Маленькая лиловая косынка по-вызывается галсшухомъ. (Petit Courrier des Dames).

Загадка въ прошедшемъ Но. значить: буква *л*. (la lettre N.).

С H A R A D E.

Quand une femme est mon-premier,
Tout prospère dans un ménage;
Elle te donne mon dernier
Quand tu la prends en mariage;
Mais sois avisé; je t'engage
En elle à chercher mon entier.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 98.

Цена годовому издаванію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 15 АВГУСТА, ПЯТНИЦА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

(Окончаніе.)

Пользуясь пициною, Пепимеprinъ началъ громогласно чтеніе своихъ пупевыхъ записокъ; и мы, слѣдуя мысленно за нимъ, прибыли безъ дальнихъ приключеній въ Лейпцигъ. „Признаюсь — воскликнулъ нашъ путешественникъ, закрывая свою тетрадь: „я съ неизъяснимымъ воспоргомъ воспоминаю всегда о Германіи, которой въ уголки мнѣ извѣстны. Я прожилъ при мѣсяца въ Дрезденгъ, полтора въ Лейпцигъ, и если вамъ угодно . . .“

„Чортъ меня возьми, воскликнулъ Маіоръ — если Лейпцигское дѣло не было самое славное, изъ всѣхъ, какія мнѣ случалось видѣть. Оно до сихъ поръ представляется мнѣ, какъ на ладони, — продолжалъ Маіоръ, перемѣняя позицію своего фарафороваго войска, которое по сему случаю вторично было собрано. Трагедія-же была переименована въ Лейпцигъ. Армія двинулась опять; по напуганный уже первымъ приступомъ, Авпоръ, не желая сдать города на капитуляцію, спрыпалъ Лейпцигъ въ карманъ, и пѣмъ опклонилъ кровопролитіе. Герой же нашъ, желая скрыть свою досаду, пошелъ въ другую комнату, закурить давно угасшую трубку. Возвращаясь, хопгьль овъ вторично сдѣлалъ приступъ къ Лейпцигу, но не нашелъ уже войска, которое было унесено слугою и разставлено въ шкапу на зимнихъ

квартирахъ. Двѣ ручки чашекъ и нѣсколько ключковъ обвертки тетради остались профелеми нашему побѣдителю.

Между пѣмъ разговоръ зашелъ объ Исторіи Россійскаго Государства, соч. Карамзинымъ; и поле брани уступило мѣсто Литературѣ. Ободренный мирнымъ временемъ, молодой Трагикъ выпацилъ изъ кармана свою Трагедію, на обверткѣ коей остались признаки осады. Оправивъ галспухъ, кашлянувъ два раза, онъ началъ чищашъ. Это была недавно имъ оконченная Трагедія въ 7-ми дѣйствіяхъ: *Сынъ Тартара*. Тутъ я увидѣлъ, что попалъ изъ огня въ воду; ибо долженъ былъ выслушать цѣлое дѣйствіе изъ сей ужасно-усыпительной Трагедіи.

„Давно не слушалъ я ничего съ такимъ удовольствіемъ, какъ вашу Трагедію“ — сказалъ Пепимеprinъ, обращаясь къ Трагику: только согласитесь сами, что въ ней вы подражали Эхилу. . .“

Одинъ незамѣченный мною, за табачною атмосферою, пожилой человекъ, въ сѣромъ фракѣ, изъ кармановъ коста торчали книги и бумаги — сидѣвшій до сихъ поръ очень спокойно — при имени Эхила подвинулся ближе къ собранію и началъ размапривать съ большимъ любопытствомъ Пепимеprinа, который для доказательства декламировалъ что-то по-Латыни, увѣряя всѣхъ, что это самое лучшее мѣсто изъ Эхилова Прометей!

„Эсхиль, сколько мнѣ извѣстно, — сказалъ въ полголоса пожилой человекъ въ сѣромъ фракѣ, — писалъ по-Гречески; я и самъ, въ молодости, съ благоговѣніемъ переводилъ на Русскій языкъ его Прометей; но этакъ господинъ говоритъ изъ Латинской грамматики примѣръ 2-го спряженія.“ — Ободренный эпитимъ, молодой Трагикъ сказалъ съ ироническою улыбкою Пепиметрину: „вы конечно должны были посвятивъ долгое время на изученіе классическихъ языковъ, что такъ легко переводите съ Греческаго на Латинскій языкъ самыхъ трудныхъ Трагиковъ!“

„Да я очень знаю, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Пепиметринъ, что Эсхиль...“

„Писалъ по-Гречески, — подхватилъ ученый въ сѣромъ фракѣ. Я принесъ для сегодняшняго литературнаго Soirée и подлинникъ съ моимъ переводомъ пьесокъ твоихъ мѣсяцъ. Тутъ онъ вытащилъ большую связку бумагъ изъ своего подвижнаго книгохранилища; но видя, что всѣ, будучи заняты споромъ Пепиметрина съ молодымъ Трагикомъ, не намѣрены были слушать его чтенія, положилъ связку опять въ карманъ и ушелъ на прежнее мѣсто съ негодованиемъ, нахмуривъ ученое свое чело. Маіоръ, около получаса уже храпѣвшій на диванѣ, во время эпаго раздора проснулся было; но не понимая, въ чемъ дѣло, погрузился снова въ объятія Морфея. Наконецъ юный Трагикъ, опъ лишняго чадолубія (а кому свое чадо не мило, особенно литературное?), вызвался читать 2-е дѣйствіе своей Трагедіи, и не ожидая согласія присутствовавшихъ въ бѣседѣ, уже декламировалъ.

Вдругъ появился хозяинъ съ какимъ-то спаркомъ, вѣроятно пужнымъ человекомъ. „Извините меня, что я долженъ былъ оставить васъ на некоторое время однихъ, — сказалъ Бушуевъ. Нужно было привести въ порядокъ экспрактецъ изъ моего дѣла; теперь я кончилъ и, если вамъ угодно выслушать...“ Хозяинъ на это и

не изъявилъ никто своего желанія; но хозяинъ поступилъ по примѣру Сочинителя *Сынъ Тарта-ра*: началъ читать безъ приглашенія, и экстракты выпѣснилъ Трагедію, ибо бась хозяинъ, сопровождаемый нескладными объясненіями пужнаго человека, заглушилъ Пипта, которому тоже хотѣлось дочитать свою Трагедію.

Чтеніе кончилось. Маіоръ проснулся, взглянулъ на часы и воскликнулъ: „ужъ половина двѣнадцатиго! пора по домамъ: вѣдь завтра рано надо побывать мнѣ у одного изъ членовъ Комитета о раненыхъ.“ Пепиметринъ и молодой Трагикъ тоже ушли; только одинъ ученый въ сѣромъ фракѣ остался, вѣроятно усыпавъ хозяина переводомъ своимъ изъ Эсхилова Прометей.

И эти сходбища, не знаю почему, угодно было Г. Бушуеву назвать литературными.

Пахомъ Дроблювъ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ФЕБУ.

Взойди, о фебъ! на небеса,
Хочя сегодня, въ два часа.
Дай чистымъ воздухомъ дохнуть,
На небо свѣтлое взглянуть.
Ужъ мѣсяцъ дома я лежу,
По комнатамъ едва брожу,
И спотыкаюсь, какъ слѣпецъ.
Томится бѣдный твой пѣвецъ.
Тоска опъ утра до утра.
Брать въ руки не велитъ пера,
Ни даже въ книжку заглянуть;
Вздыхаетъ только бѣдна грудь.
Когдажъ сойдетъ на землю ночь,
Сонъ опъ одра уходишь прочь.
Другіе крѣпко, сладко спятъ,
Читають стиховъ вслухъ не велитъ,
Ни декламировать, ни пѣть:
Нѣтъ мочи болѣ терпѣть!
О фебъ! тебѣ я вѣренъ былъ.
Когда цедугъ меня помилъ,
Стихами бредилъ я всегда,

Гекзамерами иногда.

Лежу въ жару, разсудка нѣтъ,
Стихами брежу, какъ Поэтъ,
И воздаю себѣ хвалу.

Приду я къ свосму шолоу:
На немъ чернильница спонтъ;
Она меня къ себѣ манитъ.

Тупѣе плжело я воздохну,
Неволью руку пропину.
Лишь за перо. *Опять! прозь! прозь!*
Кричнть жена моя или дочь.

Писать больному не велятъ.
Глаза вѣдь больше заболѣтъ.

Зеленый зонтикъ я купилъ,
Но въ немъ еще не выходилъ.
Взгляну въ окно—вздѣхъ и впередъ
Народъ по площади идетъ;
Вездѣ туманно и мокро!

О сдѣлай, добрый Богъ, добро,
Скорѣй, скорѣе прогляни,
Явись, блесни, и проговни
Ненастные сырые дни.
Нельзя-ли нынѣшняго дня
Изъ пѣвна выпустить меня?
Нельзя-ль взойти на небеса,
Хоть только на четверть часа?
Вѣдь мѣсяць дома я сижу
И никуда не выхожу.

Теперь я крѣпче на ногахъ,
Гулять-бы могъ я на Пескахъ.
Хотя-бы вышелъ въ Божій храмъ
И помолился-бы я шамъ.....

Но что я вижу? Чудеса!
Взошелъ ужъ себѣ на небеса:
Мольбу мою услышалъ онъ.
Скорѣй, скорѣй изъ дому вонъ.
Пойдемъ, о Nathalie, пойдемъ,
Никифора съ собой возьмемъ;
Когда отъ слабости свалюсь,
То вмѣ авось приподнимусь.

6 *Апрѣля*, 1830.

А. Измайловъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

43. *Терпи казакъ, Атаманъ будешь.* Стихотворная повѣсть. Сочиненіе Константина Масальскаго. Изданіе второе, исправленное. С. П. б. Въ Тип. ИМПЕРАТОРСКОЙ Росс. Академіи, 1830. Въ 8 (144 стран.)

Если кто нибудь упомянется чтеніемъ этой стихотворной повѣсти, то онъ, сообразуясь съ названіемъ ея, долженъ вспомнить, что терпѣніе есть лучшая добродѣтель.

С М Ъ С Ъ.

Въ 45 Но Лип. Газеты сдѣлано Издастелю Свв. Меркурія неожиданное и вовсе незаслуженное имъ привѣщствіе, или, говоря словами Лип. Газеты, онъ удостоенъ местнаго *комплимента* (*): онъ поставленъ на ряду — съ Булгаринымъ! На сіе Изд. Свв. Мерк. имѣетъ честь довести до свѣдѣнія читателей Лип. Газеты, что авторское его самолюбіе вовсе не обольщается этимъ *комплиментомъ*, ибо литературная его извѣстность споль малозначуща, что едва-ли можетъ идти въ сравненіе съ извѣстностью даже и Барона Дельвига, не только Булгарина. Съ симъ послѣднимъ очень еще долго не спать на ряду и А. Пушкину (**), одному изъ лучшихъ нашихъ Поэтовъ, о Европейской извѣстности котораго, вѣроятно, никому-бы и въ мысль не пришло, если-бъ онъ самъ, иногда, не благоволилъ намъкнуть о томъ въ Литературной Газетѣ. Впрочемъ Издастель Свв. Меркурія во вся-

(*) Этого *комплимента* невольно напоминать слѣдующіе два стиха изъ Поэмы Г. Муравьева: *Котильонъ*. (См. 8 Но Свв. Мерк.)

И распочаетъ, шароватый,
Онъ *комплименты* не впопадъ....

(**) Особенно, если грядущія его произведенія будутъ имѣть равное литературное достоинство съ Полшавою и 7-ю главою Опыта.

комъ случаѣ, по долгу учтивости, считаешь себя обязаннымъ благодарить Издателя Лип. Газеты за сдѣланное ему лестное привѣтствіе, хотя и несправедливое.

Сверхъ того, Изд. Свѣ. Меркурія находитъ нужнымъ присовокупить къ сему слѣдующее:

Спашья, напечатанная въ Свѣ. Звѣздъ, побудившая Изд. Лип. Газеты сравнить Изд. Свѣ. Меркурія съ Изд. Свѣ. Пчелы, эта спашья, которая, повидному, долго лежитъ на сердцѣ у почтеннаго Изд. Лип. Газеты, писана не Беспужевымъ-Рюминымъ, а Аристархомъ Завѣшнымъ; слѣдственно, гдѣ дѣло идетъ объ Аристархѣ Завѣшномъ, тамъ надлежало-бы оставить въ спорѣ Беспужева-Рюмина, который вовсе не желаетъ чести, чтобы имя его было *всѣ* употребляемо Литерапурною Газетою. Спрашно: Издателю Лип. Газеты, повидному, неприятно и то, что Аристархъ Завѣшный намѣкнулъ объ исправленіяхъ, дѣлаемыхъ другими Поэтами въ стихотвореніяхъ Барона Дельвига; а между тѣмъ самъ Издатель Лип. Газеты опиниваетъ у Аристарха Завѣшнаго честь сочиненія спашьи, приписывая оную, невѣдомо по какому вдохновенію, Беспужеву-Рюмину.

М О Д Ы.

П а р и ж с к і я.

(5 Августа и. с.)

— Въ экипажахъ, прѣзжавшихъ по вечерамъ въ Булонскій лѣсъ, замѣтили множество бѣлыхъ плащевъ и шляпокъ-капошовъ изъ *paille de riz*, подожженныхъ цвѣшнымъ крепомъ; также кисейныя плащя съ широкими полосами, бѣлыми и цвѣшными, и при нихъ надѣты были шляпки изъ Испаніанской соломы, украшенныя букетами,

перьями или цвѣтами. Также были бѣлыя кане-зу съ цвѣшными юбками.

— На гуляньяхъ всякаго рода шарфы въ большомъ употребленіи.

— Дамы, одѣвающіяся со вкусомъ, носятъ цѣпи или Греческія, или изъ продолговатыхъ узкихъ колець.

— Эмаль до сихъ поръ еще въ большой модѣ; галантерейныя вещи сего рода болѣе и болѣе разнообразны въ своихъ видахъ. (P. Cour. des Dames.)

Шарада, помѣщенная въ прошедшемъ No., значитъ *bonne-foi*.

E O G O G R I P H E.

Je suis utile à la toilette:

*La femme la plus sage, ainsi que la coquette,
Le magot, le bel homme et même jusqu'au Roi,
Par ton ou par besoin, tous se servent de moi.
Arrangeant mes huit pieds de certaine manière,
On y rencontrera l'égal du mot colère;*

Un arbre toujours verd;

Un volatile; un fleuve d'Italie;

Un bourg de Normandie;

Un bon fruit de dessert;

D'une espèce de pain je fournis la matière,

Et souvent celle de la bière;

Le synonyme de pays;

Un nom qui nous est cher, respecté dans Paris;

Enfin l'on trouve en moi le nom d'une rivière.

Me voilà trait pour trait; cherche, ne cède pas:

Peut-être en ce moment tu m'as entre tes bras.

1830, 18 АВГУСТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

РАЗГОВОРЪ

въ поляхъ Елисейскихъ.

Диоклесь (одинъ). Чпо я чувствую? — — Гдѣ я? — — Это ли поля Елисейскія? Это ли блаженный островъ вѣчности, гдѣ рдѣюшь цвѣшны златые, — гдѣ вѣчная весна царствуетъ, — гдѣ испочинокъ кристалу подобны? Гдѣ тѣ вѣчно-зелѣющіе луга, которые обѣщаны мнѣ мудрецами и Поэтами? — — Гдѣ солнце, которое днемъ и ночью равно освѣщаетъ? — — Ничего, кромѣ сумрака и пишины; такой пишины, чпо я могъ-бы слышать колебаніе лиліи на степлѣ ея! — — Испинная обилель тѣней. — А я? — Я также тѣнь — я уже болѣе не знаю самого себя; едва помню шо, о чемъ имѣлъ прежде ясное понятіе, — однако чувствую еще, чпо я Диоклесь . . . . но вопль, пропавъ меня носился другая тѣнь: видѣ ея шихъ и спокоенъ; конечно, это одинъ изъ мудрецовъ лучшаго вѣка. — Позволь говорить съ побою, позволь узнать имя швое.

Лукіанъ. Мы здѣсь всѣ равны, и не имѣемъ никакихъ отличительныхъ названій. Въ земной жизни назывался я Лукіаномъ.

Д. Лукіанъ? И такъ умоляю тебя: сжался надо мною.

Л. Къ чему такая просьба?

Томъ 2. № 99.

Д. Поэтому, чпо ты, безъ сомнѣнія, видишь меня еще почтѣе, нежели я самъ. Я совсѣмъ недоволенъ собою.

Л. Ты, конечно, новый пришлецъ? Мужайся! Опинишь себя будешь все лучше.

Д. Скажи-же мнѣ: дѣйствительно-ли я въ поляхъ Елисейскихъ? Елисейскія-ли это поля?

Л. Ты въ поляхъ Елисейскихъ; но чувства швы не совсѣмъ еще облагородствованы.

Д. Теперь понимаю я, чпо я самъ причиною тому, чпо мнѣ все кажется споль мрачнымъ, угрюмымъ, споль пустымъ и мершвымъ.

Л. Ты только въ сіе мгновение раждаешься; взоръ швой еще тмень, слухъ швой слабъ; ты не привыкъ еще къ нашему воздуху, къ нашему свѣту; но это скоро измѣнится.

Д. Скажи-же мнѣ, чпо это такое безпреспанно, именно шеперь, когда я говорю съ побою, опъ меня опдѣляется, и какъ-бы шуманъ на него спускался?

Л. Развѣ ты не примѣчаешь, чпо при каждомъ опдѣленіи себя спановишься легче, свободнѣе, самому себя прозрачнѣе?

Д. Такъ, кажешся мнѣ — только уже слишкомъ легко, слишкомъ прозрачно; и я вижу, чпо послѣ всѣхъ сихъ опдѣлений, ничего опъ меня не оспанется.

Л. Не безпокойся. Теперь будешь слѣдовать шолько такой опдѣленія, послѣ коихъ ты

будешь чувствовать себя лучше: ибо то, что отъ тебя отходитъ, есть не иное что, какъ обольщенія твоего высокоумія, которыя до сихъ поръ господствовали надъ тобою, и которыя были причиною большей части твоихъ радостей и печалей въ земной жизни.

Д. Небо! Помоги мнѣ. — Какая игра обмана и ослѣпленія было то, что я называлъ жизнью!

Л. Ты чувствуешь это? — И при всемъ помъ тебѣ не будетъ недостатка въ ученѣмъ жизнеописателѣ, который изъ сихъ ослѣпленій составитъ превосходную картину.

Д. О, это ужасно! Мои преимущества, добродѣтели, радости, почести все—можешь быть все совершенно—суть вмѣстѣ только обольщенія,

Л. За то и спраданія твои были только мнимыя,

Д. Тѣмъ хуже! Тѣмъ хуже! Я чувствовалъ себя столь твердымъ, столь великимъ, когда спосилъ, когда думалъ, что спощу ихъ постоянно и благородно, подобно мудрецу. — Сколь смѣшнымъ долженъ я казаться тебѣ!

Л. Совсѣмъ нѣтъ. Время, которое взрослый человекъ едва несетъ на раменахъ своихъ, задавило-бы дитя. Здѣсь не обольщеніе. Но если ты думалъ, что спосишь бѣдствія твои такъ постоянно, благородно и великодушно, то это конечно уменьшился теперь.

Д. Конечно, я спосилъ только то, чего пережить быль не въ силахъ, и спеналъ, вопилъ, какъ обыкновенный человекъ, когда никто не слыхалъ меня изъ тѣхъ, предъ коими я стыдился быть обыкновеннымъ человекомъ.

Л. Это безъ всякаго пропироврчія, есть величайшее изъ обольщеній: не хотѣшь казаться обыкновеннымъ человекомъ, и между нѣмъ быть таковымъ. Видишь-ли, какое большое отдѣленіе отъ тебя происходитъ теперь?

Д. О небо! я распадаюсь, я превращаюсь въ пары!

Л. Труднѣйшее теперь скоро мипуетъ. Будь спокоенъ: мы были все тоже обыкновенные люди; — болѣе или менѣе обольщеній составляли все различіе.

Д. И великіе, чудесные люди, не дѣлаютъ исключенія?

Л. Спроси ихъ самъ, когда встрѣпишься съ ними.

Д. И такъ, вы живете здѣсь свободно отъ всего, что обманываетъ чувства смертныхъ? Здѣсь все кажется другъ другу такими, каковы они дѣйствительно?

Л. И самому себѣ такимъ-же, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Д. И вы счастливы?

Л. И все попому же. На землѣ это, конечно, было-бы иначе. Но здѣсь, гдѣ все находится въ совершенномъ равновѣсїи, все въ покоѣ, гдѣ люди не могутъ спрашивать, ни ожидать чего либо другъ отъ друга, гдѣ чужды криводушїе, предрасудки и зависть, гдѣ нѣтъ слѣдственно причины людямъ хотѣть или имѣть нужду въ томъ, чтобы казаться однимъ другому лучшими настоящаго — здѣсь нельзя кого либо обмануть, если-бы и была къ тому возможность; ни обманывать самаго себя. Ибо, если люди не могутъ обманывать другихъ, то обманываютъ самихъ себя. Словомъ, у насъ здѣсь — все истинно, и попому-то именѣно мы счастливы.

Д. Кажется, что мнѣ будешь трудно привыкнуть къ вашему блаженству. — Но что это дѣлается со мною? Ахъ, какъ мнѣ дурно!

Л. Теперь отдѣлилось отъ тебя опять большее, грубое обольщеніе.

Д. Ахъ! чтоже должно выйти изъ всѣхъ добродѣтелей, увѣренность въ существованїи крѣпкихъ дѣлала меня столь счастливымъ?

Л. Это была, конечно, спокойная колыбель.

Д. Нѣтъ, я не въ Елисейскихъ поляхъ: я чувствую себя совсѣмъ иначе.

Л. Ты приносишь теперь покаяніе — въ пвонихъ добродѣтеляхъ.

Д. Которыя, я думалъ, имѣю, и не имѣлъ на самомъ дѣлѣ, полагаешь ты?

Л. И которыя не споняли тебѣ ни усилій, ни пожегшвованій. — Ты конечно на шомъ свѣтъ былъ Поэшомъ. Не такъ-ли?

Д. И любилъ истину болѣе всего.

Л. И облыгала цѣлую жизнь себя и весь свѣтъ?

Д. Ты все еще Лукіанъ, какъ мнѣ кажется.

Л. Діоклестъ! Ты еще не совсѣмъ оправился. — Поди по этому слѣду, который извивается между сими плапанами. Онъ приведетъ тебя къ пещерѣ, въ которой ты найдешь теплую купальню. Воспользуйся ею безболзненно; это тебя смягчитъ, и произведетъ въ тебѣ испарину, послѣ которой тебѣ будешь гораздо лучше. Мало изъ приходящихъ сюда, которые не пользовались-бы ею нѣкоторое время, и нѣтъ ни одного, которому-бы не совѣповали хотя разъ упопребить ее. Спупай, это необходимо! Когда мы опять увидимся, то ты будешь уже увѣренъ, что дѣйствительно находишься въ поляхъ Елисейскихъ.

Изъ Вианда, О. Дьяковъ.

СИЛЬНОЕ ПРАВО.

Любилъ я Пану; и она
Твердила: буду въкъ върна!
Но вдругъ богачъ пльнился ею,
И сдѣлалъ Пашиньку своею.

*

Поэты! намъ твердите вы:
Сильнѣ права пѣтъ любви.
А мой ошвъшъ вамъ пусть худенекъ:
Всѣхъ правъ сильнѣе — право денегъ.

Ольх.

44. *Новѣйшее собраніе Романсовъ и Пѣсенъ, избранныхъ изъ лучшихъ Авторовъ, какъ-то: Державина, Дмитріева, Карализна, Богдановича, Неллдинскаго-Мелецкаго, Капуста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, и проч. (*)* Посвящено прекрасному полу. Двѣ части. Москва, въ Тип. С. Селивановскаго, 1830. въ 16. (Въ первой части VIII и 170 страницъ; во второй VIII и 238 страницъ.)

Не находимъ словъ, которыми мы могли-бы справедливо изобразить всю негодность сей книги. Это *Новѣйшее Собрание Романсовъ и Пѣсенъ* принадлежитъ къ числу новѣйшихъ средствъ, открытыхъ въ новѣйшія времена нѣкоторыми книгопродавцами, для выманыванія денегъ у покупателей (особенно находящихся въ провинціяхъ), незнающихъ всѣхъ оборотовъ, проще сказать всѣхъ плушней смышленной книжной промышленности. У Издашеля этой книги другой цѣли не было, кромѣ той, чтобы обмануть публику; а въ составленіи сей компиляціи, безъ всякаго сомнѣнія, прудился какой нибудь безграмотный сидѣлецъ, который не умѣлъ даже вѣрно пере-

(*) Мы, по примѣру другихъ, не пользуясь обыкновенною журнальною привилегіею, распространять списки посторонними предметами, лишь-бы только чѣмъ нибудь наполнить мѣсто въ газетномъ листочкѣ, — сокращаемъ заглавіе сей книги, не пропуская подробно всѣхъ авторскихъ именъ, находящихся въ этомъ спискѣ *лучшихъ Писателей*. Замѣшимъ, что покойный Веневитиновъ попалъ въ серединку, между Г. Ошоровымъ и Слѣпущинимъ. Да не оскорбится пѣтъ незабвеннаго Поэпа!.. Въ Литературной Газетѣ напечатано крупными буквами полное заглавіе Новѣйшаго Собранія Романсовъ и Пѣсенъ, не столько, вѣроятно, для сохраненія библиографическаго порядка, сколько для того, что въ списокъ *лучшихъ Писателей*, означенныхъ на заглавномъ листкѣ сей книги, Издашель оной не забылъ включить имя и Барона Дельвига, котораго, впрочемъ, безприсрастіе въ этомъ случаѣ примѣрно: онъ также неблагоосклонно опозвался объ этомъ Собраніи.

писати многихъ Романсовъ и Пѣсень, собирал ихъ. Многие Романы такъ искажены, какъ только можеть исказить совершенная безграмотность. Нѣкоторые изъ Романсовъ несправедливо приписаны другимъ Писателямъ. Въ расположении Романсовъ нѣтъ никакой правильности: всѣ они находятся въ такомъ порядкѣ, въ какомъ, по видимому, попадались въ перепраду списывавшаго ихъ. Выборъ основанъ на изящности вкуса Собирашеля: плохихъ Романсовъ и Пѣсень, нѣтъ забытыхъ всѣми, въ сравненіи съ числомъ хорошихъ, гораздо болѣе, чѣмъ на половину. — Изданіе сего Собранія такъ пегодно, какъ только можно было придумать алчному корыслолюбію, для сокращенія типографскихъ издержекъ: бумага хуже, чѣмъ на Московскихъ Вѣдомостяхъ; не картинки, а какія-то каррикатуры, особенно примѣчательны уродливою своею оидѣлкою. И эту компиляцію, съ такимъ вкусомъ составленную, въ такомъ видѣ изданную, Издашель, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, осмѣлился посвящать прекрасному полу. Варвары!..

С М Ъ С Б.

„Какъ *тамъ* природа удивительна — я себѣ вообразить не могу!! Повѣрите-ли, что *капустный листъ* накроетъ баталіонъ! — Мудреного нѣтъ! Диковинокъ въ свѣтѣ много! Меня и теперь поражаютъ *тамошніе копилы*, великою въ діаметрѣ съ полверсты! — „А вы развѣ памѣ были? Къ чему-жъ они служатъ?“ — *Для сваренія той капусты.* — (Сообщено.)

Логогривъ, помѣщенный въ прошедшемъ №., значить: peignoir (гдѣ находится слѣдующія слова: ire, pin, pigeon, Po, Ger, poire, orge, région, Roi и Orne).

Е N I G M E,

Mâle ou femelle tour à tour,
On m'aime, on me déteste
Mâle, je donne au jeune Amour
Un air vraiment céleste.
Mais femelle, hélas!
Malgré mes appas,
Je sais bien peu séduire:
Contre mon repos
Hommes, animaux,
Tout s'unit, tout conspire.

Mâle, je plais fort à l'auteur,
Qui, lisant un ouvrage,
Du plaisir de son auditeur
Trouve en moi l'heureux gage.
Mais femelle, hélas!
Il ne m'aime pas;
Car j'ai quelque malice:
De beaucoup d'écrits
De nos beaux-esprits
Souvent j'ai fait justice.

Qu'un amant soit, pour quelques torts,
Grondé par son amie,
Mâle, je parais, et dès-lors
La querelle est finie.
Mais femelle, hélas!
Viens-je sur leurs pas?
Elle crie et se sauve:
De moi, par malheur,
Les Grâces ont peur,
Surtout quand je suis chauve.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 100.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1850, 20 АВГУСТА, СРЕДА.

НЕСЧАСТНАЯ ЛИЗА.

Истинное происшествіе.

(Изъ рассказовъ Деянлина.)

Розовый огонекъ алѣлъ въ окнахъ сельскихъ жилищъ. Лай вѣрныхъ псовъ оглашалъ окрестность. Морозъ гулко поспукивалъ въ бревенчатыхъ стѣнахъ. Я остался переночевать въ деревнѣ. Последний визгъ полоза замолкъ подъ оставившимся экипажемъ. — Въ просторной, чистой избѣ, пашелъ я собраніе крестьянскихъ дѣвушекъ. Припѣвая пѣсенки, прѣли онѣ лѣтъ. Холера, спарилъ съ женою, кончивъ свой ужипъ, и подославъ мнѣ соломы на широкой лавкѣ, улеглись спать. Я присматривался и прислушивался; одна изъ дѣвушекъ особенно обращала на себя мое вниманіе: крупныя слезы выливались у ней съ заунывными звуками голоса; блѣдное лице ея было образовано прекрасными чертами; казалось, что все, отличая ее отъ другихъ, обнаруживало, что она не уроженка и не воспитанница селенія: шагъ прелестный цвѣтъ страны полуденной угадывался — пересаженный на поляну сурового полярнаго края.

До первыхъ пѣтуховъ горѣла лунина; пѣли и прѣли красныя дѣвушки. Я не могъ заснуть, пока работники зажимочнаго моего хозяина поднялись съ разсвѣтомъ на лѣсную работу. Уснувъ, проснулся я за полдень, когда солнышко снова запа-

дывало за снѣжныя горы и блѣдными лучами освѣщало зимнюю картину сѣверной природы.

На другое утро навѣстилъ я приходскаго священника, который снабдилъ меня многими любопытными историческими свѣдѣніями о здѣшнемъ краѣ изъ домашняго своего архива. Почтенный спарець сей обворожилъ меня своею ласкою, добродушіемъ, умомъ. Рассказывая, мимоходомъ, о проведенномъ мною вечерѣ, я спросилъ его о дѣвухѣ, споль необыкновенно внушившей мнѣ какое-то къ ней участіе и состраданіе.

„Вы не ошиблись, сказалъ онъ: вы вѣрно видѣли блѣдную, забытую людьми, но хранимую Богомъ — Лизу. Исторія жизни ея любопытна съ самаго рожденія; охотно расскажу вамъ оную, будучи очевидцемъ многихъ случаевъ, кончи судьба испытывала невинную сиротку.

„Лѣтъ тому назадъ шестнадцать, находясь приходскимъ священникомъ близъ В. . . . , въ одинъ бурный осенній вечеръ я былъ разбужденъ ужаснымъ спухомъ у моихъ дверей. На вопросъ мой: кто тамъ? мнѣ отвѣчали, что они прохожіе, запоздалые пѣшеходцы, конхъ непогода захватила на пути къ городу В. . . . ; что во всѣхъ домахъ отказали имъ въ ночлегъ и они должны будутъ почевать подъ открытымъ небомъ. Я отперъ двери, и представьте мое изумленіе: увидѣлъ предъ собою двухъ хорошо вооруженныхъ челоуѣкъ. „Не бойтесь — были первыя ихъ слова — мы не воры, не разбойники; но требованіе наше неспростно: вы должны немедленно отпра-

выпсы съ нами въ экипажѣ, посавленномъ у вашего дома; не спрашивесь ничего; черезъ два съ половиною часа вы будете опять здѣсь; несчастная, знающая женщина разлучается съ жизнью: васъ проспять она исполнить надъ нею обязанность духовнаго отца;—черезъ часъ се уже не будетъ въ мірѣ: постыдитесь успокоить душу умирающей.“ — Отзываясь позднимъ вечеромъ (предполагая трупъ обманъ), равно отдаленностию пупи (они назначали часъ вѣды), я убѣждалъ ихъ взять ближайшаго священника; я представлялъ имъ, что ожидаю отъ моихъ прихожанъ призванія къ совершенію прѣбъ, каковое легко могло случиться въ огромномъ окологѣ моего прихода. — „Возраженія ваши напрасны — воскликнулъ одинъ изъ нихъ—вы должны непременно вѣхать съ нами.“ При сихъ словахъ вынулъ онъ изъ за пояса писмолецъ и шуго набитый кошелекъ. „Вотъ послѣднее наше убѣжденіе—сказалъ онъ: если совѣсть ваша не говоритъ вамъ объ обязанности пастыря,—если сердце ваше молчитъ, когда умирающая ожидаетъ отъ васъ остаткаго утѣшенія своего на землѣ, въ которомъ не должны вы отказываться по долгу, по душѣ,—то знайте, что жестокое мнѣніе постигнетъ васъ. Впрочемъ время дорого. Писмолецъ ударъ въ рукахъ моихъ вѣренъ!..“

„Видя, что возраженія мои напрасны, и смягчался болѣе положеніемъ неизвѣстной мнѣ спрадлицы, нежели боясь угрозъ наспойчивыхъ постыжителей, ибо смерть никогда не спрашила меня, я изъявилъ мое согласіе.—Мы вышли.—Они вынули широкій плапокъ. „Позвольте завязать вамъ глаза.“ — Но для чего это новое пребываніе: я знаю свою должность, я обязанъ молчать. — „Сопропивленіе ваше не у мѣста: ни полуслова пропировѣчія.“ — Съ этимъ словомъ они завязали мнѣ глаза, насильно вывели изъ дверей, впащали въ коляску — и мы быстро помчались.“

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

ГОРЬКАЯ ИСТИНА.

Однажды, въ дѣтствѣ, мнѣ случилось
За пестрой бабочкой бѣжать;
Златое солнце чуть кашилось,
Зефиръ едва лишь смѣлъ дышать.

Съ цвѣтка къ цвѣтку перелезая,
Она неслася все рѣкой,
И я, лешунью догоняя,
Почти хваталъ ее рукой.

Но на бѣду же вѣдь случилось,
Что день напрасно потерялъ:
Златое солнце закашилось,
А я — лешунью не догналъ.

Ужель, какъ бабочка злая,
Ты легковѣрнаго маля,
Коварно, льстивая Агая,
Проводишь бѣднаго меня? ..

Чтожь говоришь ты, другъ сердечный,
Въ отвѣтъ, смѣясь изподпидика:
Ужель день юности безпечной
Дешевле жизни старика? ..

Карлоффъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

45. *Василій Шуйскій*, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Николая Станкевича. М. Въ Тип. Авг. Семена, 1830. Въ 8. [107 стран.] (*)

Если вѣрится некоторымъ Журналамъ,—Автору сей Трагедіи шестнадцать лѣтъ! Можемъ-ли мы быти взыскательными къ некоторымъ недоставкамъ, находящимся въ его произведеніи?.. Вольперъ 18 лѣтъ написалъ Заиру: хотя это сравненіе вовсе неидетъ въ настоящемъ случаѣ къ дѣлу,—но тѣмъ не менѣе мы должны имѣть большую надежду на дарованіе Г. Станкевича, если Трагедія сія дѣйствительно написана имъ въ означенномъ возрастѣ, если она не совершенно передѣлана какимъ нибудь хорошимъ Литераторомъ, находящимся въ совершенныхъ лѣтахъ,

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина: цѣна экземпляру пять рублей.

или если не сдѣланы въ ней симъ послѣднимъ слншкомъ важныя исправленія. Мы имѣемъ много охотниковъ до литературнаго балагурства, которые, по словамъ Князя Вяземскаго, нищутъ отъ того, что чешется рука, которыхъ блаженный Сумароковъ называлъ писачками, и которые, по неспособности къ спроевой Апполоновой службѣ, причислены къ рнѣмопорной нивалидной командѣ. Напримѣръ, Г.г. Олимпъ, Сіановъ, и нѣкоторыя другіе, подвизаются въ упомянутомъ литературномъ балагурствѣ, находясь въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, — но каждая спрочка въ ихъ произведеніяхъ разительнѣе напоминаетъ истину, сказанную Княземъ Вяземскимъ. Мало-ли подобныхъ вписелей, глядя на нихъ, видишь, что Апполонъ обратилъ отъ нихъ свѣтлое лице свое, и невольно задумаешь, что Музы, подходя къ колыбели каждаго изъ нихъ, предвѣщали,

Будешь, будешь Сочинитель

И читателей пиранъ . . . .

Дѣлая это горестное воспоминаніе о Г. г. Олимпѣ, Сіановѣ, и другихъ, подобныхъ имъ спрженикахъ Апполона, упоминающихъ публику своею бездарностью, которою рѣзко ознаменованы ихъ стихи и проза, — мы представили ихъ въ образцѣ совсѣмъ не для того, чтобы возвысить эпимъ первый незрѣлый спрудъ шестнадцатилѣтняго Поэта, ибо знаемъ, что симъ неприличнымъ сравненіемъ мы справедливо оскорбили-бы дарованіе Г. Стапкевича: пѣніе жаворонка ничего не имѣетъ общаго съ карканіемъ воробія; — по цѣль лаша въ семь случаевъ есть та, чтобы убѣдить бездарныхъ рнѣмотворцевъ въ совершенномъ неблаговоленіи къ нимъ Апполона, и заспавивъ ихъ съ благоговѣніемъ спомрѣть на возникающее дарованіе шестнадцатилѣтняго юноши, который и въ настоящее время возрастъ своемъ болѣе принесъ пользы для опечесивенной Словесности, нежели они, упражняющіеся въ писаніи, можетъ

быть четверть столѣтія, и уже посѣдѣшіе въ несвойственномъ для нихъ авторскомъ ремеслѣ.

Въ отношеніи къ Сочинителю Трагедіи: *Василий Шуйскій*, мы желаемъ отъ чистаго сердца дальнѣйшихъ успѣховъ юной его Музѣ. Желаемъ, чтобы онъ не увлекался похвалами людей неопытныхъ или малосвѣдущихъ, руководствовался замѣчаніями строгой и безпристрастной критики, которая будетъ разсматривать его произведенія, — и въ особеннѣости желаемъ, чтобы онъ былъ болѣе строгъ къ самому себѣ: ибо строгость къ самому себѣ есть вѣрнѣйшій признакъ истиннаго дарованія.

б—й—ой.

С М Ъ С Б .

— Въ Парижѣ, нѣкто Пётръ Капо, родомъ Марселецъ, нашелъ средство *молодить* дамъ, на личикахъ и ручкахъ которыхъ всемогущее время (увы!) напечатало морщины. Поздравляя нашихъ читательницъ съ эпоею пріятною для нихъ новостью, мы предвидимъ, что несмѣтныя богатства потекутъ спереть рѣкою къ изобрѣтателю, ибо сколько найдется не только дамъ, но и дѣвицъ, находящихся въ зрѣлыхъ лѣтахъ, которыя немедленно пожелаютъ воспользоваться средствами Г. Капо, ибо сіи послѣднія, какъ надѣяться можно, гораздо удобнѣе, приличнѣе и безвреднѣе, въ сравненіи съ косметическими средствами. Сколько найдется дѣвицъ, которыя пожелаютъ оживить увядшую (по химическому выраженію) свою юность и возвратить ея наслажденія. О радость! Въ томныхъ и впалыхъ ихъ глазкахъ снова запылалъ огонь желаній; на блѣдныхъ ихъ щечкахъ и померпнвѣлыхъ губкахъ снова разцвѣтнутъ розы и лиліи; суровость ихъ взглядовъ замѣнится пѣжною улыбкою; начинающіе сѣдѣть волосы, которые (особенно въ брюнеткахъ) весьма замѣтны, снова получатъ прежній свой цвѣтъ, и пышные локоны снова ра-

скинутся на блоспѣжныхъ (какъ будто есть и черныи снѣгъ!) ихъ плечахъ. О радость! Благодарное открытiе Г. Капо снова возвратитъ нашимъ красавицамъ всѣ прелести, а съ ними возвратятся и всѣ мечты о женихахъ!.. Предугадивая желанiе почтенныхъ соотечественницъ, восклицаемъ: къ намъ, въ Россiю, М-г Сапсау, къ намъ, въ Россiю! Милоспни просимъ дорогой, вожделѣнный гость, милоспни просимъ! Васъ ожидаютъ благосклонный прiемъ гостепрiимныхъ Россiянокъ и краснорѣчивые возгласы почтеннаго соотечественника вашего, М-г Furet, который нѣсколькими спрочками своими прославитъ изобрѣтательный умъ вашъ во всѣхъ концахъ вселенной, начиная отъ Каменнаго Острова до Кандиперской Вольфа, состоящей у Полицейскаго моста.“ — А Вамъ, милоспвивья государыни, почтенныя соотечественницы, осмѣливаемся посовѣтовать: не угодно-ли будетъ хоть какой нибудь ленточкой почтить имя достославнаго Г. Капо, п. е. хоть какую нибудь бездѣлку, принадлежащую къ Вашему шуалешу, пазвать во славу знаменитаго изобрѣтателя: à la Mг Сапсау! Это будетъ гораздо прiятнѣе для сего послѣдняго, нежели хвалы Мг Furet, которыя, Богъ вѣсть отъ чего-то, болѣею частiю замѣняютъ собою порицанiя здравомыслящихъ и благонамѣренныхъ людей. Многiе краснѣютъ, если видятъ себя восхваляемыми въ Furet, и тогда уже совершенно убѣждаются въ своихъ недоспашкахъ или порокахъ. Какъ шунъ не веномнитъ извѣстныхъ эпиграммъ:

Я хвалъ его боюсь — то суцал хула;
А брань его — мнѣ похвала!

или:

Я вовсе не спрашусь его хулы —
„А почему же такъ?“ — Онъ мыслитъ, какъ . . .

— Литературная Газета (NO. 45) пишетъ о сообщасмомъ Газетою: Furet, извѣстiи изъ Пекина, что будто-бы нѣкоторый Журналистъ побилъ палками по приказанiю нѣкотораго мандарина. Издатель Furet, по словамъ Лит. Газеты, замѣчаетъ, что мандарину это слышно, а Журналисту — здорово. Не имѣя теперь у себя предъ глазами того No. Furet, въ которомъ напечатано это извѣстiе, и дѣлая съ отысканья, мы въ этомъ случаѣ вѣримъ на слово Лит. Газетѣ. Въ отношенiи же того обисполствва, здоровы-ли Журналисту палочные побои или нѣтъ, мы, какъ люди неопытные въ этомъ предметѣ, и зная, что Издатель Furet о нѣкоторыхъ вещахъ судитъ здраво и основательно, мы, повпоремъ, въ справедливости сего замѣчанiя сомнѣваться не смѣемъ.

М О Д Ы.

В п и с к и л.

Креповая шляпка, опдѣланая цвѣтами, лентами, газомъ и блондами. — Платье изъ кашпашаго жаконета съ широкими до кисти рукавами. — Полъ шелковый. — Перчатки бѣлыя. — Ботинки изъ суроваго полошна. (Journal des Dames et des Modes.)

Загадка, помѣщенная въ прошедшемъ No, значить: souris.

С H A R A D E.

Lorsque l'Aurore avec ses doigts de rose
Vient entr'ouvrir les portes d'orient,
On peut voir mon premier de feux étincelant;
Mais courte est la métamorphose.
La science est le fruit de mon constant dernier
Cesse de tes travaux de te glorifier,
Homme vain, car Dieu seul opère mon entier.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамм и пят-
ницамъ.

№ 101.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1850, 22 АВГУСТА, ПЯТНИЦА.

НЕСЧАСТНАЯ ЛИЗА.

Истинное происшествіе.

(Изъ рассказовъ Двиглянина.)

(Окончаніе.)

„Не знаю ни времени, ни мѣста, въ про-
долженіе этого страннаго путешествія. Вскорѣ
мы перѣехали чрезъ мостъ и спускъ опъ наше-
го экипажа раздался подъ сводами вѣзда. Меня,
подхватя подъ руки, вели по лѣшницѣ. Потомъ
мы шли, казалось, чрезъ нѣсколько комнатъ, и
наконецъ въ послѣдней развязали мнѣ глаза. Я уви-
дѣлъ себя въ большой горницѣ, слабо освѣщен-
ной шестью свѣчами, горѣвшими у занавѣшеннаго
эзеромъ зеркала въ огромныхъ жирандоляхъ.
Комната была обдѣлана темноватымъ мраморомъ;
въ нишѣ оной возвышались двѣ колонны, съ
коихъ спускался бархатный занавѣсъ; за нимъ вид-
на была раззолоченная кровать и пускло свѣ-
щился огонь лампы, поставленной предъ рас-
пятиемъ и изображеніемъ Пресвятой Дѣвы на
пальмовомъ столпѣ. Высокій, сухощавый мужчи-
на, одѣтый въ черное платье, мрачный, какъ
буря, которая бушевала тогда въ окнахъ, у одно-
го изъ концевъ сидѣлъ онъ, поднимая на меня глаза,
ярко блестящіе огнемъ гнѣва. Окнувъ меня взоромъ
съ головы до ногъ, онъ вспалъ съ кресель, и указавъ
на кровать, сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти къ ней;

самъ-же вышелъ въ боковую дверь, непримѣпно
вдланную въ стѣну.

„Подошедъ къ кровати, я увидѣлъ на ней блѣд-
ную молодую женщину. Казалось, ни бользни, ни
спраданія, не измѣнили прекраснаго лица ея.
Взглянувъ на меня, она приподнялась; лице ея
оживилось легкою улыбкою, и глаза ея устреми-
лись на изображение Пресвятой Дѣвы: въ нихъ
отражалась теплая молитва. — „Придвиньтесь,
опецъ мой, сказала она, обратившись ко мнѣ.
Чась смерти моей близокъ: опъ уже назначенъ;
минуты земнаго бытія моего отсчитаны; мо-
литесь о мнѣ“ — и крупныя горячія слезы ска-
плились на голубое покрывало, — „молитесь о
несчастной сиротѣ моей: взгляните!“ — Тупъ
отдернула она висячую ширму у изголовья: на
маленькой розовой кушеткѣ мирно покоился
ангелъ невинности, прелестное дитя. „Нѣсколь-
ко дней живетъ она въ этомъ горестномъ мѣрѣ;
первый плачь ея былъ уже предвѣстникомъ ожи-
дающаго ее злополучія: это дочь моя. Матери
позволено еще нѣсколько минутъ провести съ
нею. Вамъ, по смерти моей, вручаю мою ми-
лую, безцѣнную Лизу;—это утѣшеніе оставлено
мнѣ на землѣ послѣднимъ.“ — Припавъ къ дитяти
и цѣлуя его, она заливалась слезами, боясь нару-
шить тихій, безмятежный покой младен-
ца. — „Пресвятая!“ воскликнула она: „не отринь
молитвы матери: сохрани невинное пвореніе;
сохрани чистое сердце и душу вручаемаго въ по-

кровь твоей младенца! — „Успокойтесь, сказалъ я, превозмогая овладѣвать мною чувствомъ: изъясните мнѣ причину вашего ожиданія близкой ой, неизбежной смерти, въ цѣлѣ и силѣ лѣтъ вашихъ. — „Тайна моя перейдетъ со мною въ могилу: по смерти моей вы узнаете. Я должна сохранить клятву, не измѣнить моему обѣщанью, произнесенному предъ изображеніемъ распятаго за насъ и надъ головою моего дитяти; одно слово — и невинный младенецъ сдѣлается жертвою нарушенія моей клятвы.“ — Молитесь, сказалъ я: приготовьте себя къ принятію Божественныхъ тѣла и крови Искупиителя; смерть люта только грѣшникамъ, злодѣямъ, — гласить завѣщаніе Божіе. Примиреніе человека съ своею совѣстью радуется Всевышняго: онъ правосуденъ и милосердъ; судьбы его непознаваемы. Молитесь: онъ заступникъ и упѣшитель земныхъ неправдъ! . . .

„Я не могъ говорить болѣе . . . ируженница молилась; чувства и любовь къ Богу изображались на лицѣ ея. Душевное спокойствіе явилось взоры молящейся: она увѣрилась, что душа ея была полна присутствіемъ свыше; что молившаяся ея была услышана.

„Свершивъ, по обряду церкви, приобщеніе несчастной незнакомки, я благословилъ ее — и отошелъ отъ кровати, оставивъ приобщенную въ слезахъ умаленія.

„Вдругъ отворилась дверь, и сухощавый мужчина, о коемъ упоминалъ я, вошелъ съ двумя посыланнѣми за мною, одѣтыми въ такое-же самое платье, какъ и прежде.

„Кончена-ли длинная ваша исповѣдь?“ — спросилъ онъ съ звѣрскою улыбкою: „награда вамъ назначена — благодарю: позвольте исповѣдывавшихъ вашихъ приходскихъ грѣшниковъ.“ — Меня подхватили подъ руки, повели въ боковую дверь — и ввели въ огромную залу, снова завязали глаза. — „Пощади моего младенца“ — услышалъ я голосъ несчастной — ахъ! и пистолетный выстрѣлъ грянулъ

по сводамъ залы! . . . Ноги мои подкосились — меня несли; кровь, казалось, горячая кровь брызнула мнѣ въ лице, холодный потъ проникнулъ въ жилы: Я былъ въ совершенномъ безчувствіи. Скрытъ воротъ на заржавѣлыхъ запворахъ и громкій споръ моихъ проводниковъ — вывели меня изъ безпамятства. Мы уже вѣхали не по дорогамъ, а по какимъ-то оврагамъ, отъ коихъ ежеминутно должно было ожидать разлома экипажа. Наконецъ мы остановились; на шею навязали мнѣ что-то тяжелое, звонкое — и развязали глаза. — „Это двѣсти дукатовъ — за оставшіе грѣхы, сказалъ одинъ — все — золото.“ — „Обрызганное невинною кровію“ — подхватилъ другой — и меня вытолкнули изъ коляски. — Я очутился на большой дорогѣ, вблизи отъ одного изъ селеній моего прихода; благовѣстъ къ заупрени оглашалъ окрестность: — огнистые лучи зари уже разсыпались по свѣпяющему небосклону. . . .“ Свѣщенникъ замолчалъ.

Въ это время ударили въ колоколъ — къ обѣдѣ. День былъ воскресный. „До пріятнаго свиданія“ — сказалъ мой повѣствователь: — „прошу посѣтить мою прапесу — за столотъ я доскажу вамъ страшную мою повѣсть, и бѣдная Луиза вполне будетъ достойна вашего соприданія.“ — Мы разсѣлись.

В. Никонъ (*).

ВЪ АЛЬБОМЪ Л. А. Л.

Шуля я вамъ сказалъ, что будто-бы Альбомъ въ Москвѣ, in folio, огромнѣйшіе томы, Судьбы сборы пѣжностей, слышеніе изысковъ, Чужихъ испорченныхъ стиховъ. Добавьте къ этому — загадки и шарлады. Вотъ очеркъ вамъ Альбомовъ тѣхъ. Лишь вздумаетъ о нихъ — беретъ невольны смѣхъ — „А вы, какъ кажется, всему смѣяться рады: „Возьмите жъ мой Альбомъ и напишите въ немъ

(*). Издатель проситъ Автора о доспавленіи развѣки сей повѣсти.

„Противъ сихъ странностей свои опроверженья.“
 Вы отвѣчали мнѣ — и признаюся въ томъ,
 Что я не ждалъ такого возраженья.

Но дѣлать ничего — исполнию вашъ приказъ,
 И въ нѣсколькихъ словахъ я докажу сей часть
 Все сказанное мной. Начну съ синхотвореній:
 Они мнѣ нравятся, хоть нѣтъ и смысла въ нихъ;
 Но genre безсмысленный и испойанный стихъ
 Межъ многими давно въ большомъ употребленьи.
 Чшожь видишь первое? — Здѣсь на краю листа:

*Кому вы къ сердцу ближе,
 Пускай напишетъ тотъ пониже.*

Вотъ надпись милая, хоть нѣсколько проста.
 И романтизма вамъ примѣръ сей часть представляю.

*И чѣмъ-же память вамъ оставлю?
 За васъ свѣту поставлю.*

Прошу поинтеръ. — Къ рисункамъ перейдемъ:
 Малеванный Амуръ, подъ стинкою бумажной,
 Посажень въ розовъ съ фигурой важной
 И странной подписью кругомъ;

Нль видишь лѣспиницу съ сердечкомъ на вершинѣ;
 Горитъ бѣднѣжечко пушковымъ огонькомъ;

Вверху написано: *Коринтъ,*

А въ сердцѣ слово: *récompense.*

И чшожь къ нему ведетъ? *fidelité, constance.*
C'est, si nouveaux, n'est-ce pas? et puis encore six lances.

И чешко: *j'aime,* въ срединѣ,

И значить, что къ вамъ съ расей интатотъ *en silence.*

Все это пѣжно, неподобно,

Все мило страхъ, но, какъ угодно,

До крайности смѣшно и припоро по дѣ часть.

А вашъ Альбомъ, коша Москвы произведенье,

Прекрасенъ испинно, могу увѣришь васъ;

И въ этомъ-то пеперь мое все затрудненье,

Что мнѣ вамъ надо написать

Стихами — да еще какими?

Самъ сочини — а не чужими!

Такъ было вамъ угодно приказать!

Я написалъ, исполнилъ повельиье,

Но васъ прошу — мнѣ въ награжденье,

Мои стихи скрывашь

Отъ взоровъ дѣтушекъ старушки,

Старушки мапушки Москвы;

А по мнѣ будущъ не игрушкѣ
 Бѣды надѣлаете вы!...

Э.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

46. *Записки о городахъ Забалканскихъ, занятыхъ Россійскими войсками въ достопамятную кампанію 1829 года, Генеральнаго Штаба Полковника Энегольма.* С. П. б. въ Тип. Плюшара. Въ 8. (160 стран.). (*)

Мы поставляемъ обязанностію своею обратить вниманіе читателей нашихъ на сіе примѣчательное сочиненіе, содержащее въ себѣ географическое и статистическое описаніе (очевидца) той страны, въ которой наши войска увѣнчали себя блистательными успѣхами побѣдоноснаго своего оружія. Прочитавъ сіи Записки, пожалѣешь о томъ только, что: опъ нѣсколько кратки, и что Авторъ незаблагоразсудилъ изложить подробности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, относящихся къ предмету, столь важному, какъ для современниковъ, такъ и для потомства. Это сочиненіе (напечатанное по Высочайшему повелѣнію) издаю также на Французскомъ языкѣ (разумѣется, не для Русскихъ). Оба издавія, въ типографическомъ отношеніи, очень хороши.

С М Ъ С Ъ.

— Не такъ давно кто-то сравнилъ паспоющую Русскую Словесность съ дойною коровою, дающею мало молока. Сравненіе съ перваго взгляда странное, но тѣмъ не менѣе основанное на существенной аналогіи между двумя сравниваемыми предметами: коровою и Русскою Словесностью, — аналогіи, которая не въ одной точкѣ соприкословенія открывается взорамъ опытнаго наблюдателя. Такъ, напримѣръ: не легче-ли всего

(*) Продаешя въ магазинѣ Смирдина: цѣна экземпляру, съ картою, 10, а безъ оной 7 рублей. Французскій переводъ продаешя у Греча.

объяснить ей недостатокъ новости, свѣжести, самобытности въ нашей Словесности, на что съ нѣкотораго времени справедливо, но безуспѣшно жалуются просвѣщенные ея доброжелатели?— Она жуестъ жвачку. — (Сообщено.)

— Не смотря на это печальное мнѣніе о нашей Словесности (которое сообщено намъ однимъ хорошимъ Литераторомъ), мы, въ утѣшеніе нашихъ читателей, долгомъ поставляемъ извѣстить ихъ о нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ литературныхъ слухахъ, а именно: П. П. Свищевъ и А. Ф. Воейковъ предполагаютъ прекратить въ вышедшемъ году изданіе своихъ Журналовъ. Первый выдаетъ къ будущему году литературный Альманахъ; а послѣдній намѣревается заняться новымъ періодическимъ изданіемъ, вовсе различнымъ отъ нынѣшняго Славянина. — Издастель Невскаго Альманаха, Е. В. Аладьинъ, также предполагаетъ издавать Журналъ. — Нѣкоторые уверяютъ, что будио-бы и О. М. Сомовъ думаетъ завеспись съ новаго года собственнымъ журнальнымъ хозяйствомъ; но въ справедливости сего слуха мы сомнѣваемся: что тогда спанется съ Литературною Газетою, существованіе которой единственно основано на постоянномъ участіи, принимаемомъ въ ней нашимъ Вальтеръ-Скоттомъ? Нашъ Горацій, Баронъ А. А. Дельвингъ, не въ состояніи-же будетъ наполнять свое изданіе однимъ только гекзамерами. Чтожь касается до нашего Вальтера, Князя П. А. Вяземскаго, то и онъ, по случаю поступленія своего на службу, бывъ нынѣ озбоченъ другими дѣлами, меньше пропину прежняго имѣетъ средствъ заниматься Литературою: слѣдственно и онъ не надежная опора для Литературной Газеты! Чтожь спанется съ сироткою, если всѣ ее покинутъ? . . . Богъ вѣсть!

Ахъ, жаль бѣдняжку: вѣдь ужестъ какъ мила!..
 Что будетъ, то будетъ: чему бытъ, тому не миновать! — Изъ Москвы пишутъ, что и тамъ какіе-то Писатели предполагаютъ издавать съ будущаго года Литературную Газету, которая необходима не для публики, а для нѣкотораго числа Писателей. Неужели и тамъ есть свои Вальтеры-Скотты, Гораціи и Вальтеры? . . . Чуръ насъ, чуръ насъ! . . .

М О Д Ы.

(П а р и ж с к і я.)

(15 Августа н. с.)

— На гуляньяхъ носятъ газовыя шляпки-капоты съ блондовымъ вуалемъ; кисейный ридинготъ съ большою пелеринкою также въ употребленіи: какъ сія послѣдняя, такъ и полы ридингота вырѣзаны à la grecque, а по вырѣзкѣ вышито тлэдью также à la grecque. Пелеринка застѣгнута мetailлическими пуговицами, а поясъ такою-же прлжкою. Перчатки и ботики голубыя.

— Шляпки-капоты изъ баста отдѣлываются широкими лентами; туфли подбиваются цвѣтною шелковою матеріею. Платье demie montant изъ кисей d'Ispahan; рукава широкіе до локтя. Сверхъ бѣлой кисейной пелеринки надѣта шаль изъ крепъ шинуа. Перчатки желтыя; ботики изъ суроваго полотна.

Шарада, помѣщенная въ прошедшемъ No, значить: merveille.

LOGOGRIPHE.

Au phisique j'impose un frein à l'animal;
 Aux passions du coeur je l'impose au moral.
 Sans tête, je prévienс les mortels de leur âge
 Et je les avertis qu'il est tems d'être sage.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 102.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 25 АВГУСТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

СУДЪ УЧЕНИКОВЪ

НАДЪ СВОИМЪ НАДЗИРАТЕЛЕМЪ.

Трудное попеченіе о сохраненіи порядка и ти-
шины между воспитанниками Королевской Абер-
динской школы было ввѣрено привратнику Доуни,
рослому и сильному горцу. Чрезмѣрная его спро-
гость въ соблюденіи подчиненности навлекла на
него особенную ненависть учениковъ. Но какъ у-
чители находили въ крѣпости руки его важное
вспомогательное средство для своей власти, то
они оставляли безъ замѣчанія его спростость даже
и тогда, когда Доуни, въ видѣ шутки, доводилъ
ее до жестокости. Въ продолженіе многихъ лѣтъ
воспитанники переносили безчеловѣчіе своего над-
зирателя; однакожь каждый годъ, хотя они не
позволяли себѣ ни жалобъ, ни другихъ изъясненій
своего негодованія, потребность мести возрастала
въ сердцахъ ихъ.

Однажды, когда всѣ учителя обѣдали въ горо-
дѣ, откуда должны были возвратиться очень по-
здно, двѣнадцать сильнѣйшихъ воспитанниковъ
схватили Доуни, связали ему руки такъ, что онъ
не могъ пошевеливъ ни однимъ пальцемъ, и пове-
ли его въ одну комнату, въ которой было ус-
троено совершенное подобіе судилища. Судьи,
Адвокатъ, исполнители и прочіе, все тамъ было.
Прочли обвинительный актъ противъ Доуни въ
нарушеніи законовъ разума и челоуѣчества, осно-

ванный на многихъ жестокихъ поступкахъ, въ
немъ исчисленныхъ; потомъ предложили ему упо-
требить средства къ своему оправданію. Доуни,
видя себя во власти учениковъ, и разсудивъ, что
благоразуміе всего было уступить эпой шуткѣ,
спалъ говорить въ защиту своей невинности.

Потомъ перешли къ преніямъ. Были призваны
свидѣтели, которые изложили обстоятельство дѣ-
ла. Адвокатъ обвиняемаго говорилъ о нихъ въ свою
очередь съ большимъ некуспивомъ, и представилъ
ихъ со стороны, выгодной для своего кліента,
возпользовавшись всеми пособіями правовѣденія.
Но усилія его не могли опровергнуть очевидно-
сти преступленій. По окончаніи сихъ преній былъ
произнесенъ приговоръ. Въ слѣдствіе онаго дол-
жно было вести Доуни на мѣсто казни, въ сопро-
вожденіи духовной особы, и по прочтеніи молитвы
объ успокоеніи души его, палачъ долженъ былъ
отрубить ему голову. Послѣ эшаго повлекли его
изъ судебной залы по темному коридору, и ввели
въ комнату, видѣ копорой внушилъ ему боязнь.
Дверь за нимъ заперли и онъ оспался связаннымъ
въ рукахъ своихъ непріятелей. Комната была
обита чернымъ и полъ былъ покрытъ ковромъ
такаго жъ цвѣща. Въ глубинѣ комнаты стоялъ
деревянный отрубокъ, около котораго былъ на-
сыпанъ песокъ, вѣроятно для принятія крови
осужденнаго. Два челоуѣка въ маскахъ стояли по
обѣ стороны отрубка: одинъ съ факеломъ, дру-
гой съ большимъ попоромъ, лезвее котораго про-

бояль рукою. Доупи велѣли спать на колѣни. Сперва онъ не хотѣлъ эшаго исполнить; но когда ему сказали, что ему остается жить только нѣсколько минутъ, онъ повиновался. Капелланъ прочелъ громко молитву, употребляя выраженія, которыми наиболее надѣялся устроить Доупи; преступникъ сталъ дрожать всѣми членами. По окончаніи молитвы, его подплатили, нагнули ему на глаза шапку, обиджали шею, нагнули его головой къ отрубку, и предупредили его, что когда одинъ изъ присутствующихъ сочтетъ число, равное числу его преступленій, голова его упадетъ подъ желѣзомъ. Это число было 70. Посреди мертваго молчанія, одинъ голосъ спалъ громко считатьъ; это продолжалось одну минуту. Между тѣмъ одинъ воснипанникъ, сползшій за палецѣмъ, обмокалъ платокъ въ ведро съ холодной водой, и лишь нѣмного голосъ умолять, онъ изо всей силы ударилъ платкомъ по запялку Доупи. Въ это время слышались хрипяіе въ горлѣ несчастнаго, и когда ему открыли лице, увидѣли его мертвымъ.

Пусть представляютъ себѣ ужасъ и смлшеніе воснипанниковъ! Въ одну минуту прибрали всѣ орудія сей жестокой шутки; заперли дверь двойнымъ оборотомъ и бросили ключъ внутрь комнаты черезъ окно. Хотя на трупъ непримѣтно было ни малѣйшаго признака насилія, но противъ виновниковъ убійства возникли подозрѣнія; по недостатку же достаточныхъ доказательствъ, дѣло сіе не имѣло послѣдствій.

(Изъ Фран. Журнала.)

С Е С Т Р Ъ Ю. П. Б.

Загнѣвъ, мой сестра, прекраснымъ обѣщаньемъ
Ты съ жизнью горестной несчастнаго мирншь,
И мнлымъ, сладостнымъ, по ложнымъ предсказаньемъ
Ты безнадежному надѣяшься велишь? . .
О, цвѣтъ! не для меня живыя наслажденья!
Твой братъ для счастья земнаго не рождень,

И страсти пылоспной несноснѣя мученья
Спрадальтеской душой уже постигнулъ онъ!
Не вѣрю, чтобы мнѣ цвѣтнтельная дѣва
Наградой райскою за горести была;
Нѣтъ, другъ мой! своего могущества и гнѣва
Въ примѣръ меня судьба на свѣтъ произвела!
Какъ черная скала изъ бездны воды зѣла
Мореподавателямъ погубелью грозншь,
Такъ я, мой цвѣтнй другъ, развалина живал,
Такъ братъ швой мнлюю наружностью спрашншь!
Ты скажешь: „вознесень надъ спрасткю несчастной;
Лилепу хладную бѣги и забывай;
А памъ — на небесахъ, — въ обители безстрастной,
Блаженства лучшаго опъ Бога ожидай.“
Но, добрая сестра! когда взнеможеннй
Подъ шлжкнмъ бременемъ, я горести шерлю,
Когда опчайнемъ убитый, сокрушеннй,
Я дерзкой мыслю все въ мрѣ семъ хулю;
Когда я на землѣ о небѣ забываю,
Когда клянц себя, природу и людей;
Когда я жизнь свою въ ничножностъ облакаю;
Когда безвѣрїе уже въ груди моей:
Тогда мнѣ мысль о ней спасенїемъ бываетъ
И ясныи Божїи свѣтъ опять во мнѣ горншь;
Она внезапно мнѣ мой долгъ напоминаетъ
И бытїе Творца душъ моихъ швердншь;
Тогда я убѣжденъ, что дивное созданье,
Что прелести ея не случай сотворилъ,
Что въ ней всеильное сердце очарованье
Всесильной волею Творецъ совокупль.
Такъ! пусть я осужденъ въ семъ мрѣ на мученье;
Но съ памью о ней я въ сердце сохраняю
Ее созданное Святое Провидѣнье,
И только на небѣ я ей скажу — люблю!

N.

1830, Августа 20.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

47. *Капоидетстїя Лїттонїси*, соч. Сиръ Вальтера-Скоттїа. Переводъ съ Французскаго. Москва. Въ вольной Тип. Пономарева, 1830 г. В. 16. (202 стран.)

Извѣстно и вѣдомо да будетъ всѣмъ и каждо

му, что изо всѣхъ имѣющихся у насъ чужбныхъ переводовъ Вальтера-Скотта, Канонгепскія Литописи безусловно должны занять первое мѣсто. Переводчикъ сихъ *Литописей*, какъ говорилось, дорѣзалъ безславіе плохихъ Переводчиковъ, безсовѣстно искажающихъ творенія извѣстныхъ Европейскихъ Писателей: его трудъ долженъ навсегда сохраниться (для образца) въ *литописяхъ* безграмотности нашихъ Переводчиковъ знаменитаго Британца.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ повторяемъ восклицаніе Сѣверной Пчелы: о несчастный Вальтеръ-Скоттъ! о господа книгопродавцы! . . .

С М Ъ С Ъ.

Письмо къ Издателю.

Милостивый Государь! Мы, читатели вашей Газеты, часто слышимъ, что вы хвалились своимъ безпристрастіемъ, а между тѣмъ на дѣлѣ видимъ совершенно противное. Для чего, напримеръ, почти всегда мы видимъ одни и тѣ же литературныя имена (если только сн имена принадлежатъ Литературѣ, а не смѣху), которыми явно вы неблагоклонисвуенне, и которыми вамъ угодно приводить въ слезы отъ смѣха своихъ читателей? . . . Для чего часто издѣваться надъ Г. Олинѣмъ, на котораго (по пословицѣ: лежащаго не бьютъ) грѣшно поднимать руку? . . . Но еще грѣшнѣе упоминать о какомъ-то Г. Сіяновѣ, котораго, безъ вашего напоминанія, вѣроятно, никто не зналъ-бы, и который такъ-же принадлежитъ Русской Литературѣ, какъ вы принадлежите Китайской Исторіи. — Кака я вамъ надобность до того, что Г. Олинѣ издаетъ Журналъ, а Г. Сіяновъ пописываетъ стихами и прозою? Вы вспомните общее правило: *все къ лучшему*. Что Г. г. Олинѣ и Сіяновѣ пустили въ авторское поприще, — это также къ лучшему. Если, напримеръ, кто нибудь въ минушу грусти

захочетъ развлечь себя, т. е. захочетъ посмѣлиться отъ чистаго сердца: чтоже можетъ служить для сего удобнѣе, кромѣ произведеній Г. г. Олина и Сіянова? . . . Охота пуще неволи, милостивый государь: Г. Олинѣ по охотѣ Журналистъ, а Г. Сіяновъ по охотѣ Поэтъ и Прозанкъ. Какая вамъ до того надобность? . . . Ваше дѣло только смеяться: найдутся-ли читатели для ихъ произведеній *по охотѣ*? . . . Теперь Августъ въ исходѣ, а послѣдній Но Карманной Книжки, издаваемой Г. Олинѣмъ, вышелъ только за Май. Г. Олинѣ сдѣлалъ уже важное открытіе, что нынѣшній годъ есть 1830-й; но желательно-бы знать: не пляшутъ-ли только мѣсяцевъ въ нынѣшнемъ 1830-мъ году, по календарю Издавеля Карманной Книжки? И не останутся-ли у него въ карманѣ (во ублаженіе памяти покойнаго Рецензента, коего вмѣсто 52-хъ вышло только 20 NNo) оспалыя семь Карманных Книжекъ? . . . Вопь въ чемъ состоитъ ваше дѣло, а не въ томъ, чтобъ безпрестанно увѣрять насъ, что Г. г. Олинѣ и Сіяновѣ плохіе Писатели: это мы и безъ васъ знаемъ. Хорошо, при случаѣ, разъ два, позабавить ими читателей; но безпрестанно слушать одно и тоже — чрезвычайно наскучить. Вамъ надлежало-бы прежде увѣриться: пріятны-ли вашимъ читателямъ частыя напоминанія о Гг. Олинѣ, Сіяновѣ, и о другихъ подобныхъ спихеримодѣлцахъ, спешающихъ съ вершины Пиндовой

Не съ вянцами и не съ лаврами . . .

и существующихъ въ литературномъ мѣрѣ для потѣхи Журналистовъ? . . . Не лучше-ли писать что нибудь дѣльное, нежели говорить о такихъ Литераторахъ(*), которыми въ другомъ Журналѣ посовѣстились-бы занимать публику? . . . Желая быть чѣмъ нибудь вамъ полезнымъ, я рѣшился изъяснить искренно свое мнѣніе, думая, что найдутся многие, которые съ нимъ согла-

(* Не грѣшно-ли въ этомъ случаѣ употребить названіе Литератора? . . . *Прим. Корректора.*

сплел. Не полагая, чтобъ искренность моего сужденія была для васъ неприятна, и чтобъ вы доброе намѣреніе обратили въ худую сторону — пребываю и проч.

А . . . . . И . . . . .

23 Августа 1830 г.

С. П. Бургъ.

О т в е т ъ.

Съ должною признательностію принимаю совѣтъ вашъ, милостивый государь. Позвольте и мнѣ въ свою очередь быть искреннимъ: въ вашемъ письмѣ есть правда, но есть и неправда. Напримѣръ, какая мнѣ надобность до того, что по календарю Г. Олина нѣтъ еще теперь Юня мѣсяца? Равно и до того: оспаулся-ли у него въ карманѣ оспальныя семь его Карманныхъ Книжекъ или нѣтъ? . . . Если по Математикѣ Г. Олина 20=52, то почему-же не можеть быть 5=12? Если годовое изданіе Рецензента могло ограничиться 20-ю NNо, вмѣсто 52-хъ, то почему-же годовое изданіе Карманной Книжки не можеть ограничиться 5-ю, вмѣсто 12-ти? . . . До всего этого мнѣ совершенно нѣтъ никакого дѣла! — Чтожъ касается до упрека вашего, относящагося къ часлымъ напоминаніямъ о Гг. Олинѣ и Сяповѣ, то и въ этомъ обстоятельстве я не столь виноватъ, какъ вы полагаете изволите. Помѣщая статьи, доставляемыя мнѣ сотрудниками моими, я не вправѣ располагать ихъ образомъ мысліи. Самъ же я, глядя на Словесность нашу съ особенной шочки зрѣнія, и не имѣя времени (если-бъ имѣлъ и терпѣніе!) заниматься произведеніями Гг. Олина и Сяпова, вовсе не вхожу ни въ какія сужденія объ ихъ стихахъ и прозѣ. Впрочемъ, великій бла-

гомыслящій человекъ согласится, что во всѣхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Сѣв. Мерк., и въ которыхъ упоминается о Гг. Олинѣ и Сяповѣ, нѣтъ нинасколько неправды или пристрастія, въ отношеніи къ сему обстоятельству. Сами же вы, милостивый государь, полагаете изволите, что у насъ есть авторскія имена, принадлежація не Литпературь, а смѣху:

Надъ нѣмъ-же, что смѣшно,
Смѣялся вовсе не грѣшно!—

Повторительный слуга
Б. Р.

— И опять о Г. Олинѣ! . . . Говоря въ прошедшемъ No Сѣв. Мерк. о литературныхъ новостяхъ, мы позабыли упомянуть, что сей знаменитый мужъ предполагаетъ издавать съ будущаго года Газету, которая будетъ заключать въ себя всѣ роды Словесности — разумется, исключая хорошаго.

Логогрифъ, помѣщенный въ прошедшемъ No, значить: *Bride, ride.*

E N I G M E.

*A l'oiseau de certaine race
Nature me donna;
Chez l'homme de certaine classe
La mode m'amena.
Je suis inhérent à l'oiseau,
Je conserve sa nourriture,
Je sers à l'homme de parure;
Quand il me porte, il croit être plus beau.
Naguère je perdis ma place,
Je fus pour un tems exilé;
Mais à la cour enfin je trouvai grâce
Et bientôt j'y fus rappelé.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средама и пят-
ницама.

№ 103.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 27 АВГУСТА, СРЕДА.

Б И Т В А.

На равнинѣ обширной, ограничиваемой съ
трехъ сторонъ небосклономъ и съ одной высо-
кимъ хребтомъ горъ, пересѣкаемой въ разныхъ
направленіяхъ многоводными ручьями, двѣ много-
численныя Арміи сошлись, дабы оружіемъ разрѣ-
шить политическій вопросъ: кто правъ?.. Со-
бытіямъ великимъ предшествуетъ тишина, силь-
но поражающая воображеніе и умъ. Такъ было
и въ то время. Солнце входило на свѣпное, го-
лубое небо; шуманы свивали вѣтки выше и выше
и уже едва видны были на высотахъ ближайшихъ
горъ, а войны безпечно спали на равнинѣ; упом-
лежны лошади, эпи животныя, болѣе всѣхъ
послѣ челоуѣка опклонившіяся опъ природы, не
оживляясь лучами дневнаго свѣпала, дремали въ
коповляхъ. Ничто не имѣло жизни дѣятельной,
и только немногіе бодрствовали на аванпос-
тахъ . . . . .

Вдругъ, съ пригорка, гдѣ на палаткѣ восна-
чальника блистала позолоченная мѣдь, прогремѣ-
ла вѣсповал пушка — и жизнь разлилась по
обширному спану. Такъ весеннее солнце, пройдя
лучами своими занесенную снѣгомъ долину, счи-
маешъ съ нея снѣжный покровъ и вливаешъ
жизнь въ быліе . . . . Но жизнь солдата, пробуж-
деннаго опъ сна къ сраженію, кратковременнѣе
жизни сѣвернаго цвѣшка, вызваннаго теплотою

Томъ 2. № 103.

лѣта изъ несуществованія къ бытію . . . . Эта
жизнь солдата, споль-же мгновенная, какъ вдо-
хновеніе Поэта, какъ упоеніе любви, — споль-
же плѣнительна, споль-же, возвышенна, споль-
же увлекательна. Вошъ почему люди съ высо-
кимъ умомъ, пылкимъ сердцемъ и благороднымъ
характеромъ радостно спановяпся въ ряды
воиновъ . . . . .

Я сказалъ, что жизнь разлилась въ спанъ: она
закипѣла, загорѣлась . . . . она, какъ бурный по-
шокъ, образовавшійся въ часъ землетрясенія съ
дикимъ шумомъ, съ сверхъ-естественнымъ мо-
гуществомъ понеслась по спролямъ . . . .

Бой идепъ . . . . Челоуѣку не описашъ этаго
дивнаго явленія; даже въ Гомерѣ вы найдете
только части изъ этой необыкновенной картин-
пы, которая не даюпъ никакого пошлія о че-
объяпности цѣлага, поражающаго своимъ воз-
вышеннымъ величіемъ . . . . .

Воины идупъ впередъ или лепяптъ впередъ
на легкихъ коняхъ, подобно бурному вѣпру, не-
сущемуся въ пустынныхъ поляхъ Юга; воины опи-
нимаюпъ жизнь и лишаюпся жизни; — но это
не жерпвы, которыхъ ведушъ на закланіе: это
существа, спояція на самыхъ верхнихъ ступе-
няхъ нравственнаго образованія, равнодушно
приносяція благо согражданъ своихъ величайшее
имъ принадлежащее благо — жизнь. Война, раз-
сманриваемая, какъ вражда двухъ народовъ, ниже
образованности наспошцаго вѣка; — не разма-

приваемая, какъ явленіе физическаго міра, споль же необходимос, какъ болѣзни народовъ или какъ другія бѣдствія, — война возвышаетъ достоинство человека: ибо гдѣ выказывается большая разность между живописными и людьми, какъ не въ годину войны?..

Наконецъ прекрасный лѣтній день смѣнился прекраснымъ вечеромъ.... Побѣжденные войска быстро очищаютъ долину; побѣдители преслѣдуютъ ихъ. Движенія не прекратились: громъ и прескъ орудій и ружей не умолкнули.... Наконецъ въ поть-же еще вечеръ, на поть-же вѣчномъ полѣ разрѣшилась ужасная задача: кому бытъ или не бытъ изъ двухъ народовъ.... и что-же осталось на роковомъ мѣстѣ народнаго спора? *На другой день:* тысячи мертвыхъ; куски взломаннаго оружія, лафетовъ; лишенные жизни ядра, пули; поля обнаженныя, вмѣсто колосьевъ покрытыя трупами, вмѣсто дождя обильныя кровью. *Черезъ годъ:* бѣдность и жалобы, дополь незнакомыя обитателямъ. *Черезъ десятки лѣтъ:* стремленіе жителей изгладить замѣтные еще слѣды злополучнаго событія, которое отцы передали имъ въ цельныхъ разсказахъ, вмѣстѣ съ пѣснями милой спарины.... *Черезъ вѣка:* воспоминаніе славы и срама двухъ народовъ, освященное гениемъ-историкомъ на двухъ или трехъ страницахъ — его всеобщей Исторіи человечества!—

Карлагофъ.

ЗАРОКЪ и ОСТОРОЖНОСТЬ.

Друзья! повѣрьте: никогда
Ни въ чемъ не должно *зарекаться*;
Зарокъ повѣрещъ намъ всегда,
А надобно *остерегаться*.

Зарокъ въ грѣхахъ спасеніемъ члущъ;
Безъ *осторожности* жь *зароки*
Намъ бесполезны — и влекутъ
Еще насъ болѣе въ пороки.

Я спрашивалъ себя не разъ:
За чѣмъ *зарокъ* не уважаю?
Но (чтобы молвить въ добрый часъ!)
Теперь я вѣрный способъ знаю.

Къ чему? вы спросите. Къ тому,
Чтобъ никогда не *зарекаться*;
Себѣ бытъ вѣрнымъ самому
И заблужденій не боясь.

Весьма удобно въ свѣтъ жить
Симъ средствомъ вѣрнымъ и неложнымъ,
И, словомъ, нужно только бытъ
Какъ можно больше *осторожнымъ*.

Не первый я имѣлъ урокъ,
Что *зарекаться* въ нашей волѣ,
И что, падъсь на зарокъ,
Грѣшишь еще гораздо болѣ.

Чтобъ непричастнымъ бытъ грѣху
Не нужно вовсе *зарекаться*,
А, какъ-бы выразишь къ спиху,
Грѣха должно *остерегаться*.

Я все по опыту пишу,
И мнѣ повѣрить, право, можно:
Теперь хоть я и согрѣшу,
Но только очень *осторожно*.

Бывало, въ чемъ лишь нагрѣшишь,
Раскашсья и *заречешися*,
А послѣ, черезъ день, глядишь,
Грѣху пому-же предашсья!..

*

Спрашася участи Пявцовъ,
Спихи пасать я *зарекался*,
И себовыхъ полно сынковъ
Я умножалъ собой болелъ.

Но не взирая на *зарокъ*
Я началъ вповь печатать смѣло,
Глядя на каждый свой листокъ,
Какъ будто на благое дѣло.

Я началъ съ самыхъ равныхъ лѣтъ
Спрадась печанными грѣхами;
Ужъ я давно пугаю свѣтъ
Ошмѣнно вѣлыми спихами.

И пью... долго-ли грѣху?
 Не такъ *остерегайся* строго,
 Вновь пошлась выдашь чепуху,
 Вездѣ которой очень много.

Въ карманѣ *памятникъ* пошу,
 И увтрашь себя я смѣю,
 Что *осторожно* я пишу
 И болѣ Г... а не робѣю.

А шо, бывало, о злодѣй!
 Онъ юнаго питомца Грацій
 Тиранилъ кришикой своей,
 Крича: „вошь новѣй вамъ Горацій!“

★

Въ бостонѣ рѣшился я играть
 Опъ дѣлать нѣчего сначала,
 Чтосбъ пополько слишкомъ не скучать,
 И въ угожденье Генерала (*).

Сперва спешничала игрой
 И бѣпы, спавниъ я боялся;
 Жалье не книжки заисной,
 А шакъ — чшосбъ мопомъ не казался.

Потомъ пріятели одни
 Инос мнѣ заговорили:
 „Приспавъ-ка каршочку! загни!“
 И очень скоро научили.

Но наконецъ ужъ слишкомъ спазъ
 Я загибашъ неосторожно,
 И разучишься-бы желаль;
 Но жаль, что было невозможно.

„Не буду болѣ шалить!“
 Бывало, дядю увѣрляю:
 „Ужъ не браните — такъ и бытъ!“
 А завшра — снова загибаю! —

★

Въ толпѣ зашѣливыхъ друзей
 Сперва я скромникомъ казался;
 Я чай считалъ всего вкуснѣй,
 А на лафитъ глядѣшь боялся.

Но чтоже вышло наконецъ?
 Я скоро разрѣшилъ сомнѣе,

И, какъ испытанный мудрецъ,
 Постигнулъ жизни заблуждене.

Я разсуждалъ: Шепье, Парин,
 Анакреонъ, Гомеръ, Виргилій,
 Любили пить вино они,
 И какъ-же молодецки пили!

Къ тому-же, други: въ жизни сей
 Пренебрегать весельемъ скучно;
 Вотъ почему мнѣ слово: *пей!* “
 Такъ дорого и сладкозвучно.

★

И такъ, друзья! ни одному
 Теперь не вѣрю я *зароку*,
 И вѣрите слову моему,
 Что въ немъ пѣть никакого проку.

Не *зарекайтесь* никогда;
 Но коль имѣете возможность,
Остерегайтесь всегда:
 Для насъ полезнѣй *осторожность*.

Вотъ философія моя
 Въ чемъ состоиптъ! — и *зарекаться*
 Опшныя буду я, друзья,
 Весьма, весьма *остерегаться!* —

N. N.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

48. *Опытъ въ стихахъ*. С. С. Москва, въ Тип. Селивановскаго, 1850. Въ 12. (46 стран.)

Сочинитель сихъ Опытовъ, по пословицѣ: попышка не шупка, а спросъ не бѣда, началъ писать стихи, и попытался принести жертву свою Музамъ; но теперь, по напечатаніи своей книжечки, вѣроятно убѣдился, что взыскашельнымъ Богинямъ его усердіе неугодно.

С М Ъ С Б.

— По насмѣщивому тону, которымъ нерѣдко изъясняется Газета: *Furet*, можно иногда заключить, что она намѣревается подсмѣяться надъ кѣмъ или надъ чѣмъ нибудь; но собственнаго ея

(*) У котораго Авторъ былъ Адышаншомъ.

сужденія о Русской Словесности часто бываютъ споль спранны, что трудно опредѣлить: сама-ли она смѣется или собою смѣшнить хочеть? — Но что всего забавнѣе: Газета сія полагаетъ, что мнѣніемъ ея будутъ руководствоваться Французскіе Журналы! — Вы улыбаетесь, почтенные читатели? . .

— Невѣжество и хвастовство въ Литературѣ извинительны, и въ цѣльнѣе время весьма обыкновенны; извинительны потому, что невѣжды и хвастуны никому не вредятъ, исключая самихъ себя, если только общій надъ ними смѣхъ можно считать имъ во вредъ. Но наглости нетерпимы нигдѣ, а пѣтъ болѣе въ Литературѣ: острую шутку можно иногда обратить на дарованіе Литератора, а отнюдь не на лице его. Съ чувствомъ особеннаго негодованія замѣтили мы въ 67-мъ Но Газеты: *Furet*, неприличную выходку, сдѣланную противъ Издавателя Литературной Газеты. Можно-ли до такой степени простираетъ свою наглость! . .

М О Д Ы.

— Въ Театрахъ замѣчаются большею частію бѣлыя платья и газовые шарфы. Съ нѣкоторыми цвѣтными платьями изъ органди посятъ широкіе тюлевые бѣлые рукава и такой же шарфъ.

— На многихъ шляпкахъ-капопахъ изъ розоваго или голубаго гроденапля видны блонды, вмѣсто *point d'Angleterre*.

— Шляпки все еще отдѣлываются узлами изъ лентъ, протягивая діагонально ленту. Лента сія обшивается блондою, если волосы причесаны *en bandeau*.

— Шляпки-капопы изъ суроваго газа, подложены розовымъ гроденаплемъ и съ бантомъ такого-же цвѣта на боку, — весьма красивы.

— Шведскія перчатки въ употребленіи. Носятъ также глянцовыя перчатки; но цвѣтныя не должны рѣзко отличаться отъ платья. По вечерамъ, при кисейныхъ бѣлыхъ платьяхъ, надѣваютъ бѣлыя перчатки.

Модныя вещи. Самые модные браслеты имѣютъ видъ рогатки, украшаются эмалью и застѣваются скобкою, на кошторой изображены іероглифы, и осыпаны цвѣтными камнями. Другіе дѣлаются изъ одного золота.

— Нынешніе флаконы прелестны. Наружность и живопись ихъ назвали-бы спариною, если-бы всецѣлая мода снова не ввела ихъ въ употребленіе. Флаконы сіи снизу имѣютъ видъ вазы, а сверху у нихъ длинное продолговатое горлышко; внутренность-же выпуклаго дна украшена цвѣтами *en relief*.

— Узорчатыя гребенки выходятъ изъ моды; болѣе употребляются гладкія черепаховыя съ рѣдкими зубцами.

Загадка, помѣщенная въ прошедшемъ Но, значить: *jabot*.

С H A R A D E.

Si vous parcourez mon premier,
Redoutez le naufrage;
Si vous parcourez mon dernier,
Armez-vous de courage,
Enfin pour ne rien oublier,
Observez qu'à tout âge,
Pour échapper à mon entier,
Vous devez être sage.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаммъ и пят-
ницамъ.

№ 104.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 29 АВГУСТА, ПЯТНИЦА.

С В О Й.

„Кшо это?..“ спросите вы о помѣ, кто ежедневно объѣдаетъ въ какомъ либо домѣ, гдѣ хозяинъ равенъ нулю, а хозяйка значить единицу, — хотя иногда тысяча душъ принадлежить первому; гдѣ всегда открыты вкусный столъ, шумные, многолюдные вечера, частые праздники; гдѣ человекъ, обратившій ваше вниманіе, поспыляется за необходимую мебель, и гдѣ онъ распоряжается, какъ у себя: въ извѣстный часъ приказываетъ подавать на столъ, или подождать носить кушанье, ибо такой-то или такая-то обѣщались прѣхать; составляетъ партіи въ карты; удерживаетъ гостей, намѣреющихся уѣзжать; шепчетъ при всѣхъ на ухо хозяйкѣ; ласкается съ родственною нѣжностію ея дѣтей, и шому подобное. — Это другъ дома, это свой, — отвѣчаютъ вамъ.

Свой въ Петербургѣ и въ Москвѣ значитъ тоже, что въ Парижѣ l'amî de la maison. Этимъ опредѣленіемъ ясно излагаются достоинства, обязанность и значеніе своего; но держась Русской пословицы: что деревня, то обычай, я намѣреюсь объяснить нѣкоторыя качества нашихъ:

Для перваго и необходимаго условія, чтобы называться въ богатомъ домѣ своимъ, — надобно быть холостымъ, красивымъ, ловкимъ, и оппюдь не старикомъ. Впрочемъ, какъ нѣтъ правилъ безъ

Томъ 2. № 104.

исключенія, то бываютъ примѣры, что въ домахъ у спарушекъ, у которыхъ на чепчикахъ розовыя ленты, а на пергаментныхъ щечкахъ розовыя пятна, называются своими молодые люди въ 60 лѣтъ. Но это происходитъ, primo: что привычка вторая природа; secundo: что не находится уже охотниковъ на сію припязательную частицу; а на безлюдьи и Ома дворянны.

Обязанность своего шлякка, многосложна и сопряжена съ поперею здоровья. Avis aux jeunes gens.

Свой есть олицетвореніе, покорность, даже раболѣпіе. Свой бываетъ болѣею частію низко предъ госпожею и наглъ предъ живущими въ домѣ. Нѣтъ священной обязанности, которой-бы онъ не оставилъ для исполненія прихоти иной особы, которая именуется его своимъ. Угодно-ли ей ѣхать прогуливаться — свой заботится, чтобы экипажъ былъ готовъ во-время; вздумася-ли ей идти пѣшкомъ, — свой обязанъ ее сопровождать и заботиться, чтобы ливрея лакъевъ была во всей исправности. Даютъ-ли новую піэсу, свой, по мановенію своей повелительницы, встаетъ съ разсвѣтомъ для и скачетъ за билетомъ: горе ему, если не достанетъ! . . . Къ Сихлеръ за платьемъ, къ Брюно за башмаками, въ Ипаліанскій магазинъ за духами, къ Ларенomme за конфектами, и проч., и проч., — командируется свой. Никто скорѣе, вѣрнѣе и лучше не выполнитъ порученія; никто такъ не угождаетъ на цвѣтъ и вкусъ своего деспота.

Иногда обязанъ онъ угождать и законному сожителю своей повелительницы (N. В. если *свой* не совсемъ глупъ). *Свой* чиняетъ ему Сѣверную Пчелу; повторяетъ извѣстныя политическія новости и городскія сплетни; извѣщаетъ о хорошихъ продажныхъ лошадяхъ или привезенныхъ усприцахъ и Спразбургскихъ пирогахъ; смеется, когда пощъ улыбнется, и низко кланяется, когда пощъ чихаетъ.

Всѣ купцы, торгующіе въ Милютиныхъ лавкахъ, погребщики, содержатели и содержательницы магазиновъ, конфектныхъ лавокъ и даже колбасники (*) — знаютъ его; всѣ говорятъ: это *свой* такой-то.

За обѣдомъ онъ разливаетъ супъ, смѣшиваетъ разсказами и подчуветъ винами, ибо хозяинъ занимается единственно собою, по той важной причинѣ, что имъ никто не занимается. Является-ли гость во время обѣда, *свой* немедленно уступаетъ ему свое мѣсто, а самъ садится за особый столикъ, если хозяинъ поставляетъ несчастнымъ нечетное число; онъ приказываетъ снѣсъ свой приборъ и накрываетъ себя гдѣ нибудь.

Дастся-ли званый обѣдъ въ домъ, *свой* скачетъ къ Денкеру за винами, которыхъ иногда не дастся ему попробовать; обыскиваетъ рѣдкостей къ десерту, которыхъ не отвѣдаетъ.

Готовился-ли балъ *свой* обыскиваетъ лучшихъ музыкантовъ въ городѣ; заботится, чтобы паркетъ былъ наложенъ; набираетъ танцовровъ, которые доселѣ не бывали въ домъ, которые не засиживаютъ повторяя себѣ приглашеній, и которые на призывный звукъ смычка лезаютъ всюду, куда угодно. Приглашенныя дамы имѣютъ кавалеровъ и танцуютъ до упаду, ибо неупоминемые рыцари чудно работаютъ; толпа ихъ увеличилась собраніе; шума много; на завтре

(*) Впрочемъ это не сѣ колбасники, которые каждому изъ насъ Русскихъ извѣстны, и которыхъ мы не совсемъ жалуемъ. *Приглашеніе Согинителля.*

скажутъ, что балъ былъ блестящій. И такъ, чего жъ еще? . . Цѣль достигнута, et c'est tout ce qu'il faut. — Никого болѣе балъ такъ не утомитъ, какъ *своего*: онъ явился первый и уйдетъ послѣдній; онъ приказываетъ зажигать лампы; назначаетъ мѣста для карточныхъ столовъ и музыкантовъ; улаживаетъ кадрили и мазурки; подчуветъ гостей; подводитъ къ хозяйкѣ приглашенныхъ имъ танцовровъ, а самъ послѣднимъ указываетъ пальцемъ на хозяина дома. Но что всего неспособнѣе: *свой* обязанъ быть непреклоннымъ, неизмѣннымъ кавалеромъ зрѣлыхъ дѣвъ, обреченныхъ судьбою въ вѣчныя Весталки (хотя разумѣется, онъ не могли-бы быть хранительницами священнаго огня), - одаренныхъ красотою и неприятною наружностью, и которыхъ, приглашенныхъ на балъ, не приглашаются танцовать, ибо въ нынѣшнемъ свѣтѣ молодые люди чрезвычайныя невѣжды: каждый изъ нихъ находитъ болѣе удовольствія танцовать съ прелестною, ловкою дамою, нежели съ какою нибудь Корою или корою, какъ угодно. C'est étonnant; mais c'est vrai.

Въ отношеніи къ *своему*, все позволено: онъ него презираетъ того, что было-бы противно самой умѣренной вѣжливости поручить кому-нибудь другому; ему не поручаютъ, его не просятъ; ему приказываютъ; его не благодарятъ за исполненіе, полагая, что въ этомъ состоитъ его обязанность.

Это ярмо *свой* чиняетъ за свой долгъ; онъ влипнулся въ него, какъ добрый конь; оно необходимо для него. Случается, что тѣ, у которыхъ онъ *своимъ*, не забываетъ его въ духовной; но нынѣ это бываетъ рѣдко; и потому господа *свои* принимаютъ надежныица мѣры еще при жизни своихъ повелительницъ: они обеспечиваютъ себя или домикомъ въ нѣсколько этажей въ лучшей части города, или степною деревенскою въ нѣсколько сотъ душъ. Разумѣется, что

все это дѣлается по купчей, которой ничто и никто опровергнуть не можетъ.

Впрочемъ нельзя не признаться, что иногда своему дорого достается его состояніе: перѣдко оно покупается упратою лучшихъ лѣтъ жизни, но есть упратою лучшихъ ея наслажденій!..

Э.

Э К С П Р О М Т Ъ.

на споръ, что мужчины любятъ въ женщинѣхъ одну только паружность.

Взгляните въ зеркало — васъ двое (*),

И вы равно пѣвильны очамъ:

Имъ все одно — что вы, что шамъ,

Скажете жъ: выбери любое.

Той нуженъ взглядъ забвенія, а вамъ . . . .

Боюсь промолвишь что такое

И. Косляровскій.

С М Ъ С Б.

О шестомъ и послѣднемъ томѣ Полнаго Собранія Стихотвореній Графа Дмитрія Ивановича Хвостова (оригинальныхъ и переводныхъ), напечатанныхъ вновь третьимъ изданіемъ, которое есть, при жизни Автора, послѣднее.

(Примѣчаніе. Упомянутое Полное Собраніе Стихотвореній Его Сіятельства состоитъ въ шести томахъ, напечатанныхъ хорошими буквами на хорошей бумагѣ въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи, въ 1828, 1829 и 1830 годахъ, въ 8-ю долю листа. Всѣхъ страницъ въ шести томахъ, номерованныхъ Римскими и Арабскими цифрами. (съ заглавными инициалами, шмуць-пипудами, предисловіями, предисловіями, примѣчаніями, оглавленіями, по-

(*) Надлежало-бы сказать: *два*; но въ экспромтѣхъ, которые не пишущся, а говоряся, маленькая не-правильность для ризмы можетъ быть извинена.

Изд.

священіями, росписями опечатокъ, и проч. и проч. и проч.): одна тысяча восемьсотъ десять. 1810(*).)

На сихъ дняхъ вышелъ шестой и послѣдній томъ Полнаго Собранія Стихотвореній Графа Д. И. Хвостова. Въ этомъ шестомъ и послѣднемъ томѣ заключаются переводы почтеннаго спарца-Поэта; а именно: *Наука стихотворства*, Воало (которая напечатана и особую книгою, въ 4, и о которой мы общали въ 88-мъ Но. Сѣв. Мерк. нашимъ читателямъ, по прочтеніи ея, сообщили свое мнѣніе); нѣкоторыя мѣлкія сочиненія, переведенныя изъ Воало и Ламартина, и *Андромаха*, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Расина. Сверхъ того помѣщены Примѣчанія къ сему шестому и послѣднему тому. Такія Примѣчанія присовокуплены къ каждому и изъ первыхъ пяти томовъ. Въ Примѣчаніяхъ сихъ чрезвычайно много дѣльнаго: въ нихъ заключаются любопытныя выписки, ссылки, указанія и необходимыя объясненія. Эти Примѣчанія, по количеству своему, составляютъ довольно порядочную часть, а по содержанию они достойны вниманія не менѣе другой занимательной книги. Предисловія въ семъ Полномъ Собраніи Стихотвореній нашего знаменитаго Барда всѣхъ на всѣ шесть, а именно: при первомъ томѣ три, при второмъ одно, при пятомъ одно и при шестомъ и послѣднемъ томѣ одно. Предисловія сіи также любопытны по заключающимся въ нихъ основательнымъ сужденіямъ Издателя (Г. А. М.) о превосходномъ дарованіи Поэта. Въ одномъ

(*) За вѣрность сего исчисленія мы ручаемся; для лучшаго же удостовѣренія, мы означаемъ число страницъ каждаго тома, а именно: въ первомъ томѣ 362, во второмъ 286, въ третьемъ 186, въ четвертомъ 320, въ пятомъ 426, наконецъ въ шестомъ и послѣднемъ томѣ 250 страницъ. И того 1810 страницъ. Надобно замѣнить, что лучшее произведеніе Графа Дмитрія Ивановича, единственное въ своемъ родѣ, есть *Ода на освященіе Казанскаго Собора*, которая написана Его Сіятельствомъ въ—1810 году!.. (См. 1-й томъ, стр. 75) Инакъ, 1810 есть таинственное число!—Изд.

только Предисловіи, находящемся при шестомъ и послѣднемъ томѣ, замѣтили мы справную поправку того, что напечатано въ Примѣчаніяхъ-же, приложенныхъ къ Наукѣ Стихотворства, Боало (изданной особю книгою, о чемъ мы упоминали выше), а именно: тамъ напечатано, что „Исторія Россійскаго Государства, соч. Н. М. Карамзина, продается въ магазинѣ Слѣнина“ — а Г. М—въ въ упомянутомъ Предисловіи къ шестому и послѣднему тому говоритъ, что вмѣсто того надлежало-бы сказать: „*Иванъ Васильевичъ* Слѣнинъ на свое иждивеніе печаталъ богатое второе изданіе Исторіи Р. Г., соч. Н. М. Карамзина.“ Стало бытъ главное дѣло состоятъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ было пропущено имя и опшество — книгопродавца! Въжливость, едва-ли умѣстная, особенно въ отношеніи къ сану знаменитаго Переводчика Науки Стихотворной, отъ имени котораго говоритъ Г. М—въ. При томъ же, если дѣло пошло на правду, то означенную поправку надлежитъ еще исправить: Исторія Карамзина напечатана на иждивеніи братьевъ (п. е. Якова и Ивана) Слѣнинныхъ, а отнюдь не на иждивеніи одного только сего послѣдняго.

И такъ, Любители изящныхъ произведеній Графа Дмитрія Ивановича! шенерь въ шестъ томовъ у васъ въ рукахъ! Читайте и наслаждайтесь!.. Это изданіе претіе, и, по обѣщанію почтеннаго Автора, *последнее* при жизни его. О типографическомъ достоинствѣ всѣхъ шести томовъ и говоритъ пѣчего: превосходно!.. Жаль только, что изданіе сіе не украшено ни портретомъ Автора, ни виньетами, ни картинками. Творенія знаменитыхъ Писателей надлежитъ издавать съ полнымъ великолѣпіемъ! — Чтобы упрекнуть чѣмъ нибудь это изданіе въ наруж-

помъ отношеніи, мы замѣтимъ, что номерация страницъ въ шестомъ и послѣднемъ томѣ не имѣетъ надлежащаго типографическаго порядка, именно потому, что несоединена въ общечисло страницъ тома, а раздѣлена на двѣ половины. Напримеръ, въ Трагедіи: *Андромаха*, номерация страницъ отдѣлена отъ прочихъ сочиненій, находящихся въ томѣ. Это неправильно. Вторая неправильность, по нашему мнѣнію, есть та, что въ концѣ шестаго и послѣдняго тома не напечатано: конецъ шестаго и *последняго* тома. Покупатель, незнающій вѣрно, во сколько-кихъ именно томахъ заключается Полное Собраніе Стихотвореній Графа Д. И. Хвостова можетъ заспорить съ почтеннѣйшимъ книгопродавцемъ господиномъ Иваномъ Васильевичемъ Слѣниннымъ (въ магазинѣ котораго продается это Полное Собраніе Стихотвореній Его Сіятельства: цѣна за всѣ шестъ томовъ, 30), ибо можетъ думать, что есть и седьмой, и восьмой, и девятый томы. Такія недоразумѣнія могутъ случаться очень часто: всякому покупателю, для удовлетворенія душевныхъ потребностей, захочется имѣть сколько можно болѣе Стихотвореній Графа Д. И. Хвостова: ибо чѣмъ болѣе подобныхъ произведеній, тѣмъ болѣе занятія для ума, тѣмъ болѣе наслажденія для сердца. И вся эта суматоха въ магазинѣ почтеннѣйшаго книгопродавца Ивана Васильевича Слѣнина произойдетъ единственно отъ того, что въ концѣ шестаго и послѣдняго тома не напечатано: конецъ шестаго и *последняго* тома.

Шарада въ прошедшемъ No. значить: police.

E N I G M E.

Par les fiers chevaliers jadis mis en avant,
Je leur sauvais mainte taloche,
Et j'aide encore assez souvent
Leurs humbles descendans qui m'ont mis dans la poche.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, среда́мъ и пят-
ница́мъ.

№ 105.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 57 рублей.

1830, 1 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ВПЕРЕДЪ.

Лѣтъ восемь тому назадъ, часто посѣщала я Мелодина, и это время никогда не изгладится изъ моей памяти: чтеніе, музыка, общество людей образованныхъ и лучшихъ артистовъ, собиравшихся у Мелодина три раза въ недѣлю, оживляли и разнообразили эти вечера. Самъ Мелодинъ былъ отличный музыкантъ, особливо на фортепiano, и вмѣстѣ съ этимъ онъ страстно любилъ Русскую Словесность.

Однажды разговоръ зашелъ о Литературѣ.

„Помнишь-ли, любезный Бѣдашевъ, время сочиненія апаго Романа?“ сказалъ Шурской (общиці пансіонскій нашъ поварище), указывая на книгу, лежавшую на каминѣ.

— „Какъ не помнить! отвѣчалъ Бѣдашевъ. Въдъ этимъ Романомъ дебютировала я на поприщѣ литературномъ 30-ть лѣтъ тому назадъ. Онъ напоминаетъ мнѣ веселые годы юности.“

„Согласись, однако жъ, что и она имѣетъ свои невыгоды, особливо для сочинителя“ — сказала Шурской.

— „Что ты, подь этимъ разумѣешь?“ спросилъ Бѣдашевъ.

„Вошь, видишь-ли, теперь ты уже 15-ть лѣтъ пользуешься литературною славой; многие молодые сочинители приносятъ къ тебѣ, на судъ

произведенія своей неопытной музы и непрекословно повинуются твоимъ приговорамъ; а за 30-ть лѣтъ ты самъ, подобно мнѣ, не смотриши на какую погоду, отправаляясь пѣшкомъ изъ Коломны на Пески къ старому Аристарху, для прочтенія первыхъ главъ сего Романа. И не правда-ли, что ты свои 52 года не захопѣлъ-бы промѣнять на юнонескій возрастъ въ литературномъ отношеніи?..“

— „Въ этомъ я съ тобою совершенно согласенъ“ — отвѣчалъ Бѣдашевъ.

„И теперь не могу я безъ смѣха вспомнить, продолжалъ Шурской, какъ ты, читая свой Романъ, и желая перевернуть листъ съ большою поспѣшностію, опрокинулъ столъ съ чернильницею и свѣчею на изумленного кришника, и за убытокъ, причиненный ему, долженъ былъ внести 50 р. Поставилъ-ли ты сію сумму въ счетъ издержекъ при изданіи твоего Романа?“

— „Да и у тебя, любезный Шурской, бывалъ пушокъ на рыльцѣ, и твои дѣтки пошли въ свѣтъ не безъ приданого.“

Мелодинъ, до сихъ поръ ходившій скорыми шагами взадъ и впередъ по компаніи, напѣвая въ подголоса арию, сочиненіемъ которой былъ въ это время заилтъ, услыша послѣднія слова Бѣдашева, остановился у камна: „А сколько денегъ ты передалъ Вольфу (*)?“ — повпорялъ онъ нѣсколько разъ, поглядывая съ улыбкой на Шурскаго.

(*) Содержатель канцлерской у Полицейскаго моста.

„Помню, помню, сказала Шурской: как не помнишь того шоколада, который я пила у него часто, даже с принуждением.“

— „Знаешь, кричала Мелодия: ты не лакомка, а ходила туда только для того, чтобы узнать печатались-ли в периодических изданиях твои произведения, посылаешь к Журналистам? Нервядко, по возвращении своем домой, я заспавала тебя в разспроенном расположении духа, что, однако же, не опинимало у тебя охоты продолжать свои посещения к Вольфу. Не знаю, чьмь-бы все это кончилось, еслиб . . . .“ —

Тут Шурской хотела прервать рассказ Мелодии; но она с большим жаром продолжала: „никак не прощу себя той невнятной шутки, которая имела столь пагубныя следствия. Помнишь-ли, как однажды, по твоему поручению, я относил одну из твоих статей к славному в тогдашнее время Издателю Журнала? Мне удалось упросить его, чтобы он принял твою статью; но желая пошутить над тобою, я с печальным видом объявил тебе отказ Журналиста. С досады и горя (сознайся в своем малодушии!) ты слег в постель, и так опасно заболела, что мы принуждены были созвать консилиум.“

„Я, как теперь вижу, прервала Бьдашев, твоих угрюмых членов консилиума, важно поправляющих очки и решительным тоном рассуждающих о твоей болезни. Один уверял, что у тебя все признаки гнилой горячки; другой полагал, что это следствие расширения жил. Всякий из Медиков говорил свое и никто не соглашался вместе с другим. К счастью твоему, в это время вьбжала Мелодия с Журналом в руках. „Вот самый лучший рецепт от болезни моего друга“ — кричала она изумленным Докторам, и показала только спавшую, напечатанную в Журнал. После этого ты скоро выздоровела!

„Я — подхватила Мелодия, улыбаясь — я сама не знаю, как съделался Докпором, и избавила тебя от дальнйших издержек на микспуры.“

„Сознаюсь в моей прежней слабости, — опьчала Шурской: но и тебя, любезны. Бьдашев, твой Роман спонил несколько унций крови.“

„Как это?“ спросила с удивлением Мелодия.

„Ты жила тогда в деревне — начала Шурской: и потому не могь быть свидетелем презабавнаго приключения. Когда появился в светь Роман нашего Бьдашева, то он пришел в такой сильной восторг, что выбьжал из дому без шляпы для объявления приятелям о своем благополучии. В таком положении встретился он со мною, на Полицейском мосту и бросился на меня, не в состоянии будучи выговорить ни слова. Видь его испугал меня, и я, желая узнать причину сей превоги, а больше, чтобы скрыться с ним от взоров любопытной толпы, уже собравшейся вокруг нас, увел его в ближний кофейный дом. Он вместо ответа на мои вопросы, бросился перебирать лежавшие на столе Журналы, и я, видя все мои усилия тщетными, ушел в другую комнату. Не прошло минуты, он явился передо мною, держа в одной руке номер периодического издания, а другою указывая на себя; лице его выражало величайшую радость, которая оковала его уста. Все это приводило меня в недоумение, в котором, вьрояпно, я-бы оспался еще на долгое время, если-бы, взглянув на книгу, бывшую у него в руке, не увидела, что Журналист с одобрением опоздался о недавно вышедшем Романе Бьдашева. Я поздравил Автора с сим первым его успехом, а он между тем хохотал и начинал приходиться в себя, но не смотря на все усилия, больше двух слов: Роман и объд, не могь выговорить ничего. Я понял однако ж, что это было лаконическое приглашение к

пришеству восхищеннаго Автора. — Сія прогательная сцена наполнила и кофейный-домъ любопытными. Мы принуждены были уйти отъ ихъ насмѣшливыхъ взоровъ. — Дорогой я замѣтилъ, что въ правой рукѣ Бѣдашева, сплутной судорожнымъ движеніемъ, находился шишеникъ его воспорага: то есть номеръ Журнала, въ которомъ было напечатано объявленіе о его Романѣ. Наконецъ безъ дальнихъ приключеній я довелъ Бѣдашева до его квартиры, гдѣ насъ встрѣпили собравшіеся по его приглашенію пріятели. Сдавши моего Автора имъ на руки, я тихо отправился за Докторомъ, боясь оставить Бѣдашева безъ помощи Медицины въ сполъ сомнительномъ положеніи. По возвращеніи моемъ, хозяинъ все еще принималъ въ прозѣ и въ спихахъ поздравленія на сей радостный случай. Между тѣмъ явился Докторъ со всеми нужными припасами. Я помѣстилъ его въ комнату, почти никогда хозяиномъ не посѣщаемой. — Кушанье векоръ было подапо, и мы съли за сполъ. Обѣдъ былъ самый шумный. Гости въ одинъ голосъ хвалили: то сочиненіе, то восхищеннаго Сочинителя, а многіе не забывали и повара. Подъ конецъ обѣда, щетки хозяина спали такъ багровы, что я, испугавшись опасныхъ слѣдствій, принужденъ былъ выпустить Доктора изъ засады, и вмѣстѣ съ нимъ, напавъ на безоружнаго хозяина, не смотря на его жалобные стоны, пустили ему кровь.“

Сильный смѣхъ Мелодина и самаго Бѣдашева прервалъ разсказъ Щурскаго.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я зрѣлъ черпогъ Сильфидъ, и въ пламенныхъ мечтахъ

Блаженствуя душой пилъ сладкое забвенье:

Тамъ ея юная, съ улыбкой на устахъ,

Лила мнѣ въ душу наслажденье.

Какъ нѣкій Альпаскаръ, изъ чаши золотой
Я райскій нектаръ пилъ въ спирахъ очарованій....
Но время въ коробѣ толкъ — исчезъ воздушный
спрой

Пріятныхъ сердца снова — мечтаний!..

К.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

49. *Краткая всеобщая Географія, расположенная по руководству Профессора И. А. Гейма, исправленная и пополненная сообразно осьмому изданію первоначальнаго Курса Географіи, изданной И. Г. Ф. Канабихомъ.* Москва, въ Тип. Лазаревыхъ, 1830. Въ 8. (V и 392 стран.)

Вы помните, почтенные читатели, что, по мнѣнію мапушки Митрофанушкиной, Г-жи Простаковой, героини Комедіи незабвеннаго фонъ Визина, изученіе Географіи есть дѣло вовсе излишнее: ибо изводчики-де сами найдутъ дорогу, куда ѣхать надобно. Одинъ знапокъ сей Науки, изучившійся оной, повидимому, у какаго нибудь Цифиркина, и въроятно убѣжденный просвѣщенными совѣтами Московскаго книгопродавца Василья Логинова, — взялъ тетрадь бумаги, наполнивъ ее выписками изъ разныхъ Географій, сдѣлавъ расположеніе по своему произволу, не поверкалъ собственныя имена городовъ, областей и народовъ, какъ попало, и назвалъ эту тетрадь (Боже милоспидивый!): *Краткою Всеобщего Географією, расположенною по руководству Профессора Гейма, исправленною и пополненною сообразно осьмому изданію первоначальнаго Курса Географіи, изданной Канабихомъ!* Тетрадь снесена въ Ценсуру, и по немнѣнію въ ней противнаго общимъ правиламъ, дозволена къ напечатанію. Тетрадь напечатана, и по немнѣнію у книгопродавца Василья Логинова никакого уваженія къ публикѣ, продается въ лавкѣ его по 8 рублей экземпляръ!

Но между тѣмъ надобно замѣнить, что объявляемая нами книга не есть Сонникъ, не есть

С М Ъ С Ъ.

Пѣсенникъ, не есть какая нибудь другая компиляція, составленная корыстолюбивымъ книгопродавцемъ для обмана незнающихъ покупателей, и немогущая принести обществу важнаго вреда; но книга сія есть—книга учебная, необходимая для образованія юношества!!! Кто поручится, что какой нибудь отецъ семейства, живущій въ провинціи, увидѣвъ въ Ведомостяхъ объявленіе о продажѣ сей книги, не вздумаетъ выписать ее для своихъ дѣтей?.. И чпюже!.. Скоро-ли онъ убѣдился, что выписанная имъ Географія составлена человекомъ, едва выдающимъ, что проповѣдуемая имъ Наука именуется Географіею, а не Географіею! — Хорошо, если онъ скоро усмотритъ, что въ выписанной имъ Географіи *Азіатская Турція* забѣжала въ *Европу*, что Парижъ чуть не попалъ въ Америку, и что нашъ Арзамасъ едва-ли не перескочилъ въ Германію!.. Горь! Горь!.. Можно-ли безъ особеннаго негодованія видѣть споль важный вредъ обществу, происходящій отъ подобнаго невѣжества, алчнаго корыстолюбія и дивнаго обмана, въ который смѣло и безнаказанно вовлекаются публика!—

Мы хотѣли было помѣстить въ нашей Газетѣ большую статью, съ приведеніемъ въ ней многихъ выписокъ изъ сей Географіи, доказывающихъ ту нелѣпость, съ какою она составлена; но увидѣвъ, что въ 103-мъ No Сѣв. Пчелы уже напечатано такое же похвальное ей слово, ограничиваемся однимъ только предостереженіемъ нашихъ читателей отъ покупки сей искаженной Географіи, продающейя, какъ выше сказано, въ лавкѣ Московскаго книгопродавца Василья Логинова.

—А*, известный врачъ, спѣшишь повѣстить одного опчально-больнаго — и застаешь его въ неожиданномъ положеніи: онъ сидитъ *въ ваннѣ*. А* изумился. „Кто это велѣлъ?“ — спрашиваетъ онъ у окружающихъ. — „Какъ, батюшко! сами вѣдь вы приказами давать ему капли-то *въ водѣ*!“ — отвѣчала спарушка, прислуживавшая больному.

— Нѣкоторый Англичанинъ, разсердясь однажды въ трактирѣ на тамошняго прислужника, пуснулъ въ него брызгалкою, и такъ удачно, что плоть упала за-мертво. „Вы убили его“ — вскричалъ испуганный содержатель трактира. „Ну такъ чпюжь? поставь его на счетъ!“ — возразилъ хладнокровно гнѣвный Британецъ.

Примечательный разговоръ.

Н. Вы-съ?

М. Нѣтъ-съ.

Н. Впцовавъ.

М. Ничего-съ.

М О Д Ы.

Нынѣ духи, по словамъ Журнала *la Mode*, очень мало въ употребленіи: вмѣсто ихъ кладутъ въ бѣлье ароматныя травы, которыя сообщаютъ ему свой запахъ. Воздухъ имѣетъ на нихъ менше вліянія, нежели на спиртовые духи.

Загадка въ прошедшемъ No значить: еси.

LOGOGRIPHE.

Terrible est mon entier, redoutable au combat;
 Sans mon chef je porte le hâ.
 Lecteur, je t'offre encor, si tu coupes ma tête,
 Ce que Lise souvent répond à ma requête;
 Mais... obéit qui veut... Mon chef encor ôté,
 Je suis un pronon usité.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаъ и пят-
ницамъ.

№ 106.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 3 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА.

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ВПЕРЕДЪ.

(Окончаніе.)

„Признаюсь, что Мелодину позволишьельно смѣлясь надъ нами, — продолжалъ Щурской. Нельзя не удивляться хладнокровію, съ какимъ онъ выслушивалъ даже самыя неосновательныя сужденія о его музыкальныхъ произведеніяхъ.“

„Есть чему удивляться, любезный другъ, — отвѣчалъ Мелодинъ: я не разъ замѣнилъ, что пріятелья, у коихъ я спрашивалъ мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ, старались болѣе всего выказать свои познанія, съ важностію выдавая себя за знатоковъ (хотя многіе изъ нихъ не были въ состояніи отличить вальса отъ англеса), и весьма мало заботились объ успѣхѣ моихъ произведеній. Ты, я думаю, изъ опыта знаешь, какъ трудно найти истиннаго цѣнителя дарованій.“

„Однако жъ, возразилъ Бѣдашевъ, твое хладнокровіе оставяло тебя, когда дѣло шло о милыхъ женщинахъ.“

Сии послѣднія слова произвели надъ Мелодинымъ электрическое дѣйствіе; онъ съ досадою пошпиралъ свою съдую голову, ворочаясь на спулѣ.

„Сердись, не сердись, продолжалъ Бѣдашевъ, а я расскажу презабавный случай, который вѣрно не изгладится и понынѣ изъ твоей памяти.“

„Какой?“ спросилъ съ примѣтнымъ замѣшательствомъ Мелодинъ.

Томъ 2. № 106.

„Развѣ ты забылъ Г-жу Д***?“ — сказалъ Бѣдашевъ насмѣшливо.

Мелодинъ, при этомъ имени, совершенно измѣнился въ лицѣ, и чтобы скрыть возрастающее смущеніе, показывалъ, будто занятъ каминномъ, и безпрестанно мѣшалъ почти догорѣвшіе уголья.

„Мелодинъ, при выходѣ изъ концерта (началъ Бѣдашевъ), въ которомъ самъ участвовалъ и игралъ съ необыкновеннымъ чувствіемъ, встрѣтился съ прелестною Г-жею Д***, страстною любительницею музыки, копорую онъ и прежде видалъ въ обществахъ. Будучи восхищена его игрою, она просила его посѣщать ее. Вамъ извѣстно, что нашъ Мелодинъ былъ всегда большою мечпатель. Онъ видѣлъ въ прелестной Д*** существо сверхъ-естественное, и всякой разъ, возвращаясь отъ нея, заспавлялъ насильно выслушивать рассказы о ея умѣ, дарованіяхъ, особенно о тонкомъ вкусѣ, съ каковымъ она оцѣнивала музыкальныя произведенія лучшихъ Авторовъ. Спросилъ его возрастала болѣе и болѣе; онъ оставилъ своихъ друзей и сидѣлъ запершись въ кабинетѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ пришелъ ко мнѣ, съ громкою паршипурою, и воскликнулъ съ торжественнымъ видомъ: „voilà chef d'oeuvre въ музыкальномъ свѣтѣ — Опера, которая поставитъ меня на ряду съ Моцартомъ, Херубини и Веберомъ. Любовь, чистѣйшая любовь была моимъ гениемъ — и я безсмертенъ!“ — Восторгъ Мелодина примѣтно

ослабъвалъ съ приближеніемъ для представленія его Оперы. Музыку для сей піэсы написалъ онъ по просьбѣ прелестной Д***, которая сочинила слова одной аріи. Онъ, желая угодить во всемъ обожаемой Д***, рѣшился подговорить своихъ приятелей содѣйствовать успѣху его произведенія, умоляя ихъ особенно апплодировать во время пѣнія аріи Г-жи Г***.

„Наконецъ наступилъ столь желанный день. Ударило 6 часовъ, и Театръ былъ почти полонъ. Многіе, даромъ получившіе отъ Мелодина билеты, задыхались въ райкѣ съ пяти часовъ; самъ же Авторъ съ главнымъ ошрядомъ прибылъ въ началѣ 7 часа и началъ разсказывать своихъ партизановъ по означеннымъ мѣстамъ, одушевляя каждого порознь. Онъ долго-бы продолжалъ путешествіе изъ перваго яруса въ партеръ, изъ партера въ раекъ, и ш. д., если-бы рукоплесканія неперпѣливыхъ зрителей, а еще болѣе громогласные вопли его сообщниковъ, не настигли его въ loge-grillée.

„Занавѣсъ поднялся, и Мелодинъ, не смотря на свое желаніе показаться въ сей торжественный день публикѣ, а еще болѣе Г-жѣ Д***, принужденъ былъ остаться въ роковой засадѣ. Опера сперва шла весьма удачно; но только что оперная пѣвица начала арію, отъ которой зависѣлъ успѣхъ любви Мелодина, какъ по данному его напереникомъ сигналу, Театръ былъ оглушенъ рукоплесканіями. Мелодинъ, боясь, чтобъ это не помѣшало пѣнію Актрисы, съ поспѣшностію прибѣжалъ въ партеръ, и желая остановить неумѣстныя рукоплесканія, махнулъ рукою, каковый знакъ былъ припятъ его доброжелателями за новое поощреніе. Громогласное *фора* привело въ недоумѣніе Актрису, которая еще не пропѣла и перваго куплета; шикающе прочихъ зрителей, желавшихъ выслушать окончаніе аріи, еще болѣе смѣшало бѣдную пѣвицу. Раздраженные симъ рыцари, желая поддержать Автора, подняли такой

шумъ, что принуждены были опустить занавѣсъ. Г-жа Д***, опечаленная сею неудачею, а еще болѣе тѣмъ, что ея авторское самолюбіе такъ сильно пострадало, совершенно перемѣнила обращеніе свое съ Мелодинымъ, который....“

Въ это время вошли двое молодыхъ людей, которые прервали разсказъ Бѣдашева, и вывели Мелодина изъ глубокой задумчивости.

Они оборотились къ Бѣдашеву (который жилъ вмѣстѣ съ Мелодинимъ): „я принесъ вамъ въ рукописи Дамскій Альманахъ,“ — сказалъ одинъ изъ нихъ. — „А я желалъ-бы знать ваше мнѣніе о моемъ твореніи“ — сказалъ другой, съ подобострастіемъ подавая тетрадь. Робость и неперпѣніе изображались въ его взорахъ: онъ держалъ свипокъ бумаги, на оберткѣ котораго было написано: *Несчастная жертва любви, или слѣдствія заблужденій молодости, Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Россійское сочиненіе.* — Бѣдный Бѣдашевъ, не расположенъ будучи запясться разборомъ столь инпересныхъ по заглавію сочиненій, вооружился трубкою, чтобы скрыть въ пабачномъ дыму, сихъ незаконныхъ сыновъ Аполлона, съ ихъ Альманахомъ и несчастною жертвою. Увидя, что Бѣдашевъ принялъ рѣшительныя мѣры, чтобъ отдѣлаться отъ сихъ докучливыхъ посѣщителей, я съ Мелодинимъ подошелъ къ камину, и продолжалъ прерванный разговоръ.

„Эй, кто тамъ? трубку!“ загремѣлъ выведенный изъ перпѣнія Бѣдашевъ.... Въ это время я почувствовалъ сильный толчекъ — оборачиваясь и вижу Мелодина и Бѣдашева такими, какъ я ихъ зналъ за 30 лѣтъ. Столь внезапное превращеніе меня поразило...

„Да прощри, брашець, глаза“ — сказалъ Мелодинъ: „ты видно залегъ на цѣлыя сутки? Мы ужъ болѣе четверти часа здѣсь и насилу тебя расподкали.“

Тутъ только я увѣрился, что все случившееся со мною — былъ сонъ (*).

Пахомъ Дробиловъ.

V I L L E T - D O U X.

(*Подражаніе Парии.*)

Жди, моя Листва,
Въ полупочный часъ,
Сладостный для насъ,
Вѣрнаго Поэта
Тихою спой
Овъ во шмѣ промчися;
Робкою рукой
Въ двери постучится,
Гдѣ въ тиши помнися
Вѣкъ пивой молодой.
Не забудь совѣта:
Безъ покрова будь;
Не вздѣвай корсета
На младую грудь.
Будь непринужденна,
Какъ безпечный Лель;
Будь такъ совершенна,
Какъ была досель.

П. Д—въ.

18 $\frac{IV}{26}$ 30.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

50. Statistique et itinéraire de la Russie ou manuel complet du diplomate, du négociant et de tout voyageur en Russie, ouvrage accompagné de cartes, de plans et de tableaux statistiques et généalogiques. Par J. H. Schnitzler. Première partie. Essai d'une Statistique générale de l'Empire de Russie. Paris, 1829, in 8. (494 pages.)

Очень немногіе иностранцы дѣлали справедливыя наблюденія о нашемъ отечествѣ: иные, увле-

(*) И опять сонъ!.. воскликнуть Мав. Вл. Томскал, которая за что-то не жаляется статей сего рода (см. 97-й No. Свѣ. Мерк.). Но въ оправданіе Г. Дробилова мы замѣтимъ, что ему приснились событія, случившіяся, по видимому, на яву.—Изд.

каемые приспращіемъ, превозносили Россію похвалами несправедливыми; иные, по немѣнню надлежащихъ свѣдѣній и опытности, судили о ней ошибочно; иные, одушевленные злобою, осыпали ее укорицами незаслуженными. Для каждаго изъ насъ Русскихъ весьма непріятно, что въ чужихъ странахъ такой недостатокъ въ основательныхъ свѣдѣніяхъ о нашемъ отечествѣ; но еще непріятнѣе опасаться, чтобы въ нихъ болѣе и болѣе не распространялись несправедливыя о насъ понятія, и въ особенности несоотвѣтственные съ чувствомъ нашего народнаго самолюбія: не желая похвалъ незаслуженныхъ, мы не хотимъ подвергаться и порицаніямъ незаслуженнымъ. Пусть знаютъ о нашихъ порокахъ; но пусть не оспариваютъ въ свѣденіи и о нашихъ достоинствахъ!

Ложныя понятія о Россіи, въ коихъ мы справедливо можемъ упрекнуть иностранцевъ, должно опинести единственно къ недостатку у нихъ хорошихъ статистическихъ сочиненій, въ которыхъ заключались-бы подробныя и справедливыя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ. Основываясь на этомъ мнѣніи, мы не могли не порадоваться душевно, прочитавъ сію первую часть сочиненія Г. Шницлера, о выходѣ которой извѣщаемъ теперь нашихъ читателей. Изучившись основательно языку нашему, и вознамѣрившись описать Россію, въ которой Авторъ находился значительное время, онъ исполнилъ благородное предпріятіе свое съ совершеннымъ успѣхомъ. Сочиненіе Г. Шницлера, сколь необходимо для каждаго путешественника по Россіи, не менѣе полезно и для всякаго просвѣщеннаго иностранца, желающаго получить о ней надлежащія свѣдѣнія. Г. Шницлеръ, написавъ довольно подробную Статистику Россіи, придалъ сочиненію своему самое удобное раздѣленіе, руководствуясь новѣйшими правилами, основанными для сей Науки. Въ началѣ онъ представилъ картину физическаго, хорогра-

фическаго и гидрографическаго положенія Россіи; упомянулъ о гидрографической системѣ и о естественныхъ богатствахъ Имперіи; изложилъ народонаселеніе, распредѣливъ оное по временамъ, вѣроисповѣданіямъ и классамъ народа, упомянувъ также и о измѣненіяхъ народонаселенія. Потомъ Авторъ изложилъ Исторію народной образованности въ Россіи, говоря вообще и въ частности. Упомянулъ о выдѣлкѣ естественныхъ произведений, Авторъ описалъ торговлю (внѣшнюю и внутреннюю) и промышленность. Въ VI Главѣ Авторъ довольно подробно излагаетъ общія свѣдѣнія о Русскомъ народѣ, упоминая объ его характерѣ, языкѣ, Литераатурѣ и Вѣрѣ. Говоря о политическомъ состояніи и внутреннемъ управленіи Россіи, Авторъ изясляетъ о финансахъ и военныхъ силахъ; а IX Главу заключаетъ взглядомъ на политическую Исторію Россіи отъ Рюрика до нашихъ временъ. — Излагая весьма сокращенно содержаніе книги Г. Шницера, мы упомянули только о важнѣйшихъ предметахъ, находящихся въ сей первой части его Спамистики: для подробнаго исчисленія требовалось-бы много мѣста, которымъ скудны листки нашей Газеты.

Спирогое безприсрасптіе руководствовало опытнымъ перомъ Г. Шницера: онъ смотрѣлъ на Россію глазами просвѣщеннаго и благороднаго человѣка, никогда неизмѣняющаго правиламъ чести и истины. Не увлекался ласковымъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Россіи всѣми состояніями (какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи), — онъ хотѣлъ представитъ въ своей книгѣ, что, по его мнѣнію, достойно похвалы или осужденія людей благомыслящихъ. И Г. Шницеръ ни въ чемъ не измѣнилъ благородному образу своихъ мыслей: тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія благо-

памѣренный трудъ его; тѣмъ болѣе принесетъ онъ истинную пользу!..

Сочиненіе сіе продается въ С. П. бургѣ, въ книжномъ магазинѣ Брифа, въ большой Морской, въ домѣ Гунароуло. Цѣна 8 рублей. Иногородные прилагаютъ за пересылку двухъ фунтовъ.

С М Ъ С Б.

А н е к д о т ѣ .

Нѣкто приходитъ къ часовому мастеру и велитъ показать ему хорошіе часы. Мастеръ подаетъ двое: „эти — говоритъ онъ — стоятъ 150 руб., а вотъ эти 300 руб.: обоими будете довольны.“ — „Хорошо“ — сказалъ покупатель: „я беру первые.“ Оплатилъ деньги, взялъ часы, и ушелъ. — На другой день является, и проситъ переменить вчерашніе часы на лучшіе. Мастеръ соглашается и снова подаетъ прехъсошъ-рублевые часы. — „Вы (сказалъ покупатель) вчерашній день получили отъ меня 150 рублей: да-стъ?“ — „Да“ — отвѣчалъ мастеръ. — „Ну, вотъ вамъ еще эти часы (прежней покупки): — они стоятъ 150 рублей: да-стъ?“ — „Да“ — сказалъ мастеръ. — „Всего же будетъ 300 рублей: да-стъ?“ — „Да“ — сказалъ мастеръ. — Любитель хорошихъ вещей спокойно беретъ прехъсошъ-рублевые часы и уходитъ. Черезъ нѣсколько минутъ часовщикъ опомнился, и поздно уже догадался, что ему надлежало сказать: *нѣтъ! не да-стъ!* — (*Невольничленіе.*)

Логогрифъ, помѣщенный въ прошедшемъ №, значить: сапог, апап, поп и оп.

С H A R A D E.

Par mon premier un médecin habile
Se fait un nom à la cour, à la ville.
Je plains celui qui n'a plus mon dernier;
Il cesse alors d'user de mon entier.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаммъ и пят-
ницамъ.

№ 107.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
лавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 5 СЕНТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА III,

Короля Шотландскаго.

(Отрывокъ изъ Исторіи Шотландіи Валтера-Скотта.)

Семь Королей уже царствовали въ Шотландіи, со временъ Малькольма, сына того Дункана, который похитилъ престолъ у Макбета. Царствованія ихъ занимающъ промежутокъ времени около двухъ сотъ лѣтъ. Многіе изъ сихъ Государей показали великій умъ и управляли кропко своими подданными. Они издали многіе мудрыя законы, и, судя по вѣку невѣжества и жестокости, въ коемъ они жили, правленіе ихъ было достойно великихъ похвалъ, въ сравненіи съ современными имъ Власпителами. Александръ III, послѣдній изъ семи Королей, имѣлъ превосходныя качества. Онъ отразилъ сильное вѣпорженіе Датчанъ и Норвежцевъ; разбилъ ихъ при Ларгъ (Largs) въ то самое время, когда они сѣдлись на суда. Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ острова Гебридскіе, лежащіе на Востоку отъ Шотландіи. Онъ умѣлъ сохранить доброе союзеніе съ Англіею, не уступая впрочемъ сей побѣдней ни одного изъ своихъ правъ. Словомъ, это былъ рѣдкій Государь. Александръ III сочетался бракомъ съ Маргаритой, дочерью Генриха III, Короля Англійскаго; но къ несчастію въ дѣти, родившіяся отъ сего брака, умерли прежде отца своего. По смерти Королевы, Але-

Томъ 2. № 107.

ксандръ вступилъ въ новое супружество, но не дожилъ до того, чтобы вкушать снова родительское счастье. Однажды вечеромъ, прогуливаясь верхомъ по берегу моря въ Графсвѣ Фифскомъ (Fife), между Бурнхисландомъ и Кинайгорномъ (Kinross), онъ подѣхалъ къ самому краю пропасти: испуганная лошадь его бросилась въ бездну и умчала съ собою несчастнаго Короля. Прошло уже не менѣ пяти сотъ пятидесяти лѣтъ, со дня сего происшествія; но жители той страны и по сіе время показываютъ мѣсто, гдѣ случилось это несчастіе. Мѣсто сіе до сихъ поръ называется *Королевскою скалою*.

Бѣдственныя переменны въ Правленіи долго напоминали Шотландцамъ добраго ихъ Государя и несчастную смерть его.

Ф. Дьяковъ.

НАДГРОБНАЯ.

(Изъ Цюопкс.)

Надгробныя обыкновенно агуптъ о мертвыхъ, какъ Газеты о живыхъ; слѣдующая, однакоже, надпись заключаетъ въ себѣ сущую истину.

Слишій, одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ Траяна и Гадриана, находясь уже въ старыхъ лѣтахъ, удалился напоследокъ отъ шумной суматохи придворной и военной жизни. Онъ былъ слишкомъ благороденъ и честенъ, чтобы, во время своихъ походовъ, стяжать богатство несчастіемъ ближнихъ. Небольшое, но

прекрасное помѣщеніе составляло все его имущество. Сюда удался Симилий — и прожилъ здѣсь еще семь лѣтъ, въ пріятномъ уединеніи, въ до-
снѣнойномъ зависнн покоѣ. Для того-то онъ ве-
лѣлъ сдѣлать на своемъ надгробномъ камнѣ слѣ-
дующую надпись: „Здѣсь покоятся кости Сими-
лья, который, достигнувъ глубокой старости,
жилъ только семь лѣтъ.“

(Съ Нѣм.)

КОРОЛЬ СЕННААРСКІЙ.

(Изъ Ционѣе.)

Въ четвертой главѣ опрышковъ изъ послѣдня-
го путешествія Мунго-Парка во внутренность
Африки, изданныхъ *Гарри Вилькенсомъ*, нахо-
дятся слѣдующія мѣста, которыя могутъ слу-
жить полнѣннемъ къ *Espit des loix* Монпескье
и повѣйшей Исторіи образованія народовъ.

Земля *Сеннааръ*, въ Нубіи, состоитъ во владѣ-
ніи одного поколѣнія Негровъ, обіщавшаго спер-
ва на Восточномъ берегу *Абіада*, и называвша-
гося *Шиклуиъ*. Въ 1504 году это поколѣніе,
переправившись въ лодкахъ черезъ рѣку, и завла-
дѣвъ, по праву сильнаго, сею жаркою странюю,
гдѣ термометръ, даже въ тѣни, возвышается
до 119 градусовъ, основало на возвыщеніи Во-
сточнаго берега Нила, обезпеченномъ отъ наво-
дненія, свой главнѣйшій городъ *Сеннааръ*, который,
въ настоящее время, считаесть до десяти ты-
сячь жителей.

Король Сеннарскій обязанъ и теперь, во
время своего правленія, обработать однажды и
засѣять часть поля. — Если-бы объ этомъ об-
стоятельствѣ зналъ Монпескье, онъ, безъ со-
мнѣній, назвалъ-бы его также *institution admirable*,
какъ и извѣстную намъ чрезъ *дю Гальда* церемонію,
квею Кипайскій Императоръ ежегодно читилъ
земледѣіе.

Сверхъ этого, Африканскій Монархъ, при всту-
пленіи своемъ на пресполь, подчиняесть себя

нѣсколькимъ другимъ примѣчательнымъ Гобуарѣ-
спивеннымъ послановеніямъ, изъ коихъ нѣкто-
рыя дѣлають внутренность Африки не менѣе
инпересною для Философа, какъ для Географа,
Натуралиста и промышленника.

И М Я Н И Н Н И Ц Ъ :

Слишкомъ многого несчастья,
Алла, ты причиной мнѣ,
Чтобы голосомъ участвъ
Я всѣхъ благъ желалъ тебѣ.
Нѣтъ! въ порывъ изступленъ
Я молю у Провидѣнъ
Разрушенія примѣтъ
Для красы въ 18 лѣтъ!
Пусть съ губительной косою
Время мнѣ пролетитъ,
И вессильною рукою
За мѣня все опомснитъ.
Пусть румяныя ланиты
Пожелѣвуютъ, опцвѣтутъ,
И изъ устъ молодой Хариты
Перлы-диво — упадутъ;
Кудри черныя — съдвинъ
Пусть покроютъ на главѣ;
Пусть ужасныя морщины
Будутъ на моемъ челѣ;
Пусть потухнувшій и хладившій
Взоръ твой жизнью не блестящій,
И блаженства лучъ опрадившій
Никому не подаритъ;
Алебастровыя плечи,
Тайныхъ прелестей соборъ,
И пльнищельныя рѣчи
Будутъ пусть пѣвъ въ поборъ;
Словомъ, видѣ уничтоженъ
Пусть въ тебѣ спрашивъ людей,
А въ груди — огонь мученья,
Пусть горитъ огонь страстей,
Пусть ко мнѣ домчатся слухи,
Что мечтой ты ждешь мѣся,
И — безвременной шарухи
Вновь поклонникъ буду я.
Благъ физическихъ утраша

Не страшна тебѣ, повѣрь:
Ты красой души богата
Будешь такъ-же, какъ пеперь.

5 Сентября,
1830.

Н.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

31. *Классикъ и Романтикъ или не въ томъ
стиль.* Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ,
соч. Константина Мосальскаго. С. П. бургъ, въ
Тип. Департ. Высшей Торговли, 1830. Въ 8.
(52 стр.)

Не въ томъ сила, чпобы написать и напеча-
тать Комедію; но въ томъ, чпобы доставить
ею удовольствіе читателямъ и зрителямъ, въ
чтеніи и на сценѣ, — то есть, какъ говоритъ
самъ-же Авторъ этой Комедіи:

Въ умѣ, въ талантѣ, вошь въ чемъ сила!

Самъ стихомъ разрѣшится вопросъ читате-
ля, копорому не понравится произведение Г.
Мосальскаго: въ чемъ сила сдѣлать Комедію за-
нимательною и имѣющею истинное комическое
достоинство, въ прямомъ смыслѣ сего слова? . .

С М Ъ С Б .

Н а х о д к а ,

—Ироходя на сихъ дняхъ, часу въ 6-мъ по
полудни, по . . . ой улицѣ, увидѣлъ я пѣчпо
бное, лежащее на тротуарѣ. Развернувъ бумагу
(ибо такова была находка моя), я увидѣлъ, чпо
это объявленіе, пригопвленное къ напечатанію.
Наверху было написано: „*Набирать.*“ Далѣе слѣ-
довалъ самый шекетъ, съ коего списываю поч-
пую копію:

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Книгопродавецъ . . . овъ имѣетъ Чѣсть симъ
известить почтѣннейшую публику, чпо, въ
книжной лавкѣ его имеюща Великихъ родовъ ро-
мансы, песни, задравныя куплеты и разные
тому подобныя Вещи такъ же мадригалы софъ-
пшы, догогрныя, епиграмы и епиграмы по сход-

нымъ цѣнамъ и на разные вкусы, память же мо-
жно заказывать, такъже по умереннымъ цѣнамъ
разные сочиненія въ стихахъ и прозою. Нижъ-
подписавшійся употрѣбитъ, всѣ зависяще отъ
него чпобы угодить въ кусу а также предупре-
дить жѣланія почтѣннѣйшихъ заказывателей и
покупателей. Онъ ласкаетъ себя надѣждою . . .
далье слѣдуютъ обыкновенныя формулы.

(Сообщено.)

—Въ нѣкоторомъ Журналѣ сказали искренно
свое мнѣіе (согласное, впрочемъ, съ мнѣіемъ
всѣхъ просвѣщенныхъ Любителей Словесности)
о печатныхъ трудахъ одного бездарнаго охот-
ника пописывать водяными рѣзмами и вялою
прозою, то есть хотѣли убѣдить его въ несом-
ненной истинѣ, что онъ никогда *не засілетъ* лучами
Апполонова свѣтила. Вы знаете, почтенные чи-
татели, сколь щекотливо авторское самолюбіе:
оно весьма превосходитъ даже и женское. Самая
записная коксика не такъ оскорбится сочинен-
ною на нея злою Эпиграммою, нежели какъ раз-
гнѣвается плохой бумагомаратель за легонькое
ироническое сужденіе объ его упомянутыхъ
альбомныхъ куплетахъ, рѣзко обличающихъ без-
дарность своего Автора, и часпо напоминаю-
щихъ Русскую пословицу: *охота смертныи, но
угасть горькая!* Вы, почтенные читатели, не
можете представить себѣ, въ какое жалкое по-
ложение приведенъ былъ нашъ Бавій; по выходѣ
роковаго для него журнальнаго листочка, онъ
при дни не ѣлъ, при ночи не спалъ, не смотря
на то, чпо ложась въ постель читалъ свои со-
чиненія. Вотъ чпо значитъ спрдасть журналь-
ною холерою! . . Бѣднѣжка похудѣлъ, пожелтѣлъ,
и написалъ, въ защиту скудоумной своей Музы,
до дюжины апкриптическихъ статей; но не
имѣя гдѣ ихъ напечатать, удовольствовался про-
чтеніемъ ихъ въ кругу нѣкопрыхъ своихъ при-
ятелей. Между шѣмъ ретивое его кипѣло жела-

пиемъ опмспишь доброму Аристарху за искренность его сужденія. Что же онъ сдѣлалъ?.. Онъ пришелъ къ одной извѣстной особѣ, имѣющей на него вліяніе, и вмѣсто того, чтобы сътовать на неблаговоленіе къ нему Апполона, единственнаго виновника его горя, началъ жаловаться на Журналиста, напечатавшаго въ своемъ изданіи сужденіе Аристарха объ его спихахъ и прозѣ. Особа, къ которой онъ обратился съ жалобой, выслушавъ оную, сказала: „это очень худо и мнѣ весьма непріятно.“ Сътующій Авторъ принялъ сей отвѣтъ въ свою пользу, и желая болѣе возбудить къ себѣ участіе, сказалъ: „если станутъ крипиковать мои сочиненія, милоспивѣйшій государь, то это совершенно опниметь у меня охоту заниматься Литературою.“ — „Это будетъ очень хорошо, и мнѣ будетъ весьма пріятно“ — услышалъ въ отвѣтъ жалующійся Авторъ. — ..... *ий* ..... *овъ*.

М О Д Ы.

(25 Августа в. с.)

— Гродснпадевя шляпки теперь болѣе въ употребленіи. Онѣ болшею частію дѣлаются бѣлыя: ихъ украшаютъ цвѣтами или бантами изъ бѣлаго газа. Поля бывають нѣсколько подняты.

— Перья, цвѣты и ленты идутъ преимущественно къ шляпкамъ изъ Испаліанской соломы.

— Широкая блонда на крѣповыхъ или гродснпадевыхъ шляпкахъ употребляется въ вечернихъ туалетахъ.

— Таія платьевъ, скрытая почти всегда подъ канезу, не получила никакого измѣненія.

— Дома носятъ пенуары изъ jасонасъ съ мелкимъ узоромъ или вовсе изъ бѣлаго jасонасъ. Нарядъ сей пребуеишь совершенной простоты.

— На упреннихъ выѣздахъ, съ косынками, пелеринками или при канезу съ рукавами, носятъ плащя изъ печапной кисеи или изъ гродснпапа.

— Для вечерняго наряда вышиваютъ по крѣпу шелкомъ въ пѣнь гладью.

— Крѣповыя плащя съ длинными рукавами весьма хороши: они пребуютъ мало украшеній.

— Красивѣйшія пелеринки изъ кисеи или изъ самаго тонкаго баписта; онѣ бывають четверугольны на плечахъ; кругомъ обшиваются оборкою, такъ же изъ кисеи или баписта, смотря по тому, изъ чего пелеринка. Также можно обшивать зубцами или кружевомъ.

— Самыя нарядныя канезу вышиваются кругомъ и обшиваются кружевомъ.

— На кисейныхъ плащяхъ вышиваются узоры по вѣзмъ пивамъ; на подолѣ иже шипье и къ нему пришивають узенькое кружево; рюиъ кисейный, оппороченный кружевомъ.

— Шарфы одинакихъ цвѣтовъ въ болшомъ употребленіи. (La Mode.)

Шарада въ прошедшем No. значить: *curedent*.

E N I G M E.

Je suis, lecteur, un certain être
Assez difficile à connaître,
Pour me loger en ton cerveau,
Je doute que tu trouves place:
J'appartiens à plus d'une classe,
Je suis plante, cheville, oiseau;
Je suis corde de nom, de fait je suis boyau;
Plante, je n'ai point de racine;
Oiseau, je suis sans origine
Qu' on puisse spécialement
Classer dans un plutôt que dans un autre rang.
Corde ou boyau, je suis faible, exigüe,
Mais en concert ma voix a le plus d'étendue.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
викамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 108.

Цена годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыла-
кою 37 рублей.

1830, 8 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ЮНОСТЬ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ (*).

Почти всѣ оплывчые, великіе мужи, въ осо-
бенности Государя, получившіе названіе *Великихъ*,
имѣли удѣломъ печальную, бѣдственную, бурную
юность. Несчастія и опасности должны были
развить ихъ геній, дать имъ присущіе духа,
бодрость, предпримчивость, твердость, черезъ
копорылъ, въ послѣдствіи, сдѣлались они Велики-
ми. — Лучшій наставникъ Властелиновъ — стро-
гость судьбы!

Моисей, первый основатель Израильскаго цар-
ства, принужденъ былъ скитаться бѣглецомъ въ
пустыни. — *Магометъ*, отецъ новсй религій,
провелъ юность въ убожествѣ, спранспула съ
каравами, пока богатая вдова *Кадшаха* не
вышла за него замужъ. — *Александръ Великій*,
былъ еще двадцатипятилѣтнимъ юношею, началъ
уже военное поприще и кончилъ его вмѣстѣ съ
своею жизнію. — *Киръ*, по приказанію дѣда сво-
его, *Астиага*, былъ брошенъ въ пустыни, спасенъ
напухами — и тайно воспитанъ въ нищетѣ. —
Полмей Великій еще опрокомъ зналъ опасности
войны, и на двадцать третьемъ году своего во-
зраста былъ самъ полководцемъ. — *Юлій Цезарь*
былъ приговоренъ Силою къ казни и прощенъ;
попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ; прину-
жденъ былъ заплатить за себя выкупъ — и по-

помъ началъ, собственнымъ иждивеніемъ, войну
съ морскими разбойниками. — *Константинъ Ве-
ликій* спрадалъ опъ коварныхъ преслѣдованій
Галерія, бѣжалъ къ своему отцу — и, съ сего
времени, былъ замѣшанъ въ непрерывныя вой-
ны. — *Оеодосій Великій*, равно какъ и отецъ его,
былъ гонимъ *Валенсомъ*, бѣжалъ въ Испанію и
жилъ въ уединеніи, пока Граціанъ не призвалъ
его ко двору своему. — Незвѣстно ничего объ
юности *Карла Великаго*, но она не могла быть
слишкомъ веселою, если вспомнимъ о варварствѣ
погдашнихъ временъ и объ ужасныхъ сценахъ въ
исторіи Двора и поздней его жизни. — *Петръ
Великій* время своего несовершеннолѣтія про-
велъ въ самыхъ непріятныхъ и опасныхъ об-
стоятельствахъ; Хованскіе, Голицыны и даже
родная сестра Государя, Царевна Софія, послы-
тали на драгоцѣнную жизнь его. Не разъ мо-
настырь былъ ему убѣжищемъ опъ пагубныхъ
замысловъ спрѣльцовъ. Такъ созрѣлъ онъ для
величія, среди нужды, преслѣдованій и загово-
ровъ! — *Георіихъ IV* былъ воспитанъ строго,
питался грубою пищею, одѣвался бѣдно, ходилъ
съ открытою головою, и, по погдашнему обы-
чаю, лазилъ съ товарищами по горамъ и скаламъ.
У *Роислли* былъ въ опасности упопуть; во вре-
мя ужасовъ кровавой свашьбы — едва не былъ
убитъ. На шестнадцатомъ году онъ уже уча-
ствовалъ въ сраженіи при *Ярагль*. — Съ какою
спрогостию былъ воспитанъ *Фридрихъ Великій*,
какія непріятности перпѣлъ онъ во время сво-

(* Сей и слѣдующіе два отрывка взяты изъ из-
вѣстнаго Нѣмецкаго Писателя, Цшоукс.

ей юности, ссоры его съ опцемъ своимъ, бѣгство въ Англію, смерть Кипша и проч., — извѣстно всякому.

СТРАИНОСТИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Юлій Цезарь имѣлъ падучую болѣзнь; *Магометъ* также; но оба были люди съ гениемъ. *Лотерь* стрѣлялъ чернилицами въ нечистаго духа; — и *Нестонъ*, названный Волперомъ величайшимъ гениемъ, какой существовалъ когда либо на землѣ, сочинилъ комментарій на апокалипсисъ, гдѣ онъ доказывалъ, что Папа есть Антихристъ, а Римъ Вавилонская блудница. — *Кардиналь Ришелье*, не взирая на весь умъ свой, былъ часто подверженъ многимъ дурачествамъ. Иногда воображалось ему (такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ Принцесса Елисавета Шарлотта Баварская, свояченица *Людвика XIV*, въ своихъ *Mélanges historiques*), что онъ лошадь; путь начиналъ господинъ Кардиналь галопировать вокругъ стола, или билліарда, лягался ногами въ право и въ лѣво, подкалъ слугъ, ржалъ, — и эпопъ ужасный шумъ часто продолжался по нѣскольку часовъ. Потомъ относили его въ постель, одѣвали тепло; онъ засыпалъ и поспѣлъ чрезвычайно. Проснувшись, Кардиналь вовсе не помнилъ о своихъ галобахъ и курбесахъ, и не зналъ ничего о случившемся.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ИСТОРИКАМЪ.

Еще одинъ Анекдотъ изъ *Mélanges historiques* Принцессы Елисаветы Шарлотты Баварской: „Исторія представляетъ намъ множествено примѣровъ великихъ прекрасныхъ дѣлъ, бывшихъ будто-бы, иногда, слѣдствіемъ политики, иногда похвальнаго честолюбія, или другаго какогонибудь возвышеннаго чувства, но дѣйствительную причину конхъ были ничтожныя бездѣлки. — Сколько наговорено и написано о жаднѣ къ славѣ *Людвика XIV*-го! Не думали-ли всѣ, что онъ

хотѣлъ сдѣлаться властелиномъ цѣлой Европы? не утверждали-ли, что единственно для этой причины началъ онъ войну противъ Голландіи? Пусть такъ; но я знаю достоверно, что первымъ поводомъ къ этой войнѣ было ничто иное, какъ ревность тогдашняго государственнаго Министра *Г-на де Лионъ*: въ его жену влюбился Принцъ *Вильгельмъ фонъ Фирстенбергъ*, Министръ хотѣлъ сбывать съ рукъ эпаго соперника — и возбужденныя имъ несогласія кончили войною.

„Увѣряюте, что покойный Король (именно *Людвикъ XIV*), обрушившись на Голландію со всеми своими силами, поспомъ, изъ одного будто-бы великодушія, отказался отъ пріобрѣтенныхъ имъ въ сей землѣ выгодъ; — по я знаю — и знаю такъ хорошо, какъ собственное свое имя, что Король возвратился въ Парижъ единственно для того, чтобъ только видѣться и быть вмѣстѣ съ *Г-жею де Монтеспанъ*.“

Съ *Нолл. Е. А-нъ.*

НА ВЗЯТІЕ ВАРНЫ.

Умолкнулъ громъ, посившій страхъ;
Не слышно свиста пуль, ни стоа;
И гордой Варны на стѣнахъ
Развились Русскія знамена! .

Вамъ честь отечества сыны!
Вы новой славою возблипали:
Вы пверже каменной стѣны,
Противъ враговъ своихъ сподли.

И путь, гдѣ ваши шли полки,
Покрытъ лавровыми вѣнками;
Ура! гдѣ Русскіе штыки,
Тамъ поле ушламо тѣлами! .

О, братья! мы не посраимъ
Орла корону золотую!
Или умрѣмъ, или побѣдимъ:
Намъ смерть сладка за Русь святую! .

М. Оеодоровъ.

30 Сентября, 1828 г.
Писано въ Крѣп. Варнѣ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

52. *Собрание оригинальных драм(м)атических сочинений и переводов Дениса Ивановича фонъ Визина.* Три части. М., въ Тип. Н. Степанова, 1830. Въ 12. (Въ пер. ч. 238, во вш. 244, въ шр. 174 стран.)

Къ Ценсурному Уставу, Высочайше утвержденному 22-го Апрѣля 1828 года, присовокуплено Положеніе о правахъ Сочинителей, на основаніи 7 § коего, „по испеченіи двадцати пяти дѣтъ, со дня смерти Сочинителя, его творенія, кому-бы оныя дошлѣ ни принадлежали, спаносятся собственностію публики, и всякой можетъ печатать, издавать и продавать оныя безпрепятственно.“ — Общая польза, дарованная публикѣ симъ благодѣтельнымъ постановленіемъ, невсчастлима: теперъ мы можемъ имѣть сочиненія лучшихъ нашихъ Писателей, изданныя въ хорошемъ видѣ, за дешевую цѣну. Жаль только что публика по сіе время еще не пользуется сею выгодною; а еще болѣе жаль, что у насъ есть люди, которые, изъ сохраненія пользы собственной, поощряютъ предпріятія корыстлюбія, вредныя пользѣ общей. — Изъ Писателей, творенія коихъ, на основаніи упомятаго постановленія, сдѣлались народною собственностію, былъ первый фонъ Визинъ, сочиненія котораго, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вышли въ Москвѣ тремя изданіями. Всѣ три изданія принадлежатъ книгопродавцамъ. Первое изъ нихъ (напечатанное въ Москвѣ, въ 1829 г., въ Ушиверситетской Тип., въ 12 д. л., въ двухъ частяхъ); весьма неполное и весьма плохое, принадлежитъ, къ сожалѣнію нашему, А. С. Ширлеву, книгопродавцу, издавшему много хорошихъ книгъ. Второе изданіе (напечатанное въ Москвѣ, въ 1830 г., въ Тип. Селивановскаго, въ 8 д. л., въ четырехъ частяхъ), порядочное въ отношеніи типографическомъ, и не совсѣмъ удовлетво-

рительное въ отношеніи литературномъ, принадлежитъ Московскому книгопродавцу Салаеву. Это третье изданіе, послужившее намъ поводомъ къ сочиненію сей статьи, совершенно хорошее, принадлежитъ Московскому книгопродавцу А. Глазунову.

Литературная Газета съ 1-го Но. своего начала расхваливать изданіе книгопродавца Салаева и повторила свои похвалы при всякомъ удобномъ случаѣ, гдѣ только можно было коснуться до сего предмета. Въ 10-мъ Но. Лит. Г. было напечатано объясненіе книгопродавца Салаева на одно замѣчаніе Сѣверной Пчелы, въ которомъ Салаевъ вошелъ съ Сѣвѣрною Пчелою — въ ученые пренія. Въ 22-мъ Но, Литер. Газета, какъ бы не зная о существованіи упомятаго постановленія, рассуждала (основываясь на предисловіи, находящемся при I-й части Сочиненій фонъ Визина) о какомъ-то правѣ, полученномъ Г-мъ Бек... вымъ отъ наслѣдниковъ фонъ Визина на изданіе его сочиненій, и о какихъ-то условіяхъ, заключенныхъ симъ послѣднимъ съ Г. Бек... вымъ; наконецъ и о томъ, что эти условія съ правомъ переданы Г-мъ Бек... вымъ книгопродавцу Салаеву. О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ изъяснено, повидимому, для того, чтобы скрыть отъ вниманія, въ чемъ было дѣло.

Но главное дѣло состоитъ въ томъ, что къ изданію книгопродавца Салаева предположено присовокупить Біографію фонъ Визина, сочиненную Княземъ Вяземскимъ, однимъ изъ Писателей, участвующихъ въ изданіи Лит. Газеты. Думаемъ, и кажется, не ошибочно, что это обстоятельство было главнѣйшимъ поводомъ для всѣхъ одобрительныхъ отзывовъ, бывшихъ въ Лит. Газетѣ объ изданіи книгопродавца Салаева, которое найдено Лит. Газетою превосходнѣйшимъ, ибо о немъ не сдѣлано ни одного критиче-

ческаго замѣчанія, между пѣтъмъ какъ оно во мно-
гихъ отношеніяхъ несовершенно; о чемъ мы въ
свое время представимъ надлежащія доказа-
тельства.

Единственная цѣль упомянутого постановленія,
какъ мы уже сказали, есть польза общая: чтобы
публика могла имѣть сочиненія хорошихъ Пи-
сателей за сходную цѣну. Каждый, печатая кни-
гу, сдѣлавшуюся народною собственностью, не
можетъ извлекать изъ сего предпріятія личныхъ
своихъ выгодъ; но долженъ продавать ее по той
цѣнѣ, по которой обошлось ему изданіе, позво-
ля себѣ получить коммерческое вознагражденіе
на капиталъ, имъ употребленный, и не находив-
шійся у него въ оборотѣ, положимъ примѣрно
большее время, годъ. Подъ словомъ: *коммер-*
ческое вознагражденіе, мы разумѣемъ 50 процен-
товъ. Кажется, достапно! И такъ, если-бъ
книгопродавецъ Салаевъ продавалъ свое изданіе
не по 15, а по 5 рублей, то и въ семь случаевъ
онъ получилъ-бы *коммерческое вознагражденіе*—
до 50 процентовъ! То есть на сумму, до 4000
руб., употребленную имъ на изданіе (полагая въ
семь чиселъ бумагу, плашу въ Типографію за пе-
чтаніе, отчисляя значительную сумму на раз-
ныя другія, *относящіяся собственно къ изданію*,
издержки, и включая въ сіе число ту 1000 руб-
лей, которую онъ внесъ, по добровольному же-
ланію своему заключивъ условіе съ Г. Бек . . . вымъ
или наследниками фонъ Визина, въ пользу двухъ
Уѣздныхъ Училищъ Московской губерціи),— онъ
получилъ-бы выгоды до 2000 рублей. Чего-же
болѣе?.. Вспомните припомъ, что въ семь
случаевъ публика покупала-бы Сочиненія фонъ Ви-
зина по 5 руб. экземпляръ. Но книгопродавецъ

Салаевъ продаетъ изданіе свое по 15 рублей: съдѣ-
спвенно *коммерческое вознагражденіе*, по его ис-
численію, простирается до 400 процентовъ
(полагая его изданіе въ обыкновенномъ пользо-
числѣ экземпляровъ, то есть состоящее изъ 1200).
Убѣжденные въ просвѣщенномъ и безприспри-
сипномъ образѣ мыслей Лит. Газеты, мы осмѣ-
ливаемся спросить: *общая* или *частная* польза
видна въ семь случаевъ?..

(*Окончаніе въ слѣдующемъ No.*)

Загадка въ прошедшемъ No. значитъ: char-
terelle.

L O G O G R I P H E.

Sais-tu ce que je suis?.. sur huit pieds, cher lecteur,
L'ustensile obligé de tout restaurateur;
Réduit à cinq je suis cet impur alliage
Qui force un marmiton à me mettre en usage.
Ma tête a du guerrier jadis sauvé les jours;
A l'indigent encore elle donne secours;
Ma dernière partie est une riche étoffe.
Tu trouves dans mon sein l'écueil du philosophe;
Une cité fameuse; un terrible élément;
Le mot qui d'un auteur fait parfois le tourment;
Ce qui défend ton pied; ce qui te sert d'asile;
La préparation aux alimens utile;
Ce qui, superbe et fier, est au-dessus de toi;
Un signe de douleur; ce que punit la loi;
Deux notes; une nymphe, une blanche matière;
Ce que veut ton coursier après longue carrière;
L'oiseau que les Gaulois ont dû maudire un jour;
Une ville; et le chef qu'on vénère à la cour;
Enfin l'oeuvre où Talma, que pleure Melpomène,
Dans sa fureur jalouse ensanglantait la scène;
L'évêque, de nos Rois premier consécrateur,
Et le nom des parens du prophète imposteur.

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходятъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 109.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 10 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА.

КАРТЕЖНИЦЫ.

А дамы? сунься кто: попробуй, овладѣй;
Судыи вездѣ, всему; пады шими нѣтъ судей!
Когда за картами возстануть общимъ буншомъ,
Дай Богъ первыне . . . . .
Скомандовать велише передъ фруштомъ,
Присутствоващъ пошлише ихъ въ Сенатъ....

Грибогъдовъ.

Одважды, въ глубокую осень, Анна Григорье-
вна Ладина, опобѣдавъ пропивъ обыкновенія
одна въ своемъ семействѣ (ибо не было почти
дня, чтобы ктонибудь не завернулъ къ ней
поѣсть Русскихъ щей и выпить рюмку дурнаго
вина), ходила по комнатамъ, скучая, что никого
изъ чужихъ нѣтъ. Она звала и говорила: „Уди-
вительно, что ни Пестръ Максимовичъ, ни Илья
Ивановичъ не прѣхали; сегодня нѣтъ дня ни у
кого изъ ихъ знакомыхъ; погода не помѣшала-бы;
они и не въ такую ѣздили.... развѣ не-
здоровы!...“

„Очень можетъ быть“ — подхватила Степа-
нида Сергѣевна, родсвенница хозяйки, жившая
у нее съ годъ и прѣхавшая изъ Пензенской Гу-
берніи по апелляціонному дѣлу. „Петръ Макси-
мовичъ намерен жаловаться на ломону во всѣхъ
костяхъ... да мудрено-ли въ здѣшнемъ климатѣ?
На дняхъ погода перемѣнилась пять разъ....
сырость безпрестанная.... Ну ужъ вашъ Пе-
сербургъ! — Чего добраго хопите? На болонь

Томъ 2. № 109.

выспроенъ; — когда карета ѣдетъ, шакъ домъ
дрожишь.“

„За то пріятно жить; сколько удоволь-
ствій...“

„Какія удовольствія? Всѣ ходятъ, нахмура
брови. Если-бы не у васъ я жила, то со скуки-бы
не знала, что дѣлать.“

Тутъ Анна Григорьевна улыбнулась, позвала
Фильку, и приказала подать моченыхъ яблокъ.

„Знакомство здѣсь очень пріятно; всякой жи-
ветъ какъ хочеть“ — сказала Анна Григорьевна.

— „Всякой для себя: всѣ о чемъ-то думаютъ, а
болѣе о себѣ. Только и слышишь: такой-то по-
лучилъ такое-то мѣсто; такой-то представлень
къ креслу, да не вышло; такой-то хочеть пе-
рейти туда-то; — а ни оцъ кого толку нѣтъ.
Всѣ умничаютъ; иной только что перья чинить,
а смотритъ Министромъ. Я здѣсь годъ живу;
Богъ знаетъ, когда дойдесть очередь до моего
дѣла? Спасибо еще Пестру Максимовичу! Добрый
человѣкъ: хлопочешъ за меня; да то бѣда — ни-
чего не значить... я помню, что и его словеч-
ко имѣло вѣсь, когда онъ игралъ по 500 р. въ
выспъ; а какъ спустилъ денежки, да съѣхалъ на
15 р., такъ на него и не смотрятъ. Вошь такъ
же былъ хорошій человѣкъ... какъ бишь зо-
вуть его.... онъ къ вамъ часно ѣзжалъ....
опрѣшенъ недавно отъ мѣста.... Ха...“

„Хапить? и мапушка, что ему дѣлается: все
живетъ, да хлѣбъ жуесть; онъ теперь въ своей
деревнѣ, въ Колпаковъ.“

— „Услужливый человекъ; правда, любилъ подарочки, да ужъ не даромъ бралъ; ужъ какое-бы дѣло ни было, а сладишь.“

„Если-бъ не тяжба, Петербургъ понравился-бы тебѣ. Я въ Москвѣ не была; а всѣ говорятъ, что Петербургъ лучше; такого города, какъ слышно, въ чужихъ мѣстахъ нигдѣ не найдешь.“

— „Москва! . . . Какъ вамъ не стыдно! да Москва рай: побывайте-ка въ ней, такъ не выйдете; вольно вамъ привязаться къ этому омуту. Что у васъ хорошаго? ничего не вижу. У васъ стѣны, а не дома. То-ли дѣло въ Москвѣ! Домъ-то спонитъ особнякомъ: какой видъ дѣлаютъ! Хозяинъ-то живетъ въ немъ одинъ, на просторѣ, жильцевъ не пускаетъ; а если богатый человекъ, такъ въ домъ у него и порпешной не увидишь; впрямь живетъ баринкомъ.“

„Да помилуй, Степанида Сергѣевна: какъ можетъ строеніемъ равняться Москва съ Петербургомъ?“

— „Вамъ говорили шъ, которые не были въ Москвѣ.“

„Тамъ, какъ слышно, и строеніе справное: половина крышки желѣзная, другая деревянная. Въ большихъ каменныхъ домахъ дѣшницы и балконы деревянные. Не успеешь скоро оплать визита, вѣкъ глядишь не будешь; пересудамъ и сплетнямъ конца нѣтъ . . .“

Тутъ Степанида Сергѣевна вспыхнула; щеки ея покраснѣлись, и она съ величайшимъ жаромъ вскричала: „Какой негодий вамъ это насаждал! Видно его нигдѣ въ Москвѣ принимать не хотѣли! У васъ здѣсь служащіе — то хороши: пять пальцевъ по квартирамъ; только и услышишь отъ него: да-съ, нѣтъ-съ. Въ Москвѣ госпепринимство, а здѣсь никакого; таскаются по ресторациямъ, плаваютъ впридорого и очень довольны, что Французы ихъ обираютъ.“

„Говорятъ, и въ Москвѣ нынче госпепринимство не то, что прежде было. Есть дома, гдѣ

назначенные дни для пріема; за то въ другіе дни вороша на запоръ и окна ставнями закрыты.“

— „Повторю вамъ, все ложь. Ужъ я не буду говорить про чужихъ. Вы знаете дядюшку, Князя Петра Ивановича Пососкова, да шурина моего, Василья Тимоѣевича Пустоцькова. У нихъ каждый Божій день госпи, и всегда обѣдаютъ человекъ десять, пятнадцать. А въ воскресенье такъ въ двухъ комнатахъ столы накрыты; — конечно, на дѣло они отъѣзжаютъ въ деревню, занимающія хозяйствомъ . . .“

„То-то и дѣло, что они отъѣзжаютъ въ Москву зимою, мѣсяца на три; навезутъ съ собою живности, да и кормятъ ею гостей; а не круглый годъ живутъ одинаково, какъ здѣсь.“

— „Здѣсь всякой въ углу своемъ сидитъ; ни дружбы, ни родства нѣтъ . . .“

„И мапушка, я чай и въ Москвѣ по богатству принимаютъ, да по чинамъ сажаютъ . . .“

Тутъ сильно заспорили обѣ дамы. Наконецъ Степанида Сергѣевна, разсерженная, вышла въ другую комнату. Она слышать не могла, чтобы дурно говорили про Москву, гдѣ она родилась и получила дурное воспитаніе; гдѣ она съ утра до вечера удовлетворяла сильнѣйшей своей страсти — играть въ карты; и гдѣ у ней было человекъ двѣсти родныхъ. Петербургъ она ненавидѣла.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

З А В Ъ Щ А Н І Е .

(Съ Нѣмецкаго.)

Други! повѣсьте, по смерти моей,
Скромную лиру съ розовой лентой,
Тамъ, на кладбищѣ, гдѣ блекнутъ вянки
Дѣвы, почившей сномъ непробуднымъ.

„Видишь“ — пушпикъ скажешь тогда спряжь
пороста;

„Видишь лиру, висѣющую съ розовой лентой,
Алые бабшты робко спустившей*
На задремавшія тихія струны?“

Въ часъ румяной вечерней зарницы
Вдругъ, прослувшись, зашепчуть ушылы струны;
Дыти, беспечно рѣзая на кладбищъ,
Видящъ, какъ тихо въики шевелятся.

Я. Д—въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Опоясаніе статьи о Сочиненіяхъ фонъ Визина.

Но вы, почтенные читатели, не полагайте, ищобъ Литерапуриная Газета не въдала оборотъ книжной промышленности. Нѣтъ! въ этомъ упрекать ее нельзя!.. Посмотрите, какъ она справедливо опоздалась въ 44 и 45-мъ NN. р Сочиненіяхъ фонъ Визина и Басняхъ Хемницера, изданныхъ книгопродавцемъ Глазуновымъ. Прислушайте, что она говоритъ въ 45-мъ No.: „Теперь спросимъ: какаѧ цѣль была нынѣшнѣго „Изданія сочиненій ф. Визина и Басень Хемницера? и вопросъ нашъ будетъ, конечно, *не въ смыслъ торговой спекуляцій, но въ смыслъ выгоды любителей чтенія.*“ (Слышите-ли? Слышите-ли?) „Хотѣли-ль Гг.Издатели доставить читателямъ дешевыя изданія сихъ книгъ?“ (Слышите-ли? Слышите-ли?) „Но въ такомъ случаѣ, должно бѣ было продавать ихъ, первую (т. е. Сочиненія ф. Визина) не по 10-ти, а по 3 или по 4 рубля, а впрочемъ по 1 рублю или по 1—50 копѣекъ (Слышите-ли? Слышите-ли?) „и руководствоваться при изданіи оныхъ не Московскими (*), а иностранными изданіями швореній лучшихъ Писателей. Посмотрите, напримеръ, на Дидоповскіе стереопипныя изданія: они напечатаны со всевозможною исправностію, мѣлкимъ, но четкимъ шрифтомъ, и на порядочной бумагѣ, а продаются, даже у насъ въ Россіи, по 1—25 и много что по 1—50 коп. за каждый томъ, каковъ-бы ни былъ объемъ его. Нѣтъ уже не по время, ищобы пус-

(*) Какими-же Московскими изданіями!.. Изданіемъ книгопродавца Салаева что-ли?.. Вошь это шакъ!..
Прим. Сочин.

„капъ пылъ въ глаза объявленіямъ, предлагаемы-
„ми къ С. Петербургскимъ или Московскимъ
„вѣдомостямъ: *если не вст, то хотя некоторые*
„изъ Журналистовъ (Слышите-ли? Слышите-ли?)
„примутъ сторону публики, и уличатъ спекула-
„тора-книгопродавца въ томъ, что не польза пу-
„блики была у него въ виду при такомъ пред-
„пріятіи.“ (Слышите-ли? Слышите-ли?)—Мож-
но-ли справедливыѣ, можно-ли благонамѣренныѣ
изяснить свое мнѣніе?!? Всю вышесприведен-
ную нами выписку мы напечатали-бы золотыми
буквами, если-бѣ только были онѣ въ Типогра-
фин!.. Вошь какъ Лип. Газета показываетъ
пушь!.. Но въ эту минуту, какъ-бы злой духъ
шепчетъ мнѣ (т. е. Сочинителю статьи) на
ухо: „да сама по немъ не ходитъ!“ — Тсъ...
чтобъ не подслушала Лип. Газета!..

Теперь и мы въ свою очередь спросимъ: если
Лип. Газетѣ угодно было снабдить книгопро-
давца Глазунова такими испинно полезными и
благодѣтельными для общей пользы совътами,
то почему-же она не разсудила надѣлать хоть
частицею изъ нихъ и книгопродавца Салаева?
Если цѣну изданія Глазунова (10 р.) Лип. Газе-
та находить высокою, то почему-же цѣну из-
данія Салаева (15 р.) она поспавляетъ дешевою?
Слѡва нѣтъ, что изданіе Глазунова во всѣхъ
отношеніяхъ несравненно хуже изданія Салаева,
ибо первое совершенно негодно; но за всѣмъ
тѣмъ не мѣшало-бы Лип. Газетѣ досовѣтовать
книгопродавцу Салаеву продавать свое изданіе по
5, а не по 15 рублей, ибо и въ семь случаевъ онъ
имѣлъ-бы весьма достапочное *коммерческое воз-*
награжденіе. Книги, сдѣлавшіяся народною соб-
ственностію, продавать такъ дорого не должно.
Припомъ-же, сама Лип. Газета говоритъ, что
„*лишь некоторые изъ Журналистовъ примутъ сто-*
„*рону публики, и уличатъ спекулятора-книгопро-*
„*давца въ томъ, что не польза публики была у*
„*него въ виду.*“ Жаль, что Лип. Газетѣ не-

удбно было включить самое себя въ упомянутое число *нѣкоторыхъ!* . .

Впрочемъ, мы увѣрены, что если и Лип. Газета посмотритъ на изданіе Самзева, такимъ же безпристрастнымъ окомъ, какимъ она глядитъ на прочія изданія, то, вѣроятно, и въ немъ найдетъ многія несовершенства, и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, вѣроятно сама убѣдится, что желаніе книгопродавца получить на рубль до 4-хъ рублей выгоды, не значитъ, чтобы *польза публики была у него въ виду!* . .

Какъ эти всѣ расчеты свести,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что кое у кого пушокъ на рыльцѣ есть (*) . .
Арист. Зав.

М О Д Ы. (Парижскія.)

(5 Сентября н. с.)

—Въ нарядномъ туалетѣ надѣваются: маленькія креповыя шляпки, украшенныя букетомъ перьевъ; газовыя цвѣтныя платья съ короткими рукавами изъ крепа или бѣлаго тюля; лифъ открытый; длиныя свѣтлаго цвѣта перчатки. При семъ нарядѣ весьма многія надѣваютъ крупныя бѣлыя или черныя бусы.

—Въ большой модѣ платья съ двухцвѣтными полосами: полоса розовая и темная; бѣлая и зеленая. Тамъ у сихъ платьевъ драпирована; при нихъ надѣваются кисейныя шипыя пелеринки.

—Къ зимѣ форма шляпокъ измѣнилась: поля ихъ будутъ прижаты къ ушамъ.

(*) Передѣлано изъ Басни Н. А. Крылова.

—На многихъ шляпкахъ на верху тульи съ лѣвой стороны прикалываются букеты розъ, смѣшанныхъ съ миртами; сзади же бываютъ двѣ кокарды изъ газовыхъ лентъ.

—Шипыя кисейныя капоты почти всѣ надѣваются бѣлою или цвѣтною шафкою; спереди они застегиваются узлами, цвѣту подкладки.

Модныя вещи. — Короткія цѣпи въ большомъ употребленіи: одинъ конецъ прикрѣпляется аграфомъ къ поясу, а другой къ часамъ или флакону.

—Въ модныхъ споловыхъ часахъ маятникъ изображаетъ качающагося Амура. — (La Mode, Petit Cour. des Dames; Journal des Dames et des Modes.)

Логогрифъ въ прошедшемъ No. значитъ: *écumoire*, гдѣ находятся слѣдующія слова: *écume, écu, moire, or, Rome, mer, rime, cuir, mur, cuire, cime, cri, crime, mi-ré, Io, cire, écurie, Roi, more, Rémi* и *émir*.

С H A R A D E.

Que dirai-je de mon premier?
Qu' au bout d'un pronom singulier,
Ou bien pluriel il figure.
Mais c'est trop clair, tout me l'assure;
N'importe. Passons au dernier;
Malheur et tragique aventure
A qui ne l'entend point crier
Dans Paris! Change sa nature,
C'est un abri particulier,
Dont peut varier la structure.
Qui ne connaît pas mon entier,
Objet de très-mince stature?
L'enfant même ose en essayer,
L'adolescent sait l'employer,
Mais vraiment un tel acte jure
Avec leur imberbe figure;
Aux hommes il est familier,
Et plus d'une belle en murmure.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 110.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 12 СЕНТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

КАРТЕЖНИЦЫ.

(Окончаніе.)

Вскорѣ двумъ дамамъ предспавился случай при-
нрпшпсья. Сѣрый иноходець пролетѣлъ мимо
окопъ Анны Григорьевны и поворопилъ къ ней
на дворѣ. „Вошь и Илья Ивановичъ, вскричала
она: опъ снѣга и въпра всю голову завернулъ
въ шпнель.“

Молодой, ловкій офицеръ вошелъ въ компану.

„Чтожь не объдашь?“ спросила Анна Григо-
рьевна.

„Да на ученьи успалъ, перезябъ, и возвращалъ
домой, ошобѣдалъ и спалъ до сихъ поръ“ — оп-
вѣчалъ Его Благородіе.

При сихъ словахъ вошла Спепанида Сергѣевна,
и видя, что человекъ разкрываеишь съ зеленымъ
сукномъ сполъ, кладетъ на него каршы и мѣлъ,—
забыла и Москву, и плямбу свою, и ласково по-
клоишлась гостю.

„Какъ жаль, что четвъртаго недостпаешъ“ —
сказала Анна Григорьевна.

„Я думаю, примолвила Спепанида Сергѣевна:
кто нибудь заверишь . . . да не пошашь-ли за
Петромъ Максимовичемъ?“

„Гдѣ его пеперь сыщешь? возразила хозяйка:
однако попробую.“

Анна Григорьевна кликнула человека; приказа-
ла ему сходить къ Петру Максимовичу, и на
случай, если не найдуть его, шакъ сходить за

Томъ 2. № 110.

Семеномъ Васильевичемъ, или за Никаноромъ
Алексѣевичемъ.

„Проворнше-же, примолвила она: если никого
не найдуть, шакъ сидемъ впроемъ.“

„Между шѣмъ, сказалъ Илья Ивановичъ: если
вамъ угодно, я сдѣлаю pour passer le tems банчикъ:
у меня сто серебрянныхъ повеньныхъ пяшачковъ.“

„Боюсь шебя въ банкъ, вскричала Анна Гри-
горьевна,—ны жестокъ: всъ каршы бьешь.“

„По маленькой спавыще, для забавы“ — ска-
залъ Илья Ивановичъ.

Нашнихъ дамъ не шрудно было уговорить: онѣ
скоро согласились, не смолря, что часпо пла-
шнли ему данъ. Илья Ивановичъ снялъ шпагу,
положилъ шляпу въ уголь и вышелъ въ переднюю
приказашъ, шчтобы дрожки его прѣехали въ пер-
вомъ часу ночи. Возвращаясь, онъ сѣлъ за сполъ
и высыпалъ свои пяшачки, на копорые дамы
глядѣли съ жадноспію. Каждая изъ нихъ вы-
нула нѣсколько серебрянныхъ мѣлкихъ денегъ
и спавила на каршы. Илья Ивановичъ мѣпашъ
скоро и спору; дамское серебро очень скоро
перешло къ пяшачкамъ. Дамы просили записы-
вать, и въ короткое время Илья Ивановичъ
провелъ двѣ большія колонны на нихъ; особенно
проигрывалась Спепанида Сергѣевна: ужъ не
о пяшачкахъ думала она, а какъ-бы опыграишья.
Изъ множества каршъ, копорыя она вдругъ
спавила, удалось ей выиграшь одну съ чепырьмя
углами. Надежда блеснула въ ея глазахъ: она за-

гнула пятый угол; но Илья Иванович убил карту. Слезы навернулись на глазах Степаниды Сергьевны. Она боялась одного, чтобы он не забастовал; но смелливый банкрот, видя себя еще в счастливой полосе, продолжал мепашь и записывать. В это время явился Пётр Максимович. После ласковых упреков за то, что долго не приходил, каждая из дам жаловалась ему на несчастие свое, рассказывала подробно объ убитых картахъ, Пётр Максимович начал пошпиловать и выигрывать. Илья Иванович, примѣняя, что счастье перемѣняется, объявилъ, что мечеть палио-грась...

„Вопь, если что я ненавижу — вскричала Степанида Сергьевна: такъ это палио-грась!“

„Вы желали играть въ бостонъ“ — возразилъ Илья Ивановичъ.

„Какой бостонъ!“ вскричала она съ пламеннымъ лицомъ; „если-бъ я знала, что вы такъ скоро окончите, то не имѣла-бы глупости проиграть такъ много на ваши пяточки.“

Такой грась промечена, сдѣланъ расчетъ, и Илья Ивановичъ остался въ выигрышѣ 150 руб. у Степаниды Сергьевны, да 80 у Анны Григорьевны. Дѣлать нечего. Степанида Сергьевна пошла за деньгами; вынесла ему сто рублей, а остальные просила подождать. Илья Ивановичъ охотно на это согласился, прося ея ни мало не торопиться заплапою сихъ денегъ; онъ зналъ, что за продажную рожь она должна въ скоромъ времени получить деньги. Впрочемъ, ему не мудрено было знать все, что дѣлалось у этихъ дамъ; ибо въ тѣ минуты, когда не играли, онъ болтали обо всемъ, даже и о собственныхъ своихъ дѣлахъ, съ полною откровенностію. Анна Григорьевна заплашила сполна свой проигрышъ, сказавъ однако же; „нашъ молодецъ не упустилъ своего, и всегда забастуетъ съ выигрышемъ.“

Тутъ начался споръ; играть-ли въ виспъ или въ бостонъ? — „Ни за что не слду въ виспъ,

вскричала Степанида Сергьевна: и кто выдумалъ виспъ съ континуаціею? Только повья запѣи. Вчера проиграла я два графъ шлема.“ — После довольно продолжительныхъ преній, наконецъ рѣшились играть въ бостонъ вчетверомъ, Анна Григорьевна насилу согласилась, называя эту игру предапельскою. Разобрали карты. „Ну, бѣда моя! вскричала Степанида Сергьевна: Илья Ивановичъ у меня на рукѣ; будетъ ни съ чѣмъ удерживать игры.“ — Однако первый шуръ былъ сыгранъ довольно мирно. На второмъ начались споры: Илья Ивановичъ отбивалъ игры, топилъ, ремизилъ. — „Возможности нѣтъ съ нимъ играть; совершенный предапель!“ — кричала безпрестанно Степанида Сергьевна; „клянуся, что вѣкъ съ нимъ не сяду.“ — Должно замѣтить, что она съ нимъ играла почти ежедневно, и ежедневно происходили такіе споры и давались такія клятвы. Наконецъ часу въ первомъ предположенное число шуровъ было сыграно; начали разыгрывать пулю, и казалось, игра должна была кончиться спокойно. Но и тутъ Илья Ивановичъ обременилъ Степаниду Сергьевну. Она вышла изъ себя; „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я вамъ этого не прощу; вы непозволительнымъ образомъ играете; вы моихъ денегъ хотите; возьмите изъ кармана Пашка! Пашка! (пришла дѣвка) Принеси мою записную книжку Илья Ивановичу: пусть изъ нея беретъ, сколько ему угодно.“

Илья Ивановичъ, сохраняя непрерывное равновѣсіе, увѣрялъ, что игра не сподитъ того, чтобы такъ сердиться.

„Какъ не сподитъ? вскричала Степанида Сергьевна: сочи-ка, бапюшка, что ты у меня перебралъ, и все недоволенъ.“

Наконецъ посредничествомъ Анны Григорьевны и Пешра Максимовича споры прекратились; бостонъ кончился, и гости ошкланялись.

На другой день, часу въ десятомъ утра, пришла сказавъ Илья Ивановичу, что уже два раза при-

ходятъ къ нему человекъ опъ Анны Григорьевны съ приглашеніемъ пожаловать къ ней на вистъ.

Вскорѣ, дружба между Ильею Ивановичемъ и Степанидою Сергѣевою прочно утвердилась: ей удалось съ нимъ выиграть два шедма сряду. Степанида Сергѣевна начала съ пѣхъ поръ хвалить сего молодого человекъ, называя его благовоспитаннымъ, степеннымъ, расчешливымъ, и пустилась за него въ сваповство.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. П. Ш—ВУ.

Сердца, Амуры, стрѣлы, розы —
Девизы избранныхъ стихиковъ:
То повенскихъ — подъ звуки прозы;
То спаренскихъ — гдѣ есть любовь,
Разлука, дружба, грусть и слезы,
Ну, словомъ: кисти и пера,
Ума и чувствъ, et cetera(*),
И лести... (и жестокой даже:
Тамъ Харина слыветъ цвѣткомъ,
Когда она что день, то гаже
Увядшей грудью и лицомъ)...
Всю эту смѣсь зовутъ — Альбомъ.

Бывало, чтобъ не разнишь хору,
Поюще въ Альбомахъ дѣвъ,
Я прибавлялъ довольно вздору
На шопъ же рюменный пайвъ.
Еще я помню эпит мазки,
Столь благосклонныя Пѣвцу:
Иной—опъ не шли къ лицу;
Иной—не пужно было маски,
Чтобъ нагримасничать льстецу.
Все это кончилось. Конечно,
Лгушу немного похвалы;
Но, другъ, по мнѣ безчеловѣчно
И Хариной писать хулы.
Какая дѣвушка не хочетъ
Понравиться — хотя на часъ?
И долго какъ, и сколько разъ
За пѣмъ предъ зеркаломъ хлопочеть!

(* Охъ эпит cetera

Намъ и оставишь-бы пора. — Изд.

Вопъ другу неповѣдъ моя
И Эпиграмма на Альбомы;
Но грустно къ юности влекомый,
Мнѣ кажется, что вновь-бы я
Вписалъ свой стихъ въ Альбомъ знакомый...
О пѣпъ, за чѣмъ? не та пора;
Ужъ годы счастье измѣнили,
И нужны спраски для пера;
А мнѣ ихъ — думы замѣниди!..

И. Кослровскій.

С М Ъ С Б .

— Московскія Музы, не успѣвъ оплакать Мерзлякова и В. В. Измайлова, лишились еще одного изъ хорошихъ своихъ Поэтовъ, *Василія Львовича Пушкина* (роднаго дядю А. С. Пушкина), скончавшагося 20-го прошедшаго мѣсяца, на 60-мъ году опъ рожденія. Въ, знавшіе лично покойнаго, единогласно опдаютъ справедливость опличнымъ душевнымъ его качествамъ. Миръ праху добраго Поэта!..

— Печатается новая Поэма: *Безумная*, соч. И. И. Козлова. Многие изъ имѣвшихъ случай прочесть ее въ рукописи, съ особенными похвалами опзываются объ этомъ новомъ произведеніи почтеннаго нашего слѣпца-Поэта. Главное содержание сей Поэмы, какъ мы слышали, есть *несчастная любовь*. Героиня ея любила и была оставлена своимъ любезнымъ; душевныя страданія довели ее до того жалкаго положенія чело-вѣчества, которое видно изъ названія Поэмы; даже и въ семъ состояніи она упѣшала себя благодѣтельной мечтою — о соединеніи съ своимъ милымъ. Она ждала его,

ждала, ждала,

И не дождавшись умерла... .

Мы слышали, что увлекательная Муза Пѣвца Чернеца вездѣ очаровательна въ Безумной, и что сія Поэма обилуетъ превосходными картинками и сильными, живыми чувствами.

—Управляющій въ Петербургѣ лавкою Московскаго книгопродавца А. Глазунова, прикащикъ его И. Т. Лисенковъ, издалъ порпиретъ А. И. Казарскаго, ознаменовавшаго себя рѣдкимъ мужествомъ 14 Мая 1829 года, во время сраженія, которое долженъ былъ выдержатъ командуемый имъ Бригъ Меркурій съ двумя Турецкими линейными кораблями. Порпиретъ сей рисованъ на камнѣ однимъ изъ хорошихъ нашихъ Литографовъ, Г. Сандоури, и продается въ упомянутой лавкѣ по 2 р. 50 к. экземпляръ. Въ художественномъ отношеніи, онъ довольно хорошъ. Намъ не нравится, что въ надписи совершенно излишне употребленъ эпитетъ: *храбрый*. Въ храбрости Г. Казарскаго всѣ увѣрены и безъ апшесшациа Издателя его порпирета, книгопродавца Лисенкова.

— Въ половинѣ Декабря выйдетъ Альманахъ, на будущій 1831 годъ, подъ названіемъ: *Не забудь мени*. Этомъ Альманахъ составленъ изъ прозы и стиховъ извѣстныхъ нашихъ Писателей. Стиховъ будетъ немного. У насъ есть обыкновеніе: для Новаго года дарить Альманахами тѣхъ, которые милы нашему сердцу. Издатель сей книжки вздумалъ придасть ей такое названіе, которое соотвѣствовало-бы съ цѣлю похвальнаго сего обычая. Что приличнѣе подарить той особѣ, въ чьей памяти вы хотите сохранишься, какъ не книжку, названіе которой будетъ всегда напоминать ей вась и ваше желаніе — быть у ней въ памяти. Очень можно надѣяться, что вашъ подарокъ, въ теченіе времени, сосполящаго изъ 365 дней, выдержитъ свое назначеніе; а къ слѣдующему году разцвѣтеть новая альманачная незабудка, которая замѣнитъ прежнюю, увядшую, т. е. книжку, пришедшую въ вѣххоспѣ. Однимъ названіемъ книжки сдѣлашь ее необходимою для многихъ: мысль прекрасная! Издатель сего Аль-

манаха постарается, чтобъ и литературное его достоинство соотвѣствовало съ цѣлю его названія. Подписка на полученіе сего общаго *сувенира* принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ. Цѣна экземпляру на лучшей бумагѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, съ писаннымъ листкомъ для надписи, во Французскомъ переплетѣ, въ красивомъ футлярѣ, 10 рублей. По выходѣ въ свѣтъ Альманахъ сей будетъ продаваться по сей цѣнѣ, въ бумажкѣ. — Издатель сего Альманаха, увѣренный въ томъ, что всѣ *хорошіе* наши Писатели желаютъ успѣха каждому литературному предпріятію, покорнѣе проситъ ихъ также обратитъ вниманіе свое на названіе сего Альманаха, и обратитъ оно къ себѣ отъ лица Издателя; за что сей послѣдній будетъ обязанъ имъ душевною признательностію. Всѣ статьи, полученные до 20-го будущаго Ноября, будутъ напечатаны въ этомъ Альманахѣ. Сія статья должна быть доставляема на имя Издателя Севернаго Меркурія.

Шарада въ прошедшемъ No. значить: *cigare*.

E N I G M E.

Sans moi l'on parvient rarement;
Je mène au but, mais lentement;
Je suis la devise du sage:
La jeunesse vive et volage
Trop souvent m'abandonne et toujours s'en repent;
De moi l'on a besoin en tout temps, à tout âge,
Pour acquérir un beau talent
Et pour finir un grand ouvrage;
La raison, l'esprit, le courage,
Sans moi sont des dons superflus;
Et seule enfin, j'ai l'avantage
De donner du prix aux vertus.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаѣ и пят-
ницамъ.

№ 111.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 15 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОТКРЫТАЯ БУДУЩНОСТЬ.

Уже два года, какъ Пленвилъ жилъ съ молодою своею супругою, доходомъ съ небольшой деревеньки въ окрестностяхъ Шарпра. Для довершения благополучія жены его, ей оставалось только сдѣлаться матерью; особенно хотѣлось ей имѣть дочь. Самъ Пленвилъ не жаловался на недостаткъ дѣшей: можетъ быть тридцатипятилѣтній опытъ жизни, исполненной приключеній и бѣдствій, побуждалъ его спрашивать размноженія своего рода. Уступая могущественной революціи, потрясшей всю Францію, онъ одобрялъ ея правила и даже самыя преснипленія...; но одному Богу извѣстно, было-ли вѣрно его сердце, когда рука его подписывала кровавыя уставы! Въ послѣдствіи-же, когда свобода изливала только блѣдный, умирающій свѣтъ, тогда нашелъ онъ нѣкоторое успокоеніе для обольщенной души своей, въ любви женщины, крошкой и добродѣтельной. Угрюмыя уста его улыбались при откровенныхъ, прогашельныхъ разговорахъ его подруги, и когда сія послѣдняя объявила ему блаженство свое, что чувствуюетъ у себя подъ сердцемъ залогъ взаимной ихъ любви, тогда Пленвилъ имѣлъ слабость предасться восторгу. Супруга его думала только о своемъ благополучіи: о! сколько надеждъ возлагала юная мать на колыбель своего дитя! и, если-бы это была дочь, — предположенія ея безчисленны.

Томъ 2. № 111.

Минута, которую ускорили обыны ея, приближилась, и крики существа, явившагося на свѣтъ, поразили нѣжный слухъ матери; они заставили ее забыть свои муки и наполнили поблѣкшій взоръ ея радостію; она звала дочь свою. Пленвилъ, напрошивъ пого, печальный и молчаливый, съ поникшими глазами, казалось, спрадалъ онъ угрызения совѣсти, что доставилъ бѣдствіямъ новую жертву...; но что можетъ прошиву-стоять при видѣ блѣдной, любимой нами женщины, нѣжно убаюкивающей дитя свое; говорливой старухи, суепящейся около родильницы; благословеній старой служанки! Онъ былъ въ такой радости, что Пленвилъ, раскаиваясь въ рокопѣ на природу, облобызавъ свое дитя съ нѣкоторымъ чувствомъ удовольствія. Это еще неполный порпрекъ ея матери, сказала Г-жа Труссе гостямъ; больная изъяснила свое неудовольствіе. Г-жа Пленвилъ была прелестна, супругъ ея былъ некрасивъ собою; но для женщины самое лучшее изображеніе есть то, которое напоминаетъ ей черты любимаго предмета.

Три недѣли спустя послѣ пого, въ маленькомъ домикѣ Пленвила было много гостей: у него были крестины; Валерія было имя, избранное матерью для любезнаго дитя. Кума, жена одного Прованскаго Коммиссара Испаліанской арміи, съ бѣлымъ букетомъ на боку, и вся разряженная, надѣвала еще блестящія бездѣлушки,

поднесенныя ей кумомъ ея, бывшимъ, во время
было, членомъ Директоріи — въ розовомъ аплас-
номъ ридикюль; нѣкоторые изъ родственниковъ
и друзей хозяина дѣлали распоряженія для пор-
жестивеннаго обряда, восхищались прелестною
новорожденною, и грызли разныя лакомства —
необходимую принадлежность праздника; пре-
красная родильница хоня и вспала съ постели,
но не могла однако жь присутствовать при обря-
дѣ, и нѣжно цѣловала дочь свою, отдавая ее Г-жѣ
Труссе. Сія послѣдняя принадлежала къ тѣмъ
щеголихамъ, коихъ дородство возрастаетъ съ
каждымъ размноженіемъ человѣчества. — „Сча-
стіе наше, Г. Пленвиль, — сказала она, между
тѣмъ, какъ мать клала на новорожденную бога-
тое покрывало, — что у насъ есть первый
Консулъ; а то гдѣ бы этой невинной малюшкѣ
сдѣлаться Христіанкою!“ — Пленвиль нахму-
рилъ брови, а кума коварно улыбнулась. Но
вопъ наконецъ всѣ садятся въ карету и отпра-
вляются въ церковь. Таинство совершается
обыкновеннымъ порядкомъ: въ церковь поло-
жены вклады; церковникамъ и спорожамъ сдѣ-
ланы подарки; нищія получили милосынно —
этимъ только способомъ можно избѣгнуть ис-
кушенія Діавола. Сытный завтракъ ожидаетъ
гостей Пленвиля. Сколько посповъ предлагаютъ
за здоровье Валеріи, сколько желаній ей счастья!
— „Да, говорила разспроганная мать ея: молище
небо о счастья моей дочери! Ахъ! какъ-бы же-
лала я знать будущую судьбу ея.“ — „Безраз-
судная!“ — воскликнулъ Пленвиль.

Гости разъѣхались; хозяинъ отдыхаетъ; все,
что только обращаетъ на себя вниманіе, все,
пребующее общества и блеска, помнитъ его;
наединѣ съ женою своею, онъ нѣжно сжимаетъ
ее въ своихъ объятіяхъ; она говоритъ ему о
дочери его; повпорлетъ свое желаніе узнать ея
судьбу. — „Берегись, чтобы какой нибудь духъ
не подслушалъ тебѣ!“ — сказалъ Пленвиль, съ

увѣренностію, необыкновенною въ человѣкѣ его
права: „есть силы высшія, слѣдующія за чело-
вѣкомъ, и часто наказующія его за нескромныя
желанія. — „Какъ! вскричала Г-жа Пленвиль съ
удивленіемъ: ты вѣришь въ силы сверхъ-есте-
ственныхъ! и онъ открываются людямъ!“ — „Да,
отвѣчалъ мужъ ея: развѣ я не видалъ самъ,
какъ геній младшаго Бруша вручилъ мнѣ кни-
жалъ 18-го Брюмера, и вслѣлъ мнѣ заколошь!
Вопъ онъ, прибавилъ Пленвиль, вынимая изъ
за-пазухи тонкое лезвее, и махая имъ передъ
глазами жены своей: ты только одна остано-
вила мою руку!“ — и онъ бросилъ оружіе къ но-
гамъ ея. Г-жа Пленвиль, нѣсколько выведенная
изъ изумленія, сказала: „можешь быть, что сіи
высшнія существа являющіяся только при ве-
ликихъ событіяхъ, но не показывается при
рожденіи проспаго младенца; желаніе-же мое
снотъ непреодолимо, — продолжала она голо-
сомъ болѣе громкимъ, — что заклинаю какую
нибудь изъ эшихъ силъ, открыть мнѣ судьбу
моей дочери, подъ опасеніемъ невѣрія въ ихъ
существованіе.“

Она не успѣла еще произнести сихъ словъ,
заспавившихъ содрогнувшись мужа ея, какъ при-
видѣніе въ образѣ челоѣка, ксого черныя крылья
обнаруживали безсмертное естество его, пред-
спавилось взорамъ супруговъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

ВЛЮБЛЕННОМУ ПОЭТУ.

Я постигаю спросъ твою
И самый жребій твой враждебный!
Ты не въ красавицу свою —
Влюбленъ ты въ идеалъ волшебный;
Онъ блещетъ свѣтлой повизной,
Мечтанья сладко опъ чаруетъ—
И образъ дѣвы молодой
Любовь пылцительно рисуетъ,
Она мила въ часы бесѣдъ,
Она пылка самъ-другъ съ шобою,

Она скромна средъ пѣжкихъ бѣдъ,
 Изящна рѣчию живою.
 Скажи, не правда-ли, она
 Въ мечтахъ прерывчатого сна
 Отрадно предъ любовію летаетъ?
 Какъ духъ легка, какъ мысль ясна,
 Твою любовь благословляетъ! . .
 Въ ея жь любви—забвенья бѣдъ,
 Цѣль бытія, награда лѣтъ,
 Блаженство и воссоргъ жизни;
 А милый двѣственный привѣтъ
 Такъ дорогъ, какъ земля опчины.
 И не ся ль глаза горятъ
 Тебѣ звездою преображенья,
 И обольщаютъ, и живятъ
 И вызываютъ вдохновенья? . .
 Ты счастлива? . . нѣтъ, не вѣрю я,
 Не то пивердятъ твои ланиты;
 Душа встревожена твоею,
 А взоры томны и убиты.
 Такъ! отгадаю я твой педугъ,
 Который ты отъ всѣхъ скрываешь:
 „Я счастливъ!“ ты мнѣ отвѣчаешь.
 Я говорю: „ты больна, другъ! . .“

Карлгофъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

53. Abrégé de la Grammaire française. Par. E. Le-franc. (*Краткая Французская Грамматика.* Соч. Е. Лефранка.) С. П. б., въ Тип. Гинце, 1830. Въ 8. (VIII, 312 и LVIII стран.) (*)

Грамматика сія введена въ число классическихкихъ книгъ во Франціи Королевскимъ Совѣтомъ народнаго просвѣщенія, и преимущественно была употреблена для обученія Герцога Бордосскаго. Сочинитель оной, Е. Лефранкъ, Почетный Профессоръ Парижскаго Университета, до составленія сей Грамматики, написалъ много другихъ учебныхъ книгъ, принятыхъ съ отличными одобреньемъ во Франціи. О.М. Сомовъ, хорошо знающій

(*) Продается въ книжныхъ лавкахъ Издателя, И.И. Занкина. Цѣна въ бумажкѣ 5 р.; въ корешкѣ 5 р. 50 к.

Французской языкъ, перевелъ сію Грамматику на Русскій языкъ, и за сей общепользительный трудъ свой заслуживаетъ совершенную признательность отъ всѣхъ благомыслящихъ соотечественниковъ, а особенно отъ пастырьковъ, преподающихъ нашему юношеству Французскій языкъ.—Къ сей Грамматикѣ присовокуплены: краткая Христо-матія Русская и Французская, выбранная изъ лучшихъ Писателей и раздѣленная по степенямъ слога, и небольшіе, принадлежащіе къ Христоматіи, Словари обоехъ языковъ. — Заключимъ извѣстіе наше о сей полезной книгѣ отданіемъ надлежащей хвалы почтенному Переводчику, особенной дѣлительности и неупомимому трудолюбію котораго мы удивиться не можемъ. Въ самомъ дѣлѣ, О.М. Сомовъ можетъ служить рѣдкимъ образцемъ въ этомъ отношеніи. Не смотря на великія занятія, коими обремененъ по званію Главноуправляющаго грамматическою частію Литературной Газеты, онъ находитъ время и для другихъ литературныхъ упражненій, которыхъ у него такъ много, что не перечесть въ добрые полчаса. Бывъ самымъ ревностѣйшимъ участникомъ въ изданіи Лит. Газеты, онъ въ тоже время исполняетъ обязанности свои по званію Издателя Свѣдѣнствъ, для украшенія коихъ готовилъ Обзоръ Русской Словесности за 12 мѣсяцевъ, въ которомъ доставлена всѣмъ сесирамъ по сергамъ, и въ которомъ онъ тщательно обгладитъ каждого Литератора съ ногъ до головы и каждое произведеніе съ начала до конца. Сверхъ всей многопрудной и разнообразной работы по Журналу и Альманаху, почтенѣйшій Орестъ Михайловичъ находитъ время для прочтенія почти всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на Русскомъ, Французскомъ Нѣмецкомъ, Испанскомъ, Польскомъ и Шведскомъ языкахъ, пишетъ на нихъ рецензіи и многое переводитъ изъ нихъ; кромѣ того, Орестъ Михайловичъ созидаетъ въ своемъ воображеніи многія любопытныя вещи и передаетъ ихъ читателямъ

своимъ въ видѣ разсказовъ путешественника, по еспь въ видѣ записокъ, веденныхъ имъ будпо- бы во время заграничнаго его спранснвованія, которое, не смотря на десятилѣтнюю давность (и слѣдовательно долженствовавшее подверг- нуться-бы забвенію) по сіе время, по видимому, свѣжо у него въ памяти; кромѣ того, Орестъ Михайловичъ пишетъ большой Романъ: *Гайда- манъ*; пишетъ нравоучительныя дѣтскія повѣ- сти; пишетъ Русскія сказки; пишетъ многія повѣсти въ разныхъ родахъ, и даже (говоримъ за шайну!), даже и спишки иногда пописываетъ! Кромѣ того, Орестъ Михайловичъ находитъ время для составленія критическихъ статей, помѣщаемыхъ въ Лип. Газетъ, въ которыхъ онъ душевныхъ пріятели гладитъ по головкѣ, а сердечныхъ недруговъ преплетъ порядочно. И наконецъ, кромѣ всѣхъ сихъ упражненій, споль разнородныхъ и споль многотрудныхъ, отъ одного исчисленія которыхъ голова закружится, — Орестъ Михайловичъ находитъ время зани- маться и дѣльными вещами: Грамматика Ле- франка служилъ шому доказательствомъ. Без- примѣрная дѣтельность! Неслыханное трудо- любіе! — Честъ и хвала почтеннѣйшему Оресту Михайловичу! . .

Книгопродавецъ И. И. Заикинъ также заслу- живаетъ благодарности за исправное издание сей Грамматики, которая напечатана весьма тщателью и даже красиво, и продается по сходной цѣнѣ.

С М Ъ С Ъ.

— Одному Англичанину предложили объявить при желанія, которыхъ составляли-бы совершен- ное его счастье. „Первое — сказалъ онъ: чпобъ

на всю жизнь было *ростбифу*.“ — Хорошо! а вто- рое? — „Чпобъ на всю жизнь было *портю*.“ — Дѣ- ло. А третіе? (Тутъ Англичанинъ задумалъ.) — Еще немножко *ростбифу*“ — наконецъ придумалъ умѣренный Британецъ.

— „Если-бъ у меня былъ сынъ дуракъ, я непре- мѣнно записалъ-бы его въ спатскую службу“ — сказалъ одинъ Уланъ своему сослуживцу, не смо- тря, что съ ними участвовалъ въ разговорѣ къ- пю во фракъ. — „Вашъ батюшка вѣрно думалъ противное“ — возразилъ сей послѣдній.

Загадка въ прошедшемъ No. значить: *persé- vérance*.

LOGOGRIPHE

Mon origine est très-ancienne;
Je renais et meurs tous les ans.
Mais quelle existence est la mienne;
Bals, parure, bons alimens,
Sont tous bannis de mon régime.
Retraite et jeûne sont mon lot;
D'un rien on me fait presque un crime
Pas un ami qui ne soit très-dévôt.
Mon voisin est pourtant d'une humeur fort gaillarde,
Et quelquefois j'ai part à son plaisir;
Mais de moi le fripon se garde,
Et quand j'arrive, il est prêt à partir.
De mes six pieds dérangez la structure,
Vous trouvez un mets très-friand;
Le plus grand amas d'eau qui soit dans la nature;
Un saint, un poids; le nom d'un révérend;
Ce qui sert à votre défense,
Du genre humain le plus bel attribut.
Respectez-moi, car de mon observance,
Lecteur, dépend votre salut.

СВЕРХНИЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамаъ и пят-
ницамаъ.

№ 112.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкойю 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 17 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА.

ОТКРЫТАЯ БУДУЩНОСТЬ.

(Окончаніе.)

„Это я“—сказалъ духъ юной матери: таинствен-
ная книга, въ коей написана судьба швоей до-
чери, открываеяся глазамъ швоимъ.“— Улыбка
удовольствія отразилась на устахъ Г-жи Пленвилъ.
Духъ, явившійся, какъ мы уже сказали, въ чело-
вѣческомъ образѣ, закрываеяъ руками чело швое;
одна только свѣча освѣщаеяъ обширную комна-
ту; супруги сидяъ въ углу; посрединѣ стоиаъ
колыбель, и въ ней покоиаъ снющій младенецъ;
подлѣ него-то остааавиваеяъ безмершныи и
опускаеяъ крылья свои. — „Это маленькое соз-
даніе, сказалъ онъ, возрастетъ, уважаемое всѣ-
ми, кто только будетъ знааъ его; дочь швол
будетъ имѣаъ живой умъ, любезныя свойства и
нѣжное, нѣсколько возвышенное сердце; умствен-
ныя ея способности будутъ весьма легки для
изученія Искусствъ и Наукъ; но сн рѣдкія нрав-
ственныя качества будутъ замѣнены красою
и очаровательною любезностію . . .“ — Г-жа
Пленвилъ не могла удержатъся отъ радостнаго
восклицанія. — „Въ восемнадцать лѣтъ, продол-
жалъ духъ, за нее будетъ свататься человекъ
весьма богатый: тогда, окруженная уваженіемъ
и завистію женщинъ, она вступитъ въ сердеч-
ный союзъ, и достигнетъ глубокой сшарости.“

„О дочь моя!“ воскликнула Г-жа Пленвилъ, вско-
чивъ со стула, чтобы бѣжать къ своему дншлю-

Томъ 2. № 112.

ти; по черныя крылья существа сверхъ-естественнаго, мгновенно распускаюся, и, окруживъ колыбель, препятствуюаъ ей къ оной приблизиться. Въ замѣшательствѣ она съла оплѣ подлѣ своего супруга.

„Но, продолжаетъ духъ, съ презрительною улыбой: неужели вы думаеае, вы, швари, низвергнутыя на землю для шпрандній, что наружная пріятность, изобиліе, даже самыя добродѣтели приносятъ счастье? Вы, родители юной Валерш съ умомъ столь проницательнымъ, вы сами употребите во зло ея способности, и похитите на зарѣ ея жизни безпечныя минуты ея дѣйства; общешніе возложите горестныя обязанности на сшо преждевременную супругу, и тѣ изъ ея пола, коимъ судьба благопріятствуетъ, покроуютъ презрѣніемъ молодую дѣвушку, которую состояніе принуждаеяъ къ умѣренности; судьба, безъ сомнѣнія, опмститъ за нее; ей представляяъ богатства; но нѣжное чувствительное сердце, которымъ Небо одарило ее, отвергнетъ бракъ, пропшвный ея чувствамъ; она остааается независимою, но въ бѣдності. Не совсѣмъ одобряя ея намѣреніе, вы однако жъ извините дочь столь добрую и подругу столь вѣрную! Сколько ошибокъ причиняаъ ей сн связь! Она будетъ искаать вокругъ себя души, которая была-бы достойна исключительной ея нѣжности, и вопъ находитъ ее въ человекѣ чувствительномъ; онъ любитъ также ее, но, послѣ двухъ лѣтъ борьбы и мученій, она видитъ

его къ себѣ равнодушнымъ; это равнодушіе тяготитъ ее, скука ее снѣдаетъ, юность скрыта, красота исчезаетъ; сами же вы ведете жизнь, близкую къ крайности; множество головъ, кромѣ вашихъ, укоряютъ Валерію въ томъ, что она опѣргла партію, которая-бы обезпечила ваше существованіе. Несчастливая плачетъ, съ ужасомъ видитъ продолжительную будущность, лишённую всѣхъ связей, которая ввергаетъ ее въ горестное одиночество. Не смотря на то, юноша съ пылкимъ умомъ влюбляется въ нее; она симъ пронута, и выходитъ за него; онъ бѣденъ, и долженъ пропитать жену трудами рукъ своихъ; чувствуя, несродныя душѣ возвышенной, уступающъ обязанности сносить семейственное бремя. Валерія чувствуетъ, что она въ тягость человѣку, поклявшемуся ей покровительствовать, но она его обожаетъ, Мужъ, соскучивъ ея нежностями, распочаётъ услуги свои другимъ женщинамъ. Никто болѣе не любитъ меня! восклицаетъ несчастная; смерть лишила меня троихъ дѣтей, которыя-бы отерли теперь мои слезы! Мужъ ея, посредникомъ торговыхъ оборотовъ, обогащается; это пища для его удовольствія; но для несчастной подруги его время очарованій прошло; сердце ея спраждаетъ, слезы уничтожили ея прелесть; блестящія способности ея исчезли. Вы получили наследство, и радуешесь ему; но ей не нужно богатство! Не смотря на то, она распочаётъ на бѣдныхъ свою помощь и золото; неблагодарность сихъ послѣднихъ есть новая рана для ея сердца; сосредоточивая свои горести, она ихъ удваиваетъ; но не хочешь открыть вамъ печаль, которую вы ясно видите сами. Оставленная человекомъ, ея любимымъ, обманутая мечтами своей юности, которыя предспавляли ей жизнь въ очаровательномъ зеркаль, какъ будетъ она переносить свое существованіе, и особенно, когда оно будетъ продолжительно? . . . “ —

„Нѣтъ!“ вскричалъ Пленвилъ; и, прежде нежели несчастная мать могла разгадать намѣреніе своего мужа, онъ въ бѣшенствѣ устремляется къ колыбели своей дочери, и не встрѣчая сопротивления, вонзаетъ ножъ въ сердце невиннаго созданія, восклицая: „ты избѣгнешь участи, общей всѣмъ людямъ!“ — Мать, въ безпамятствѣ, упадаетъ на окровавленное тѣло своей дочери, а духъ-предсказатель исчезаетъ,

Съ Франц: О. *Дельковъ,*

П Л А Т О Н Ъ

П Р И С Т А Р О М ъ Ф Р А Н Ц У З С К О М ъ Д В О Р ъ,

(Изъ *Цицковке.*)

Такъ называли всегда Карла де С. Мора, Герцога Монмальерскаго. Мало найдемъ людей, которые были-бы, какъ онъ, благородны, смѣлы, велики чистотою сердца, справедливы прошивъ друга и недруга — и мужественно-горды уступеней трона.

Въ лицѣ вѣкъ, по истинѣ, необходимо напоминать о томъ, что нѣкогда жили такіе люди! Философовъ видимъ мы теперь только на бумагѣ; добродѣтели любимъ только на Театрѣ.

„Послушайте, — сказала однажды Лудовикъ XIV де Ст. Мору; нѣсколько времени тому назадъ, я простилъ одного преступника, обвиненнаго въ убійствѣ; теперь онъ снова убилъ 19 человекъ — и я велю казнить его.“

— 19? отвѣчалъ Герцогъ: нѣтъ, Ваше Величество; этотъ преступникъ лишилъ жизни только одного человека; — остальные убиты Вами.“

Кто не подивится смѣлости сего благороднаго мужа, говорившаго эти слова Королю? Кто не подивится еще болѣе, что Король, всегда щесливый, Лудовикъ XIV выслушалъ горькую истину не морщась, и не разлюбилъ того, кто сказалъ ее.

Монтальберъ былъ главнымъ воспитателемъ Дофина. Извѣстенъ слѣдующій Анекдотъ:

Однажды показалось Дофину, что Герцогъ, въ досадѣ, толкнулъ его. — „Какъ, сударь: вы дерзаете!“ вскричалъ Дофинъ, и обратясь къ слугѣ продолжалъ: „принеси мнѣ пистолеты, сію минуту!“ — Слуга медлилъ. — „Принеси Принцу пистолеты!“ сказалъ Герцогъ съ своимъ обыкновеннымъ хладнокровіемъ. Ихъ принесли. Онъ подавъ ихъ Дофину, говоря равнодушно: „теперь что вы хотите дѣлать?“ — Принцъ почувствовалъ свою опрометчивость и упалъ къ ногамъ Герцога, который поцѣловалъ его, — „Видали-ли, до чего доводятъ страсти!“ сказалъ онъ.

Не столько, однако же, извѣсна слѣдующая верша: однажды Герцогъ привелъ своего царственного воспитанника въ бѣдный крестьянскій домъ. „Посмотрите, Принцъ, сказалъ онъ: подъ этою соломенною кровлею, въ этой полуразвалившейся хижинѣ, живутъ отецъ, мать и дѣти, которые трудятся безпрерывно, чтобы заплатить за то золото, которыми блестятъ ваши перстни,—и едва не умираютъ съ голода, чтобы вознаградить издержки вашего стола.“

Слагая съ себя званіе воспитателя, Герцогъ говорилъ Дофину: „Милостивый Государь! если вы человекъ благородный, то будете любить меня; если нѣтъ, то будете ненавидѣть меня. Въ обоихъ случаяхъ я найду себѣ утѣшеніе.“

Когда Дофинъ взялъ Филипсбургъ, Герцогъ писалъ къ нему слѣдующія строки, достойныя древняго Римлянина. „Милостивый Государь! За взятіе Филипсбурга я не скажу вамъ ничего лестнаго. Вы имѣли хорошую Армію, превосходную Артиллерію и — сверхъ того, *Вобона*. Еще менѣе могу я говорить объ оказанныхъ вами при томъ опытахъ присущствія духа и неустранимости: эти добродѣтели, наследственныя вашему дому. Но я радуюсь, видя васъ столько свободнымъ, благороднымъ и человѣколюбивымъ,

—радуюсь, что заслуги чужія вы ставите выше своихъ собственныхъ. За это я долженъ сказать вамъ привѣтствіе.“

Добрый Монтальберъ! Сію тридцать лѣтъ прошло уже, какъ онъ умеръ; но память его правоты проживетъ еще другихъ сто тридцать лѣтъ!..

Съ Нѣм. — и — итѣ.

С М Ъ Т Л И В Ы Й М У Ж Ъ .

Вздоръ всякой про себя болтать не запрещаютъ:
Агафьюшку мою хоть я не обожаю,
Но дѣло не въ любви; — зла, говорятъ враги;
Согласенъ — по мои заплашутъ всѣ долги.
Ольга.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

54. *Купеческій сынокъ или слѣдствія неблаго-разумнаго воспитанія.* Нравственно-сатирическій романъ, М., Въ Тип. Селивановскаго, 1830. Въ 12. (44 стран.)

Къ числу всѣхъ прочихъ глупыхъ подвиговъ купеческаго сынка, которые называются Авпоромъ слѣдствіями неблагоразумнаго воспитанія, надлежало-бы присовокупить и чтеніе подобныхъ негодныхъ сочиненій, негодныхъ и въ нравственномъ и либературномъ отношеніи: ибо содержаніе сей книжонки такъ-же отвратительно въ нравственномъ отношеніи, какъ негодны въ пѣническомъ отношеніи стихи, которыми она написана.

С М Ъ С Ъ .

Смотръ Журналамъ.
(Сообщено отъ Мав. Вл. Толской.)

— Въ 50-мъ Но. Лип. Газеты на стран. 114-й говорятъ, что замѣчаемыя нами въ другихъ пороки, соотвѣтственные съ нашими, приносили намъ, по слабости человѣческой, недостойное, но нужное утѣшеніе: *а! и у нихъ то же!* — Съ этою истинною согласится всякій знатокъ человѣческаго сердца и житейской Философіи нашей. Мы на каждомъ шагѣ видимъ людей, которые съ шайнымъ душевнымъ утѣшеніемъ замѣчаютъ собственные свои недо-

спатки въ другихъ, и мысленно себѣ говорящъ:
a! и у нихъ то же! — Въ доказательство сему
 можно было-бы представить множество при-
 мѣровъ, являющихся намъ почти ежедневно въ
 свѣтской жизни, но я на сей разъ ограничусь
 только однимъ, журнальнымъ, довольно убеди-
 тельнымъ. Въ объявленіи о изданіи Литератур-
 ной Газеты было возвыщено, что въ ней не бу-
 деть мѣста критической перебранки. Публика
 сперва обрадовалась было сему извѣстію (какъ-
 бы позабывъ, что журнальнымъ объявленіямъ
 никогда не должно вѣрять), думалъ, что Лит.
 Газета авось-либо будетъ заниматься своимъ
 предметомъ, т. е. Литературою. Другіе Жур-
 налисты, которые любили посчитаться между
 собою въ своихъ изданіяхъ, думали, что имъ на-
 должно будетъ, следуя похвальному примѣру Лит.
 Газеты, оставивъ эту привычку, неспосную для
 ихъ читателей; но попомъ увидѣвъ, что нѣко-
 торое число Писателей, которыми и для кото-
 рыхъ издается Лит. Газета, ввело въ употребле-
 ніе злѣйшій родъ журнальной брани, брани ал-
 легорической, и что сіи Писатели, не менѣе
 другихъ, причастны общему грѣху, т. е. гово-
 рятъ хорошее только о самихъ себѣ, а дурное
 вообще о людяхъ, не принадлежащихъ къ ихъ
 приходу, — теперь тѣ Журналисты, указывая
 на упомянутое нѣкоторое число Писателей, съ
 видимымъ удовольствіемъ восклицаютъ: *a! и у
 нихъ то же!*

— Въ 35-мъ Но. Дамскаго Журнала я встрѣ-
 тила стишки, названіе которыхъ меня поразило:
Къ Пушкину Герою. Вотъ они:

Поэзія и храбрость были
 Всегда сестрами, и всегда
 Другъ дружкѣ ревностно служили;
 Не раздружились никогда,
 И лишь для лавра вѣчно жили;

Такъ мудро-ли, что Герой
 Любилу Феба брать родной.

Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: я до сихъ
 поръ совершенно не знала, что въ числѣ нашихъ
 отличныхъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя бл.
 спасительными подвигами, есть Г. Пушкинъ.
 Знала я, что именуемый въ сихъ стишкахъ
 любимцемъ Феба, А. С. Пушкинъ, нерѣдко успѣ-
 шно воюетъ съ пропивниками своими подъ зна-
 менами Лит. Газеты; но о героизмъ роднаго
 брата его, я, къ стыду моему, была по сіе
 время въ совершенномъ невѣденіи; и для того
 спала теперь пересматривающъ всѣ реляціи, быв-
 шія съ начала до конца обѣихъ послѣднихъ войнъ,
 Персидской и Турецкой: авось-либо найду что
 нибудь о подвигахъ Г. Пушкина.

М О Д Ы. (*Парижскія.*)

(10 Сентября и с.)

— Утренній нарядъ составляютъ: ридепоны
 изъ цвѣтной шелковой матеріи или капоты изъ
 gros de Naples и шелковыя черныя ботики.

— Вообще всѣ прически *молодыхъ* дѣвицъ бы-
 ваютъ à la Chinoise. *Молодые* дамы убираютъ
 голову косою въ видѣ короны или двухъ букетовъ,
 которые укрѣпляются гребенкою.

Модные вещи. Хотя многія галантерейныя
 вещи дѣлаются изъ эмали прехъ цвѣтсовъ, но
 въ скоромъ времени они замѣнятся синею эмалью
 съ золотомъ. Дамы носятъ за поясомъ флаконы
 въ готическомъ вкусѣ. Серьги дѣлаются большой
 величины и различнаго вида: многія бываютъ изъ
 золота и разныхъ камней; но болѣе всего за-
 мѣчательнѣе серьги въ видѣ виноградной лозы.

Логогрифъ въ прошедшемъ Но. значить: *сегте,*
 гдѣ находятся слова: *сегте, мер, Марс, сарте, арте*
 и *ате.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаммъ и пят-
ницамъ.

№ 113.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 19 СЕНТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

БѢДНЫЙ ПЕТРЪ Б—НЪ.

(Истинное происшествіе.)

Если вы были когда нибудь за городомъ, въ прелестныхъ окрестностяхъ Петербурга, то были, конечно, и въ П—въ, любовались его живописнымъ положеніемъ, и опдыхали въ шибисшой роцѣ его. Можеть быть, вы помните небольшой сугробъ земли, возвышающійся шагахъ въ тридцати отъ дороги — это могила бѣднаго Петра Б—на, человека, котораго, если и не былъ-бы, какъ сказалъ Карамзинъ, украшеніемъ отечества Сократовъ и Платоновъ, но имѣлъ, по крайней мѣрѣ, сердце, образованное рукою Музы и Грацій — по выраженію того-же Писателя. — Хотите-ли знать исторію несчастнаго?—Сядитесь ео мною у камна, у котораго Петръ шакъ часто со мною сживалъ, и вслушайте слѣдующую повѣсть:

Петръ былъ сынъ одного достаточнаго помещика Нижегородской Губерніи. Въ самыхъ первыхъ лѣтахъ дѣтства своего, онъ былъ отданъ въ домъ одного изъ опцевыхъ родственниковъ, для воспитанія вмѣстѣ съ сыномъ сего послѣдняго. Петръ имѣлъ способности, если не чрезвычайныя, то, по крайней мѣрѣ не шакія, которыхъ доводятъ людей до Типулярнаго Совѣтника, какъ-бы до предѣла земныхъ желаній: безъ большой трудности успѣлъ онъ въ нѣсколь-
ко мѣсяцевъ выучиться по-Французски и по-Ан-

глійски, шакъ что могъ читатьъ всѣхъ Ави-
ровъ, находившихся въ библіотекѣ дяди его; эпо-
го мало: онъ умѣлъ уже чувствовать шакъ, какъ
они чувствовали — и эпо-по низвело несчастна-
го въ раннюю могилу, которую вы видѣли. За-
ински Франклина, книга Руссо du Contrat Social, и
пр., и пр. шакъ сильно дѣйствовали на воображеніе
ребенка, что будучи двѣнадцать лѣтъ отъ роду,
съ пятью рублями и въ бурную осеннюю ночь,
онъ, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ,
рѣшился бѣжать изъ дома отца сего послѣдня-
го — чтобы просвѣщать дикія племена Сибири;
въ Нижнемъ Новгородѣ должны они были — дѣ-
ши отъ 12-ти до 13-ти лѣтъ — овладѣть бар-
кою, и плыть на ней по Волгѣ. Рѣшились — и
вошли, ночью, даже безъ шляпъ, доставая колю-
рыя, они могли-бы быть замѣчены. Предоста-
вляю глубокомысленнымъ Философамъ нашего
просвѣщеннаго столѣтія рѣшить, какое было
бы послѣдствіе ихъ побѣга, если-бы оному не
воспрепятствовали при самомъ началѣ. Я на сей
разъ скажу только, что шалуновъ, на другой
день, догнали въ Нижнемъ, въ рядахъ, покупаю-
щихъ себя фуражки — привезли домой — высѣк-
ли, и шѣмъ кончился походъ.

Время шекло. Петръ достигъ уже того воз-
раста, въ котораго обыкновенно всступаютъ у
насъ молодые люди въ общественныя заведенія
— для того, чтобы побывать въ нихъ. Отецъ
Петра отвезъ его въ одно изъ лучшихъ воспит-

тательныхъ заведеній въ Россіи, которое, въ печеніе полуѣвка, производило великихъ Писателей и людей Государственныхъ (*), и гдѣ я узналъ Петра. Тамъ слушали мы съ нимъ учителя Исторіи, объясняющаго намъ, съ важно-стію, какъ Ольга привязывала зажженныя пипки къ ногамъ голубей, споль извѣстныхъ во всѣхъ книжкахъ *для народныхъ училищъ*; тамъ же слушали мы и знаменитаго Мерзлякова, коего лишилась Россія недавно, и покойнаго Пельпа, научившаго насъ читать Ламаршина и Виктора Гюго.

Въ печеніе шести лѣтъ посѣщали мы съ нимъ классическія (если можно такъ выразиться) лавки Пансіона. Эти шесть лѣтъ прошли — и насъ выпустили съ чинами и — не съ пустою душою. Каждый изъ вышедшихъ учениковъ спѣшилъ въ деревню, въ обѣятил родителей, а оттуда на службу опечеству. Блаженъ попъ, для кого слова сн священнѣе его жизни: блаженъ-бы былъ и Петръ; но судьба часто противорѣчитъ намъ, и наше дѣло — ей покорствовать.

Петръ явился къ одному изъ здѣшнихъ вельможъ, съ письмомъ отъ отца своего, который служилъ съ нимъ вмѣстѣ во время оно. Письмо было распечатано, прочтено — и Петръ опредѣленъ въ число *Капцеллярскихъ Чиновниковъ НА СЕЙ РАЗЪ безъ жалованья*. Отецъ Петра хотѣя и имѣлъ состояніе, но, какъ обыкновенно водится, боялся давать много денегъ своему сыну — и почти не давалъ ихъ вовсе. Вскорѣ Петръ узналъ и значеніе слова *НА СЕЙ РАЗЪ*, когда ему объяснили, что года черезъ полтора онъ можетъ надѣяться получать 400 или 450 р. въ годъ, если только будетъ спараться исправить свой *погержъ*, и угождатьъ

спаршимъ. „Господи!“ воскликнулъ Б — и, неужели въ помъ состояло мое предназначеніе, чтобъ за нѣсколько сотъ рублей обречь себя жалкому жребію копінста!.. Нѣтъ, лучше рѣшусь умереть съ голода, нежели буду имѣть шершнѣе пипаться работою, къ которой надобно привыкать, и для которой умъ столько же нуженъ, какъ теорія Живописи для маляра, красящаго крышу.“ — Ни я, ни другіе поварищи несчастнаго, не могли увѣрить его, что надобно покоряться обстоятельствомъ, и пр. Онъ вышелъ въ опшавку; сперва впалъ въ задумчивость — попомъ въ помъ ужасный порокъ, который непростипеленъ и въ Гофманъ. Это продолжалось около трехъ мѣсяцевъ. . . .

Однажды вечеромъ онъ приходитъ ко мнѣ. „Знаешь-ли, сказалъ онъ, что я нашелъ средство избавишься отъ моего положенія!“ — и улыбка, непредвѣщавшая ничего добраго, показалась на устахъ его. — Но средство сіе было для меня тайною, по крайней мѣрѣ, въ печеніе трехъ дней.

На претпій день послѣ того приходитъ ко мнѣ Полицейскій Офицеръ, съ объявленіемъ, что *по производилемуся слѣдственному дѣлу, обзубитомъ на дуэли Б — ил*, нуженъ я къ допросу (*), и чтобъ завпра явился въ назначенное мѣсто.

Несчастный, рѣшившись умереть, не желалъ однако жъ, послѣ смерти своей, сдѣлаться въ общемъ мнѣніи своихъ друзей и родственниковъ самоубійцею, — и уговорилъ брата своего (того самаго, съ которымъ хотѣлъ нѣкогда просвѣщать Сибирскихъ дикарей) выдти съ нимъ на мнимую дуэль, по еспѣ разгласить о семъ слухъ. Сей послѣдній, легкомысленный юноша, не въ состояніи будучи опклонить его отъ ужаснаго

(*) Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ въ 1830-мъ году назначенъ въ общій составъ Губернскихъ Гимназій.

(*) По поводу одной моей записки, писанной мною къ нему о просимой имъ у меня для чтенія книгъ. Записку сію слуга покойнаго предсдѣвлялъ при производствѣ слѣдствія.

намъренія, общалъ ему исполнить безразсудную сію просьбу.

Въ день ужасной и странной смерти бѣднаго Петра, я каждый годъ хожу на его могилу: память слезы мои мѣшаются съ упренною росой — память вы найдете и цвѣтокъ, которыми я сего дня упрямъ украсилъ могилу моего друга, если осенній вѣтеръ не свѣялъ его.

— тѣ — въ.

9-го Сентября, 1830 г.

ПѢСНЬ ВОИНОВЪ,

ВОЗВРАТИВШИХСЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВО.

Опять предъ нами край нашъ милый,
Отчизна, Русская страна!
Ура! ура! ужъ вѣтръ родимый
Развѣялъ наши знамена!..

Ура! благословенный край!
Сіимъ лучами новой славы,
И поржесивуи нашъ НИКОЛАЙ,
Опець и Царь Святой Державы.

О Русь, увѣчанная славой!
Твоя хвала въ горахъ гремитъ;
Гордился надъ швоей Державой
Орелъ вновь съ лаврами паритъ!

Ура! благословенный край! и проч.

Побѣды знамя водрузили
Твои сыны, преидя Балканъ;
Свободу Грекамъ возвратили,
Смирли гордыхъ Музульманъ.

Ура! благословенный край! и проч.

Ликуй Паскевичъ-Эриванской! —
Ты вѣрный щитъ страны родной.
Ликуй ты Дибичъ-Забалкауской,
Россіи честь и Вождь-Герой! —

Ура! благословенный край! и проч.

Друзья! Творцу опъ насъ моливши;
Опъ насъ щипомъ своимъ хранилъ;
Опъ насъ хранилъ на полѣ битвы,
И нашу честь благословилъ.

Ура! благословенный край!

Сіимъ лучами новой славы;

И поржесивуи нашъ НИКОЛАЙ,

Опець и Царь Святой Державы.

М. Федоровъ.

Писано въ Лаг. при М Ренни,

13 Мая, 1830 г.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

55. *Цитра или мѣлкія стихотворенія. I. Гру*
— нова. Москва, въ Тип. Рѣшешникова, 1830 г.

Въ 16. (35 стр.)

Трудно опредѣлить степень безграмотности. Сочинителя сихъ нелѣпостей, которыхъ названы имъ на заглавномъ листѣ стихотвореніями. Онъ не умѣетъ писать, а между тѣмъ напечаталъ свое маранье; онъ не знаетъ даже и размѣра, а между тѣмъ думаетъ, что пишетъ стихи. Принимая Грамматику (говоримъ безъ всякихъ преувеличеній!) за звѣря, онъ рассуждаетъ о Спарпанкахъ, объ оріонѣ, о Момусѣ, о Юге и Севѣрѣ. Если на заглавномъ листкѣ сей книжки пѣтъ ошибокъ, то за сіе I. Гру — новъ, безъ всякаго сомнѣнія, обязанъ смѣшливому наборщику Типографіи Рѣшешникова, который, вѣрояшно, набралъ заглавіе, руководствуясь собственнымъ знаніемъ правописанія; ибо, въ противномъ случаѣ, заглавіе было-бы съ оригинала набрано такъ: *цитра или мѣлкія стихотворенія*. Повторяемъ, что мы говоримъ безъ всякихъ преувеличеній, и въ доказательство представимъ нѣсколько жалкихъ примѣровъ, которые взяты нами изъ этой книжончки безъ всякаго выбора, а на удачу, какъ открывались страницки:

8-я Въ ужасно — страшноемъ смяшещи..

20— И уныльицъ очей . . . .

5— Довнымъ довно . . . .

5— Однажды въ другъ въ шуманомъ въ полѣ....

24— Я запятнать любовь хопѣтъ . . . .

18— Душа полна воспоминанья

О милыхъ сумрака часовъ. —

Она явилася ко мнѣ,

И при лампадномъ огнѣ

Во взорахъ зрѣлъ ея любовь . . . . .

6— Въ Черкасскъ дорога *должка!*—

7— Но вопль *далина* показалась . . . . .

27— Какъ *попакъ* спать . . . . .

35 (п. послѣдняя спрашичка) Я снова въ думу
погрушенъ . . . . .

7— И ужъ разсѣдланъ конь *рытливой*

И сено *вѣсть*.—

Довольно! . . Выписываятъ такъ сердцу больно! . . Въ образецъ безграмотности І. Гру—пова надлежало-бы перепечатать всю его книжонку, ибо почти нѣтъ ни одной спрочки, правильно написанной; о смыслѣ-же и Пинпикъ нашего Стихотворца и говоритъ нѣчего. Вопль *дѣло* стихотвореніе: *Грусть на Северъ*.

Младой орелъ крылами воздухъ разсѣкая, —
Лѣтъль на Югъ, на Югъ на родину мою.
Орелъ, царь пиниць, я съ грустью на себя взираю.
Хотѣлъ, желалъ имѣть бы быспрому швою.
О Боже! какъ бы подлѣтъль я въ край родимой
Какъ восхищался бѣ родной *всечтливой*,
И я бѣ въ восторкъ мѣлъ, прижавъ къ груди своей,
Всѣхъ, всѣхъ моихъ, душе не чуждыхъ, сердцу милыхъ
Но замѣчался я въ кручинѣ злой моей.
Мнѣ должно жить и жизнь влечить средь дней
ушмыхъ.

Чрезвычайно было трудно списывать это стихотвореніе: того гляди, что иной спикъ ошибкою напишешь правильно

Спрашивается: не унижаешь-ли все это нашей Словесности? . . Не надлежало-бы решаться печатать такихъ уродливостей? . . Спидно, еударь, І. Гру — повъ, смѣдно! . .

С М Ъ С Б.

— Съ самаго начала изданія Меркурія, Furet дѣлаетъ на него выходки, разумѣется, неимѣю-

щія никакого основанія. Нѣкоторые изъ нихъ удосвоены отъ Меркурія отвѣтомъ; но Furet, пользуясь имъ неумѣстнымъ, со стороны Меркурія, снисхожденіемъ, хвалился *нѣтъ* этимъ обенюпательствомъ предъ своими чипапслями, увѣряя ихъ, будто-бы Меркурій бросаетъ ему перчатку, которую, впрочемъ, подыять неудобно. Очевидно, что Furet несправедливо упрекаетъ Меркурія въ незнаніи законовъ рыцарства: ибо сей послѣдній, сохраняя надлежащее къ себѣ уваженіе, не спавептъ бросать перчатки тѣмъ, которые не имѣютъ права участвовать въ иппе-ражурномъ иурнирѣ.

— Одиатъ начальникъ, досадуя, что его подчиненные опзываются иногда болѣзнию въ тѣ дни, въ которые назначаются для какихъ нибудь обязанностей по службѣ, — придумалъ слѣдующее постановленіе, для непремѣннаго исполненія на будущее время: „чтобы всѣ они доносили о своей болѣзни, *за два дни до оной*.“

— Недѣли три тому назадъ, Издатель Меркурія получилъ статью при огромномъ письмѣ, въ которомъ Сочинитель, исчисляя различные достоинства своей статьи, просилъ о скорѣйшемъ ея напечатаніи. Недѣлю спустя послѣ того, Сочинитель прислалъ также огромное письмо, въ которомъ излагался вопросъ: почему статья его по сіе время не напечатана? Опять недѣлю спустя, Сочинитель написалъ письмо нѣсколько покороче, въ которомъ повторялся прежній вопросъ. Наконецъ претрѣяго дня, въ среду, Издатель Мерк. получилъ отъ него маленькое письмецо, состоящее въ слѣдующихъ словахъ: „М. Г.! Не видя по сіе время напечатанною моею статьею, я долженъ думать, что она плоха.“ — Насилу догадался!—

СЪВЕРШЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 114.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 22 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ИСТОРИЯ ИНВАЛИДА.

(Изъ Голдсмитта.)

Весьма справедливо замѣчено, что одна полови-
на свѣта вовсе не знаетъ, какимъ образомъ лю-
ди ведутъ жизнь въ другой его половинѣ. Несча-
стия людей случайныхъ, преувеличиваемыя раз-
сказами, обращаютъ на себя наше вниманіе, и
каждый изъ насъ принимаетъ участіе въ спра-
дальцахъ знаменитыхъ, копорые подъ игмомъ бѣд-
ствія имѣютъ по крайней мѣрѣ ту опраду,
что объ нихъ съ удивленіемъ соболззуютъ.

Нельзя назвать великодушнѣмъ твердое пере-
несеніе несчастій, когда цѣлый міръ, такъ ска-
завъ, на нихъ смотритъ: въ подобномъ случаѣ
человѣкъ можетъ казаться непоколебимымъ опъ
щеславил. Тотъ истинно великъ, кто предохра-
няется бѣдствіемъ, находясь въ совершенной неиз-
вѣстности, не имѣя ни друзей, копорые бѣ его
ободрили, ни знакомыхъ, копорые бѣ объ немъ
сожалѣли, ни даже способовъ къ облегченію своей
участи: такой герой, кпобъ онъ ни былъ, вель-
можа или поселянинъ, заслуживаетъ равное уди-
вленіе и досповнѣ подражанія.

Между тѣмъ, какъ малѣйшія неудачи у людей
великихъ считаются несчастіемъ, между тѣмъ
какъ записные краснобай высокопарно разглаголь-
спвуютъ о своихъ страданіяхъ, — горькая у-
часть бѣдняковъ остается въ безмасности; хо-
тя нѣкоторые изъ простаго сословія въ одинъ

день испытываютъ гораздо больше непріятно-
стей, нежели иной баричъ въ продолженіе цѣлой
жизни. Непоспнжимо, какія трудности перено-
сятъ наши мапросы и солдапы, безъ всякаго
ропота на Провидѣніе и безъ свидѣтелей ихъ
неуспрашимости. Каждый день для нихъ есть
день новыхъ испытаній, и они спокойно поко-
риются судьбѣ своей.

Не прискорбно-ли слышатъ жалобы нашихъ
Цицероновъ и Овидіевъ, когда они, имѣя пріюпъ,
работныхъ слугъ и вообще способы къ поддер-
жанію жизни, изволятъ сокрушаться и называтъ
бѣдою то единственно, что имъ не удалось осмо-
трѣть какого нибудь уголка земли, пріятности
котораго они опредѣлили въ собственномъ вообра-
женіи. Ихъ горе почти бѣ радостью иные, ски-
тающіеся безъ друга-упѣнителя, копорый-бы
могъ подать имъ руку помощи, и находящіеся
нерѣдко безъ пристанища, гдѣ бѣ можно было
укрыться опъ суровости погоды.

Поводомъ къ симъ размышленіямъ послужила
встрѣча моя съ инвалидомъ, въ мапросскомъ пла-
тьѣ, на деревянной ногѣ, просящимъ милостыню
въ одномъ изъ городскихъ переулковъ. Онъ былъ
съ дѣтства извѣстенъ мнѣ за человѣка честна-
го и трудолюбиваго, и пошому я любопытство-
валъ знать, что довело его до настоящаго поло-
женія. Такимъ образомъ, давши ему то, что
было для него всего нужнее, я спалъ. разпра-
шивавъ у него о его приключеніяхъ, и мой ин-

валишь, опершись на костыль и пряхнувь головою, такъ началъ разсказывать испорцію своей жизни:

„Грѣшно было-бы мнѣ горевать о своемъ положеніи; другой еще больше меня наперпѣлся бѣды на бѣломъ свѣтѣ; я всего-то потерялъ ногу, да принужденъ просить милосердію; а впрочемъ, благодарю Создателя, ни на что не могу пожаловаться; вошь Билль Тибсъ, мой товарищъ, потерялъ двѣ ноги, да глазъ въ добавокъ къ этому: опъ чего меня Богъ миловалъ,

„Я родился въ Шропширѣ отъ крестьянина, и по смерти его остался пяти лѣтъ. По нашимъ обыкновениямъ приходъ долженъ былъ взять меня на свое попеченіе (*); но какъ отецъ мой былъ человекъ испосѣдой, то земляки мои не знали ни того, къ какому приходу принадлежу я, ни того, гдѣ родился; и потому они спроваживали меня изъ одного прихода въ другой, а изъ другого въ третій, и, какъ мнѣ казалось, не хотѣли будто вѣрить тому, что я гдѣ нибудь да родился. Наконецъ, какъ-бы ни было, меня пристроили къ мѣсту. Я имѣлъ нѣкоторую склонность къ ученью, и мнѣ хотѣлось узнать по крайней мѣрѣ свою грамоту; но мой надзирапель засадилъ меня совсѣмъ за другую работу, когда я вошелъ въ сѣну владѣть молотками; при всемъ томъ я пять лѣтъ прожилъ весело: работалъ въ день только десять часовъ и шутками своими кормилъ себя. Правда, меня нигуда не выпускали изъ дома, въ которомъ я помещенъ былъ, на случай, чтобъ я совсѣмъ съ нимъ не расклаивался; но въ этомъ не велика еще важность: вѣдь я свободно могъ разгуливать по тому дому, да шага на два, на три, за воротами: чего жъ еще

(*) По Англійскому постановленію каждый гражданинъ, прожившій годъ въ одномъ приходѣ, или родившійся въ ономъ, при бѣдности, имѣетъ право на полученіе вспоможенія отъ того прихода. На сей предметъ устроены особые дома, называемые Workhouses. *Прим. Пер.*

больше! Послѣ меня отдали въ работу къ опкупщику; у него я былъ и рано утромъ, и поздно вечеромъ, но пить-ѣсть доставалось мнѣ вдоволь, и я трудился охотно.

„Вошь, когда онъ умеръ, мнѣ пришлось самому о себѣ подумать, и я рѣшился поискать счастья. Я переходилъ изъ города въ городъ, занимался работою, когда находилъ ея, и умиралъ съ голоду, если ея не было. Однажды случилось мнѣ идти чрезъ поле мирнаго Судьи. Гляжу, по пропикѣ прямо прошивъ меня бѣжитъ кроликъ; бѣсъ вѣрно меня надоумилъ пуститься въ эпаго звѣренка моей палкой; и чпожъ изъ того вышло? я положилъ кролика на мѣстѣ и взялъ быдо его съ собою; но вдругъ попадаеися мнѣ на встрѣчу самъ Мирный Судья, называетъ меня браконіеромъ, бездѣльникомъ, и схвативъ за-воротъ, требуетъ, чтобъ я отвѣчалъ ему, кто я такой. Упавъ на колѣни, я просилъ у Его Высокомочія прощенія, и разсказалъ о себѣ все, что только зналъ по сущей справедливости; но, не смотря на это, Судья сказалъ, что ошвѣты мои неудоветворительны и представилъ меня въ Судъ. Тамъ я былъ обвиненъ въ томъ, что я бѣденъ, и попомъ опосланъ, какъ бродяга, въ Ньюгартъ(*).

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

Н О В Ы Я К Н И Г И.

56. *Гиперіонъ*. С. П. бургъ, въ Тип. Депарш. Народн. Просв., 1830. Въ 16. (38 стран.)

Гиперіонъ, слово Греческое, изъ котораго Французы произвели *гупессе*, значить гаремъ, отдѣльное мѣсто въ домѣ, опредѣленное для пребыванія женскаго пола. Этимъ именемъ названа сія книжка потому, что каждое изъ помещенныхъ въ оной стихотвореній, носитъ имя какой нибудь женщины. Всѣхъ стихотвореній напечатано въ этой книжкѣ 16. Наша Словесность

(*) Тюрьма для пресупниковъ въ Лондонѣ.

еще весьма небогата произведеніями Греческой Анеологии. Самыя примѣчательныя изъ нихъ на Русскомъ языкѣ принадлежатъ Баптишкову, издавшему нѣсколько таковыхъ въ особой книжкѣ подъ названіемъ: *О Греческой Анеологии*, которая по весьма малому количеству экземпляровъ, въ числѣ коихъ была напечатана, принѣ чрезвычайно рѣдка. Помѣщенныя въ Гипекіона Анеологическія бездѣлки суть болѣе подражанія, нежели переводы, и подражанія, не совсѣмъ удачныя. Два лучшія изъ нихъ, по нашему мнѣнію, выпи-
сываемъ.

III. *Хрисилла.* (Стран. 9.)

(*Антипатра Тессалонійскаго.*)

Улыбасяся девица,
О Хрисилла, ужь пишушь
Подаль вѣсть, и упрезища
Зарумянилась вокругъ.
Прочь, завистливая пища,
Ты испревожила мой слухъ.
Я, любовью пламеняя,
Ликовалъ въ восторгахъ почь!
О Титонъ, Титонъ! дряхляя
Рано съ ложа Гименяя
Ты Аврору гонишь прочь.

IV. *Ксанѳа.* (Стран. II.)

(*Филодила.*)

Росой оливы благовоной
Филена, свѣщникъ *напои* (*)!
Онъ нашихъ тайнъ посредникъ скромной,
Онъ тихо свѣтитъ для любви.
Но выдь, и двери за собою
Захлопни твердою рукою.
Живыхъ свидѣтелей Эропъ
Въ лукавой робости стыдится!
О Кеанѳа! даже насъ зовещъ,
Съ курильницъ понокій парь клубится,
Скорѣй въ объятія ко мнѣ!
А ты, жена, открой зѣницы,
Всю прелесть Пифоса царицы
Узнѣешь, милая, вполнѣ.

(*) Какъ дурно! *Сог.*

Если это первый опытъ со стороны Изда-
теля Гипекіона, то можно еще надѣяться на
будущій успѣхъ въ пѣтическихъ его занятіяхъ:
чего искренно и желаемъ ему.

С М Ъ С Ъ.

Смотрѣ Журналамъ.

(*Сообщено отъ Мав. Вл. Толской.*)

— Въ 13-й книжкѣ Московскаго Вѣстника на
спран. 7-й я съ удовольствіемъ прочитала замѣ-
чательное произведеніе Г. Шевырева: *Поэты.*

Какъ гусь, подбитый валеху,
Вдичишься стихъ его безъ крылій;
По напряженному лицу
Текутъ слѣды его усилій.
Его послѣ муки голова
Стихами шажко разродилась:
Въ нихъ рюма рюмъ покорилась
И шумно стрѣпулись слова.

Не въ свѣтлыхъ снахъ воображенья
Его Поэзія живетъ;
Не въ нихъ онъ ловишь нѣ видѣнья,
Что въ звукахъ намъ перъ дастъ;
Но въ душевой кузницѣ терпѣнья,
Стихомъ, какъ молотомъ, спуща,
Куетъ онъ съ дюжого плеча
Свои чугуныя творенья.

Это стихотвореніе именно сковано дюжимъ
плечомъ. Желательно, чтобы оно возродило вдо-
хновеніе во многихъ щедушныхъ поклонникахъ
Аполлона, которые, подобно дѣтямъ, слѣпляютъ
карточныя домики, разваливающіеся при первой
зѣвотѣ чинапеля.

— Въ той же книжкѣ М. В., въ описаніи быв-
шаго 28 Іюля въ домъ Г. Московскаго Генераль-
Губернатора праздника, который начался концер-
томъ, а кончился баломъ, Авторъ, упоминая о
Г-жѣ Зонштагъ, также присутствовавшей на семъ
праздникѣ, когда она, „утомленная отъ панцевъ,
сидилась, то эгоистическое чувство, вопреки
совѣсти, подсылало панцоровъ къ ней съ но-

вымъ приглашеніемъ“ — говоритъ (стр. 92-я), что „я стройная *пожка* лепала безъ опдыха въ кругу танцующихъ.“ Въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, для опредѣлительности смысла, надлежало-бы объяснить: *къ которой* именно ножкѣ Г-жи Зонпагъ относится означенное привѣтствіе Автора статьи?..

— Въ 29, 30, 31 и 32 книжкахъ Сына Отечества напечатана прекрасная по слогу и содержанію повѣсть: *Испытаніе*.

— Въ кампанію 1812 года, Генералъ Б***, желая переговорить лично съ Генераломъ Л*** о нѣкоторыхъ предполагавшихся распоряженіяхъ, отправился къ нему самъ и нашелъ его за чтеніемъ одного иностраннаго Журнала. Генералъ Б***, съвѣ, началъ объяснять желаемое. Въ продолженіе его рѣчи, Генералъ Л*** поглядывалъ то на него, то на Журналъ, бывшій у него въ рукахъ. Когда топъ кончилъ, Генералъ Л***, ударивъ рукою по столу, вскричалъ: „Ахъ! какъ это глупо!“ — „Какъ, глупо?“ возразилъ всплывчиво Генералъ Б***: „и вы смѣете сказать эпю мнѣ, своему начальнику?“ — „Разумѣется, глупо“ — отвѣчалъ хладнокровно Генералъ Л***, подавая ему Журналъ: „прочтите и опгадайте.“

Всему причиною была шарада, которал не понравилась Генералу Л***.

— Многіе, читалъ въ разныхъ Журналахъ статьи однихъ и тѣхъ же лицъ, начинающихъ знакомиться съ авторскимъ поприщемъ, всегда находилъ большое различіе въ липературномъ ихъ достоинствѣ, и часто не знаютъ истинной сему причины, которал, впрочемъ, весьма удобопонятна. По печатаемымъ въ одномъ Журналѣ оригинальнымъ или переводнымъ статьямъ N,

можно иногда заключить, что онъ имѣетъ нѣкоторую способность къ авторскому ремеслу: ибо въ его статьяхъ видны слогъ, грамматическое знаніе языка, достаточное свѣдѣніе общезипія и нерѣдко мѣлкаешъ остроуміе. Между тѣмъ и въ другомъ Журналѣ печатаются статьи эпюго же N, въ которыхъ каждая строчка удоставляетъ читателей въ совершенной его безграмотности: онъ испсщренъ безчисленнымъ множествомъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, наполненъ выходками противъ приличія, убѣждающими въ совершенной невоспитанности Сочинителя, и обличающими его скудоуміе и незнаніе обращенія въ самомъ посредственномъ обществѣ, не говоря уже о хорошемъ. Видя опвратительное безобразіе въ обоихъ отношеніяхъ, правдивномъ и липературномъ, невольно иногда подумаешь, что читаешь статью практирнаго маркера, а не человека, хопъ изрѣдка обращающагося съ порядочными людьми, и получившаго образованіе хопъ въ Уѣздномъ Училищѣ. „Опъ чего же такое большое различіе въ статьяхъ одного и того-же человека, печатаемыхъ въ двухъ разныхъ Журналахъ?“ спросилъ читателя. Все дѣло зависить опъ Издателей сихъ Журналовъ, мм. гг.: одинъ изъ нихъ помѣщаетъ статьи N почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ доставляетъ, развѣ съ самыми неважными только перемѣнами; а другой перемарываетъ ихъ съ первой строчки до послѣдней, и такимъ образомъ, выпуская ихъ въ свѣтъ въ собственномъ своемъ нарядѣ, дѣлаешъ изъ негоднаго что нибудь порядочное.

Погрѣшность. Въ прошедшемъ No. Свѣ. М. на стр. 140-й, въ лѣвомъ столбцѣ, въ 5-й строкѣ снизу ошибкою напечатано: Не надлежало-бы решаться, ви.: Не надлежало-бы не рѣшались.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пяти-
ницамъ.

№ 115.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 №№.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 24 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА.

ИСТОРИЯ ИНВАЛИДА.

(Изъ Голдсмита.)

(Окончаніе.)

„Другимъ вольно судить о шпорьмахъ, какъ угодно, а я право нигдѣ такъ пріятно не проводилъ время, какъ въ Ньюгамъ: хлѣба-соли имѣлъ я въ волю, такъ что ѣшь-не хочу, а дѣла никакого: этакъ хорошо-бы цѣлый вѣкъ прожить. Изъ шпорьмы меня оправили на корабль съ двумя стами товаровъ, въ колоніи. Поездка наша была неудачна; насъ всѣхъ заперли въ одинъ пріюмъ и болѣе сна челоуѣкъ перемерло отъ дурнаго воздуха; которые-же и остались въ живыхъ, по Богу извѣстно, какъ исхулами. Лишь только мы пристали къ берегу, такъ въ тоже время насъ и сбыли. Меня продали на семь лѣтъ, и какъ я грамотъ не зналъ, то и былъ присужденъ работать съ Неграми: эти семь лѣтъ я прослужилъ вѣрой и правдой; когда жъ послѣдній годъ моей неволи минулъ, я съѣлъ на корабль и за труды перевезенъ былъ на родину. Я всегда любилъ свое отечество, и потому радовался, что увидѣлъ снова старую Англію; болѣе однако, чтобы опять не сочли меня бродягой, я уже не ходилъ по деревнямъ, а проживалъ около городовъ, и, при удобномъ случаѣ, работалъ разныя бездѣлюшки.

„Въ этомъ положеніи я считалъ себя счастливымъ до той поры, какъ однажды вечеромъ,

Голъ 2. № 115.

возвращаясь домой съ работы, былъ схваченъ вербовщиками мапросовъ (*). Они представили меня въ Судъ, и какъ я оный не могъ о себѣ сказать ничего обстоятельнаго, то мнѣ и дали выбирать любое: идти въ мапросы или солдаты. Я выбралъ послѣднее, и въ благородномъ званіи солдата выслужилъ двѣ кампаніи во Фландріи, былъ въ сраженіяхъ при Ватти и Фонтенебло, и получилъ только одну рану, вошь сюда въ грудь; но полковой лекарь скоро меня тогда поставилъ опять на ноги.

„По заключеніи мира, я выпущенъ былъ въ отставку и записался въ службу Веспъ-Индской Компаніи: шутить я дрался съ Французами въ тесни жаркихъ сраженіяхъ, и безъ хвастовства скажу, что умѣй я писать, да читать, то Капитанъ нашъ вѣрно произвелъ-бы меня въ капралы; но не моя была участь возвышаться въ своемъ званіи. Сдѣлавшись хворъ я собрался домой съ срока фунтами сперминговъ. Это было въ началъ новой войны, и я надѣялся, что на сушѣ промолчаю въ удовольствіе свое накопленные мною денежки. Но Правительство пуждалось въ людяхъ,

(*) Въ Англіи начальники военныхъ кораблей имѣютъ право разсылать своихъ подчиненныхъ для набранія людей, бывшихъ уже на морѣ мапросами, и сіи обязаны служить Государству, если оно имѣетъ въ нихъ нужду; кромѣ того берущся въ мапросы занимающіеся какимъ нибудь ремесломъ или иемьющіе способовъ къ своему пропитанію.
Прим. Шер.

и я опять был схваченъ въ матросы, прежде нежели успѣлъ спуститься на землю. Подкиперъ считалъ меня преупрямымъ и клялся, что я будто знаю свое дѣло, тогда какъ не грѣхъ побожиться, что я на морь не зналъ ни бельмеса; вмѣстѣ съ нѣмъ тотъ же Подкиперъ, подозрѣвая меня въ лѣнности, и что я прикидываюсь только больнымъ, колошилъ меня ни за что ни про что. Впрочемъ сорокъ фунтовъ спердинговъ были еще при мнѣ, и они-то родные заставляли меня позабывать нѣсколько мои побой; эти денежки уцѣлѣли-бы при мнѣ до сихъ поръ, если бъ корабль нашъ не полонили Французы.

„Нашъ экипажъ приведенъ былъ въ Брестъ, и мною изъ насъ перемерло отъ непривычки жить въ тюрьмахъ. Мнѣ шакъ житье въ нихъ было съ пола-горя; это не первый уже спѣтъ былъ мнѣ на голову. Однажды ночью я спалъ на полу подъ теплымъ одеяломъ: я любилъ всегда укладываться по покойнѣй; вдругъ слышу, что меня будить Подкиперъ, держа въ рукѣ погашенный фонарь. „Какъ, говорилъ онъ; не хочешь ли разможжить черепы у Французскихъ караульныхъ? — „Пожалуй“ — отвѣчалъ я, спараясь разгудать сонъ свой. — „Ну такъ ступай за мной, продолжалъ онъ: надѣсь, что намъ доспадется поработать.“ — Тутъ я всталъ, завернулся въ свое одеяло, которое мнѣ замѣняло все, и мы отправились вмѣстѣ колошнить Французовъ: я никогда не могъ перпѣть ихъ за то, что они не такъ свободны, какъ мы, и носить деревянные башмаки.

„Съ нами не было никакого оружія; впрочемъ одинъ Англичанинъ управился съ пятерыми Французами. Вось мы дошли до двери, гдѣ спало двое часовыхъ; напали на нихъ, обезоружили ихъ и повалили на землю. Попомъ насъ девятеро бросилось къ набережной, и схвативъ первый попавшійся намъ ботъ, мы выбрались изъ гавани въ море: однако здѣсь не успѣли пробытъ трехъ

дней, какъ насъ полонилъ морской разбойникъ Дорсецъ, который конечно былъ радъ, добывши такихъ хватовъ. Мы рѣшились опдаться на произволь судьбы; но и на это разъ не были счастливы, какъ предполагали: вскорѣ напалъ на насъ другой морской-же разбойникъ Помпадуръ. Не смотря на то, что у него было сорокъ пушекъ, а у насъ только двадцать три, мы вступили съ нимъ въ сраженіе; дрались три часа битыхъ, и сказать правду-матку, вѣрно одолѣли бы нашего врага, если бъ только оставалось у насъ людей побольше, а то, по несчастью, переклошнили моихъ товарищей въ то время, когда побѣда совсѣмъ была на споронѣ нашей. Такимъ образомъ я еще разъ попался къ Французу, и думаю, что мнѣ доспалось-бы наперпѣться всякой всячины, если бъ меня сврвадали опять въ Брестъ; но къ счастью я вырученъ былъ нашимъ кораблемъ Англійскимъ. . . . Да! я и позабылъ еще сказать, что въ послѣднемъ сраженіи опорвало у меня ногу и на лѣвой рукѣ чепыре пальца. Случись это со мной на кораблѣ Королевскомъ, я былъ-бы теперь приреченъ въ мои лѣша; но что будешь дѣлать? Не вѣмъ написать на роду одно счастье! А впрочемъ все таки благодарю Бога: я опять на родинѣ, здоровъ, и буду всегда любить свободу и спарую Англію. Ура!“

Съ этими словами Ивалидъ, прихрамывая, пошелъ своей дорогой. Я дивился его неустрашимости и довольству, и цѣлся не сознаться, что привычка къ бѣдствіямъ научаспъ насъ болѣе, чѣмъ Философія переносить ихъ.

Съ Англійскаго *Н. III* — 78.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИЗВѢСТНАГО ДРАМАТУРГА (*).

Ты спуюшней мишурныхъ лапъ

Насъ огорошилъ не впадавъ;

(*) Эпиграмма прислана ко мнѣ въ числѣ шестѣ

Ты врывомъ машины чудеснымъ
Насъ испугалъ изподпника:
Не будучи пѣвцомъ небеснымъ,
Ты жарко пишешь для райка.

***

Н О В Ы Я К Н И Г И.

57. *Листки изъ записной книжки. Василия Сухачева.* М., Въ Тип. Авг. Семена, 1830. Въ 8. (22 стран.)

Что многіе изъ поклонниковъ Апполона послѣ въ записныхъ книжкахъ, вмѣсто денегъ, пѣшечскія свои произведенія, — это уже не новое. Г. Сухачевъ, слѣдуя сему обычаю, упомянулъ, повидимому, этимъ бременемъ, вопреки Русской пословицы: *серя ноша не тѣлестъ*, и рѣшился облегчить оное напечатаніемъ нѣсколькихъ листковъ изъ записной своей книжки. Прочитавъ Листки его, мы досадуемъ, что ничего не можемъ сказать лестнаго для Автора, кромѣ того, что стихи его едва, едва только не дурны. Впрочемъ, съ первой страницки Листковъ Г. Сухачева, мы узнаемъ новость: что Кауфъ его былъ публично пѣлъ на Таганрогскомъ Театрѣ известнымъ пѣвцомъ Г. Мачихинымъ. Что Г. Мачихинъ *известный* пѣвецъ въ Таганрогъ, разумѣется, многіе еще не знали. Благодаримъ и за это открытіе: лучше знать чѣмъ побудь, нежели ничего! —

С М Ъ С Ъ.

— Русскіе Журналисты никогда не имѣли такой ощущительной надобности въ улучшеніи листковъ своихъ, какъ въ настоящее время:

стихотвореній для помѣщенія въ Альманахъ: *Не забудь меня* (см. 110-й Но Свѣ. М.). Но какъ она написана въ Меркуріевскомъ вкусѣ, подобныя которой въ семъ Альманахѣ помѣщены не будутъ, — а потому я, надѣясь на снисхожденіе почтеннаго Автора, напечаталъ ее въ сей Газетѣ; остальные же за нѣмъ пять стихотвореній будутъ помѣщены въ упомянутомъ Альманахѣ. —

Изд.

теперь-то надобно молить Апполона, чтобы онъ, какъ самихъ Журналистовъ и ихъ сотрудниковъ, такъ вообще и всю пишущую братію надѣлилъ на нѣкоторое время всевозможнымъ оспроуміемъ, усердіемъ и дѣятельностію, особенно необходимыми въ цѣлѣхъ литературныхъ ихъ занятіяхъ. Публика теперь особенно нуждается въ развлеченіи: чтеніе-же служницъ для сего однимъ изъ важнѣйшихъ, т. е. удобнѣйшихъ средствъ, соотвѣтственныхъ съ обстоятельствами настоящаго времени. Нынѣ, какъ мы полагаемъ, и нечитающая публика сдѣлается читающею, чтобы имѣть разсѣяніе, столь теперь-необходимое. Нѣкоторые Журналисты, какъ-бы чувствуя важность сей мѣстной и временной потребности, и какъ-бы имѣя благоую цѣль принести ожидаемую пользу своимъ читателямъ, начали занимать ихъ своими сужденіями о дарованіи Г-жи Зоннпагъ, которыя столь-же неопредѣлительны, сбивчивы и *преувеличенны*, какъ существовающія нынѣ почти во всѣхъ сословіяхъ общества сужденія о Холерѣ, прервавшейся недавно благословенное состояніе жителей, обитающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ любезнаго нашего отечества. Сравненіе странное, но нѣтъ не менѣе справедливое, если принадлежнмъ образомъ взглянуть въ сущность обоихъ предметовъ. Мы слышали отъ одной почтенной, известной по своему званію и просвѣщенному уму, особы, на сихъ дняхъ возвратившейся изъ Пензы, что тамъ менѣе опасаются Холеры (гдѣ она существуетъ), нежели здѣсь, въ Пецбургѣ, гдѣ, какъ можно надѣяться, при помощи Божіей, и при охранительныхъ мѣрахъ, заблаговременно принятыхъ отеческимъ попеченіемъ благодушнаго Правительства, — она не будетъ. Между тѣмъ преувеличенныя толки о ней такъ-же распространяются молвою, какъ преувеличенныя похвалы дарованію Г-жи Зоннпагъ разсѣваются нѣкоторыми Журналами.

О Холерѣ разсуждаютъ не-медики; о дарованіи Г-жи Зонштагъ судятъ не-музыканты, и даже не люди, одаренные музыкальнымъ эстетическимъ чувствомъ. Здѣсь должно сообразить слѣдующія два обстоятельства: неосновательныя сужденія о Г-жѣ Зонштагъ въ-которымъ образомъ даже полезны, ибо, если чинатели журнальныхъ пресій не могутъ извлечь изъ нихъ справедливаго понятія объ ея дарованіи, то, по крайней мѣрѣ, разсѣиваются ими; неосновательныя-же сужденія о Холерѣ ошущительно вредны, ибо разрушаютъ душевное спокойствіе, ситоль драгоценное въ подобныхъ случаяхъ. Человѣкъ, сохраняющій спокойное расположеніе духа, и въ самыхъ величайшихъ бѣдствіяхъ остается невредимымъ. Намъ, Петербургцамъ, тревожились Холерою совершенно не для чего: надобно только надѣяться на милосердіе Господа, безъ воли Коего ничто не послѣдуетъ, и отъ благодети Коего зависить жребій нашъ, — а по христіанскому правилу: *на Бога надѣйся и самъ не погибай*, необходимо исполнять въ тиши и предосторожности мѣры, принятыя для общей безопасности мудрымъ и попечительнымъ Правительствомъ. Въ соблюденіи сего сосиоить священный долгъ всѣхъ и каждаго, ибо *бережного и Богъ бережетъ*. Неосновательныхъ-же толковъ и сужденій распростираетъ о Холерѣ не должно, ибо, какъ мы уже сказали, это не только бесполезно, но даже вредно: о ней достаточно вспомнить единожды или дважды въ день, въ то время, когда мы, по христіанской обязанности, обращаемся съ теплыми моленіями нашими ко Вседержителю, о сохраненіи насъ отъ всѣхъ золъ и бѣдствій. Въ прочее-же время для насъ о Холерѣ и помышлять вовсе не должно, сохраняя противу нея необходимыя предо-

хранительныя средства. Неужели мы не найдемъ разговоровъ и занятій, пріятныхъ и полезныхъ, доставляющихъ развлеченіе? . . . Каждый изъ насъ, и въ кругу собственнаго семейства, найдетъ ихъ много, если только пожелаеиъ. Я, нижеподписавшійся, имѣю такое отвращеніе къ однообразнымъ разговорамъ и занятіямъ, и особенно навлекающимъ на душу уныніе, что даже, говоря о Холерѣ, рѣшился въ снѣхъ своей присовокупить нѣсколько словъ о преувеличенныхъ похвалахъ, коими превознесли наши Журналисты Г-жу Зонштагъ. Въ скоромъ времени надѣюсь и я сказать свое мнѣніе о сей Артисткѣ, одаренной, впрочемъ, блестящимъ дарованіемъ, если только Издателю Свѣ. Меркурія, или кому либо другому изъ Гг. Журналистовъ, благоугодно будетъ напечатать мою статью (*). Думаю, что мое сужденіе будетъ, въ сравненіи съ другими, сообразнѣе съ истиною, ибо я ни въ чемъ преувеличеній не люблю; припомъ же, если-бъ я и хотѣлъ возвеличить Г-жу Зонштагъ болѣе нежели другіе, то развѣ такими выраженіями, которыми у насъ не встрѣчаются въ самой вдохновенной и возвышенной Поезій, и такими достоинствами ея искупава, которыхъ ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ написать. Я очень увѣренъ, что сія, написанная мною статья, хороша; по если-бъ вы, почтенные чинатели, даже и въ одинъ голосъ говорили, что она ни съ чѣмъ несравнима, и что ее не рука, а душа моя писала, потому что земное существо не можетъ имѣть такого остроумія, — то и въ семъ случаѣ, я, положивъ руку на сердце, сказалъ-бы: нѣтъ; это чрепчуръ много! . . .“

Орфей Гипократовъ, Медикъ и Музыкантъ.

(*) Присылайте, М. Г. — Изд.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, среда́мъ и пят-
ница́мъ.

№ 116.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ персыл-
кою 37 рублей.

1830, 26 СЕНТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

ДОКТОРЪ ГАМИЛЬТОНЪ.

(Изъ Фран. Журнала.)

Робертъ Гамильтонъ, одинъ изъ самыхъ великихъ мечапателей Англии, часто предавался такъ сильно размышленіямъ, что совершенно не обращалъ вниманія на вѣншіе предметы и не стыдился своей спрашности. Хотя Гамильтонъ и отличался во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ глубокомысленностію, выборомъ предметовъ и яснымъ слоюмъ, но это ни мало не мѣшало ему казаться страннымъ и смѣшнымъ въ обществѣ. Бывало, встрѣпипшь-ли гдѣ свою супругу, онъ кланяется ей, какъ незнакомой дамѣ, начинаеть волочиться за нею, и изъявляетъ сожалѣніе, что прежде не успѣлъ съ нею познакомиться. Часто также случалось ему вставать до разсвѣта и идти въ школу, гдѣ имѣлъ онъ кафедру, куда не разъ являлся съ однимъ чернымъ и однимъ бѣлымъ чулками на ногахъ. Въ продолженіе лекціи, ученики, желая провести какъ нибудь время класса, часто отвлекали его отъ преподаванія разными своими шалостями. Если онъ, проходя черезъ улицу, встрѣчался съ коровою, — то нередко снималъ шляпу, сворачивалъ въ сторону, и извинялся, говоря: „Сударыня! извините; не причинилъ-ли я вамъ какой невѣжливости?“ и ожидал отвѣта — спольвъ въ такомъ положеніи съ добрые полчаса. Не смотря на то, въ раз-

говорахъ своихъ, онъ всегда отличался ясностію изложенія и соблюденіемъ логическаго смысла. Кажется, можно-бы цѣлую книгу написать Анекдотовъ о нашемъ Докторѣ, но мы на сей разъ упомянемъ только объ одномъ. Рыбный рынокъ въ Аберденѣ находится возлѣ рѣки Де, на берегу коей торговки раскладываютъ рыбу въ большихъ корзинахъ. Однажды Докторъ, проходя сей рынокъ, успремилъ все свое вниманіе на трубу одного дома, копорая показалась ему странно-сдѣланною. Шедши, вздернувъ носъ къверху, и не глядя себѣ подъ ноги, онъ напѣкнулся на скамью, на копорой разложена была рыба, и съ одного полчка скамьи со всею рыбою упала прямо въ рѣку. При семъ зрѣлищѣ, лице торговки вдругъ побагровѣло отъ гнѣва; въ негодованіи уста ея пролепетали нѣсколько дюжинъ брайныхъ словъ; — но Докторъ нашъ спокойно продолжалъ свои наблюденія... Владѣтельница рыбы попала ногами, и дѣлая разные гнѣвные шѣодвиженія, кричала изо всей силы. Толпа скоро собралась вокругъ ихъ. Торговка, видя, что со всѣмъ усиліемъ своего гнѣва, не могла привести въ движеніе ни одного мускула на лицѣ Гамильтона, въ отчаяніи бросилась на Доктора, и повиснувъ у него на шеѣ, вскричала, собравши послѣднія силы: „Говори, злодѣй, и мнѣ не бросайся-ли вслѣдъ за моей рыбой?“ Прокричавъ сіи слова, она безъ чувствъ упала на самый край серета; но прежде чѣмъ опаматова-

лась, Доктора уже не было: вышел из своих размышлений, онъ преспокойно отправился домой.

Н. Т—щ—въ.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ.

Это было о праздникъ. Служба кончилась и церковь заперли.

На большомъ лугу, подъ тѣню стараго вяза, собралась молодежь, чтобы предасть радости и веселю. Здѣсь птица, привязанная къ высокому шесту, ожидала смертельнаго удара. Тамъ безмѣрная веселость обнаруживалась, копорый изъ любовниковъ былъ въпренѣ.

Главною-же причиною стеченія такаго множества народа, былъ волшебный фонарь, выставленный тамъ площаднымъ лекаремъ, чтобы привлечь толпу, и придасть болѣе славы своимъ врачеваніямъ. Надобно было ожидать очереди, чтобы посмотреть въ одно изъ отверстій сего фонаря, окруженнаго сельскими красавицами, не перестававшими удивляться чудесамъ, о коихъ шарлапанъ возвыщалъ во все горло. Чтобы сіе подвижное зрѣлище сдѣлать еще затруднительнѣе къ доступу, онъ закрылъ его большимъ занавѣсомъ. Должно было закрываться этою холстинной, чтобы видѣть чудесное предсавленіе: зрители впускались не болѣе, какъ по два вдругъ.

Лука и Люсетта давно уже любили другъ друга; но по причинѣ ссоры, происшедшей между ихъ родителями, они были разлучены. Мать молодой дѣвушки безпрестанно смотрѣла за нею; а отецъ молодого человѣка запретилъ ему говорить съ Люсеттой.

Оба они были на праздникъ; каждый съ своимъ семействомъ. Люсетта, подошедъ къ фонарю, изъяснила любопытство, сродное ея полу. Ей позволили это удовольствіе, какъ-бы въ удовлетвореніе за принужденіе, въ копоромъ ес содержали, и

она побѣжала за занавѣску, посмотреть въ круглое стеклышко волшебнаго фонаря.

Лука, полный любви и желаній, не спускалъ съ нея глазъ. Онъ увидѣлъ, изъ-подъ занавѣски ножку, копорая не могла принадлежать никому, кромѣ Люсетты. Изъ всѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ, она одна только имѣла такую прекрасную ножку; это зналъ и Лука. Онъ уходилъ опять отца, занявшагося въ это время какимъ-то постороннимъ предметомъ, распалкиваетъ шолпу, прибѣгаетъ къ шарлапану, проситъ перваго пустаго мѣста за двойную цѣну, получаетъ его по настоятельной просьбѣ — и онъ подмъ своей любезной.

Богъ знаетъ, что они говорили, какія давали другъ другу обѣщанія, какіе залоги. Они ничего не видали, не слышали, что говорилъ имъ площадной враль: они не видали, какъ красавица, спящая въ лѣсу, была похищена Принцемъ; какъ прекрасная Магдалина бѣжитъ съ храбрымъ рыцаремъ Пепромъ Прованскимъ; какъ, когда и проч. и проч. Имъ должно было при раза повторить, что уже смотрѣть болѣе нѣчего.

Родители молодыхъ людей уже ожидали ихъ возвращенія. Наши любовники наконецъ вышли: Люсетта съ опущенными глазами; Лука, упоенный счастьемъ. Предсавъ предъ родителями, они бросились къ ногамъ ихъ, держа другъ друга за руку.

Сія сцена привлекла зрителей. Они были тронуты такимъ постоянствомъ любви, и посмѣявшись надъ симъ происшествіемъ, спали ходатайствовать за юныхъ любовниковъ. Побѣжденные родители не могли отказать имъ въ прощеніи и — соединили ихъ.

Счастливая чета сдѣлала подарокъ хозяйшю волшебнаго фонаря; но мать Люсетты, имѣвшая еще дочерей, запретила ему впредъ вѣшать занавѣску.

Съ Фр. О. Дьяковъ.

АКРОСТИХЪ.

Путемъ тернистымъ чрезъ спремнины
 Разъ шелъ я въ бурю; дождь и громъ;
 Окрестъ песчанья равнины;
 Внизу рѣка кипишь ключемъ;
 И воть гроза все боль, боль ....
 День меркнулъ; — я жъ въ пусыиномъ полѣ
 Еще не зрѣлъ конца пути;
 Невольно въ сердцѣ содроганье,
 Изнеможеніе въ груди:
 Ее спѣснили грусти, спраданье;
 Въ душѣ тоска и шайный страхъ;
 Едва я шелъ; уже рошпанье
 Раздашья слилось въ ухахъ;
 А дождь и буря все сильнѣе;
 Дорога хуже каждый часъ;
 Рѣка клубилась все страшнѣе;
 Уже скрывался свѣтъ изъ глазъ;
 Жизнь, гасла .... вдругъ передо мною,
 Блистая Ангеловъ красой,
 Авроры краше молодой,
 Три пупинцы, рука съ рукою;
 Еще жъ милѣй ихъ вѣхъ одна,
 Разливъ сіянье вокругъ собою
 Парила въ воздухъ, — она
 Едва коснулась мнѣ рукою,
 Не стало мрака, путь широкъ,
 И спихла буря — и потокъ
 Едва журчалъ среди долины.

Такъ жизни мрачныя картины
 Мнѣ спали свѣтлы, и такъ вдругъ
 Все спало весело вокругъ;
 Исчезла грусть, души мученье,
 Когда святое Провидѣнье
 Тебя послало — и тобой
 Упавшій я, другъ пѣвчій мой;
 Когда и Вѣра и терпѣнье
 Съ моею сдружилися душой.

А. Грековъ.

Кострома.

С М Ъ С Б .

— Послѣдній концертъ Г-жи Зоннигагъ бытъ
 для *бѣдныхъ*, вчерась, 25 Сентября; цѣна ме-
 стамъ была така-же, какъ и въ Италіянскихъ
 спектакляхъ, то есть почти *всего* дешевле,
 прошиву прежнихъ ея концерповъ. Слово: для
бѣдныхъ, многіе принимаютъ въ двоякомъ смы-
 слѣ: нѣкоторые говорятъ, что это означастъ жела-
 ніе Г-жи Зоннигагъ доставить случай *бѣднымъ*,
 то есть *недостаточнымъ* любителямъ изящнаго,
 насладиться собою за дешевую цѣну; другіе по-
 лагаютъ, что сумма, вырученная симъ концер-
 помъ, назначается Г-жею Зоннигагъ въ пособіе
 какимъ нибудь бѣднымъ семействамъ (въ числѣ
 коихъ найдутся можетъ быть и Русскіе), угне-
 пеннымъ недоспапками, но спыдичимся про-
 сить милостыни. Число первыхъ, однако же, го-
 раздо больше, нежели послѣднихъ. Мы, изъ соб-
 ственнаго нашего уваженія къ Г-жѣ Зоннигагъ,
 соглашаемся съ мнѣніемъ первыхъ, и никакъ не ду-
 маемъ, чтобы по другой причинѣ она такъ зна-
 чительно понизила цѣну сего концерта: ибо, если
 сборъ онаго Г-жа Зоннигагъ назначала въ *пособіе*
бѣднымъ, то ей можно было на сей разъ возвы-
 сить цѣну, хотя и вдвое: Русская публика, въ
 снисхожденіи къ которой Г-жа Зоннигагъ должна
 быть увѣрена, платя щедро за собственныя ея
 концерты, съ большимъ-бы усердіемъ оказала
 свою готовность въ пользу спраждущаго чело-
 вѣчества; слѣдовательно Г-жѣ Зоннигагъ не для
 было понижать цѣны концерта, если онъ назна-
 чался въ *пособіе бѣднымъ*. И такъ, сообразивъ
 сіи обстоятельство, мы повторяемъ, что изъ
 собственнаго уваженія нашего къ Г-жѣ Зоннигагъ,
 соглашаемся съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утвер-
 ждаютъ, что концертъ сей данъ былъ для до-
 ставленія возможности недостаточнымъ людямъ
 быть въ немъ, которые, по дороговизнѣ цѣны,
 не могли воспользоваться прежними концертами
 Г-жи Зоннигагъ.

— Съ 1-го Октябля нынѣшняго года будетъ издаваться въ Варшавѣ Дамскій Журналъ съ картинками модъ, мебели и проч. Онъ будетъ выходить каждый день (!), кромѣ воскресеній. Если Варшавскія дамы не имѣли доселѣ Моднаго Журнала (не пуждаюсь, чему охотно вѣримъ, во внѣшнихъ украшеніяхъ), то теперь съ избыткомъ вознаграждены за ожиданіе, и будутъ имѣть возможность наряжаться по послѣдней модѣ ежедневно — кромѣ воскресеній!

— Кстати о Модномъ Журналѣ! И здѣсь въ Петербургѣ кто-то сформировалъ общество безпріюпныхъ и безшалапныхъ головъ, предполагающихъ издавать какіе-то листочки, въ видѣ Дамской Модной Газеты, и мечтающихъ получить отъ своего изданія великіе доходы. Все бы хорошо было; но вопль въ чемъ бѣда: многіе изъ нихъ либературныхъ Альнаскарговъ не умѣютъ писать, хотя имѣютъ къ тому большую охоту, и полагая, что наши дамы будто-бы не знаютъ Грамматики, они рѣшились издавать для нихъ Журналъ. Думаемъ, что на первомъ-же Но своего изданія, каждый изъ нихъ, убѣдившись въ неприемчивости своего предпріянія, воскликнетъ голосомъ Максима Меркуловича Бирюлькина (*):

О, просвѣщеніе! ты срвало меня!..

— Стихотворенія Мицкевича обратили на себя общее вниманіе въ Парижѣ. Первое изданіе Валленрода, переведеннаго Гг. Мясковскимъ и Фюльжансомъ, раскуплено чрезвычайно скоро. Вскорѣ выйдетъ второе изданіе. Кромѣ Валленрода, заключаются въ первомъ изданіи: *Крымскіе Сонеты* и *Фарисъ*, самимъ Мицкевичемъ, для извѣстнаго ваятеля Давида, переведенный прозою. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Миц-

(*) Герой Комедіи Князя Шаховскаго: *Своя семья*.

квичъ отступилъ отъ своего подписника (*).

— Сочиненіе Комиссіи (Deputacuj) Варшавскаго Общества Любителей Наукъ, о Польской Ортографіи, вышло уже изъ печати. Извѣщаемъ о семъ пошому, что кто-то, напечатавъ въ 24-м Но Tygodnik Petersburski отвѣтъ на благонамѣренныя о семъ изданіи, замѣчанія помѣщенныя въ 64 и 65 NNo Съв. М., намѣревался уличить въ неправдѣ оба сіи Журнала, объявившіе о скоромъ появленіи упоминаемой книги. Мы просимъ Польскую Газету воспользоваться теперь правомъ, замѣтить это Сочинителю означенной статьи, въ сей помѣщенной, который противорѣчилъ ей въ собственныхъ ея листкахъ; а общаго нашего противника просимъ, чтобы онъ былъ впредь осмотрительнѣе.

(*) Мы не спаемъ этому удивляться. Во первыхъ: истинное дарованіе всегда скромно, и Мицкевичъ, хотя превосходитъ въ Фарисѣ, но не считаешь, какъ видно, сочиненія своего какимъ либо завѣщомъ, въ коемъ и слово грѣшно переименишь, какъ думаютъ нѣкоторые суевѣрные почтители сего Поэта. Во вторыхъ: кто занимался переводами, тотъ знаетъ, что иногда невозможно сохранить силу подписника на другомъ языкѣ, какъ употребляя другія выраженія и свойственные ему обороты, особенно, когда переводить должно на языкъ другаго происхожденія, какъ нарим., съ одного изъ Славянскихъ языковъ на отрасль Латинскаго.

С H A R A D E.

Autant que dans une aire, ou bien dans un grenier,
On pourrait entasser de grains de mon premier,
(Qu'on lit dans les contrats, les actes, dans l'histoire,
Si l'on veut lui donner un sens particulier.)
Autant de fois, peut-être, il faudrait mon dernier
Pour arriver enfin à faire mon entier;
Mais le compter, serait vraiment la mer à boire;
Qui, même pour l'avoir, oserait l'essayer?
Qu'on me le donne en or; j'essaie, on peut m'en croire,
Et mille et mille heureux béniront ma mémoire:
Heureux celui dont l'or peut les multiplier!

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходишь по понедѣльникамъ, средамаъ и пяшницамъ.

№ 117.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 156 NN. въ С. П. Б. 30, съ доставкою 40, съ пересылкою 37 рублей.

1830, 29 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

МЫСЛИ.

Истина, какъ Греческій огонь: ее нельзя потушить никакою водою; напротивъ, отъ воды она горитъ яснѣе и живѣе.

Говоряшь, что опытъ дѣлаешь человека хитрѣе, потери умѣе, несчастія скромнѣе. — Но повѣришь-ли этому тогда, кто хотя по слуху знаетъ, какъ поступающъ нынѣ люди?

Молва естъ пыль, вздымаемая бурей или приближающимся войскомъ, или просто стадомъ гусей. За этой пылью всегда скрывается нѣчто.

Владыка міра! подарите народу ваше довѣріе — и за этого подарока народъ заплашитъ вамъ съ лихвою.

Есть два рода Государственнаго ума: одинъ идетъ съ народомъ, другой противъ народа. — Императоры Александръ и Францъ, Короли Фридрихъ Вильгельмъ и Максимилианъ Иосифъ шли съ народомъ; Наполеонъ противъ народа: первые дошли до Парижа, послѣдній до острова св. Елены.

„Хорошо-ли, что обо всемъ извѣщаютъ народъ?“ спрашиваютъ нѣкоторые извѣстные люди. — „О, вы извѣстные господа, хорошо-ли, что такъ мало вамъ извѣстно?“ —

Многіе добивались лавровъ — съ соломомъ и сѣномъ въ рукахъ; — за то и покоялся они, послѣ своихъ подвиговъ, не на лаврахъ, а на сѣнѣ и соломѣ.

Многимъ не удаются предпріятія отъ того, что они начинаютъ ихъ не во время; для многихъ имѣютъ вредныя послѣдствія отъ того, что они кончаютъ ихъ не во время.

Спарики! не браните дѣтей вашихъ за то, что они ничему не учатся въ школахъ! — Мы ежедневно бываемъ въ школѣ опыта, — и многіе-ли изъ насъ, многіе-ли изъ васъ, спарики, научились чемунибудь? ..

(Съ Нѣмецкаго.)

ТРИ ДРУГА.

Не довѣрай друзьямъ своимъ, не испытывай ихъ прежде. Много найдется пріятелей, когда ты богатъ и счастливъ; — мало въ дни бѣдливый и печалы!

Трехъ друзей имѣлъ нѣкто; — двухъ изъ нихъ любилъ онъ болѣе, съ прѣснымъ казался равнодушень и забывчивъ, не смотря на то, что сей послѣдній былъ искренно къ нему привязанъ. Однажды враги оклеветали его и онъ былъ позванъ предъ судилище. — „Кто изъ васъ, друзья мои, говорилъ онъ, пойдешь со мною и засвидѣтель-

стvueшь о моей невинности? — я оклеветашъ и гнѣвъ судіи строгаго спрашашъ меня.“

Одинъ изъ друзей обвиняемаго потчасъ извинился, что не можетъ исполнить его просьбы, бывъ занятъ иными дѣлами. Другой проводилъ его до самыхъ дверей судилища; но убоясь свідѣльствовать за несчастнаго, — возвратился назадъ. Третій, на котораго менѣе всѣхъ падался обвиненный, оправданный любимыми друзьями, не оставилъ его: онъ предсталъ съ нимъ предъ судилище, говорилъ за него сильно — и судія, убѣжденный въ его невинности, далъ ему свободу и наградилъ прилично.

✱

Трехъ друзей имѣетъ человекъ въ этомъ мѣрѣ; — только въ часъ смерти, когда Господь воззоветъ его на судъ свой, онъ познаетъ ихъ: — благи земныя любимѣйшій другъ человека, оставляютъ его первые; — родственники и пріятели провожаютъ его до дверей гроба — и возвращаются въ свои дѣмы. — Третій другъ, о которомъ небрегъ онъ часто въ жизни, — суть дѣла добрыя; — они одни не оставляютъ его; они предшествуютъ ему къ трону судіи Великаго; они говорятъ за него краснорѣчиво; они одни надолго для него милость и награду.

Съ Нѣм. *Е. А.*

О Т Р Ы В О К Ъ ИЗЪ БІОГРАФІИ ТАЛЬМЫ,

имѣ самимъ написанной.

Французъ Іосифъ Тальма родился въ Парижѣ отъ достопочтенныхъ родителей, которые ничего не щадили для его воспитанія. Время своего дѣтства провелъ онъ въ Англіи, и не ранѣе, какъ на 15-мъ году возраста, возвратился на родину. Частое посѣщеніе Французскаго Театра поселило въ немъ охоту къ декламации. Природа одарила его пламеннымъ воображеніемъ, необыкновенною памятью и чувствительностью. Бывъ еще десяти лѣтъ,

онъ читалъ однажды опытовъ изъ Трагедіи (Тамерланъ) съ такимъ чувствомъ, что слезы въ избыткѣ текли у него въ продолженіе монолога, и не прежде могли его утишить, какъ спустилась часть послѣ представленія. Тальма потомъ возвратился съ отцемъ своимъ въ Лондонъ, гдѣ нѣсколько молодыхъ Французовъ пригласили его играть съ ними вмѣстѣ маленькія Комедіи для собственнаго своего удовольствія. Новосты сихъ представлений привлекла къ нимъ довольное число людей высшаго общества. Тальма хотѣ былъ еще очень молодъ, но произвелъ такое сильное впечатлѣніе на многихъ зрителей, что тѣ пристали къ отцу его съ просьбами назначить сыну драматическое поприще. Отецъ Тальмы, бывъ самъ большой любитель Театровъ, и гордясь юнымъ талантомъ сына, согласился на ихъ предложеніе. Тальма зналъ основательно Англійскій языкъ, и отважился-бы на такое предпріятіе, если-бы побочныя обстоятельства не вызвали его въ Парижъ, гдѣ охота къ драматическому искусству возрасла у него до такой степени, что онъ искалъ знакомства знаменитыхъ въ то время артистовъ, которые нашли въ немъ способности и непреодолимую охоту къ Театру. Онъ явился въ Королевскую школу, въ которой обучали декламации, и немедленно получилъ приказаніе дебютировать на Французскомъ Театрѣ. Тальма въ первый разъ выступилъ на сцену 27-го Ноября 1787 года, въ роль Сиды, въ Трагедіи Магомедъ, получилъ единогласное одобреніе, и съ тѣхъ поръ остался по смерти своей любимцемъ публики.

Съ Фран. *Н. Т—и—въ.*

Н Е В Ъ С Т А .

Ей немногіе часы,
Для любви семьи родимой,
Заплетанія косы,
Няней бережно хранимой;

Ей не спать на ложѣ помѣ
Съ доброй лицей вдвоемъ,

Неба тканью голубого
Украшается луна;
Тамъ бывала и она
Всѣхъ плѣнительнѣй собою
Проспуюю убрана.
Но теперь она одѣва
Пышно, радостно очамъ,
Будно ей лезть къ шаптамъ
Въ рай волшебный Магомеша (*).
Какъ туманъ, едва, едва
Двѣ грудь сокрыла блонда,
И алмазами Голконда
Блещетъ юная глава.

Понялъ я преображенье:
На рукѣ у ней кольцо!
Понялъ блѣдное лицо
И пѣное впечатлѣнье:
Дѣва въ жертву предаша
Невидимому ею,
И терзается она
Горькой участью своею . . .

И. Косляровскій.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

58. *Русскія пословицы и поговорки въ лицахъ.*
С. П. бургъ, въ Военной Типографіи, 1830. Въ
мал. 8. (168 стран.) (ж)

Прочитавъ сію книжку, и увидѣвъ изъ пред-
исловія къ ней, что Сочинитель ея, Г. Сергѣ-
евъ, намѣревается продолжать свой трудъ, мы
искренно сему обрадовались: ибо первый опытъ
его столь удаченъ, что нельзя не желать ему
продолженія. Цель его самая благонамѣренная, и

(*) По обѣщанію сего Пророка, каждый праведникъ
получитъ на свою долю 100000 шапровъ, а въ каж-
домъ шапрѣ будетъ по 100000 дѣвъ, вѣчно прелестныхъ,
юныхъ и непорочныхъ. *Прим. Сог.*

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 5 руб.
экземпляръ.

по исполненію, удободостигаемая. Желаніе Ав-
тора есть — захохотить къ членію нашихъ
поселянъ и мѣщанъ: съ этой мысли онъ заим-
ствовалъ изъ ихъ быта содержаніе для девяти
напечатанныхъ въ сей книжкѣ повѣстей, придавъ
большей части изъ нихъ форму драматическую,
и рассказавъ ихъ настоящимъ проспонароднымъ
нашимъ языкомъ. Мы считаемъ обязанностію
своею обратить вниманіе на сію книжку нашихъ
читателей, любящихъ отечественное: они безъ
сомнѣнія отдадутъ должную справедливостъ Ав-
тору и попросятъ его о продолженіи труда
своего. Хотя книжка сія, по содержанію своему,
преимущественно назначается для употребленія
низшаго класса нашего народа; по изданію ея, въ
типиграфическомъ отношеніи, роскошнѣе мно-
гихъ Альманаховъ: бумага и шрифтъ очень хо-
роши; заглавный листокъ сдѣланъ искусно; кар-
тинка (содержаніе которой относится къ по-
мѣщенной въ началѣ сей книжки повѣсти: *Маша*,
и представляющая разбойника, Тапарина, иду-
щаго въ бурную осеннюю ночь, съ винтовкою
въ рукѣ и длиннымъ булатнымъ ножомъ за поя-
сомъ, по краю оврага, на днѣ коего подъ опро-
кинутыми лодками лежатъ нѣсколько человѣкъ
безшабашныхъ (разбойниковъ) и разговариваютъ
между собою) выгравирована Г. Чесскимъ пре-
красно.

С М Ъ С Б.

— Покойный В. Л. Пушкинъ предъ смертію
своею, какъ сказано въ 15-й книжкѣ Моск. Теле-
графа (стран. 416), говорилъ: „*Ахъ! какъ скучны
статьи К*** (Разборы и Размышленія) въ Ли-
тературной Газетѣ!*“ — Не смѣемъ сомнѣваться
въ справедливости сего *предсмертнаго* сужденія
хорошаго Липерагора, сужденія, столь соглас-
наго съ мнѣніемъ многихъ просвѣщенныхъ чита-
телей Лип. Газеты! —

— На будущій 1831-й годъ издается *Альма-*

нахъ для людей военныхъ подъ названіемъ: Кліо.
По программѣ сего Альманаха, напечатанной въ
77-мъ No Моск. Ведомостей, можно заключить,
что онъ будетъ любопытенъ и полезенъ
для людей военныхъ. Предварительная под-
писка на получение его принимается въ Пестер-
бургъ въ магазинъ Смирдина: подписная цѣна
безъ плановъ 15, съ планами 20 рублей.

— При семъ No раздается 78-й No Съв.
Мерк., съ принадлежащимъ къ оному *Оглавлені-
емъ перваго тома* сей Газеты, содержащаго въ
себѣ 78 NNo, вышедшихъ въ первой половинѣ
настоющаго года.

М О Д Ы.

Д а м с к і я.

— Гроденаплевья и изъ волнистой матеріи
шляпки отдѣляются апласными широкими
лентами, одного цвѣта съ матеріею.

— Блондовые цепчики убираются цвѣтами съ
двумя бапшами изъ лентъ, вырѣзанныхъ зубцами.

— Реденгомы изъ гроденапля застегиваются
съ низа до верха или по крайней мѣрѣ весь лиць;
рукава, какъ и прежде, широкіе отъ плечь до
локтя, а ниже узкіе съ складками.

— Упреніе реденгомы вообще чернаго цвѣта,
и, вѣроятно, черный апласъ не выйдетъ изъ
моды и не замѣнится другимъ на вапочныхъ ка-
попахъ и зимнихъ пластьяхъ.

— Шелковыя пластья драпируются на груди;
лифъ и спинки отдѣляются лентами въ видѣ
волановъ.

— Нарядныя пластья большею частію изъ по-
досатой бумажной кисей; полосы зеленыя съ ли-
ловыми или розовыя съ шемнокоричневыми.

М у ж с к і я

— Однобортные сюртуки дѣлаются до икръ
и застегиваются на всѣ пуговицы. Клапаны,
прикрывающіе съ боковъ карманы, должны быть
въ два пальца шириною.

— Сѣраго цвѣта шляпы замѣнились черными
съ узкою тульею.

— Покрой фрака измѣнился: грудь уже не
такъ открыта; лацканы опварачиваются поль-
ка до трепшея пуговицы, а иногда и совершенно
застегнуты.

— Жилеты дѣлаются съ шалью.

— Исподнее платье узкое.

— Сапоги шупоносые безъ каблуковъ.

Шарада, помѣщенная въ прошедшемъ No,
значить: milliard.

L O G O G R I P H E.

Je suis un arbrisseau. Tu peux aussi, lecteur,
Me rencontrer en prenant une fleur,
J'exprime au figuré les cas désagréables;
Apprends enfin, moi je le sais,
Que j'ai cinq pieds dont deux semblables,
La tête et la queue: ôte-les,
Et je change alors de nature
Sans quitter toutefois le règne végétal;
J'éleve avec orgueil mes palmes de verdure,
Qui résistent à l'air glacial
Du pôle septentrional.
Tu dois déjà me reconnaître,
Mon cher lecteur, à ce portrait;
En cherchant je pourrais peut-être
Y joindre encor quelqu' autre trait;
Mais je ne veux pas et pour cause
Te dire le mot et la chose.

эпимъ: сплошь люблю Адамовыхъ попомковъ, и допускаю въ знакомство всѣхъ — только невредныхъ. Это правило, при всей строгости, не лишено однако жъ и нѣкоторыхъ выгодъ. Всякій человекъ на что-нибудь полезенъ. Но для исполненія своего желанія, мы вопль теперь зайдемъ къ пепушкѣ на вечеринку, гдѣ думаю будете нѣсколько моихъ знакомыхъ, и тамъ я побл опререкомендую нѣкоторымъ.“

„Прежде скажи, кому: ты такъ дурно опозвался!“

— „Хорошо! хорошо!“

Между тѣмъ они вошли въ домъ.

„Здравствуйте пепушка!“ — сказалъ Разудинъ, пробравшись сквозь толпу гостей, и подхоя къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ предметъ его привѣтствія: „какъ васъ Богъ милуетъ?“

„Trés mal, mon cher neveu! такое горе: удержала шесть и поставила колонну въ чепыре цифры. Садись-ко съ милымъ гостемъ, Трешій бостонъ! Петръ Ильичъ, выступи!“

— „Пойдемъ, Пахомъ Силичъ! не будемъ мѣшать пепушкѣ: она и безъ того играетъ плохо, не смощря, что начала заниматься эпимъ искусствомъ еще въ дѣвцахъ. Сядемъ лучше въ топъ уголь, и займемся по обѣщанію разговоромъ о знакомыхъ. Я тебѣ опишу ихъ съ пою искренностію, которая въ старину называлась злословіемъ, но теперь есть уже наука — свѣпская философія.“

„Кто это такой Петръ Ильичъ?“ — спросилъ Пахомъ Силичъ, усаживаясь на стулъ: „не подручный-ли мужчина съ плоскими широкими глазами, примѣною опкровенности?“

— „Просто, братецъ, смирный дуракъ, кошпорого пепушка сажаетъ вѣчно съ собою въ бостонъ для того, чтобы во время крику и спора ея, число возражающихъ было однимъ меньше, и чтобы самолюбіе ея не такъ горячилось, Этоптъ человекъ — кладъ пепушкѣ! скажи ему, что луна, не для однихъ Поэповъ, нужнее солнца, онъ

не заспоритъ. И я, изъ уваженія къ такому до-стоинству, принимаю его въ домъ, можно сказать, какъ опводъ, избавляющій другаго отъ вѣрной непришности въ продолженіе карточной игры съ почтенной моей пепушкой. И признаюсь, я желалъ-бы познакомиться еще съ двумя такими-же людьми, для полного числа въ бостонъ, и чтобы, какъ-можно рѣже, быть журпивою вздорнаго нрава моей пепушки; — но никакъ не могу! Эпихъ людей хватаютъ! Они дороги, какъ перлы!“ —

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

ПРОЩАНІЕ СЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ.

Прости Архангельскъ узкій, длинный!
Прости широкая Двина!
Простите берега карпинны!
Спѣшу: ждущъ дѣти и жена.
Простите съ вышками (1) хоромы!
Простите маленькіе дома,
О конхъ увѣрялъ Свисщпъ,
Что съ вышкой домъ такой одинъ
Обходится здѣсь не дороже,
Какъ въ 40, 50 рублей.
Прости ему, великій Боже!
Безъ умысла солгалъ злодѣй (2)!
Простите длинные анбары!
Прости большой Двинской обрубъ (3),
Досчаты, гладки протуары (4),
И вы, кѣмъ красится такъ клубъ,
Голандочки и Англичанки,
И Нѣмочки и Россіянки,
Упѣка для души и глазъ!
Возможно-ли забыть мнѣ васъ,
Особенно игралъ съ кѣмъ въ фаншъ!
Простите вы негоціаншы,
Почтенны мужи, спарики!
Простите хваты-моряки!
Какъ пшцы прилетите съ хладомъ,
Потомъ опять на море спадомъ.
А слезки сколько разъ текли,
Какъ опъзждали корабли?
Простите добрые граждане,

Чиновники, купцы, мѣщане,
И православные крестьяне (5)!
Спаси Господь васъ отъ бѣды,
Отъ бурь, огня и отъ воды,
Въ *Каллиники* жь (6) отъ града, мразы,
Отъ гадовъ вредныхъ, отъ коша
Морского, что спрашивъ кита,
Спрашивъ, чѣмъ морь, или зараза.

А. Измайловъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Вышка* — свѣтелка, перемь, мезонинъ.
2. Барка, достаточная на постройку маленькаго домика, продается иногда въ Архангельскѣ отъ 40 до 50 р.; — по весу домикъ, съ работою и необходимыми къ нему принадлежностями, обходится въ 300 и 400 руб.
3. *Обрубъ* — деревянное укрѣпленіе берега, набережная.
4. Превосходные деревянные промуары устроены въ Архангельскѣ при нынѣшнемъ Генераль-Губернаторѣ, и не только лѣтомъ, но осенью и зимою содержатся всегда въ примѣрною чистотѣ и исправности.
5. Вообще крестьяне въ Архангельской Губерніи побожны, особенно въ Шепкурскомъ уездѣ. Въ немъ вѣсть раскольниковъ или староверовъ. Каждый крестьянинъ дважды въ годъ служить обѣди по *родителямъ*: въ день ихъ смерти и въ день именинъ.
6. Въ Архангельской Губерніи есть пословица: „Пронеси, Господи, *каллиники* (29 Іюля бываетъ память мученика *Каллиника*) *морозомъ*, т. е. туманомъ, сыростью. Около этого времени бываютъ иногда морозы, которые истребляютъ поспѣвающій къ жатвѣ хлѣбъ. — Есть тамъ и другая пословица, что *хлѣбъ въ восемь недѣль поспѣваетъ изъ закрома въ закромя*.
7. Есть повѣрье между простымъ народомъ, что изъ Севернаго Океана выйдетъ въ Архангельскую Губернію жадной *морской котъ*, который поестъ много народа, по послѣ и самъ молитвами Соловецкихъ Чудотворцевъ погибнетъ. Подобно сему рассказываютъ, будто въ окружающихъ Сійскій монастырь (Арх. уездъ) семидесяти семи озерахъ, имѣющихъ между собою сообщеніе, водилась огромнѣйшая щука, которая таскала съ береговъ и глошала

не только ребятъ, но даже взрослыхъ людей, коровъ и лошадей. Въ монастырь, какъ я отъ многихъ слышала, показываютъ чрезвычайной величины рыбу челюстью, или зубъ, едва ли не позвонокъ изъ хребтовой кости, на которомъ можно сидѣть, какъ на стулѣ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Испанцы въ Перу или *Смерть Роллы*, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Коцебу; *Нѣмецкій Баронъ* или *Осада столовой*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго; *Обращеніи древнихъ и новыхъ народовъ*, Интермедія Дивертиссементъ въ одномъ дѣйствіи. (Представленіе 29 Сентября на Большомъ Театрѣ въ пользу Актера Г. Толченова.)

Коцебу былъ всего несовершеннѣе въ Трагедіяхъ, и хопя *Испанцы въ Перу* лучшая изъ нихъ, но и ее чрезвычайно трудно сдѣлать годною для сцены. Въ такомъ-же видѣ, въ какомъ играли Трагедія въ этомъ спектаклѣ, она рѣшительно неспосна, и надобно похвалиться особеннымъ терпѣніемъ, чтобы выдержать все пять дѣйствій, хопя и весьма уменьшенныхъ. Сокращенія въ сей Трагедіи сдѣланы безъ соображенія, единственно для того, чтобы только привести ее скорѣе къ концу. Многія явленія исключены, что, по нашему мнѣнію, вредитъ ходу пьесы, ибо заземляетъ содержаніе. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только можно было дарованію Гг. Каратыгина сп., Брянскаго и Г-жи Каратыгиной сп. (Ролла, Алонзо и Кора) спасти зрителей отъ совершеннаго упомленія, они достигли сей *человѣколюбивой* своей цѣли. Г. Толченковъ (въ роли Пизарры), который, вѣроятно, чувствуя скудость своего бенефиса, совѣстился предъ публикою, также старался, сколько могъ, сыграть лучше. Несправедливо было-бы умолчать, что игра Г-жи Валберховой сп., въ роли Эльвиры, заслуживаетъ похвалу. Г. Борекій, въ тѣхъ мѣстахъ своей роли (слѣпаго старика),

былъ также не дурень: чувство-любви къ опечасству въ двухъ противоположныхъ случаяхъ, въ опчаяннн и въ воспоргъ, при извѣстнн о шоржествѣ непріятеля и о побѣдѣ надъ нимъ, выразилъ онъ довольно удовлетворительно, изъявляя оное голосомъ, болѣе впрочемъ громкимъ, нежели надлежало, разумъя сіе въ отношеніи къ лѣпамъ дряхлаго Перуанца. Нѣкоторыя Гг. Актеры часто впадающъ въ сей недостатокъ оныхъ похвальнаго усердія своего угодить публикѣ хорошею игрою: они часто, въ забывчивости, заговариваютъ *своимъ* голосомъ, несоображая онаго съ лѣпами представляемаго лица. — Нѣкоторыя сцены были ведены очень хорошо; наприм. 3-я въ 5-мъ дѣйствіи, когда Кора, нашедъ Алонзо, возвратилась съ нимъ къ тому мѣсту, гдѣ оставила спящаго своего сына, и не нашедъ его, пришла въ опчаяннн, при мысли, что онъ могъ бытъ похищенъ кѣмъ либо или растерзанъ дикимъ звѣремъ: горестъ мащери была выражена Г-жею Каратыгиною въ совершенствѣ; жаль, что Г. Брянскій не хотѣлъ въ семъ случаѣ соотвѣтствовать ей своею игрою: онъ, казалось, не принималъ особеннаго участія въ горести Кору; какъ-бы находился въ томъ мнѣніи, что жалеть не о чемъ было. — Последняя сцена, которою оканчивается Трагедія, была исполнена прекрасно: Ромла, смертельно раненный, ушедъ изъ Испанскаго лагеря, возвращаетъ Корѣ сына, ся и упрекая ее въ несправедливости ея поступка, умираетъ; Кора, обрадованная возвращеніемъ своего младенца, въ то же время чувствуетъ, сколь дорого стоить ей это утѣшеніе; Алонзо о потерѣ друга въ опчаяннн; всѣ свидѣтели сего зрѣлища въ неизъяснимой горести. Заключительная картина весьма прорагательна!...

Нѣмецкій Баронъ, пустѣйшій Водевиль изъ

самыхъ бесполоковыхъ, въ числѣ коихъ если и естъ хуже, по весьма, весьма немного. Онь сыгранъ въ первый разъ, думаемъ и въ послѣдній. Содержание такое пустое, что неспосно и говорить о немъ. Если въ продолженіи сего Водевиль и разсмѣялись нѣкоторые зрители, то ради забавныхъ костюмовъ Гг. Величина и Рязанцева, обыкновенныхъ фарсовъ обонхъ сихъ Актеровъ, и ради подагры перваго и калачества послѣдняго, который представлялъ однопорога инвалида. Даже и музыка для сего Водевиль сформирована неудачно, и не всегда соотвѣтственная съ словами куплетовъ, оныхъ чего нѣкоторыя изъ нихъ пропѣты въ разладъ; нѣкоторыя-же куплеты, что-бы поймать пактъ, надлежало растягивать, оныхъ чего вышло *cantabile*, злодѣйское для ушей.

Въ спарозавѣтномъ Диверписсементѣ: *Обрацики древнихъ и новыхъ народовъ*, Англійскій танецъ Г. Г. Агдре и Дидье довольно забавенъ; не худо-бы, впрочемъ, исключивъ въ немъ нѣкоторыя фигуры, нравившіяся, можетъ бытъ, древнимъ народамъ, но для новѣйшихъ могущія показаться не совсѣмъ благоприспосойными, особенно, когда одинъ изъ упомянутыхъ Артистовъ танцуетъ въ женскомъ платьѣ.

Догогрифъ въ прошедшемъ Но значить: *epine, pin.*

C H A R A D E.

Un sage dans ses vœux demande mon premier,
Qui pour un fou serait bien loin du nécessaire.
Au milieu des périls d'un combat meurtrier,
Un lâche se résout sans peine à mon dernier;
Qu' un brave quelquefois c'est vu contraint de paire.
Plus d'un homme d'esprit, jaloux de son repos,
En mainte occasion sait le faire à propos;
A l'orgueilleux, au sot, il n'est pas ordinaire;
Le plus fier peut l'apprendre et sans s'humilier:
Ton oeil peut chaque jour le voir faire à l'entier,
Dont l'aigillon fougueux courbe la tête altière.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средама и пят-
ницама.

№ 119.

Цѣна годовому изданію,
состолицему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 3 ОКТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

ЗНАКОМСТВО или СВѢТСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

(Окончаніе.)

„Видишь-ли (продолжалъ Разсудитъ) еще вонъ молодца, на ципочкахъ, въ зеленомъ фракѣ безъ клапановъ? Это паркетный филологъ; человекъ, который говоритъ на многихъ языкахъ разные глупости, и вмѣсто модника, какимъ себя считаешь — согласишься, что онъ больше походитъ на шута или обезьяну. Спроситъ — казаться ли Русскимъ — сдѣлала его настоящимъ композиціею: възъ Нѣмца, Англичанина и большей части Француза, и, къ довершенію сходства съ симъ послѣднимъ, заставила его даже передѣлать свою фамилію, совершенно Русскую, прибавкою къ началу одной буквы и переносомъ ударенія на послѣдній слогъ. Отвращеніе-же его къ Русскому — рѣшиительно просирируется до невѣжества: Карамзина Исторію читаетъ въ переводѣ, съ увѣренностію, что она превосходитъ подлинникъ. Душа его стремится къ Парижу! Онъ только и думаетъ о галстухахъ, тонныхъ жилеткахъ и шанцовальныхъ вечеринкахъ. Съ эпитомъ образцемъ нынѣшняго вѣка, я знакомъ для прилѣбра моимъ дочерямъ. Онъ получили отъ меня полное понятіе объ его качествахъ: замѣчаютъ его странности, пагубный образъ воспитанія, нравственнаго ничтожества — и не принимаютъ нишуры за золото. Порокъ въ глазахъ разсудка

Томъ 2. № 119.

не увлекается. — Для нихъ-же полезень въ кругу знакомства, вонъ и эпитомъ Уланъ съ полурѣжими усиками. Безъ чего-бы дочери мои думали, что всѣ военные храбры, умны и способны къ семейственному счастью; но теперь видятъ, что эпитомы, чары пѣвчихъ сердецъ, и шпоры съ магическими звуками, могутъ принадлежать человеку съ противными свойствами. Эпитомъ герой принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые повѣствуютъ безпрестанно о своихъ великихъ подвигахъ, хотя сами не были далѣе Царицына луга и Краснаго села; — а между тѣмъ слушай краснорѣчивые ихъ рассказы въ родѣ не любо не слушай.“

„Неужели твоей дочери не обойдется безъ эпитомъ примѣровъ!?“

— „Молчи, Пахомъ Силитч! ты не живалъ въ Столицѣ! — посмотри лучше на эту худошавую дѣвицу, отличающуюся своимъ замысловатымъ головнымъ уборомъ. Видишь-ли противъ нея, на двухъ спульяхъ, женщину, украшенную также въ при ряда черными гарусными буклями и прикрытую овалнымъ чепцемъ: это ея grand ma-tan. Первая по своему легкомыслію и страсти къ кокетству, а вторая по неумѣстному важничанію и модному образу мыслей, чрезвычайно оригинальны въ моемъ домѣ, и служатъ жемъ и дѣшамъ моимъ спасительными образцами, отвращающими ихъ отъ многихъ золъ порочнаго свѣта.“

„Да развѣ знакомые твои все Актеры, которые занимаютъ значительныя роли въ Комедіи большаго свѣта, имѣющей непосредственное вліяніе на исправленіе нравовъ?“ — возразилъ Пахомъ Силичъ.

— „По крайней мѣрѣ они все-таки полезны. Я вотъ тебѣ выспавлю этаго чудака въ военномъ сюртукѣ. Каково покажется: онъ негодуетъ на многія картины, работанныя въ Петербургѣ Русскими Художниками, и изображающія подвиги нашихъ воиновъ; за то, что онѣ подписаны по Французски: (Assaut de Brahiloff; Assaut du bastion à Varna и проч.) что нѣкоторые Русскіе Артисты означаютъ свои музыкальныя произведенія не на отечественномъ языкѣ, и что Русской Публикѣ, для входа въ маскарадную залу (въ домъ Энгельгарда) давались билеты на Французскомъ же языкѣ, — будто въ Парижскомъ общественномъ заведеніи. Онъ относитъ это къ дурному направленію, противоположному народной гордости: — что дѣлать!! случается — изъустъ его выходитъ и дѣльное. Напримѣръ, онъ утверждаетъ, что *причина холодности образованныхъ людей (по невѣстпипанныхъ: это синонимъ) къ Русскому языку — жепципы*. Онъ говоритъ: если-бы онѣ полюбили отечественный свой языкъ, то остальная половина человѣческаго рода, по Европейскому обычаю, изъ угожденія имъ, непременно-бы подражала. По этому случаю, я обзавъ дочерей своихъ подпискою читать чаще Комедію Крылова: *Урокъ догмалъ*, и подѣ опасеніемъ моего гнѣва, не говоритъ безъ нужды на чужомъ языкѣ, чтобы, по выраженію нашего нравственнаго Писателя, не дѣлать изъ Россіи — *клетки съ попуеяли*! Этошъ заслуженный вопиъ, скажу тебѣ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, хотя по совѣсти и звачію, могли-бы доказать какую-бы то ни было цельность въ дѣлѣ или мнѣніи; по никогда-эшаго не дѣлаютъ: онѣ чистосердечно вы-

скажетъ тебѣ въ глаза недоспапки, не обидител такими-же замѣчаніями на себя, и слыветъ, бѣдлжжжж, полуумнымъ! Вся любящъ откровенность, только не на свой счетъ.“

„А не знакомъ-ли тебѣ—кто съ нимъ говоритъ?“ — „Ахъ! это жадкой бумагомарашель, который промышленель Лицературою, употреблялъ къ тому непозволительныя средства: онъ публикуетъ о предположеніи своемъ издавать какое нибудь періодическое сочиненіе, соберетъ деньги и оставитъ своихъ преумерантовъ при одной только пышно-бесполковой программѣ, или выдасъ нѣсколько NNо своего изданія (пока продолжается подписка), несоспавляющихъ даже и половины того количества, которое общаю было въ публикаціи. Любители Словесности, подписывающіеся на Журналы, не ожидая подѣ лицературною вывѣскою какаго-либо обмана, неоднократно уже попадались въ его сѣтя. Не понимаю, какъ это можетъ дѣлаться, однако жъ, къ стыду нашего времени, дѣлается. Между тѣмъ, онъ, не смотря на дурное свое лицературное поведеніе, запрогиваетъ еще другихъ. Смѣшно и досадно! Читая являющіяся на него въ нѣкоторыхъ Журналахъ довольно рѣзкія, но справедливыя выходы, я не нахожу никакого возраженія; а онъ своими оправданіями удостовѣряетъ, что дѣлаемая ему журнальныя увѣщанія не дѣйствующія на него, и что они пишутся слабо и свисходительно. Такова Логика и въ антикрипическихъ его спавняхъ! Вотъ ужъ если его присовокупить къ числу полезныхъ знакомыхъ, то развѣ въ помѣ только отношенія, чтобы, глядя на него, не забывашъ, что и въ Лицературѣ существуютъ спекуляціи, которыхъ надобно остерегаться.“

Тутъ подошелъ къ Разсудину одинъ изъ гостей съ какимъ-то вопросомъ; попомъ преспалъ другой, и такимъ образомъ прервался дѣльный разговоръ или свѣтская философія. Только, въ про-

долженіе вечера, Пахомъ Силчѣ ни слова не упомянулъ Разсудину о обѣщанной имъ рекомендаціи, и уже, возвращаясь домой, замѣнилъ ему, шло онъ, къ удовольствію его, не похожъ на Фамусова, которыи

Знакомитъ, не спросяся,
Пріятно-ли намъ, пѣтъ-ли;

а Разсудинъ, въ утѣшеніе Пахома Силча, обѣщаль ему показати на другой день хазовый копець изъ круга своихъ знакомыхъ.

Иванъ Очевидцевъ.

КЪ ЖЕСТОКОЙ.

(Изъ Гѣте.)

Ты видишь померанецъ?
На деревѣ горитъ онъ,
А Маршъ ужъ миновалъ
И новый цвѣтъ развился.
Вотъ къ дереву пришелъ я
И молвилъ: померанецъ,
Ты спѣлый померанецъ,
Ты сладкій померанецъ,
Я вѣтвь трясу, почувствуй,
Спади ко мнѣ на грудь!..

В. Д.

НОВЫЯ КНИГИ.

59. *Подробное и основательное руководство къ дѣланію коровьяго масла и приготовленія разныхъ родовъ сыра. Изъ иностранныхъ и Россійскихъ сочиненій извлечено и переведено* (п. е. изъ иностранныхъ сочиненій извлечено, а изъ Россійскихъ переведено) *И. С.—С. П.* бургъ, въ Типографіи И. Глазунова, 1830, Въ 8. (84 стран.) (*)

Разсуждая о Музыкѣ, Медицинѣ, Астрономіи, Ботаникѣ, Физикѣ, Химіи, Танцованіи, Живописи, и другихъ Наукахъ и Искусствахъ, выходящихъ изъ круга Наукъ Словесныхъ, — не всякій Журналистъ имѣетъ право судить о предметахъ, относящихся къ Домоводству, хотя оно также принадлежитъ къ важнѣйшимъ отраслямъ просвѣщенія, и также постепенно совершенствуется.

(*) Продается въ книжныхъ лавкахъ Глазуновыхъ по 3 р. экземпляръ.

слъ благодарительнымъ его вліяніемъ на всю вселенную. Мы слышали и читали уже въ нѣкоторыхъ Журналахъ похвалы этой книжкѣ, свѣдѣнія которой относятся къ коровьему маслу и сыру, и хотя сами имѣемъ *вкусъ* въ семь послѣднемъ, но какъ въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о Теоріи, а не о Практикѣ, то, не рѣшаясь произнести опредѣлительнаго сужденія нашего о семъ твореніи, предоставляемъ опытнымъ Домоводамъ извѣдать истинную пользу онаго, и если окажется, что дѣлаемая по наставленію сей книжки масло и сыръ будутъ хороши, то желаемъ кушашъ на здоровье и по и другое.

С М Ъ С Ъ.

— Почтенный нашъ Поэтъ, Графъ Д. И. Хвостовъ, по случаю бѣдственной Холеры, находящейся нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, написалъ стихотвореніе, исполненное паидашельныхъ мыслей и истинныхъ христіанскихъ чувствованій. Имѣя честь получить оно для помѣщенія въ нашей Газетѣ, мы полагаемъ принести правдивую пользу нашимъ читателямъ исполненіемъ желанія Его Сіапельснва. Графъ Дм. Ив. написалъ это произведеніе *бѣлыми* стихами; но въ *тѣхъ* дни и не должно писать иными. Бѣлыя стихи многимъ кажутся немьющими музыкальносн для слуха; но, по нашему мнѣнію, рноты не составляютъ существеннаго достоинснства въ хорошихъ произведеніяхъ.

П о д р а ж а н і е,

сдѣланное изъ 37-й Главы премудрости Иисуса сына Сирахова.

(Писано 1 Октябрю 1830 года.)

Молитвы къ Богу возсылай,
О человекъ! среди искушеній,
Познай среди суеты напасти,
Гдѣ окормишь души корабль;
Приобрѣти по сердцу друга,
Внемли правдивому совѣту:
Друзей-развращенниковъ бѣги;
Они тебя для чрева любятъ,

Удвоить лютой мести злобу,
Когда корысть имъ дастъ закопъ.

✱

Пишай здоровой съвѣдоу душу,
Живемъ доколѣ на землѣ;
Не дай вкушать ей былій вредныхъ,
Ни пагубный разврапа плодъ.
Изъ сладострастнаго пошюка
Водѣ лдовныхъ пресыщеній,
Сынъ благочестія! не пей;
Не жадно зри на прелестъ вкуса,
Въ избыткѣ лствъ не разливайся,
Въ забавахъ мѣрло храни.

✱

Ты отъ жишнейскихъ наслаждений
Какую мзду получишь здѣсь?
Привьешь къ себѣ болѣзней семя,
Къ могилъ самъ отворишь дверь;
Излишнихъ брашней плугою,
Недугъ педугою усугубишь,
Унынія слаченный рабъ,
Ты кровь свою наполнишь желчью:
И бичъ несмытая Холеры
Въ мигъ посвѣтитъ, какъ жидецъ праву.

— Изд. Свѣ. Мерк. получилъ и другое стихотвореніе (за подписью *Е. С.*), написанное по случаю-же Холеры; но да проспѣять великодуш-но *Е. С.* (Сочинитель, скрывшій имя свое подъ семи буквами) искренность Изд. Меркурія: это стихотвореніе чрезвычайно плохо, и потому онъ напечатать его *не можетъ*; оно мало что плохо, но во многихъ случаяхъ рѣшительно непонятно, сумбурно, пельно. Хопя и надлежало-бы, ради благой цели, извинять скудость дарованія Автора; но всѣ-ли читатели Меркурія спали-бы руководствоваться этимъ правиломъ? Можесть бытъ нашлись-бы въ числѣ ихъ иные, которые, читая сумбуръ, начали-бы смѣяться; а въ нынѣшнее время, когда дѣло идетъ о предметѣ, обращающемъ на себя общее вниманіе, — смѣяться и непристойно и грѣшно.

М О Д Ы.

Вечерній нарядъ. Плащѣ изъ бѣлой бумажной кисеи; подолъ съ двумя широкими складками, обширными узенькимъ кружевомъ, и съ двумя бантами изъ цвѣтнаго флера; лифъ убранный цвѣтными гроденаплемъ; прическа волосъ изъ косы въ видѣ короны съ тремя флеровыми бантами; башмаки черныя; перчатки бѣлыя.

— Въ настоящее время года боппики преимущественно употребляютъ изъ волосной матеріи, какъ непринимаящія въ себя сырости.

— Гроденаплевые корсажи, названные *corsages chinois*, въ большой модѣ.

— Шляпки дѣлаются бархатныя зеленаго цвѣта, съ двумя или пяпью бѣлыми перьями.

— Недавно въ Парижѣ выдумали механическіе корсеты: они дѣлаются безъ шнуровки и сплгиваются посредствомъ пружины. Новое сіе изобрѣтеніе, о которомъ мы надѣемся опдаться въ послѣдствіи времени вѣрный отчетъ нашимъ читательницамъ, — заслуживаетъ полное вниманіе: ибо такой корсетъ рѣшительно скрываетъ всѣ (*) недоспашки въ пали. Хопя мы увѣрены, что весьма немногія изъ прекрасныхъ нашихъ читательницъ будутъ имѣть надобность въ этомъ корсетѣ, но за всѣмъ шѣмъ не можемъ не опдаться справедливой хвалы искуснику, хитрому уму котораго суждено было сдѣлать сіе важное открытіе; и потому, въ заключеніе сей статьи, восклицаемъ съ душевнымъ умиленіемъ: да здравствуетъ изобрѣтательный гений!

(*) Всѣ?.. а напримѣръ *горбъ?*.. *Прим. Корректора.*

Шарада въ прошедшемъ Но (въ которой въ 5-мъ стихѣ напечатано ошибкою *de faire, vi. de faire*) значитъ: *rec-plier*.

Выходитъ по понедѣль-
шкамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 120.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
лавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 6 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ГЛАВА ИЗЪ КНИГИ:

Общій Статистическій Взглядъ
на Петербургъ (*).

Читающаго эту главу отдѣльно и слѣдова-
тельно нечитавшаго предисловія, предшествую-
щаго сему сочиненію, — я попрошу не забывать,
что взглядъ мой есть *общій*, то есть не сокра-
щенный или поверхностный, а обнимающій боль-
шее число предметовъ; что всякой взглядъ чело-
вѣка долженъ имѣть свои погрѣшности, и — что
нѣтъ правила безъ исключенія.

Предметъ моихъ заключеній на сей разъ есть
исключительно поколѣніе (*caste*) *чиновниковъ* (*em-
ployés*) въ самомъ широкъмъ значеніи сего слова.
Сюда не относятся ни *Директоры Департаментовъ*,
входящихъ въ составъ прибавленія къ гла-
вѣ *людей Государственныхъ*, ни дородные *Секре-
тари*, ни *Повѣстники*, ни прочіе *подьячіе*, ниже
Секретари и *приказные* прочіихъ *присутствен-
ныхъ* (или, какъ сами они называютъ *присуд-
ственныхъ*) мѣстъ, ни *Квартальные*, ни ихъ
Полнощники, и не тѣ члены высшей молодежи
нашей, вскормленные стихами Ламартина и

(*) Станія сія прилѣпана ко мнѣ при слѣдующей
запискѣ: Г. Издатель Меркурія! Люди описы-
ваютъ нравы Индѣйцевъ и жителей острововъ
Зеленаго Мыса: почему же намъ не описывать
своихъ любезныхъ соотечественниковъ?.. Вашъ
покорный слуга

Провинціалъ.

Разумѣется: своя рубашка къ шѣлу ближе. — Изд.

Томъ 2. № 120.

знающіе панзусъ Чайльдъ-Гарольда, которые
разъ или много два въ годъ посѣщаютъ капцеля-
рію, или даже не знаютъ, гдѣ она находится,
проводятъ жизнь, шаркая по паркету гостинныхъ,
ожидая открытія мореходства, чтобы ѣхать
къ водамъ, и лечиться — отъ праздности. —
Нѣтъ: всѣ эти люди, или описаны въ предъиду-
щихъ главахъ, или же будутъ встрѣчаться въ
последствіи. Къ сей главѣ принадлежатъ поко-
лѣніе собственно такъ называемыхъ *чиновниковъ*.
Это суть тѣ звѣзды въ лѣспивцѣ общей граж-
данской іерархіи (*), которыя начинаются съ *На-
чальника отдѣленія et compris*, и нисходятъ до
Капцелярскаго служителя *et compris*, сидящаго
за переблѣненіемъ опусковъ, то есть черновыхъ
исходящихъ бумагъ. Главнѣйшая характеристиче-
ская черта сего поколѣнія есть безкорыстіе —
можетъ быть, не столько изъ добродѣтели,
сколько по необходимости; — трудолюбіе — такъ
же болѣе изъ принужденія, нежели отъ общ-
венной склоности — и, наконецъ, умѣренность,
или, еще болѣе, пещели умѣренность, словомъ
состояніе, предшествующее нищетѣ.

Если вы встаете рано утромъ, то есть ча-
совъ въ восемь, то спускайтесь со мною на Нев-
скій Проспектъ, и будемъ-те слѣдовать отъ
большаго Англійскаго магазина, на углу Малой
Миліонной, до самаго Аничкина моста. Вся эта
братія направляетъ стопы свои къ *Главному*

(*) Гражданская іерархія — не такъ-то складно, при-
знаюсь откровенно. Сох.

Штабу — въ здание, по обширности своей и по красоте, какъ внутренней, такъ и внешней, справедливо заслуживающее названіе *Главнаго*, Прежде всего показываются *Канцелярскіе служители*, люди отъ 12-ти до 60-ти-лѣтняго возраста — и всѣ равныхъ способностей. Сими вѣрными слугамъ опечиства ввѣряются, безъ всякаго опасенія, важнѣйшія пайны, заключающіяся въ переписываемыхъ ими бумагахъ; ибо, по переписаніи, они могутъ только запомнить: на сколькихъ листахъ бумаги, на какой бумагѣ (по естѣственной какой доброшности и цвѣта) писано, и сколько разъ ошибся переписчикъ. Желая разсказывать подробно, я долженъ описать ихъ одежду. Начнемъ со стариковъ. Они носятъ, всѣ безъ исключенія, темнозеленое, а лѣтпомъ, также всѣ безъ исключенія, бѣлое исподнее платье; все различіе состоитъ въ ширинѣ, въ древесности *цѣты* и въ цвѣтѣ вещества, на то, употребленнаго, которое прошивается для зимней одежды отъ 6½ до 12½ и рѣдко до 13-ти рублей за аршинъ. Попомъ слышится жидеть, дѣлающійся изъ одного сукна съ исподнимъ плащомъ, и застѣгивающійся нѣсколькими мѣдными пуговицами, съ изображеніемъ какаго нибудь опечиственнаго символа. Сію одежду употребляютъ они и въ должности, надѣвая оную подъ другую партикулярную (камлоповый, демикопоновый сюртукъ и пр.). *Вице-мундиръ*, по естѣственному роду фрака, довершается нарядъ. Онъ обыкновенно шьется изъ сукна, одноцвѣтнаго съ исподнимъ плащомъ, и рѣдко превышаетъ оное въ цвѣтѣ по 2½ р. на аршинъ; пуговицы, кромѣ того, что нѣсколько покрупнѣе, совершенно сходны съ описанными выше; воротничекъ дѣлается изъ бархата (частію и сукна) всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, коимъ могущественное Время даетъ прекрасныя отливы: желто-синій, зелено-коричневый и пр. д. Шляпа, весьма впрочемъ обыкновенная, замѣчательна только тѣмъ, что всегда еоответствуетъ модамъ, объя-

вленными за два года и семь мѣсяцевъ въ *Recht Courrier des Dames*. Я позабылъ сказать объ украшеніяхъ; оныя состоятъ изъ крестика въ петлицѣ св. Анны, бронзовой медали за 1812 годъ, и особенно въ пряжкѣ знака отличія безпорочной службы, который хотя есть общій всемъ чиновникамъ (въ обширномъ смыслѣ), но рѣдко получается сими послѣдними, ибо рѣдко у кого изъ нихъ достанется терпѣнія прослужить, не перемѣняя мѣстъ, и не бывая въ отпуску, 20, 30, 40 и 50 лѣтъ! Чины ихъ — Трипулярные Советники — безъ всякаго рѣшительно извѣстія.

Одежда молодыхъ Канцелярскихъ чиновниковъ совершенно сходна съ первою, кромѣ широкаго (около полу-аршина) подгалстучника и *плица* безъ воротничка, возвышеннаго также за два года и семь мѣсяцевъ предъ симъ въ модныхъ Журналахъ, а теперь сдѣлавшагося исключительнымъ достояніемъ Канцелярскихъ — и, какъ кажется, навсегда. Зимой нѣкоторые изъ нихъ носятъ *Эриванскія* шапочки: онѣ имѣютъ видъ усеченнаго конуса и дѣлаются изъ овчины. — Касательно пуговицъ, должно еще замѣтить, что число ихъ на задней части одежды опредѣлено постановленіями: у имѣющихъ чинъ Коллежскаго Регистратора и далѣе, оно равняется 8-ми; у прочихъ же (т. е. Канцеляристовъ, Подканцеляристовъ и Копистовъ) оно должно быть = 2-мъ. Не смотря на то, сии послѣдніе частно нарушаютъ постановленія, и, желая показать, будто-бы облечены въ почетное званіе Регистратора, пришиваютъ остальныя шесть пуговицъ, и такимъ образомъ самопроизвольно наряжаютъ себя въ такъ называемые вице-мундиры. Жаль, что Начальство рѣдко наказываетъ за подобную дерзость.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

ВОЕННЫЕ КУПЛЕТЫ.

Любимъ драться со врагами,
Пуль пуль отъвѣчать,

И съ бутылкой предъ огнями
 На бивакахъ пировать.
 Любимъ шумныя веселья,
 Нектаръ въ чашъ круговой;
 Чашъ върно въ часъ бездѣля
 Служинъ рашикъ строевой.

Пей, друзья, покамѣстъ пьется,
 Горе жизни забывай;
 Искони у насъ ведется:
 Пей, ума не пропивай.

Завтра, можетъ, въ полъ чистомъ
 Громы битвы загремятъ;
 Ядра съ шумомъ, пули съ свистомъ,
 Къ намъ въ карен полешаютъ;
 Завтра-жъ, можетъ быть, изъ спол
 Насъ на ружьяхъ понесутъ,
 И ужь водки послѣ боя
 Намъ попохатъ не дадутъ.

Пей, друзья, покамѣстъ пьется,
 Горе жизни забывай;
 Искони у насъ ведется:
 Пей, ума не пропивай.

Можетъ, завтра-жъ, падшій жертвой,
 Кто нибудь, друзья, изъ насъ,
 Между мертвыми полмертвой
 Будетъ ждашь послѣдній часъ;
 Все исчезнетъ передъ нами,
 И въ пескахъ чужой страны
 Мы безъ гроба, подъ кустами,
 Будемъ всѣ схропены.

Пей, друзья, покамѣстъ пьется,
 Горе жизни забывай;
 Искони у насъ ведется:
 Пей, ума не пропивай.

М. Оедоровъ.

Писано въ 1828 году.

НОВЫЯ КНИГИ.

60. *Журналъ плшсходцевъ отъ Москвы до Ростава и обратно въ Москву.* Издавъ М. Н.

М. к. р. в. — Москва, въ Уннверситетской Типографіи, 1830. Въ 16. (226 стран.) (*)

Сочиненіе, въ кошоромъ чнпашель немного найдеть занимательнаго.

С М Ъ С Б.

Портретъ Фенелона.

(Изъ Mémoires du duc de St Simon.)

Никто лучше не описалъ Автора *Телемака*, какъ Сенсъ-Симонъ. Прелатъ сей, говоритъ онъ: былъ человекъ высокаго роста, спиройнаго спана, съ выразительно-блѣднымъ лицомъ, съ пламенными глазами, показывавшими всю японкость его ума. Если кто разъ видѣлъ Фенелона, то черты его лица оставались навсегда глубоко врѣзанными въ памяти того человека; оно все соединяло въ себѣ: важность и снисхожденіе; скромность и чистосердечіе; серьезность и веселость. По наружности Фенелона, можно было иногда принять его за Епископа, иногда за вельможу, а чаще за философа. Благородство было главнымъ оппечаткомъ въ его лицѣ.

Н. Т — щ — въ.

А н е к д о т ы.

1. Доктору Джонсону случилось быть въ обществѣ съ одною весьма говорливою дамою, на кошорую онъ не обращалъ никакого вниманія. Та, въ отмщеніе за сіе, сказала ему: кажется, что вамъ, г. Докторъ, не правится общество дамъ? — „Напротнвъ, сударыня, возразилъ Докторъ: я люблю ихъ живость, пѣжность — и *молчаливость*.“

2. Въ кампанію 1812 года Генераль Б. былъ жестоко раненъ въ ногу, и Доктора, по совѣщаніи, признали необходимымъ оппилить ее. Генераль выслушалъ эпиптъ приговоръ весьма равно-

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 3 рубли экземпляръ.

душно, и видя слугу своего плачущимъ, сказалъ ему съ улыбкою: „что ты заплакалъ? тебѣ же, братецъ, лучше: ты теперь будешь числится ужь не два сапога, а одинъ только.“

3. Одинъ Докторъ, пришедъ въ гости, вздумалъ передъ обѣдомъ прогуляться по кладбищу. Когда сполъ былъ готовъ, и онъ не возвращался, многіе удивлялись, не могли придумать, куда онъ дѣвался. На это одинъ изъ гостей сказалъ: „Г. Докторъ пошелъ навѣстить прежнихъ своихъ пациентовъ.“

4. Старый служившій, лишась на войнѣ глаза, вставилъ вмѣсто его оловянный, и ложась спать, всегда вынималъ оный. Бывъ однажды въ прахъ, онъ вынулъ эпошъ глазъ и опдалъ слугѣ, чтобы пошъ положилъ его на сполъ. Слуга оставался въ ожиданіи. „Чего жь ты дожидаться, любезный?“ наконецъ спросилъ у него кривой. — „Да другаго, сударь, вашего глаза“ — опвѣчалъ слуга.

(Съ Англійскаго.)

— Два Нѣмца хотѣли непременно побывать хоть въ одномъ концертѣ Г-жи Зоннпагъ; но какъ цѣна за кресла казалась имъ ужасною, то они придумали средство доставить себѣ пріятное и дешевое удовольствіе. Они уговорились, чтобы проимъ вмѣстѣ на общія деньги заплащивъ 25 р. за кресла, и какъ Г-жа Зоннпагъ поешъ каждый концертъ три Аріи, то одинъ изъ нихъ, прослушавъ Арію, пушнитъ на свое мѣсто другаго, а эпошъ прешьяго. Для составленія сего приумвирата недоставало прешьяго, и потому наши герои, пришедъ ушромъ къ должности, сдѣлали предложеніе своимъ товарищамъ по службѣ: не хочетъ-ли кто изъ нихъ за дешевую цѣну прослушать Германскаго соловья. Охотниковъ не

сыскалось, кромѣ одного молодого шалуна, который взялся заплащивъ даже болѣе Нѣмцевъ, и. е. чтобы тѣ заплащили по 8 р., а онъ заплащивъ 9 р.; но съ тѣмъ, чтобы ему первому слушать пѣвицу. Нѣмцы, ничего не подозрѣвая, и видя, что предпріятіе ихъ увѣчалось бѣльшимъ успѣхомъ, нежели какъ они воображали, ибо въ семь случаевъ у каждаго изъ нихъ оставалось по нѣсколькѣ копѣекъ въ карманѣ, — охотно согласились на предложенное условіе. По составленіи надлежащей суммы, билетъ былъ взятъ новымъ ихъ поваричемъ и показанъ имъ. Въ день концерта союзники пришли вмѣстѣ въ Малый Театръ: 9 рублевый вкладчикъ пошелъ въ кресла, а Нѣмчки оставались дожидаться у подъезда, пока поваричъ ихъ, прослушавъ первую Арію, придетъ позвать одного изъ нихъ на свое мѣсто. Долго, очень долго ждали они, и наконецъ прождали до самаго окончанія концерта; а въ это время были выпѣснены на дворъ многочисленную публикою, вышедшею изъ Театра. Въ большомъ негодovanіи на сыгранную съ ними шутку, они оправились домой, имѣя въ виду то утѣшеніе, что на другой день выпребуютъ обратно свои деньги съ поварича, обманувшаго ихъ; но и въ эпошъ не удалось имъ: пошъ отказался отъ возвращаюныхъ, утверждая, что, на основаніи условія, онъ, по прослушаніи первой Аріи, выходилъ изъ Театра, но проискавъ долгое время, не встрѣпилъ никого изъ нихъ, долженъ былъ возвратиться на свое мѣсто, и, пропивъ воли своей, прослушать цѣлый концертъ. (Сообщено.)

E N I G M E.

Sans aucun changement, je t'offre tour à tour
Une étoile, un métal, une gazette, un messenger d'amour.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 121.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
лавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 8 ОКТЯБРЯ, СРЕДА.

ГЛАВА ИЗЪ КНИГИ:

ОБЩІЙ СТАТИСТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПЕТЕРБУРГЪ (*).

(Окончаніе.)

Теперь слѣдуютъ *Столочальники* съ своими *Помощниками: старшими и младшими*. Послед-
ніе едва-ли чѣмъ разнятся отъ предъидущаго
подраздѣленія: они такъ-же точно переписыва-
ютъ бумаги, сочиненныя ихъ Столочальниками
или Старшими Помощниками, такъ-же точно
исполняютъ ихъ приказанія и такъ-же боятся
ихъ, какъ и Канцелярскіе. Но первые, ш. е. Сто-
лочальники и Старшіе Помощники ведутъ се-
бя совсѣмъ иначе: они говорятъ только съ рав-
ными себѣ; жмутъ руку только у такихъ-же
важныхъ особъ, какъ и они сами; и Боже сохра-
ни, чтобы они спросили, о чѣмъ-бы то ни было,
у служителей низшей степени! Коснемъ ихъ
сходенъ съ означеннымъ выше, кромѣ развѣ—въ
изобиліи — Анненскихъ, и опчасти Владимір-
скихъ крестиковъ, кои видны въ пеплицахъ ихъ
одежды. Они не посятъ упомянутыхъ нами пла-
щей; но замѣняютъ ихъ шивелями или сѣраго,
или же сѣлаго цѣпа — покроя, современнаго
учрежденію Министертвъ (*).

Занятія сихъ людей состоятъ въ точномъ
приходѣ въ Канцелярію (чѣмъ раньше, шѣмъ луч-
ше), и исполненіи, безъ всякаго прекословія, во-

ли Начальниковъ, копорая состоятъ въ помѣ,
чтобы они въ бумагахъ, ими *сочиняемыхъ* (если
можно такъ назвать вставленіе именъ, годовъ,
мѣсяцевъ и числъ въ общепринятыхъ формулы)
слѣдовали слѣпо прежнимъ образцамъ. Напримѣръ,
если въ прежнихъ бумагахъ писалось: *лѣкаръ,*
свѣденіе, врачъ, присудствіе, опсудствіе, Тимо-
фѣй, то горе тому либералу, копорый (если-бы
впрочемъ былъ столько ученъ) вздумалъ-бы напи-
сать: *лекаръ, свѣдѣніе, врачъ, присутствіе, оп-*
сущствіе, Тимоеѣй! Горе тому дерзновенному,
копорый осмѣлился-бы употребить: *на отноше-*
ніе Вашего Превосходительства, вмѣсто: *въ слѣд-*
ствіе отношенія Вашего Превосходительства,
и пр., если такъ дѣлалось прежде. — О священ-
ная древность!

Не распространяясь далѣе о *Начальникахъ*
Отдѣленія, Экспедиторахъ и прочихъ среднихъ
членахъ Администраціи, мы сдѣлаемъ общій об-
зоръ умственнаго образованія, нравовъ, образа
и способовъ жизни сего замѣчательнаго и едва-ли
не исключительно одному Петербургу принадле-
жащаго поколѣнія.

Умственное и нравственное образованіе наше
должно, конечно, начинаться съ первыхъ лѣтъ
нашей жизни. Малюшка, сынъ Типулярнаго Со-
вѣтника, носящаго на груди своей опличіе без-
порочной службы, а подъ мышкою — въ крас-
номъ, клѣпчатомъ плапкѣ свинпокѣ бумагъ, за
коими просиживаетъ остальную часть дня, въ

(*) Въ 1801 году.

брату своего семейства — сей малюпка, говорю я, долженъ всасывать, вмѣстѣ съ молокомъ, одни только понятія о сихъ священныхъ харціяхъ. Юный слухъ его не поражается ни чпениемъ звучныхъ стиховъ Виктора Гюго, ни *гармоніею гармоній* (если можно такъ назвать Harmonies sacrées) Ламартина, ни прекрасными повѣстями Цюкке и Алибера; — онъ поражается однимъ чпениемъ бумагъ, которое производитъ опецъ его вечеромъ — въ родѣ священнаго обряда Индѣйцевъ — чпобы не забыть, гдѣ должно что выскоблить, гдѣ исправить ошибки.

Такимъ образомъ юный *чиновникъ*, достигнувъ десяти или одиннадцати-лѣтняго возраста, и весь напичанный уже духомъ *Департаментализма*, всупася въ одну изъ уѣздныхъ училищъ, или, что впрочемъ рѣдко бываетъ, въ гимназію, дабы затвердивъ шамъ, въ печеніе двухъ или трехъ лѣтъ, имена учителей и названія преподаваемыхъ предметовъ ученія, спѣшить пошомъ во свѣтлице казны своей — Канцелярію, чпобы начать шамъ свой десятилѣтній (если не вѣчный) трудъ переписыванія бумагъ. Чпашель возразить конечно, что изъ всего есть исключенія; что не всѣ дѣши чиновниковъ получаютъ такое воспитаніе; что многіе *вступаютъ* въ военно-учебныя заведенія; и такимъ образомъ выходятъ изъ казны своей, чрезъ вступленіе на доприще чести, и пр. и пр. и пр.! — Но онъ долженъ вспомнить, что мой обзоръ есть *общій*, и что я не исчисляю исключеній.

Описывать слѣдующее за симъ возрастомъ состояніе чиновника — значило-бы повпорять старое. Кругъ мышленія его опредѣленъ; онъ приспращается болѣе и болѣе къ своей службѣ, и никакъ не разувѣритъ его въ превосходствъ ея. Достигнувъ лѣтъ двадцати-пяти или тридцати, и принеши обильные дары здоровья своего богинѣ Нѣжностей, или по крайней мѣрѣ наемнымъ жрицамъ ея, онъ всупася въ брач-

ный союзъ съ дочерью своего собрата, и соединивъ небольшое приданное сей послѣдней (*) съ остатками опъ награжденій, получаемыхъ въ концѣ каждаго, или почпи каждаго года, состоящихъ изъ 200, 300, и иногда и 750 рублей, за прилежное переписываніе бумагъ, онъ покупаетъ себѣ небольшой домикъ въ присвоенной казны его частпи города — на *Пескахъ*. Такіе дома можно покупать, если не по пяти или пятидесяти, то по крайней мѣрѣ по пяти сотъ рублей, сколько вамъ угодно. Онъ проводитъ жизнь свою далеко опъ буръ умственныхъ и политическихъ, и достигаетъ лѣтъ масшпныхъ — въ Канцеляріи.

Мнѣ случалось быть въ обществѣ сихъ людей. Разговоръ ихъ ограничивается производствомъ въ первый чинъ, опредѣленіемъ къ мѣсту, наградами за труды ихъ, и хорошимъ или худымъ расположеніемъ ихъ Начальниковъ. Симъ обществу чужды искусства, Литерапура и науки почныя: — имъ врожденна одна Канцелярія.

Къ чести сего племени должно сказать, что имъ чуждо и *Искусство брать взятки*, коимъ снабдилъ Авторъ сей книжки своихъ соопещенниковъ, и которое имѣетъ спомъ большое химическое средство съ покомѣнемъ Секретарей и Повыщниковъ, сирѣчь вообще подѣлчихъ (**).

С И Р О Т А .

„Нитѣ мнѣ приюта безкровному пѣтъ

Прилечь опягченной главою:

Я вяну, хладѣю, и въ младости лѣтъ

Остался одинъ сиротою;

И въпры, бушуя надъ Волгой, шумящъ,

И мнѣ про несчастье мое говорятъ!—

✱

„Давно я лишился отца своего,

И думы веселой не знаю —

(*) Опъ 1000 до 5000 и рѣдко до 10000 рублей.

(**) Напрасно Авторъ не подписалъ своего имени. Искренно благодарю его за доставленіе сей пьесы: воптъ-такимъ-то спатескъ намъ и цадо, понеже онъ зло намъ по сердцу. — Изд.

Печально смопрю на могилу его

И маперн пѣнь призываю;

Вотъ воронъ надъ камнемъ гранитнымъ лепишь
И гробиую пѣснь мертвцамъ онъ кричишь.

✱

„Давно утѣшился мнѣ бѣдному пѣть,

И жизнь, не цвѣня, увядаетъ;

Безвѣстенъ мнѣ дружбы священной привѣтъ,

Душа въ сиротствѣ изъживаетъ!..“

И слезы не льются, и сердце молчитъ,

А юный страдалецъ у берега сидитъ.

✱

И долго сидѣлъ онъ... и долго тоской

И думою пляжкой поминный,

Услухъ наконецъ надъ шумящей рѣкой,

Услухъ для свиданья — съ родимой!

И вѣтры, бушуя надъ Волгой, шумящъ,

И темныя кудри его шевелятъ! —

К. Петерсонъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

61. *Подарокъ другу на новый годъ, или путь изъ семи цвѣтовъ на ильминъ.* Сочиненіе Θεоктиста Улегова. Москва, въ Тип. Степанова, 1830. Въ 8. (23 стран.)

62. *Небольшой завтракъ для голоднаго.* Сочиненіе Θεоктиста Улегова. Москва, въ Тип. Степанова, 1830. Въ 8. (21 стран.)

Друзья не должны пренебрегать ильминными подарками, какъ-бы они ни были незначищи, которые дѣлаются имъ по чувству искренней пріязни; равно и голодный гость не осудишь хозяина за небольшой завтракъ, если только онъ въ гостепріимствѣ руководствуется пословицею: *члмъ богатъ, тлмъ и радъ.* Но какъ въ насполящемъ случаѣ дѣло идееть о печатномъ *Подаркѣ другу* и о печатномъ-же *Небольшомъ завтракѣ*, то естъ о книжечкахъ Г. Улегова, то за *Подарокъ другу*, мы, къ сожалѣнію, не можемъ опдаришь Автора лестнымъ для него привѣтствіемъ; а за *Небольшой завтракъ* читатель не спавеня пѣнлшь на него — если будеть имѣшь въ виду хорошій обѣдъ.

С М Ъ С Б.

— Между пѣмъ, какъ Русскіе Журналисты испощались въ эпипешахъ, конни желали доспойно превознести пѣніе Госпожи Зонштагъ, нашъ Сѣверный соловей, соловей Русскихъ Поэтовъ, Графъ Д. И. Хвостовъ, казалось, былъ погруженъ въ очаровапельную дремошу опъ волшебныхъ прелей соловья Германскаго: это можно заключишь по необыкновенному молчанію, которое хранилъ онъ доннпъ, вразсужденіи Г-жи Зонштагъ. Намъ-же, привыкшимъ къ торжеспвеннымъ кликамъ гостепріимной Музы его, всегда радушно привѣтствовавшей до сего времени всѣхъ примѣчательныхъ особъ, посѣщавшихъ Россію, — казалось это безмолвіе именно необыкновеннымъ. Наконецъ послѣднее пѣніе соловья Германскаго пробудило нашего соловья опъ его сладкаго усыпленія: съ этими магическими звуками, которые вылетѣли изъ устъ несравненной Зонштагъ,

Соловей, мой соловей,

Голосистый соловей!

Ты куда, куда летишь?

кажется, невидимая фея махнула волшебнымъ жезломъ своимъ: нашъ соловей вспрепенулся и пропѣлъ слѣдующую прощальную пѣснь:

На послѣднее въ Петрополь пѣніе знаменитой Зонштагъ, въ залъ Державиной, 26 Сентября 1830 года.

Уже взвился! въ заморскіе предѣлы

Опъ Сѣвера летишь нашъ соловей!

Преспалъ лѣнлшь поля, дубравы, селя,

Гармоніей прелестною своей.

И голосъ смолкъ, что съ пламенемъ душевнымъ

Здѣсь дѣнллъ слухъ ллпвомъ намъ волшебнымъ.

✱

О соловей! пари съ береговъ Невы! —

Огонь сердець! лети опъ странъ холодныхъ,

Внимал вповь, за блескъ даровъ природныхъ,

Хваленія сопутницы молвы.

Зонштагъ! швой взглядъ, раскаты, прель, *прилнги*,

Живушь въ сердцахъ и ввчно будушь живы.

✱

Лети Орфей и голосомъ прелестнымъ
Лови, пляши и покоряй сердца.
Средь бышя предвломъ въ жизни шѣснымъ
Не сковашь даръ; онъ здѣсь посолъ Творца:
Онъ свѣша духъ, крылашь, легкокъ, свободенъ,
Живительнъ, какъ солнце превосходитъ.

Но Германскій соловей

Ужъ улѣпля въ заморскіе предвлы
Пляшишь полъ, луга, дубравы, селы —
за що нашъ соловей . . . съ нами
Остался на брегахъ Невы
Внимаешь хваленія сопутницы молвы! —

— Г. Олинъ, напечапавъ въ 5-й (и послѣдней)
Карманной своей Книжкѣ крайне бранчивую ста-
пейку на Свѣ. Меркуріи, на которую, со сто-
роны Издашеля сей Газеты, опвѣчаешь *печатно*
не надлежало, — въ концѣ спашейки своей ска-
заль, что Карманная Книжка непосредственнo въ
первый и *послѣдній* разъ упомянула о Меркуріи.
Слово *послѣдній* ввело въ искушеніе самого Изд.
Свѣ. Меркурія: подъ симъ выраженіемъ онъ ра-
зумѣлъ предположеніе Г. Одина, оставишь его на
будущее время въ покоѣ, и хочя не совсѣмъ въ-
рилъ сему обѣщанію, однакожь никакъ не дога-
дался, что Г. Олинъ разумѣлъ подъ симъ сло-
вомъ вовсе другое обстоятельство. Чшо же
означало это выраженіе? Вопшь что, Мм. Гг.:
подъ словомъ: *послѣдній разъ*, Г. Олинъ разумѣлъ
послѣднюю 5-ю Карманную свою Книжку, кото-
рою онъ въ *послѣдній разъ* спабылъ карманы сво-
ихъ пренумераншовъ; но Изд. Свѣ. Меркурія, никакъ
не полагая, чшобы Г. Олинъ, слѣдя похвальному
своему обычаю, извѣстному по издаваемымъ имъ
прежде Журналамъ, разсудилъ ограничиться 5-ю
Карманными Книжками, вмѣсто 12-ти, за кото-
рыя заплачены деньги его пренумерантами, —

простодушно понялъ упомянутое выраженіе въ
другую сторону. Хиперъ-же Г. Олинъ! . .

М О Д Ы.

— Реденготы дѣлаются съ гладкими спинками;
грудь менше открыта, чѣмъ прежде, однакожь
такъ, чшобы вышитая шемизетка была видна;
воронничекъ оплогой; рукава чрезвычайно широ-
ки къ верху и очень узки къ кисти руки. Уборка
ихъ состоишь изъ апласныхъ фешоновъ, зуб-
цевъ и розетокъ; внизу одинъ широкой рубецъ.
— Воас начинаютъ входишь въ большую моду;
ихъ посягъ болѣе при кисейныхъ или изъ шер-
стяной матеріи плашьяхъ; они дѣлаются изъ
купьяго тѣха.

— Модныя шляпки изъ чернаго апласа подби-
ваются апласомъ блѣдно-розоваго цвѣша; уборка
ихъ состоишь только изъ двухъ или трехъ бап-
повъ черныхъ апласныхъ лентъ; шудля обши-
вается блѣдой широкой блондою. Тулы у шдл-
покъ-капоповъ изъ крепа, рубиноваго цвѣша, об-
шиваются чернымъ бархатомъ.

— Шемизетки сверхъ плашья дѣлаются на
спинкѣ и груди съ маленькими складками; шипье
у нихъ кругомъ въ палецъ шириною.

— Баписповые плапки съ виньешками въ боль-
шой модѣ.

E N I G M E.

Ma femme veut, bon gré, mal gré,
Faire tout à la sienne,
Et prétend, d'un ton assuré,
Ne rien faire à la mienne.
Quand elle entre dans ses accès,
Telle est enfin la sienne,
Qu'il me faut, pour avoir la paix,
Lui soumettre la mienne.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 122.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 10 ОКТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

ПАРИЖСКАЯ ВОРОЖЕЯ.

Прежде сего, во Франціи, ремесло колдовства не производилось безнаказанно: за предсказаніе будущаго и гаданье обыкновенно платили жизни. Предки наши, какъ извѣстно, поступали лучше насъ, сожигая безъ милосердія всѣхъ колдуновъ: это былъ обычай и всѣ ему покорялись. Госпожи: Вильневъ, Мишель, Ленорманъ и другія, не смотря на могущество свое, испытали дѣйствіе огня. Теперь же Хиромантія, Картомантія, Негромантія, сдѣлались модною наукой и отраслю торговли, которая производится съ видимою пользою. Колдовство ихъ изъ ворожей, которыя умѣютъ пользоваться людскими слабостями и осторожны въ своихъ поступкахъ, часто приводитъ вмѣсто костра, къ счастью. Весь Парижъ, безъ исключенія, платилъ дань великимъ палантамъ означенныхъ выше Госпожъ. Каждая изъ нихъ была въ славу. Теперь молодая ворожея общается намъ превзойши искусствомъ своимъ всѣхъ бывшихъ до сего прорицательницъ.

Храмъ сей новой Сивиллы находится въ одномъ изъ многочислѣннѣйшихъ кварталовъ Парижа. Съ утра онъ ошворенъ: для нѣжной красавицы, встревоженной ревностью, которую одинъ только карпы успокоить могутъ; алчному спекулятору, желающему съ нетерпѣніемъ знать, будетъ-ли fortuna ему благоприятствовать; молодой, невинно-разсудительной дѣвушкѣ, ко-

Томъ 2. № 122.

торая спѣшитъ узнать своего суженаго; встревоженному супругу, терзаемому зловѣщими снами, и которому сосѣдство съ Драгунскимъ Офицеромъ наноситъ жестокия мученія; прелестной женщиной, опечаленной отсутствіемъ своего супруга, и желающей, изъ благоразумія — извѣстнымъ образомъ — узнать мигнутому его возвращенія . . . . . Любовь приходитъ искать тамъ надежды — печаль утѣшенія. Длинный рядъ экипажей; сполцихъ у подъѣзда, свидѣтельствуютъ о числѣ любопытныхъ: да не удивится никто сему легковѣрію въ людяхъ, отъ коихъ воспитаніе, казалось-бы, устранило подобныя слабости. Самъ Аристопель уважалъ Хиромантію, какъ науку положительную, — а сколько есть людей, которые поставляютъ себя за честь мыслить, подобно Аристопелю.

Много разъ слышалъ я, какъ превозносили похвалами прорицанія сей новой ворожеи. Женщины, коихъ праздность приводила къ ней, говорили съ восхищеніемъ о живости ея ума, о тонкихъ вопросахъ, и особенно о быстротѣ, съ которою она угадывала то, въ чемъ не хотѣли ей признаваться; мужчины хвалили мнѣ черты ея лица, благородство и пріятность ея обращенія. Первыя сознавались, что она была недурна собою; послѣдніе-же увѣряли, что она прелестна. Всѣ сія похвалы возбудили во мнѣ только любопытство: рѣшившись лично удостовѣриться, чьего мнѣнія мнѣ держаться, касательно досто-

ниствъ и красоты сей знаменитой особы, я направилъ шаги мои къ ея жилищу.

Часовая стрѣлка показывала восемь; глубокая тишина царствовала еще въ цѣломъ домѣ, когда я вошелъ. Узнавъ причину моего прихода, меня ввели въ комнату, убранныю съ простополою изысканною; ничто однако же не показывало ремесла хозяйки, которая явилась наконецъ чрезъ четверть часа. Это была женщина лѣтъ двадцати шести, высокая, стройная, выражающаяся съ пріятностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ ищущая обратити на себя вниманіе своими умными, разнообразными разговорами: было нѣчто коварное въ ея взорахъ и принужденное въ улыбкѣ; она шутила о неудобствахъ ремесла своего, спаралась между тѣмъ доказать превосходство онаго: мнѣ казалось, что она не была и сама совершенно въ помѣ увѣрена, въ чемъ хотѣла убедити меня, и я Богъ знаетъ чюдъ прозакладую, что она вѣрила менѣе, нежели кто-либо, въ несомнѣнность ворожбы.

Моя бесѣда ей нравилась; я постигъ тайну для привлеченія ея вниманія, говоря о тѣхъ людяхъ, кои были, какъ казалось, ей знакомы: Савонароль, Ависенъ, Блезъ Пармскомъ, Шульгиндусъ, Палемонъ, опецъ Нике (Niquet) и проч. — Поговоривъ со мною нѣсколько, она взошла на священный преножникъ; уже пророческій паръ начиналъ дѣйствовать на нѣжный мозгъ ея, какъ вдругъ кто-то слегка, три раза, постучался въ дверь нашей комнаты, произнесъ тихимъ голосомъ: *отворите, это я . . .* На лицѣ пророческой прорицательницы изобразилось сильное смущеніе, которое она не хотѣла обнаружити: я угадалъ его, не смотря на ея скрытность; положеніе, въ коемъ она находилась, привело меня въ жалость, и я счелъ лучшимъ удалити сей же часъ, чтобъ вывести ее изъ онаго. Она сему воспротивилась. „Вы догадливый человекъ,“ — сказала она мнѣ, смѣясь. Я сказалъ ей мою фамилію. „Я знала на-

передъ, что это вы,“ — прибавила она; потомъ понизивъ голосъ, сказала: „войдите въ эготъ кабинетъ на нѣсколько минутокъ; особа, которая теперь спучится, есть одна изъ монахъ пріятельницъ: я обѣщала ей оказать большую услугу, и не могу не принять ея; васъ же выпущу потчась, какъ скоро съ пей переговорю.“ Она вполкнула меня слегка въ кабинетъ, заперла за мной дверь, и ключъ взяла къ себѣ, боясь, чтобъ я не вышелъ. Я упѣшилъ въ моемъ заключеніи, нашедъ круглое окно въ господствующую, въ которое потчась же началъ смотрѣть.

Вошедшая дама была моложе и пріятнѣе пригожей ворожеи. Лице ея носило на себѣ отпечатокъ невинности и чистосердечія. „Наконецъ, сказала она съ улыбкою, я успѣла: Госпожа Бюзакъ, возбуждвъ въ мужѣ моемъ, на счетъ мясяподозрѣніе, родившее въ немъ ревность, кончила тѣмъ, что онъ рѣшился идти къ тебѣ совѣщаваться. Онъ сей часъ явился сюда; не забудь своего обѣщанія и нашихъ условій.“ — Молодая женщина скрылась, а наша гадапельница приготовилась принять Г. Сенъ-Жульена.

(Окончаніе въ слѣд. No.)

РОДНЫЯ МОГИЛЫ.

Элегія.

Далеко вижу я съ вершины той горы,
Гдѣ вѣнхій монастырь съ убогою главою
Глядитъ на пышные окрестные ковры,
На прелесть дикую. Подъ этою горою
Кипитъ и хлещется великолѣпный Песѣль.
Какъ мило вы надъ нимъ, дремучія дубравы,
Склонились съ береговъ! Но волны величавы,
Оставля вашу сѣнь, бѣгутъ въ зеленый долъ
Искають другихъ картинъ, искають и новой славы.
Великодушный Песѣль! ты пощадишь меня,

Когда, томимый зноемъ дня,

Плескался я прохладными струями
И утопалъ въ тебѣ. Ты добрыми волнами
На берегъ выбросилъ младенца швоего!

Но, ахъ! зачѣмъ ты пощадилъ его?...
Оставимъ прошлое!

Межъ дикими холмами
Прибережной горы опусивъ садъ:
Есть пемь двѣ креста убогіе стоятъ

И означаютъ двѣ могилы.

Отецъ и сынъ въ нихъ рлдомъ спятъ
И дѣлалъ смертный сонъ, какъ жизни сонъ дѣлили.
Могилы бѣдныя! заглохли вы правой,
И нѣтъ пропихки къ вамъ — знаютъ нѣтъ у васъ
родимыхъ;

Нѣтъ никого, ктобъ подарилъ слезой,

Ктобъ сострадательной рукой

Украшилъ смертный домъ друзей невозвратимыхъ!..

Нѣтъ мнѣ роднѣй того, что въ нѣдрахъ сихъ
могилъ!..

Какъ часто я надъ ними слезы лилъ;

Но нѣтъ не зналъ, нѣтъ позабылъ

Тѣхъ, прахъ чей плывешъ въ нихъ, и время ихъ покою,

Въ чемъ принималъ участіе душою.

Девятилѣтнимъ сиротою

Меня оставила родимая мать;

И память юная сиротки не успѣла

Драгаго зашвердить . . . . но живо помню я,

Какъ, оставляя мѣръ, она объ насъ скорбѣла! —

✱

Покинувъ наконецъ шумъ славы боевой,

Два раза посѣщалъ я васъ, мои могилы,

И отчій кровь родной!

Бродилъ въ развалинахъ, угрюмый и унылый,

Съ поскоющей, растерзанной душой.

Нашель-ли я тамъ сердцу утѣшенье?..

Тамъ было пусто все — тамъ вѣтеръ завывалъ!

Тамъ было все душъ моей мученье:

Топъ одръ, гдѣ старецъ сонъ вкушалъ,

На комъ онъ прешелъ въ небесное селенье,

Жилецъ глуши, паукъ пустынный засновалъ;

Домъ опустѣлый: мнѣ вселялъ

Какой-то въ душу страхъ: ужъ близокъ онъ къ
паденью

И скоро рухнетъ! — Помедли кровь родной,

Не предавайся пльню,

Позволь несчастному укрыться подъ пбой;

Недолго подъ твоей пустынной сѣнью

Спрадалецъ будетъ отдыхать:
Онъ скоро въ садъ къ роднымъ пойдетъ спомъ
вѣчнымъ спать!..

Я. Д. — въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

63. *Теоретико-практическое наставленіе о винодѣліи.* Переведено съ Французскаго и издано издженіемъ ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества, пщаніемъ Предсѣдателя Опдѣленія Сельскаго Хозяйства, Аѳанасія Спюйковича. С. П. бургъ, въ Тип. Байкова, 1850. Въ 8. (369 стран.)

64. *О распознаваніи и леченіи бѣлой горячки, происходящей отъ пльства.* Сочиненіе Доктора Баркгаузена. Съ Нѣмецкаго на Россійскій языкъ переведенное Шпабъ-Лекаремъ Александромъ Никитинымъ. С. П. бургъ, въ Тип. ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома, 1830. Въ 8. (83 стран.)

Хотя Технолоія и Медицина различны между собою, но вотъ двѣ книги, относящіяся къ симъ Наукамъ, имѣющія близкое отношеніе одна къ другой: первая говоритъ о способахъ, служащихъ къ усовершенствованію винодѣлія; другая преподаетъ спасительныя средства для исцѣленія пльжкой болѣзни, происходящей отъ винопитія. Съ усовершенствованіемъ винодѣлія, по нашему мнѣнію, должно распространиться винопитіе, ибо облегчатся способы для общаго употребленія вина и удобнѣйшаго его пріобрѣтенія, и слѣдственно, въ семъ послѣднемъ случаѣ польза послѣдней книги очевидна. Основываясь на этомъ мнѣніи и одобрительномъ отзывѣ, сдѣланномъ знаменитымъ Гуфландомъ въ своемъ Журналѣ сочиненію Доктора Баркгаузена, мы поблагодаримъ Г. Никитина за переложеніе онаго на языкъ отечественный. Появленію же первой книги представляемъ радоваться Гг. Помѣщикамъ, упо-

пробляющимъ всѣ свои свѣдѣнія и капиталы для впоудмѣя, и могущимъ извлечь изъ сего сочиненія немаловажныя для себя выгоды опть успѣшнаго производства вина. — Переводъ Г. Никипина продается въ магазинъ Смидина по 3 р. экземпляръ.

С М Ъ С Ъ.

— Клавдія Минье (Mignet) была дочь торговки въ селеніи Мелёшъ, близъ Гребобля. Она вышла замужъ за чиновника финансовъ, Амблезье. После смерти его, когда возникли споры о сдѣланномъ въ пользу ея завѣщаніи, она отправилась въ Парижъ (въ 1658 г.), и тамъ вышла за 75 лѣтняго старца, Маршала Лопиталь (l'Hopital). Спустя года два, она впрочемъ овдовѣла, и имѣла случай познакомиться съ Іоанномъ-Казимиромъ, Королемъ Польскимъ, который предложилъ ей свою руку, и сочелся съ нею законнымъ бракомъ. Это случилось послѣ отрѣченія его опть престола и незадолго предъ тѣмъ опъ лишился первой супруги своей, Маріи Гонзага. Г-жа Дюнойе утверждаетъ, что Клавдія Минье познакомилась съ Казимиромъ въ Парижѣ. Она съ нимъ жила въ Аббатствѣ Сень-Жермень-де-Пре, данномъ ему Королемъ Французскимъ. Сіе третье супружество не было для Клавдіи такъ выгодно, какъ два прежнія, ибо по смерти Короля (въ 1672 г.) она осталась бѣднѣе, нежели послѣ Амблезье: но имѣла честь быть вдовою королевской особы. Упоминала объ Іоаннѣ Казимирѣ, Клавдія говорила всегда: „Король мой повелитель.“ Этимъ хотѣла она выразить, что опъ былъ супругомъ ея. Клавдія была чрезвычайно хороша, и недостаткомъ первоначальнаго воспитанія умѣла въ послѣдствіи вознаграждать собственнымъ прилежаніемъ къ приобрященію тѣхъ

свѣдѣній, которыя необходимы въ свѣтской жизни. (Изъ Tygodnik Petersburski)

— Нѣкоторые находятъ страннымъ, что въ Свѣ. Меркуріи помѣщаются загадки на Французскомъ языкѣ. Это происходитъ опть того, что Русскія загадки черезъ чуръ хитры и неудобны къ разгаданію ихъ даже и въ томъ случаѣ, когда объясняются значенія оныхъ. Мы возьмемъ въ примѣръ одну изъ нихъ, напечатанную въ Альманахѣ нынѣшняго года: *Царское Село* (стр. 4), написанную гекзаметрами А. С. Пушкинымъ. Изъ четырехъ стиховъ, въ оной заключающихся, вопъ два послѣдніе:

— Кто, *Славянинъ* молодой, Грекъ духомъ, а *родомъ* Германецъ?
Вопъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло опъ выхода Царскаго Села, но едва ли нашелся хитрый Эдипъ, который разрѣшилъ-бы эту загадку. Въ самомъ дѣлѣ мудрено отгадать: кто эпошъ Славянинъ, *родомъ* Германецъ?

LOGOGRIPE.

Avec cinqs pieds je cours, rapide, impétueux.
D'une vaste cité les hôtels somptueux
S'élèvent sur mes bords pour enchanter la vue,
Et de quais spacieux on parcourt l'étendue.
Dérange-moi, l'oiseau fameux par son long cou,
Un jour, sur ses longs pieds allant je ne sais où,
Va s'offrir à tes yeux. Cet amant intrépide
Qui pour voir sa maitresse affrontait l'onde humide,
Et la nuit ténébreuse et les fougueux autans,
Tu t'en souviens? Eh bien! celle dont l'oeil avide
Le cherchait sur les flots, sans t'intriquer longtems,
Retrouvée en mon sein, devant toi se présente
Avec ce beau métal à la couleur brillante.
Cherche un pronom encore, une négation;
Le nom, cher aux buveurs, d'un personnage antique;
Le nom d'une île ou bien d'un ton de la musique;
Une rivière, enfin la préposition
Qui sert dans une date, une citation.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамаъ и пят-
ницамаъ.

№ 123.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 13 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПАРИЖСКАЯ ВОРОЖЕЯ.

(Окончаніе.)

Г. Сень-Жульенъ вошелъ, обращалъ вокругъ недоверчивые взоры, и чшобъ лучше судить о шаланпахъ ворожеи, могущесиво коей намѣренъ былъ призвать на помощь, объявилъ, что по одному уже искуству ея, ей должно бытъ извѣстно, зачѣмъ онъ пришелъ.

„Не сомнѣвайшесь въ томъ, милостивый государь, сказала съ коварною улыбкой важная прорицательница: не угодно-ли вамъ будетъ сѣсть и выслушать.“

Онъ сѣлъ.

Собравшись съ мыслями, она разложила по столу карты и начала шакъ свое гаданье: „Вы женаты, милостивый государь; тому не болѣе полутора года, какъ вы сдѣлались супругомъ прекрасной женщины, которая почти вдвое васъ моложе.“

— „Какъ, сударыня!“ —

„Она распочаетъ вамъ всевозможныя доказательства своей нѣжности, и между шѣмъ вы ее подозрѣваете.“

— „Въ этомъ я признаюсь.“ —

„Бубновал дама. И вы подозрѣваете ее по разговорамъ одной пріятельницы вашей супруги.“

— „Точно.“

„Семерка пикъ. Эта женщина простерла безстыдство свое до того, что вы пришли ко мнѣ.“

— „Это непостижимо!“ —

Томъ 2. № 123.

Ворожея собрала карты, и спасовавъ отдала Г. Сень-Жульену, который сплъ оныя дрожащею рукою, — и продолжала опять свои прорицанія съ важною осанкой, съ копорой ничто не могло сравниться: „Ваша супруга благоразумна.“

— „Вы такъ думаете?“ —

„Я это утверждаю; по послушайте: она на васъ жалуется.“

— „На меня?“ —

„Да; подозрѣнія ваши оскорбляютъ ее.“

— Она кажется не могла ихъ замѣпить.“ —

„Но она ихъ угадываетъ: вы знакомы съ челоукомъ очень опаснымъ.“ —

— „Кто же бы это былъ?“ —

„Ну, вошь видите, *трефовый король*, эпомъ мужчина.“

— „Я не знаю его, сударыня.“ —

„Ему не болѣе, какъ 36 лѣтъ.“

— „А! такъ это мой лучший другъ, Жоржъ.“ —

„Да; онъ ищетъ почпо дружества, только не у васъ, а у вашей супруги.“

— „Въ самомъ дѣлѣ?“ —

„Онъ уже третій мѣсяць приступаетъ къ ней съ просьбою, принявъ онъ него бриллантовый склаважъ, зная, что вы въ немъ ей отказали.“

— „Это точно такъ было!“ —

„Но она отвергаетъ сіе предложеніе съ благородною гордосію; только онъ васъ однихъ желаетъ она принимать подарки.“

— „Достойная женщина!“ —

Сивилла собрала карпы, достала при повязе колоды, и начала увѣренному супругу опять ворожить: „Вы красивее за подозрѣніе, которое имѣли на нее.“

— „Конечно, когда вы увѣряете, что жена моя добродѣтельна.“

„О, будьте увѣрены, что она ни о чемъ не думаетъ болѣе, какъ о васъ, и даже въ самую сію минуту она заботится о вашемъ счастьи; но что я вижу? *осьмерка трефъ и семерка червей!*“ —

— „Не означаетъ-ли это чего нибудь худого?“

„Совсѣмъ нѣтъ: это значитъ, что вы памярепы сдѣлать подарокъ вашей супругѣ.“

— „Я?“

„Да: брилліантовую діадиму.“

— „О! я васъ увѣрю, что . . .“

„Получивъ желаемое, ей не должно будетъ спрашиваться искушеній.“

— „Но . . .“

„Супруга ваша приметъ сей подарокъ съ признательностію!“ —

— „Но этошь подарокъ, сударыня, слишкомъ дорогъ!“ —

„Она надѣнетъ его съ гордостію.“

— „Хорошо, если-бы хоть брилліанты были поддѣльные; но чтобы десять тысячъ франковъ! . . .“

„Ахъ, я не вѣрю, чтобы можно было переплатить за добродѣтель женщины, которая васъ обожаетъ?“

— „Меня жена обожаетъ?“ —

„*Осьмерка червей и тузъ пикъ.* Это суцая правда, что Г-жа Сенъ Жюльенъ никого, кромѣ васъ, не обожала и не обожаетъ.“

Слова молодой вороженки сильно подѣйствовали на обманушаго супруга: онъ вскопчилъ съ восхищеніемъ со стула, и выкинувъ стремительно на столъ подлый кошелькъ — побѣждалъ къ ювелиру заказывать палисманъ до-

маняго спокойствія. Этошь день былъ для него счастливъ: брилліанщикъ, бывший опъ прибытка того дня въ веселомъ расположеніи духа, сдѣлалъ ему значительную уступку, — и добродѣтель жены его стоила гораздо дешевле, нежели онъ воображалъ.

Лишь только Г. Сенъ Жюльенъ ушелъ, супруга его вышла изъ засады и кинулась на шею искренней подруги своей, которой извѣляла свою благодарность въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ. Опъ скоро распались; разумѣется, что молодой женщиной непремѣнно хотѣлось быть дома, для принятія алмазовъ и — супруга.

Вороженка, освободивъ меня топчасъ изъ заключенія, предупредила будущіе упрёки съ моей стороны: она начала хохотать надъ сценою, которой я, по милости ея, былъ свидѣтелемъ. „Теперь не спану вамъ ворожить, сказала она: все, что вы видѣли и слышали, избавляетъ васъ опъ шей необходимой увѣренности, съ которою насъ посѣщаютъ; но я прошу васъ, не судить меня слишкомъ строго. Люди — ничто иное, какъ дѣти, которые плачутъ тому, кто ихъ обманываетъ; и заблужденіе, когда оно льститъ имъ, гораздо лучше испины, которая ихъ огорчаетъ; вмѣсто того, чтобы снимать покровъ съ погрѣшностей супруги, я прикрываю ихъ еще другимъ, для счастья супруга, и даже будущую участь его стараюсь украшать, которую другой-бы, на моемъ мѣстѣ, старался разрушить . . . Проповѣдывать-ли богатому банкиру, удивляющему Парижъ полиціею своею, что настанетъ минута, когда онъ позавидуетъ жребію опвергаемаго имъ нынѣ съ презрѣніемъ несчастливца? Предсказывать-ли опцу, радующемуся рожденію перваго сына, что это дитя опечалитъ его старосень? Говорить-ли Лафлеру о вѣрности Лизетты, а Лизеттѣ о невѣрности Лафлера? . . . Я потеряю опъ сего кредитъ, и не увижу болѣе этой любопытной толпы,

только за тѣмъ ко мнѣ приходящей, чтобы получить одобрение своимъ глупостямъ и подтвержденія своимъ ожиданіямъ. Дорогу я выбрала гораздо вѣрнѣе: ласкаю дурачества всякаго; дарю счастьемъ цѣлый свѣтъ, не подвергая себя опасности; отъ меня выходящъ, удовлетворивъ разумъ и сердце, и обѣщаютъ себя постыдиться опять ворожею, которая имѣетъ даръ дѣлать счастливыми за малую цѣну....“

Съ Фран. Ф. Дьякова.

ЛУЧШАЯ МИНУТА.

Темпѣтъ звѣздный небосклонъ,
 На мѣрѣ пизчала риза ночи,
 И оковалъ державный сонъ
 Ему покорившие очи;
 Одна лишь шумная волна
 Молчанье ночи паруситъ,
 И одинокая луна,
 На спящій спитъ лучи ролепъ.
 Вотъ часъ священный для души,
 Прямое сердцу утѣшене,
 Тогда мой Богъ — воображенье
 Со мной бесѣдуетъ въ тиши;
 Освобожденный отъ спрадацій,
 Дневныхъ суепъ, заботъ, мой умъ
 Спремителъ въ области мечшай,
 И молился во храмъ думъ,
 Дожель не вспыхнетъ лучъ денницы,
 Среди восточныхъ облаковъ.
 Не такъ-ли узникъ изъ темницы,
 Разбивъ звеня своихъ оковъ,
 Въжитъ во тмѣ ночной по полю?
 Продлясь! онъ молилъ ночи тѣнь:
 Хотя разъ помедли яркій день,
 Иль шы освѣтивше вновь неволю!..

М. Федоровъ.

НОВАЯ КНИГИ.

65. *Практическое Руководство къ сочиненію музыки, въ пользу самоугащающихся, и-въ облесченіе*

учителей, съ приложеніемъ особенныхъ правилъ для сочиненія Русскаго Церковнаго пѣнія, и двухъ тетрадей, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ примѣры и задачи, а вторая ршеніе задачъ; изложенное А. Фуксомъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. С. П. б., въ Тип. К. Крайл, 1850. Въ 4. (XVIII и 150 екран.) (*)

На Русскомъ языкѣ чрезвычайно мало книгъ, хорошо составленныхъ, относящихся къ музыкальной композиціи. Появленіе въ переводѣ сочиненія Г. Фукса должно порадовать всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, занимающихся музыкою, для которыхъ оно принесетъ большую пользу. Изъ всѣхъ музыкальныхъ книгъ, изданныхъ на нашемъ языкѣ, мы не знаемъ совершеннѣе эпои, о выходѣ которой съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ читателей.

С М Ъ С Б.

— Одинъ Бопаникъ во Франціи нашель растение, которое во многихъ случаяхъ предохраняетъ отъ смерти, но есть цѣлительное въ самыхъ опасныхъ болѣзняхъ. Къ сожалѣнію, онъ шакъ былъ восхищенъ своимъ открытіемъ, что умеръ отъ радости.

Книгопечатаніе въ Полинеціи.

Протеспаштскій Миссіонеръ Эмисъ, въ изданномъ недавно сочиненіи его: Polynesian Researches, изъясняетъ многія любопытныя подробности о введеніи книгопечатанія на островахъ, составляющихъ къ Воспоку отъ Филиппинскихъ острововъ многочисленныя группы подъ названіемъ Полинеціи. Эмисъ успановилъ въ Эймео привезенный станокъ, въ домѣ, назначенномъ для сего

(*) Продается у книгопродавца Брнча, въ Большой Морской, и въ музыкальномъ магазинѣ Пса, по 20 рублей экземплярь.

Царемъ Помаромъ. Онъ самъ, съ многочисленною свипною, прибылъ смотрѣть работу. Эллисъ принявъ на себя обязанность наборщика; но замѣшля, что новыя и блестящія буквы привлекли вниманіе Царя, предоставилъ ему самому набрать первую азбуку. Остроумиливши, исполнил это съ особенною охотою, набравъ большія и малыя буквы и нѣсколько словъ. Когда приготовлялись печатанье, то онъ просилъ, чтобы заперли двери и замазали окошки; разсматривалъ съ большимъ удовольствіемъ формы, установленныя въ станкѣ, и, желая самъ отпечатать первую страницу въ своемъ Государствѣ, просилъ, чтобы не смѣялись, если онъ сдѣлаешь что либо неловко. Эллисъ научилъ его всему производству. Листъ вышелъ чисто отпечатанный. Помаръ взялъ его и разсматривалъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, сначала бумагу, послѣ буквы. Онъ опдалъ листъ сей одному изъ составляющихъ свипу его, и когда Царь печаталъ два другие листа, первый былъ показанъ народу, который принялъ его съ восклицаніями удивленія и радости. Не прошло дня безъ того, чтобы Царь не приходилъ смотрѣть работу: онъ замѣчалъ все со вниманіемъ, считалъ буквы, и казался весьма удивленнымъ, видя что буква А была повторена на 16 страницахъ 5000 разъ. Напечатано 2600 экземпляровъ букваря, капехизисъ, избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія и Евангеліе св. Луки.

„О Великобританія, земля премудрости!“ восклицали безпрестанно всѣ, толпящіяся у дверей и окошекъ Типографіи. Изъ Эймео и сосѣднихъ острововъ собирався народъ, чтобы посмотрѣть работу Миссіонеровъ и получать книги. Берега были наполнены лодками. Для переплета, вмѣсто

бумаги, употребили холстъ изъ древесной коры; старыя Газеты служили на оклейку; спижки-же и углы оклеивали барахлей кожею, привезенною изъ Европы. Когда уже и въ ней былъ недостатокъ, то жители пустились на ловлю и доставили другія кожи.

Послѣ Евангелія Миссіонеры напечатали гимны въ стихахъ, которые получили всеобщій успѣхъ, ибо тамошніе жители имѣютъ отличное чувство поэтической гармоніи, и языкъ ихъ весьма къ ней способенъ. Они имѣютъ много историческихъ и Мифологическихъ пѣсней, называющихся *убусъ* (*ubus*). Дѣтей научаютъ заблаговременно, сопровождая пѣсни свои особенными пѣлдвиженіями, которыя имѣютъ иногда характеръ драматическій, а иногда мимическій. У нихъ есть пѣсня для рыбной ловли; другія поются при спускѣ лодки, при спускѣ ихъ на море, при вырубкѣ лѣса, и проч. Это подражательныя гармоніи, выражаемыя напѣвомъ новымъ (?) и дикимъ, а слова ихъ напоминаютъ о странныхъ обычаяхъ и древнихъ обрядахъ суевѣрія. Отрывки, издачныя Эллисомъ, приближаются къ прекрасной восточной Поэзіи. (Изъ *Tygodnik Petersburgski*.)

Загадки, помѣщенные въ 120 и 121 NNо, значащъ: первая *Mercuré*, а послѣдняя *volonté*.

С H A R A D E.

A plus d'un jeu sert mon premier,
Comme il sert à mainte ouvrière.
On ne peut faire mon dernier
Tout à la fois et mon entier,
Car l'un de l'autre est le contraire.

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 124.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 15 ОКТЯБРЯ, СРЕДА.

ТРАВЛЯ ТИГРА.

(Изъ Фран. Журнала.)

Мы оправились на охоту. Я вхадъ впереди своихъ товарищей. Черезъ полчаса мы прибыли на мѣсто, гдѣ должна была открыться травля. Наши проводники накупунъ замѣнили шамъ пигра изъ самыхъ свирѣпыхъ. Обширная песчаная равнина открылась передъ нами; на ней мѣстами видѣлись луга съ густою зеленью, осѣненные исполинскими фигами. Тщепно разсылали мы служителей во все стороны, но они не могли встрѣпить пигра. Утомленные до крайности, мы слезли съ лошадей, сѣли подъ фиговое дерево, и спали завтракать. Но вдругъ мы были поражены ревомъ свирѣпаго пигра, который украдкою пробирался къ дереву, и былъ опъ насъ на разстояніи не болѣе двадцати шаговъ. При семъ весьма невыгодномъ для насъ положеніи, одинъ изъ товарищей обнажилъ шпагу, проводники взяли за ружья, а я вспрыгнулъ на свою лошадь. Тигръ не даетъ пощады тому, кто допускаетъ его нападать; и такъ безразсудно бѣ было съ моей стороны оставить хотя малѣйшее преимущество столь жестокому противнику. Я потчасъ прищпорилъ свою лошадь, которая бросилась на свирѣпаго звѣря. Видя такое мужественное нападеніе, пигръ, который за минуту прежде, казался, готовъ былъ растерзать насъ своими острыми зубами, обратился въ бѣгство. Лошадь

моя поспеслась за пимъ; я не хотѣлъ ее остано-
вить. Крики моихъ товарищей, спаравшихся
склонить меня возвратиться, были бесполезны.
Сія травля или лучше сказать скачка завлекла
меня столь далеко, что я скрылся опъ ихъ воз-
ровъ. Когда мы скакали лугомъ, то преимуще-
ство было на сторонѣ моей лошади, а пигръ бралъ
верхъ по песку, ибо гибкія и мягкія лапы его
едва ославляли слѣдъ за собою, а копыта лоша-
ди глубоко въ него погружались. Кусты и боло-
та — молніею исчезали предъ нами. Ничто не
препятствовало нашему бѣгу. Солнце уже при-
ближалось къ полудню и жгло атмосферу паль-
щими лучами. Жаръ былъ чрезвычайный, и я не
знаю, какъ пигръ, лошадь, и я самъ, могли спо-
снить его.

Тигръ, истощенный усталостію, скоро уба-
вилъ бѣтъ; слѣдъ его обозначался кровавою пѣною.
Лошадь моя пѣснила его болѣе и болѣе, и ему
не оставалось другаго средства, какъ сдаться,
или быть споптану подъ погами ея. Ни то, ни
другое, вѣроятно, ему не нравилось, ибо онъ бро-
сился въ глубокой ровъ, сквозь густой кустар-
никъ и дикія распенія. Тщепно стараясь я по-
слѣдовать за нимъ; моя лошадь была благо-
разумѣ меня: какъ вкопаная она остановилась
на краю пропасти. Не желая такимъ образомъ
покинуть свою добычу, я слезъ съ лошади, взялъ
въ лѣвую руку обнаженную шпагу, въ правую два

пистолета, и осторожно пробирался чрезъ кустарники.

Тигръ былъ въ глубинѣ оврага, уполая въ ручьѣ жажду. О бѣгствѣ думать мнѣ было поздно; онъ увидѣлъ меня, и вмѣсто того, чпобы спастись, подпалъ глухой и продолжительный ревъ, выпустилъ длинные и оспрые свои когти, присѣлъ на землю, какъ кошка, готовая броситься на свою добычу. Минута настала; я спарался собрать все свои силы и употребить все благоразуміе. Ирландія произвела на свѣтъ Томаса Согнессея, сказалъ я самъ себѣ: не съ тѣмъ, чпобы онъ допустилъ этой кошкой растерзать себя, какъ бѣдную мышь домашнимъ копомъ. Я покажу себя.“ Сказавъ сіи слова, я спалъ въ позицію, устремилъ шпагу на моего прошивника, и приближался къ нему, спараясь какъ можно больше защищать свой корпусъ. Тигръ, какъ я и ожидалъ, прыгнулъ на меня и напкнулся на конецъ шпаги: кровь спруей хлынула изъ его раны. Онъ уцалъ, испуская жалобный вопль. Въ ту же минуту я выстрѣлялъ въ него изъ двухъ своихъ пистолетовъ, и довершилъ шпагою поразеніе врага своего.

Испуганные опасностію, мнѣ угрожавшею, друзья мои слѣдовали за мною такъ скоро, какъ только могли. Они не замедлили явиться. Я разсказалъ имъ все происшествіе и они мнѣ не върили. Съ той самой минуты, какъ я исчезъ, каждый изъ нихъ почипалъ меня погибшимъ. Трупъ тигра преспешалъ еще въ ручьѣ, обогрениомъ его кровію. Я указалъ его моимъ товарищамъ, и тогда только удостоверились они въ истинѣ моихъ словъ.

Гр. Н. Толстой.

ПОСЛАНИЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Друзья! вашъ вѣкъ въ странѣ чужой,
Среди бесѣды одинокой,
Течетъ свободно струей

Съ краской милой, черпоокой;
Воздушныхъ замковъ длинный рядъ,
Къ надеждъ часныя взыванья,
О прошлой радости мечпанья
Невольно сердце шевелитъ! —

Блаженъ, кто вѣруеть надеждѣ!

Блаженъ, кого коварный рокъ

Лишить всего успѣть не могъ!

Кто такъ же веселъ, какъ и прежде,

Издавъ бѣдствія любви;

И у кого еще въ крови

Не тухнетъ пламень упованья!

Блаженъ спрадаецъ молодой,

Дышащій радостной мечпой,

Среди безпечнаго спраданья! —

Но я, въ обители земной,

Издавна пупникъ запоздалый,

Добыча грусти одичалой,

На ловъ сумрачной глуши,

Одичъ не вѣрую мечпаньямъ,

И только дружбы состраданьямъ

Вѣрлю отзвы души!! —

Ни полные участія взгляды,

Ни звукъ привѣпливыхъ рѣчей,

Ни сердцу милыя награды

Не исцѣлятъ тоски моей! —

И вы были вшчашлвнзя

Минувшихъ незабвенныхъ дней,

О пвсподвнзя! пвспопвнзя!

И въ васъ ужъ являть мнѣ упвншензя,

И къ вамъ я все охладвля!

Таковъ ненастный мой удвля!

Но вы питомцы всѣхъ веселій,

Безпечной рѣзвости сыны,

Друзья мои! вамъ безъ свирляи

Утѣхи въ жизни сей даны!

Почпожъ обманчивой забавы

Ошмыскивашъ въ Поэзьи снахъ,

Когда вашъ вѣкъ въ воспоржпыхъ дняхъ

Течетъ такъ счастливо. Вы правы:

Зачѣмъ искать у Осба славы,

Когда безъ музъ нашъ вѣкъ молодой

Проходитъ миршой чередой!

Когда, присвоивъ лаской пвнжпой

Невинный вздохъ земной красы,
 Въ бесѣдѣ сладкой, безмятежной
 Считаемъ радостью часы!
 Или когда, съ лихимъ уланомъ
 Сидимъ за дружескимъ спакапомъ,
 Крупивши черные усы.
 Я испыталъ то падъ собою;
 Но вопъ давно клико струя
 Съ ея привѣпливой красюю
 Уже не радуешь меня!
 Исчезъ ужъ призракъ жизни топыи!
 И все какъ чуждо стало мнѣ
 Въ сей неприязненной спрацѣ!
 Ни оживительныя струны,
 Ни взглядъ волшебницы земной,
 И ни привѣтъ ея пѣмой,
 Бывало, споль для сердца милой,
 Ничто, ничто подъ сей луной
 Не развлечетъ души увылой.
 Внемлите мнѣ, мон друзья,
 Внемлите думъ идеальной,
 Лепящей изъ спрапы печальной
 Въ уединенныя края,
 Гдѣ вы такъ счастливо успѣли
 Снискать игривую душу
 Въ чужбинѣ сумрачной, глухой,
 Обишель дружескихъ веселій.
 Моя жь мольба одна къ друзьямъ:
 Въ часъ радостный соединенья
 Вы вспомните: *за лѣсомъ тамъ*
 Уланъ, добыча огорченья!..

А. Суходольскій.

Ржевъ-Владиміровъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

66. *Смерть купца, или отеческое наставленіе при концѣ жизни.* Москва, въ Тип. Спецанова, 1830. Въ 8. (32 стран.)

Желательно-бы, чтобы родители Сочинителя сей книжки сдѣлали ему отеческое наставленіе: не занимать авпорскимъ ремесломъ, которое ему не по рукамъ.

— Въ 58 Но. Лип. Газеты напечатано объявленіе о продолженіи опой въ будущемъ 1831 году. Предъ симъ объявленіемъ помѣщено предварительное извѣстіе для публики о томъ, что нѣсколько Журналистовъ, копорымъ Лип. Г. кажется оченьскучною (*), собираются нанести ей рѣшительный ударъ, чтобы опбить у нея подписчиковъ. Здѣсь представляются двѣ вещи, несообразныя съ истиною. *Во-первыхъ:* если-бъ и въ самомъ дѣлѣ націясь у насъ Журналисты, копорые хотѣли-бы нанести Лип. Газетѣ рѣшительный ударъ, то, вѣроятно, они не были-бы такъ оплошны, чтобы Лип. Газета могла заранѣе о томъ провѣдать и употребить обыкновенное тактическое правило: предупредить неприятеля. Опъ чего же Лип. Газета знаетъ кабинетныя тайны своихъ противниковъ?.. Здѣсь невольно вспоминаешь вопросъ, копорымъ спрашиваютъ: у кого шапка горитъ? а Лип. Газета въ опрометчивости показываетъ на свою голову. *Во вторыхъ:* что касается до опбитія у нея подписчиковъ, то, безъ сомнѣнія, такого нехристианскаго намѣренія никто не имѣлъ, ибо въ эпому оппошеній трѣшно было-бы со спорныя вышепомянурыхъ Журналистовъ позавидовать Лип. Газетѣ. Если-же Лип. Газета довольна количествомъ своихъ подписчиковъ, въ такомъ случаѣ нельзя не опдать должной похвалы ея умѣренности. (*Сообщено.*)

— Нѣкто написалъ на кого-то крипическую статью, дозволивъ себѣ употребить въ ней личности, клеветы и нѣкоторыя особенныя невѣжливости, на счетъ своего противника, копорый рассудилъ за благо сдѣлать съ своей стороны возраженіе — и своеручно написалъ опос на щекъ дерзкаго Зонла. Оскорбленный крипикъ,

(*) После сихъ словъ, кажется, пропущено слѣдующее: „и съ копорыми разделяюшь сіе мнѣніе все читатели Лип. Газеты —“.

чувствуя всю неприятность происшедшаго съ нами случая, прибѣгнувъ къ подъяческимъ средствамъ, коими думалъ удовлетворить себя въ полученной обидѣ. Онъ принесъ жалобу къ своему Начальнику, которому подробно объяснилъ все дѣло. — „Чего жъ вы теперь ищите?“ — спросилъ сей послѣдній, по выслушаніи жалобы. — „Я ищу справедливости, Ваше Пр — сиво“ — отвѣчалъ проситель. — „По моему мнѣнію, вамъ уже оказана должная справедливость“ — возразилъ шопъ.

— Бенефисы, по увѣренію содержателей театральныхъ буфетовъ, весьма для нихъ выгодны, не отъ многочисленности публики, посѣщающей бенефисные спектакли, но отъ частой ѣды и лишья дѣйствующихъ лицъ въ бенефисныхъ пѣсахъ, что естественнаго возбуждаетъ охоту въ зрителяхъ ѣсть и пить. „Какъ несносны объѣды и ужины на сценѣ“ — сказала нѣкто во время спектакля, когда давали Юрія Милославскаго, романтическое (?) предствленіе *въ пяти суткахъ*, послѣднее произведеніе Князя А. А. Шаховскаго. „Нельзя-же пять сутокъ обойтись безъ того“ — возразилъ кто-то на сіе.

— Въ музыкальномъ магазинѣ Пеца поступила въ продажу пѣтая въ С. П. бургѣ Госпожею Зоннаго Швейцарская Арія съ варіаціями, аранжированная Г. Барьеромъ для большаго чекапа съ аккомпаниментомъ фортепіанъ. Цѣна экземпляру на хорошей бумагѣ съ искусно липографированнымъ заглавнымъ листкомъ, 5 рублей. Ноты сіи могутъ также служить для фляжолета и флейшы.

М О Д Ы.

— Шляпки розоваго апласа отдѣляются жгушиками изъ черныхъ лентъ въ видѣ зигъ-за-

ковъ; пуля подбивается чернымъ апласомъ складками, съ двумя розетками изъ цвѣшныхъ лентъ по сторонамъ.

— Черныя бархатныя шляпки подбиваются голубымъ апласомъ съ розетками изъ черныхъ газовыхъ лентъ; верхъ шляпки съ лѣвой стороны убирается баншомъ съ чепырьма буклями, изъ коихъ двѣ дѣлаются бархатныя, а двѣ апласныя голубаго цвѣта; съ правой апласная карда съ пятью голубыми лентами.

— Модные чепчики дѣлаются изъ сѣре-сѣре бѣлаго цвѣта съ темнокрасными листиками и съ золотыми или серебряными стебельками и жилками.

— Бѣлая *châlys* замѣнила кисею; эта прекрасная матерія въ большомъ употребленіи. Платья изъ *châlys* пѣжныхъ цвѣтовъ надѣваются въ вечерній нарядъ; рукава у нихъ бѣлые съ драпрованымъ корсажемъ.

— Шинельки вообще носятъ изъ мериноса-кашемира голубаго - зеленоватаго цвѣта съ коричневыми или пунсовыми полосками; пелеринка у нихъ дѣлается вплоть до колѣнъ; воротничекъ и подбой плюшевые.

— Черныя бопинки въ большой модѣ: они дѣлаются изъ апласа и казимира.

— Логогрифъ въ 122 No. значитъ: Rhôce, гдѣ находятся слова: héron, Héro, og, on, ne, Noé, Rhé, ge, Orne и ел.

L O G O G R I P H E.

Je suis avec ma tête une plante aquatique,
Et sans tête je suis un esprit angélique.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 125.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 17 ОКТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

СОБАКА АББАТА ДОРІА.

Аббатъ Доріа былъ пеноромъ въ Папской ка-
пели; онъ имѣлъ довольно чистый голосъ и по
своей прекрасной методѣ былъ заискиваемъ чу-
жестранцами, которымъ давалъ уроки въ пѣніи:
вопъ какимъ я узналъ его.

У Аббата была собака, съ которой онъ обы-
кновенно прогуливался. Однажды, повстрѣчав-
шись съ нимъ, я невольно обратилъ на него вни-
маніе, не потому, чтобы въ наружности сего
человѣка заключалось что нибудь необыкновен-
ное, нѣтъ — но я имѣю симпатію къ добрымъ
лицамъ, и всегда чувствовалъ особенное къ нимъ
веченіе; — я подошелъ къ Аббату и спалъ гла-
диль четвероногого его спутника.

Послѣ удивительныхъ описаній о Fido и Bianco,
я не отважусь повторить теперь похвалъ, рас-
шочаемыхъ синьоромъ Доріа слогомъ un reso-
astmanjergato въ честь своей собаки.

Аббатъ былъ холостякъ и жилъ скромно въ
одномъ домѣ въ Via Scanderberg у подошвы горы
Кириналь, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Теверомъ
(имя собаки). Теверь или Тевере значить Тибръ.
Найдутся люди, которымъ странно покажется
давать имена собакамъ — названіе рѣкъ, — но мы
не станемъ съ ними спорить.

Теверь, хотя и не имѣлъ пѣніи познанія въ
наукахъ, но исполнялъ всѣ обязанности, кото-
рыхъ можно только было ожидать отъ служи-
телей: онъ открывалъ двери, возвѣщалъ о приходи-

Томъ 2. № 125.

щихъ, а по упрямъ занималъ роль поставщика,
съ вѣрностію, весьма рѣдкою между симъ клас-
сомъ людей; снабженный корзинкою, Теверь бѣ-
галъ къ булочнику, который обыкновенно клалъ
въ нее по три маленькихъ хлѣба, изъ коихъ два
назначались для Аббата и одинъ для него. Частію
собаки, по мнѣнію моему, даже превышала долю
синьора Аббата, потому что Доріа былъ высо-
каго роста, а Теверь принадлежалъ къ разряду
маленькихъ животныхъ, называемыхъ шпицами;
впрочемъ сказать правду, Теверь былъ непре-
спанно въ дѣйствіи, а Доріа занимался только
духовнымъ пѣніемъ, которое часто наводило
уныніе и поселяло грусть въ сердце его.
Не удивляйтесь: онъ былъ молодъ и пора любви
еще не миновалась для него. Чтожь касается до
его товарища, по, судя по выразительности взо-
ровъ, невѣрной походки его, и впечатлѣнію, про-
изводимому пѣніемъ его хозлина, можно было за-
ключить, что и сердце Тевера было несвобод-
но! — Синьоръ Доріа часто возвращался домой
въ сильномъ волненіи чувствъ; глаза его сверка-
ли, какъ огонь, а сердце билось сильнѣе, чѣмъ
малышникъ у часовъ! И Теверь нерѣдко прибѣгалъ,
едва переводя дыханіе, съ раскрытой пастью, и
въ изнеможеніи силъ падалъ къ ногамъ своего
господина.

Однажды случилось, что Аббатъ ни разу не
приходилъ ко мнѣ въ теченіе недѣли. Зналъ его
аккуратность, я боялся, не сдѣлался-ли онъ бо-

лень, и потому самъ опсправился навѣспинь его. Вошедъ въ комнату, я заспалъ Аббата епюлащаго предъ образомъ; на лицѣ его изображалось чувство набожности и меланхоли. Увидѣвъ меня, онъ вдругъ бросился ко мнѣ и изъавиль радость, которую можно только имѣть въ особенныхъ случаяхъ.

„Что за причина, что вы у меня не были на этой недѣль, caro mio?“ спросилъ я, упошребивъ всѣ возможные Италіанскія слова, которыхъ требовала сія рѣчь.

— „Ахъ! виновать!“ вскричалъ онъ: „виновать! caro mio scolare, важное происшествіе лишило меня удовольствія бытъ у васъ; я былъ воспріемникомъ младенца!“

Важное сіе происшествіе казалось мнѣ весьма неважнымъ, и я очень удивился, замѣнивъ злобную улыбку на обыкновенно спокойномъ лицѣ Аббата, которая придавала ему какую-то странность; но я простеръ свою скромность даже до молчанія, хотя, откровенно сказавъ, и могъ бы позабавиться на его счетъ весьма наглымъ образомъ: на это мнѣ давало право его смѣшное положеніе. Не знаю, Аббата-ли, себя-ли я уважалъ? — Вѣроятно обонхъ!

Въ эту минушу вошелъ въ комнату Теверь: онъ поставилъ корзинку на обыкновенное ея мѣсто, и Аббатъ подбѣжалъ къ ней съ любопытствомъ, котораго онъ не въ силахъ былъ скрыть. „Опять!“ сказалъ онъ, опусивъ руки.

„Что такое?“ спросилъ я его съ участіемъ.

— „Развратъ въ высочайшей степени! Нѣтъ, нѣтъ, я не могу обвинить собаку; воровство есть порокъ Адамовыхъ потомковъ!“

„Иногда необходимость заставляеть красть, Аббатъ!“ — сказалъ я: „бѣдность творить ложь и лизость; она доводитъ къ симъ порокамъ тѣхъ, кто не былъ воспитанъ въ ней!“

— „Справедливо-ли вы такъ думаете, полагая

что голодъ . . . ? Хорошо; если это причиною, я бы подстерегъ виновнаго.“

Попомъ онъ сказалъ мнѣ, что нѣсколько дней сряду ему недостаетъ по одному хлѣбу, хотя булочникъ и увѣрлетъ, что кладетъ по три каждый разъ въ корзинку Тевера. Спранное сіе обстоятельство дало мнѣ случай выказать себя, и я со всюю важностію профессора философіи сказалъ: „Почему у васъ недостаетъ только одного хлѣба, синьоръ Аббатъ? Вашъ воръ не попомокъ-ли тѣхъ древнихъ Римлянъ, которые претовали межевыхъ законовъ? Дѣленіе по крайпей мѣрѣ сдѣлано по совѣсти: одинъ хлѣбъ ему, другой для васъ, а претій поставщику . . . Вы смѣшаетесь моему рѣшенію?“

„Да, caro scolare, и прекрасной мысли, которую вы мнѣ подали: я всегда находилъ, что чѣмъ менѣе тышь, тѣмъ голосъ мой спяновится чище. Одинъ хлѣбъ будетъ весьма достаточенъ для меня.“

„А я такъ не довольствуюсь претя въ день.“

— „За то и голосъ у васъ не такъ чище; да вы же сѣверный житель: вамъ нужно болѣе, пещели намъ. Припомъ я долженъ пеперь соблюдать бережливость; не забудьте: у меня есть сынъ, котораго долженъ содержать; вотъ взгляните на эти маленькія плащя: они доказываютъ мое попеченіе о figlioccino (крестникѣ).“

И лице Аббата снова озарилось коварною улыбкою.

„Это прекрасно, похвально, caro maestro!“ — сказалъ я: „ребенокъ всегда будетъ васъ помнить.“

— „Perche по? отецъ мой былъ одинъ изъ лучшихъ басовъ капели, и роверо bambino è bello e fatto come un angelo del Verini!“ ошвѣчалъ Доріа.

„Но обратимся къ похипницелю; мнѣ очень хочется, синьоръ, подсморгнуть вашу собаку: не буду-ли я имѣть случай сдѣлать доброе дѣло. Къ ближнему подобно имѣть состраданіе: кто крадетъ хлѣбъ, тотъ вѣрно очень несчастливъ!“

И такъ мы условились, чтобы я на другой

день пришелъ ранѣе и поспѣдовалъ-бы за Тверомъ.

Сказано, сдѣлано. Собака отправилась въ булочную, взяла три хлѣба, и возвращалась по дорогѣ къ *via Scanderberg*, вбѣжала въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые называются дворцами, потому что ихъ спироили Папы; они украшались мраморною колонадой, и гдѣ по сию пору видны шапки Кардинальскія.

Какъ я не торопился идти за Тверомъ, но онъ скрылся отъ меня. Вошелъ въ сѣни, гдѣ мраморная лѣстница показывала величественную древнюю архитектуру, я былъ объятъ тѣмъ чувствомъ, которое ощущаешь обыкновенно при чтеніи романовъ Анны Радкливъ, когда таинственное лице покидаетъ васъ среди мертвой тишины мрачныхъ развалинъ.

Немного погодя, я увидѣлъ Твера съ корзиною, выходящаго изъ полуразтворенной двери. Замѣтивъ меня, онъ съ миною споялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, вѣролично отъ удивленія. Потомъ бросился бѣжать, оглянувшись раза два назадъ, со всею театральною важностію. Мое любопытство еще не удовлетворилось. Я вошелъ въ длинный коридоръ и примѣтилъ въ одномъ углу лежащую на соломѣ масть, изъ породы четвероногихъ, съ пятью или шестью дѣтьми: увидѣвъ нежданнаго гостя, по естеству меня, она выбросила изъ рта хлѣбъ, и оскалила два ряда бѣлыхъ зубовъ, которые, казалось, озарили сіе мрачное жилище.

Тверъ, безъ сомнѣнія, отецъ сего семейства, подумавъ я, выходя на улицу: онъ исполняетъ свой долгъ, слѣдуя влеченію чувствъ своихъ. Если мы рѣдко видимъ собаку, которая... Но къ чему сн разсужденія?... Не похоже ли я на близорукихъ моралистовъ, сравнивающихъ челоѣка со скотомъ? — Аббатъ Доріа, прекраснѣйшій Аббатъ, а Тверъ рѣдкій отецъ семейства, которому недостало только понятія, что хорошо имѣть тогда только дѣ-

пей, когда есть чѣмъ ихъ прокормить!

— „Бѣдное живописное!“ сказалъ Аббатъ, узнавъ участь своего хлѣба; — „оставимъ его въ покоѣ: я не изъ числа тѣхъ людей, которые живутъ *sempre rompeggiando, festeggiando!*“

„Припомъ-же, caro maestro“ прибавилъ я: „когда выроступитъ дѣти, тогда они не станутъ нуждаться въ помощи своего отца.“

Первая женщина, которой я рассказывалъ сіе происшествіе, была прокупа; вторая плакала; третья кричала, что это чудо. Скоро во всемъ городѣ только и говорили о Тверѣ. Одинъ хозяинъ его сохранилъ спокойствіе, находя сіе происшествіе весьма обыкновеннымъ. Прибавлю еще, что чувствительный Князь, имѣвшій копию известной картины Гвидо, изображающую *символическую любовь*, велѣлъ написать одному изъ лучшихъ нынѣшнихъ художниковъ Римской школы, картину, представляющую благородную черту сію изъ жизни Твера.

Съ Фран. Н. Т — ш — вѣ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

О людяхъ судишь ты по рождъ
И молвишь: какъ отъ миль душой!
Но не забудь въ овечьей кожѣ
Бываетъ также волкъ порой.

К. П — нѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

67. Annuaire du Corps des Ingénieurs des voies de communications. St. Pétersbourg, à l'Imprimerie des voies de communications, 1850. in 8. (pages 214.)

Книга сія, заключающая въ себѣ извѣстія о дѣйствіяхъ Русскаго Корпуса Путей Сообщенія, даетъ намъ поводъ желать, чтобы во Франціи описанія тамошнихъ важнѣйшихъ Государственныхъ заведеній были издаваемы на Русскомъ языкѣ: въ этомъ случаѣ нѣсколько утѣшилось-бы самолюбіе тѣхъ Русскихъ, которые, по незнацію Французскаго языка, должны теперь осмивать-

ся въ невѣденіи объ одномъ изъ важнѣйшихъ Государственныхъ заведеній своего опечества.

С М Ъ С Ъ.

— Редакторъ Русскаго Инвалида, Коллежскій Совѣтникъ Воейковъ, съ 1831 года будетъ издавать *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. Въ программѣ сего изданія заключаются между прочимъ и Моды. Не знаемъ, имѣли-ли надобность до сего времени читатели Русскаго Инвалида наряжаться по картинкамъ заграничныхъ модъ, — по крайней мѣрѣ мы съ своей стороны находимъ эту новоспъ примѣчательною. — Въ сихъ же Литературныхъ Прибавленіяхъ, въ статьяхъ о нравахъ и обычаяхъ будущъ осмѣиваемы пороки, предразсудки, странности, причуды и проч. Все сіе будетъ помѣщаться въ особомъ отдѣлѣ подъ названіемъ: *Пересмѣшникъ*, съ эпитафюмъ:

Порокъ одинъ гошу, а личности не знаю.

Если Гг. Сочинители статей, имѣющихъ помѣщаться въ семъ отдѣлѣ, станутъ строго руководствоваться благонамѣреннымъ эпитмъ правиломъ, п. е. будутъ чужды личности, тогда они избѣгутъ многихъ непріятностей.

— Недавно двѣ родныя сестры, молодыя дѣвицы, хорошенькія собою, влюбилась объ въ одного мужчину, и ни которая изъ нихъ не хотѣла отказатся отъ счастья владѣть молодымъ человѣкомъ; но великодушный Ловеласъ, не желая возродить жестокой вражды между сестрами, въ случаѣ предпочтенія его которой нибудь изъ нихъ, — женился вышѣ на богатой 60 лѣтней вдовѣ, и вѣроятно, въ послѣдствіе времени, сдѣлается общимъ ихъ другомъ.

— Одинъ путешественникъ, недавно возвратившійся изъ Парижа, рассказываетъ, что тамъ живетъ какой-то въ родѣ содержателя трактира литературный промышленникъ, который приглашаетъ къ себѣ обѣдать всѣхъ стихотворцевъ, имѣющихъ дарованіе, но неимѣющихъ иногда обѣда. Каждый изъ нихъ обязанъ дать ему за обѣдъ, вмѣсто денегъ, какое нибудь стихотвореніе, которое не было еще нигдѣ напечатано, и которое заслуживало-бы чести быть извѣстнымъ публикѣ. По накопленіи такого количества пьесъ, которое можетъ составить порядочную книжку, онъ издастъ ее, и вырученными деньгами доспашочно вознаграждаетъ себя за издержки, употребленныя для накормленія питомцевъ Феба, пользующихся у него обѣдами. У насъ, въ Россіи, нельзя отважиться на подобную спекуляцію, не имѣя справедливаго опасенія — осмѣяться въ пакладѣ!

Шарада въ 123 No значитъ: déjeuner. — Логогрифъ въ 124 No значитъ: canne, Anne.

С H A R A D E.

D'une discrète main la timide indigence
Du riche au coeur d'airain implorant l'assistance,
S'applaudit d'en avoir obtenu mon premier.
Vous qu' il suffit de voir, charmante Eléonore,
Pour que l'on vous chérisse et que l'on vous adore,
Sur vos lèvres l'amour a placé mon dernier.
Votre coeur est soumis aux lois du mariage,
Je ne puis donc du mien vous présenter l'hommage....
Que votre bouche au moins m'accorde mon entier.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходятъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 131.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 31 ОКТЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

МАРІЯ.

(*Невъзмѣтное.*)

(М. Г. К.)

Любиль-ли кто въ вселенной
И мукъ не испыталъ?

Неледипскій-Мелецкій.

....Вся природа, минилось,
Предуспрашенная ждала,
Чтобъ чудо совершилось.

Жуковский.

Лѣтняя ночь покоила сельскую окрестность и вечерняя заря уже начинала сливаться съ утреннею. Грозная тишина, владычествуя въ природѣ, предвѣщала приближеніе черной съ запада тучи. Луна, въ багровомъ вѣнцѣ, пробиралась за опдаленный лѣсъ — и лишь рѣка, бушуя въ порогахъ, прерывала всеобщее безмолвіе. Усадебное строеніе съ одной стороны освѣщено было блѣдной зарею, а съ другой было покрыто глубокимъ мракомъ . . . . Въ это время злополучная Марія сходила съ крыльца опцовскаго дома.

„Какъ тихо! говорила она: даже прелепный листокъ объять покоемъ! а я, несчастное созданіе, лишена его. Дневные труды и усалость не могутъ навесни сна поскующему сердцу. Для сего надобно больше: холодный разумокъ . . . . спокойныя чувствва . . . . Но избытокъ ихъ полько мучитъ. Любовь, не всѣмъ понятная, терзаетъ меня; безнадежность шягошитъ жизнь! — Горекъ мой удѣлъ въ мірѣ!!“

(*Подходитъ къ рѣкѣ и у самаго берега садитъ-
Томъ 2. № 131.*

ся на большой камень.)

„Глухой шумъ воды оправденъ унылому сердцу.“

(*Моланіе.*)

„Мой отецъ, какъ эпопъ камень: безчувственъ и швердъ. Однѣхъ гиспешъ землю, а другой свою дочь. . . . Его безумныя выдумки и корыстолобивыя предпріятія разспроили наше состояніе. Прежде оно было доспапочно для хорошей жизни, а теперь . . . . О, мапушка! ты, спрадалъ въ семь мірѣ, еще не дождалась одного зла: бѣдности. Уже положеніе наше явно это показываетъ. Ницета крестьянъ доведена безжалостною властью до крайности, и слезы ихъ, я думаю, допекли до престпола Вышняго: гнѣвъ Божій, рано или поздно, постигнетъ нашу судьбу . . . .“

(*Раскатъ грома пробуждаетъ природу.*)

„Можетъ быть я, въпвъ преступнаго корня, уже и достойно начала здѣсь мучиться, но — я невинна! Ни просьбы мои, ни слезы — не могли испросить у моего отца состраданія къ подвластнымъ ему людямъ. Гнѣвный взглядъ и слово: *молада* — были всегдашнимъ отвѣтомъ на мои рыданія. Безчеловѣчный не хотѣлъ въришь, что онъ жестокъ и ужасенъ въ своихъ дѣлахъ! . . . Вѣрно ихъ ослабитъ одна гробовая доска! . . . .“

(*Моланіе.*)

„Вчера лишь я узнала хипрое обращеніе отца и причину его *отказа*. Отецъ намѣревался судьбою дочери отвесни предспоящую бѣдность, чтобъ снова предаться безумнымъ дѣламъ сво-

имъ; назначая меня жершвою, онъ не хотѣлъ даше объяснить мнѣ откровенно предположенія своего. Недѣля, какъ прѣхалъ сюда грубый Н. съ нашими векселями и печатью разврата на лицѣ. Низкая корысть приняла видъ отеческаго доброжелательства и предложила мнѣ совѣсть къ браку. Возраженія были отринуты — и вчера объявлено повелительное желаніе . . . , будто къ моему благополучію! Боже милосливый! . . . Я знаю, что коварство это выдержитъ свое намѣреніе; готово оперешся на дѣтскій долгъ, но его не будешь! Виновникъ жизни и горестей — отецъ не вправѣ требовать его отъ меня; — да и Богъ не велѣлъ давать новыя силы злодѣю.

(Между тѣмъ мракъ обнялъ все небо; громъ рокоталъ и гроза постепенно усиливалась.)

„Ахъ! если-бъ благость Вышняго съ эпнимъ ударомъ грома прекратила дни мои: ропотъ слабой души не оскорблялъ-бы Его милосердія. Она была-бы спасена. Мнѣ тяжела здѣшняя жизнь — и что осталось въ ней? Мстительный гнѣвъ отца или мучительная жизнь съ ненавистнымъ человекомъ! . . . Нытъ, Елладій! съ тѣхъ поръ, какъ узнала тебя, я узнала цѣну жизни — и не отдамъ ее дешево. Хотя ты и оставилъ бесполезное о мнѣ спараніе и уже избралъ другую, я не ропщу на тебя, и не рѣшусь болѣе влачить немилую жизнь . . . Нытъ! не увижу сердца забвеніемъ. Скорѣе прекращу дыханіе, чѣмъ отдамся испукану въ объятія. Пусть разсвѣтъ покажетъ насилію одно преступленіе: — это порожество земной власти. Пусть народная молва предупредитъ другихъ отцевъ. *(Всклываетъ съ камня)* Рѣшилась! Буря эта принесетъ къ надежной пристани . . . тамъ матушка . . . Спи, Елладій, на брачной постели, а я . . . въ волнахъ!“ (*)

(*) Сочинитель въ видѣ собственнаго разсказа Маріи вложилъ содержаніе письма, посланнаго несчастною въ М. къ одной своей родственницѣ, за нѣсколько часовъ до того времени, когда она рѣшилась прекратить горестную свою жизнь.

Брызги означили на рѣкѣ круги — и печеніе увлекло ихъ. Въ поже мгновеніе сильный ударъ грома раздался и пронесся по окрестности; молнія блиспала безпрерывно — и домъ безчеловѣчнаго отца запылалъ . . . .

Яркое солнце уже освѣтило обгорѣлыя развалины. Вблизи спояли изумленные крестьяне и, сложя руки, удивлялись Небесному гнѣву; великодушные бродили по самому пепелищу и для христіанскаго обряда искали ошпапковъ своего пирана, погибшаго въ пламени; а другіе, съ злобною радостію, осыпали его проклятіями . . . . Но горесть о потерѣ Маріи была замѣтна на всѣхъ лицахъ: пайна ея смерти для нихъ еще не разрѣшилась.

В — т — з В . . . . . й.

ВЪ ПОДАРЕННЫЙ АЛБОМЪ,

(Ю — къ Г.)

Вотъ вамъ обѣщанный Альбомъ,
И не пустой, а со стихами.
Писать другихъ просите въ немъ,
Пишите и рисуйте сами.
Сбирайте на его листы
Любви и дружбы увѣренія,
Ландшафты, домики, цвѣты,
И прозу и стихотворенія.
А сей мной зацѣпый листокъ
Пустькай того символомъ будетъ,
Что въ сердцѣ вашемъ уголокъ
Отвѣсть мнѣ дружба не забудетъ.

А. Глѣбовъ,

НОВЫЯ КНИГИ.

68. *Эмма.* Стихотвореніе Василья Литвинова. М., въ Тип. Степанова, 1830. Въ 16. (58 стран.)

Издатель Свѣ. Мерк, просилъ одного изъ своихъ соудниковъ прочесть это стихотвореніе и сказать о немъ свое мнѣніе; на что получилъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ; *вздоръ, вздоръ и вздоръ.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Баронесса де Вальеръ или *кто правъ, кто виноватъ*, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, пер. съ Французскаго; *Проказы въ погребкахъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, пер. съ Французскаго, и *Дивертиссементъ*. (Представленіе 27 Октябля, на Маломъ Театрѣ, въ пользу Актера Г. Сосницкаго.)

Баронъ де Вальеръ, наскучивъ своею супругою, разошелся съ нею; но чрезъ нѣсколько мѣствъ, промашавшись, приходитъ къ ней просить о продажѣ одного общаго ихъ помѣстья, чтобы вырученными за сіе деньгами могъ онъ удовлетворить своихъ займодавцевъ. Совершенно раскаяваясь въ прежнемъ непохвальномъ своемъ поведеніи, и снова чувствуя привязанность къ своей супругѣ, онъ умоляетъ ее простить въ прежнихъ его грѣхахъ и соединиться съ нимъ. Баронесса, которая при первомъ знакомствѣ своемъ съ зрителями, являлась записною кокеткою, и которой, послѣ долговременной разлуки, супругъ ея, по видимому, снова пригласился, по сердечному движенію склонилась-бы на его просьбу, но по чувству оскорбленнаго самолюбія рѣшительно отказывается отъ его предложенія, соглашаясь, впрочемъ, на пребываніе его, касательно продажи имѣнія. Но какъ послѣднее обстоятельство пребывало распоряженія непременно въ шопъ же день, когда Баронесса даетъ въ загородномъ своемъ домѣ балъ, то она и назначила мужу явиться туда въ 11-ть часовъ вечера, въ одно скрытное мѣсто подлѣ павильона, для полученія бумагъ, необходимыхъ для продажи имѣнія. Въ назначенное время и мѣсто Баронъ де Вальеръ является; но прежде нежели успѣваетъ имѣть свиданіе съ своею супругою, встрѣчается съ однимъ изъ посѣдителей праздника и обожателей Баронессы, Графомъ Алексисомъ. Сей послѣдній, видя незнакомаго ему человека въ такомъ мѣствѣ и въ nocturnое время, требуетъ объясненія, что онъ, Баронъ, приведенный въ смущеніе сею неожиданною встрѣчею,

не находилъ, что отвѣчать ему. Графъ, подозрѣвая въ таинственномъ незнакомцѣ своего соперника, требуетъ удовлетворительнаго отвѣта. Баронъ, оскорбленный невѣжливымъ его обращеніемъ и сдѣланнымъ имъ нескромнымъ намѣткомъ на счетъ Баронессы, говоритъ ему дерзости, на что Графъ отвѣчаетъ тѣмъ же, и объясненія ихъ оканчиваются вызовомъ на поединокъ, который условливаются имѣть черезъ полчаса. Графъ, давъ слово возвратиться къ нему чрезъ это время, уходитъ. Между тѣмъ Баронесса, извѣщенная горничною о приходѣ своего мужа, является, отдавая ему письменное согласіе свое на продажу имѣнія, и сострадая о спѣсепныхъ его обстоятельствахъ, вручаетъ баяковый билетъ на значительную сумму собственныхъ денегъ, предоставляя ему право употребить ихъ для приведенія въ успройство своего положенія. Баронъ, пронутый великодушіемъ жены, падаетъ къ ногамъ ея, и снова умоляетъ ее простить его; но Баронесса, находя это примиреніе почему-то несоотвѣтственнымъ съ приличіями свѣта, никакъ не соглашается, а чувствуя себя гошвою склониться на его убѣжденія, если долѣ продолжитъ съ нимъ свиданіе, убѣгаетъ отъ него. Баронъ оспается въ самомъ мучительномъ раскаяніи, чувствуя, что отъ въ полной мѣрѣ заслужилъ такую непреклонность со стороны жены своей; и пронутый ея благодѣніемъ утѣшается такою мыслію, что онъ идетъ за нее жертвовать жизнью. Графъ Алексисъ въ самомъ дѣлѣ вскорѣ является съ надлежащими принадлежностями поединка, со шпагами, и съпуетъ о томъ шолько, что ему надобно драться — въ бальномъ костюмѣ. Они отправляются на мѣсто поединка — и элими оканчивается второе дѣйствіе Комедіи. — Третье дѣйствіе происходитъ на другой день въ домѣ Генерала Дербона, дяди Баронессы, пригласившаго къ себѣ на завтракъ племянницу. Баронесса пріѣзжаетъ въ самомъ разспроенномъ со-

спойнии духа: она извѣстилась о происшедшемъ поединкѣ, но не знаетъ еще участи его. Генераль же успокоиваетъ ее, сказавъ, что поединокъ кончился легкою раною Графа Алексиса. Баронесса, принимая участіе въ своемъ мужѣ, сомнѣвается удосповѣриться въ эпюмъ. Наконецъ чрезъ нѣсколько минутъ является общій ихъ знакомый, Нопаріусъ Баржо — съ Барономъ де Вальеромъ. Неожиданное посѣщеніе сего послѣдняго изумило и привело въ гнѣвъ Генерала; но убѣжденный изъявленною имъ надобностію переговорить съ своею супругою и собственнымъ желаніемъ сей послѣдней, онъ соглашается на ихъ свиданіе. Оставшись наединѣ, Баронъ и Баронесса представили сцену, весьма похожую на сцену между супругами въ извѣстной Комедіи Коцебу: *Независть къ людямъ и раскаяніе*. Здѣсь только Баронъ де Вальеръ обратился въ Баронессу Мейнау, а Баронесса де Вальеръ казалась Барономъ Мейнау — въ дамскомъ платьѣ. Супруги плакали, упали другъ къ другу въ объятія и примирились.

(Оканчаніе въ слѣд. №.)

С М Ъ С Ъ.

— Въ 273-мъ № Русскаго Ипвалида помѣщено слѣдующее замѣчаніе: „Беспужевъ-Рюминъ, Изда-тель Сѣвернаго Меркурія, удержалъ пять нумеровъ за *первую* половину года, а теперь (?) съ 10 Октябля не выпустилъ ни одного листка.“

Издатель Сѣв. Меркурія поставялетъ долгомъ довести до свѣдѣнія Г. Редактора Рус. Инв., что въ означенныхъ трехъ съ половиною спрочкахъ, напечатанныхъ въ его изданіи, находятся *три съ половиною* неправды. Первая неправда состоитъ въ томъ, что онъ Б. Р. за *первую* половину текущаго года выдалъ 78 NN своей Газеты *всѣ* до

единого. Вторая неправда состоитъ въ томъ, что съ 10 по 27 Октябля (день, въ который вышелъ 273-й № Р. Инв.) вышло *четыре* NN. Сѣв. Меркурія. Третья неправда заключается въ небольшомъ промахѣ противъ Ариеметикки: если число 156 раздѣлить на двѣ половины, то каждая изъ нихъ будетъ содержать въ себѣ 78, а не 83, какъ насчитывалъ Г. Редакторъ Р. Инв. И наконецъ *половина* неправды состоитъ въ томъ, что Изд. Сѣв. Мерк. не за *первую* половину *удержалъ* пять нумеровъ, а за вторую *не выдалъ* еще 11 NN (79, 80, 81, 82, 83, 84, 126, 127, 128, 129 и 130). Въ словахъ: *удержать* и *не выдать* еще, есть различіе: журнальныя обсто-пительства могли побудить Изд. Сѣв. Мерк. замедлить нѣсколько выдачею означенныхъ NN; но чтобы удержать ихъ, эпюго, со стороны его, произойти не можешь.

Г. Редакторъ Рус. Инв. не знаетъ, сколь трудно *самому* заниматься изданіемъ Газеты; Издатель же Сѣв. Мерк. напротивъ того увѣренъ, сколь легко типографскому наборщику трудиться надъ редакціею оной.

Вышеупомянутые одиннадцать нумеровъ Сѣв. Меркурія будутъ выданы въ слѣдъ одинъ за другимъ въ самомъ скоромъ времени. Изд. Сѣв. Меркурія постарается вознаградить Гг. Пренумераншювъ за эту невольную съ его стороны несправность.

С H A R A D E.

Vallon charmant, à l' Eden comparable,
Mon premier par les Dieux fut jadis visité;
Homère en a fait foi, d'autres l'ont répété.
L'huile étant mon second ne vaut rien pour la table.
Mon tout, meilleur garant de la santé du corps,
Fait vivre l'homme en paix, et mourir sans remords.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаммъ и пят-
ницаммъ.

№ 132.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ до-
ставкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 3 НОЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

УЖЕ ПОЗДНО!

Qu'importe au lis mourant la tardive rosée.
Lamartine.

Альбина была ребенокъ. Черты лица ея выражали невинныя удовольствія и тихую радость. Быстро текли минуты дѣтства ея; цвѣткъ, пшичка, счастливили ея на цѣлый день; только вечеромъ легкій вздохъ вырывался изъ юной груди ея, когда Графиня В*, взявъ ея на колѣни, говорила ей: „Альбина! видишь-ли, какъ солнце скрывается за горою? Слышишь-ли звонъ колокольчика въ спадъ бѣлыхъ козъ? Слышишь-ли рожекъ паслуха? Давно уже замолокъ пыпукъ; теперь начинаютъ свистать соловей и перепелка сзываетъ дѣтей своихъ. Что все это значитъ?..“ Ребенокъ бросалъ печальный взоръ и говорилъ: „Альбинъ пора спать. *Уже поздно!*..“

✱

Гостиныя были освѣщены великолѣпно. Прекрасный оркестръ игралъ лучшія темы славныхъ виртуозовъ. Праздникъ украшали разряженные, молодыя и прелестныя женщины. Но прелестнѣйшая изъ нихъ еще не вѣялась. Наконецъ вошла Графиня В*, а за нею слѣдовала юная особа, блистающая красотою и скромностію. Бѣлое креповое платье и жемчужная повязка на черныхъ волосахъ составляли ея убранство. Длиныя рѣсницы Альбины опущены; они скрываютъ пронцапельный и скромный

Томъ 2. № 131.

взоръ, который болѣе возвышаетъ ея прелести. Красота покоряетъ сердца; но робость молодой дѣвicy, вступающей въ свѣтъ, имѣетъ что-то особенно-привлекательное.

Начинается шумъ похвалъ, распочаемыхъ въ полголоса толпою мужчинъ, окружающихъ Альбину. Изъ нихъ одинъ только молчитъ: это Эдуардъ Т. Но большія голубыя глаза его, полныя выраженія, прикованы къ Альбинѣ, вовсе неподозрѣвающей того вліянія, которое производитъ на него красота ея.

Предъ началомъ танцевъ молодые люди стремятся къ Альбинѣ. Они ищутъ чести танцовать съ нею; но Эдуардъ предупредилъ ихъ и рука красавицы уже во власти его. Альбина взглянула на мать свою и улыбнулась: балъ утѣшаетъ ея; голова ея, сначала нѣсколько наклоненная, поднялась; щеки покрылись румянцемъ; глаза оживились; благородная простота и очаровательная прелесть руководствуютъ всѣми ея движеніями, и вътрешный Эдуардъ говоритъ самъ себѣ, что онъ любитъ на всю жизнь.

Но полна разсѣвается, гостиныя пустѣютъ, люстры тускнѣютъ, праздникъ окончился. Всѣ смотрятъ другъ на друга печально: такъ чело-вѣку паскучаетъ все, даже и удовольствіе. Графиня В* съ дочерью исчезла: Эдуардъ уходитъ, и вздыхая говоритъ: *уже поздно!*..

Букетъ цвѣтвъ колеблется на головѣ Альбины, и бѣлыя розы, прикрѣпленныя къ поясу ея,

волнуются отъ біенія ея сердца. Въ душѣ ея смѣшаны чувства благополучія, белокоиства, любви и страха. Она ожидаетъ, содрогается, и однако-же она любитъ.

Это новое положеніе въ свѣтѣ; эта будущность, прикованная къ судьбѣ другаго; это испу-щеніе въ жизнь; наконецъ это въ вечеръ, открывшій много неопредѣленнаго для неопытной дѣвушки, — все сіи мысли не должны ли волновать привлекательную Альбину, которая никогда еще не оставила своей матери?

✱

Эдуардъ взглянулъ на часы; медленное движеніе стрѣлки усугубляетъ его нетерпѣніе. Все, его окружающее, въ тѣлостъ ему. Концертъ, гдѣ собраны лучшіе Артисты, ему неслышенъ. Сладостное пѣніе и пронесшія отъ воспоорга слушаніемъ рукоплесканія, — все это оскорбляетъ слухъ его. Для него благозвучіе иъжій голось Альбины или одно слово, вырвавшееся изъ устъ ея. Мысли его стремятся къ той, которая одарила его блаженствомъ . . . . .

✱

Она лежитъ на софѣ; глаза ея омочены слезами; лишь слабый свѣтъ восковой свѣчи озаряетъ комнату. Альбина внимательно прислушивается . . . она различаетъ стукъ кареты. Ахъ, это ложная мечта! Все покойно: она слышитъ только однообразное качаніе маятника у стѣнныхъ часовъ. Она встаетъ; идетъ въ соединенную комнату. Тамъ все пусто. Огонь, горѣвшій въ каминѣ, давно уже потухъ. Холодно; Альбина дрожитъ; она останавливается предъ своимъ портретомъ. На немъ изображена она въ бѣломъ креновомъ платьѣ съ жемчужною повязкою. „Тогда была я хороша — сказала она: но теперь . . .“ и съ горестію отвернулась, увидѣвъ себя въ зеркалѣ. Но ворота отворились; карета въѣхала на дворъ. „Это онъ — говоритъ Альбина: надобно скрыть отъ него раздражающую меня жестокую ревность: когда любовь

не раздѣлена, то рождаетъ сожалѣніе.“ Она входитъ въ свою комнату и все еще вслушивается. Несчастливая ожидала, что дверь, ихъ раздѣляющая, будетъ имъ самимъ отворена. Наконецъ послышался небольшой шумъ; по помомъ все опять утихло. Альбина упала, истощенная горестію; голова поникла, вѣки ея закрылись . . . . .

✱

Альбина упротила свою свѣжесть, свою красоту; желѣзная рука спраданій согнула голову ея, щеки завли, взоръ потухъ: она на краю могилы. Ее выносятъ къ балкону, выходящему въ садъ; она хочетъ въ послѣдній разъ насладиться ароматомъ цвѣтовъ и прекраснымъ днемъ. Увидѣвъ на балконѣ листокъ розы, увлеченный вечернимъ вѣтромъ, Альбина сказала: „Несчастный листокъ! за часъ предъ симъ ты блисталъ; но вихрь унесъ тебя и ты уже завилъ. Несчастный листокъ! ты погибнешь. Если-бы благотворная роса омочила тебя, ты забылъ-бы терпѣливое тобою, и слова получилъ-бы утѣшную свою свѣжесть.“ — Такъ говоритъ Альбина; улыбка ея иъжна и печальна. Но вдругъ дыханіе ея ускоряется; цвѣтъ лица дѣлается ярче; потухшіе взоры блестятъ необычайно. Уста ея тихо произносятъ чье-то имя. Это онъ!.. Онъ покинулъ ее, но теперь у ногъ ея; онъ плачетъ; рыдал, онъ осыпаетъ иъжійшими выраженіями и ласками ту, которую любилъ прежде. Альбина тихо подымаетъ слабыя руки свои и обнимаетъ ими шею Эдуарда. „Я еще счастлива — говоритъ она: одинъ взглядъ любви заставляетъ забыть много горестей. Вечерняя роса освѣжила несчастный листокъ. Эдуардъ! не оставляй меня!..“ Она хочетъ встать — вскрикиваетъ и упадаетъ въ изнеможеніи; а скрытый, но ужасный голось повторяетъ Эдуарду сіи слова: *Уже поздно!* . . .

Съ Фраи. В. Кр — съ.

КЪ ДРУГУ.

Не зови меня въ сей шумный,
 Въ сей порочный, жалкій свѣтъ;
 Твой Поэтъ благоразумный
 Въ немъ изгладилъ прежній сладъ.
 И меня манило счастье:
 На груди молодыхъ Цирцей
 Пилъ я также сладострастье
 Въ пылкой юности моей;
 Но смѣялися чредою
 Буйной молодости дни,
 И безуміе съ собою
 Упесли на вѣкъ они!
 Благъ иныхъ душа желаетъ:
Постоянное зовеніе,
 И невольно увлечаетъ
 Въ лучшей міръ мечты полетъ.
 Въ кругъ, гдѣ милая цвѣтетъ!
 Тамъ семейственной картиной
 Я теряюсь въ шашниѣ,
 И, повѣрь, на мигъ единый
 Не вздохну о старинѣ!
 Тамъ свѣтлая добродѣтель!
 Тамъ Элизіумъ земной!
 Но, увы, чужой свидѣтель
 Счастья смертныхъ подъ луной,
 Съ благодатною семьей
 Я не связать Провидѣемъ! —
 Тамъ меня погибель ждетъ,
 И могла съ потерпѣемъ
 Безвадежнаго зовенія!
 Но, мой другъ, въ твой свѣтъ холодной
 Не внесу тоски моей:
 Въ немъ нѣтъ страсти благородной,
 Въ немъ не встрѣчуся я съ ней!
 Пусть угасенъ жизнь младая:
 Видя *блѣднаго* въ крови,
 Можетъ, гордость проклиная,
 Обойметъ она рыдая
 Жерству презрѣнной любви.

N. N.

НОВЫЯ КНИГИ.

69. *Сѣверный Меркурій*, Литературная Газета, составленная изъ Повѣстей, Анекдотовъ, статей о правахъ, разныхъ литературныхъ отрывковъ, Библиографическихъ и Театральныхъ статей, и другихъ произведеній изящной Словесности, въ стихахъ и прозѣ, изданная на 1830 годъ Михаиломъ Беспужевымъ-Рюминымъ. *Томъ первый*. N№ 1 — 78. С. П. бургъ, въ Тип. Карла Крайя, 1830. Въ 4. (316 стр.)

Сей первый томъ содержитъ въ себѣ: *пятьдесятъ девять* статей въ прозѣ (Повѣсти, Анекдоты, статьи о правахъ, отрывки изъ Романовъ и проч.) *восемьдесятъ одно* стихотвореніе, *тридцать четыре* Библиографическія статьи, *девятъ* Театральныхъ статей, и *Смѣсь*. Заключая въ себѣ статьи, преимущественно относящіяся къ числу Словесности, сей томъ есть нечто въ родѣ огромнаго Альманаха. Нѣсколько изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей, въ семь томахъ напечатанныхъ, удостоены переводовъ и помѣщенія въ иноязычныхъ періодическихъ изданіяхъ; а переводныя прозаическія статьи заимствованы съ Французскаго, Англійскаго, Италійскаго и Польскаго языковъ. Въ числѣ стихотвореній помѣщены произведенія извѣстныхъ Публикѣ Поэтовъ, какъ напиримѣръ: *восемь* пьесъ А. И. Подлинскаго, *три* А. Е. Измайлова, *четыре* А. Д. Иличевскаго, *девять* В. И. Карагофа; Гг. Глѣбова (А. Н.), Трилунаго, Волкова, и пѣк. др.

Второй томъ Сѣв. Меркурія выйдетъ въ Январь будущаго 1831 года.

Сей первый томъ, содержащій въ себѣ до *сотни* печатныхъ листовъ, продается у Гг. Смирдина, Слѣнина, Глазупова, Завкина и Непейцына. Цѣна экземпляру въ цвѣтной печатной оберткѣ 15 рублей. Иногородные за пересылку не прилагаютъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

(Окончаніе статьи о спектаклѣ 27 Октября.)

Вообще Комедія шла не дурно, не смотря, что характеры въ ней выдержаны слабо. Искусство Артистовъ (Г-жи Каратыгиной и Гг. Бряскаго, Каратыгина сп., Сосницкаго и Борсцакаго) поддержало представленіе. Супруги-Артисты, бывшіе и въ Комедіи супругами, болѣе всѣхъ заслужили игрою своею похвалу и были вызваны. Нѣкто, наблюдатель въ креслахъ, разглядѣлъ въ зрительную трубку, что искусная игра ихъ извлекала нѣсколько слезинокъ у какой-то миленькой блондиночки, съ розовыми щечками, сидѣвшей въ ложѣ перваго яруса — и самъ едва не прослезился. — Добрый и проспенскій Нотариусъ Баржо (котораго представлялъ Г. Борсцкій) заставилъ нѣсколько разъ улыбнуться частыми напоминаніями своими о помощникахъ и писцахъ: не различая, шла-ли рѣчь о нотариальныхъ дѣлахъ или о его супругѣ, онъ во всемъ ссымался и на дѣлся на помощниковъ и писцовъ своихъ.

Водевиль: *Проказы въ погребѣхъ*, взятый изъ Театра Жуи (*L'intrigue dans les caves*) вѣеьма забавенъ и разыгранъ успѣшно. Декорація, разделяющая Театръ на три части (т. е. производящая дѣйствіе въ одно время въ трехъ мѣстахъ), довольно хороша. Въ эпозѣ Водевиль почпи всѣ дѣйствующія лица влюблены: Клара, дочь Соперна, въ Скульптора Раймоида, а Леприке, ученикъ сего послѣдняго, въ Капо, служанку Соперна; самъ Сопернъ (котораго представлялъ Г. Рязанцевъ) влюбленъ въ хорошія вина, а ростовщикъ Дюблеро въ деньги. Вообще Водевиль принесъ большое удовольствіе зрителямъ, не смотря, что одинъ изъ куплетовъ его (которые также, сколько можно было замѣтить, не дур-

ны) напомнилъ — о Холерѣ! Непозволимельныхъ двусмысленностей въ немъ нѣтъ, кромѣ одной, сказанной Леприке въ объясненіи его съ Капо. Музыка набрана довольно удачно. Водевильной веселости и остроумья много. Не смотря на неважность пруда, Г. Переводчикъ заслуживалъ бы вызова: лучше перевести хорошо небольшіе Водевильи, чѣмъ плохо большія Комедіи.

О Дивертиссементѣ сказапіе нѣчего, кромѣ того, что Г. Величинъ въ немъ *пашумель и пагудель*, и едва не заставилъ заткнуть уши. Швейцарское па Г-жи Лукашевой и Г. Андре довольно забавно.

С М Ъ С Б.

Минушаго 10 Октября, къ общему сожалѣнію всѣхъ любителей Наукъ, скончался въ Москвѣ Лексикографъ Коллежскій Ассесоръ Сергій Ивановичъ Тапищевъ. Шестиплѣтній прудъ его надъ Французско-Россійскимъ Словаремъ, современномъ нынѣшнему состоянію Наукъ (объ изданіи коего мы извѣщали нашихъ читателей въ 55 No С. М.), который намѣревался онъ выдать въ свѣтъ въ концѣ сего 1830 года, въ непродолжительномъ времени будетъ изданъ наследниками покойнаго, ибо Словарь сей уже оканчивается печатаніемъ. Подписка на полученіе оаго принимается на прежнемъ основаніи у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обихъ столицъ. Цѣна за два тома въ поперечную осьмушку 20 рублей.

Шарада въ 131-мъ No значить: *temperance*.

L O G O G R I P H E.

Avec mes quatre pieds je tue et suis cruelle;
Une lettre de moins, et je suis immortelle.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходишь по поедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 133.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 5 НОЯБРЯ, СРЕДА.

ЕЩЕ ОЧЕНЬ РАНО!

And forms so soft, and charms so rare,
too soon return'd to earth!

Вугон.

Альбина! Зачѣмъ покинула ты игры и оспа-
вила на лугу милыхъ подругъ своихъ? Ты была
такъ прекрасна, когда съ легкостію серны бѣ-
гала по дерну, и дѣтскимъ голосомъ впорила на-
пѣвамъ пастушкѣ. Ахъ! пусть взоръ твой при-
метъ опять простосердечную веселость; пусть
локаны твои развѣваюся вокругъ юной шеи, и
чтобы цвѣтны, побой сплетенные, были един-
ственнымъ твоимъ поясомъ. Не спрашивай, для
чего другія дѣвушки послали перлы на чель сво-
емъ; для чего они обвиняются флеровымъ шар-
фомъ, и кажутся беспокойными и смущенными
подъ юпошей. *Еще очень рано!*

Не удерживай болѣе вздоховъ, не популяй
взоровъ, Альбина, ибо Эдуардъ понялъ сердце
твое: болзливая стыдливость измѣнила тайнѣ.
Прдай всю душу наслажденіямъ юныхъ надеждъ
своихъ. Мечтай возлѣ него о священной любви,
которая очаровываетъ нашу жизнь, и ни съ чѣмъ
несравненна. Скажи ему, какъ бѣтсся сердце
твое, какъ пламенно твое воображеніе; слушай
съ восхищеніемъ похвалы твоимъ прелестямъ,
спрастныя клятвы, и обѣщанія въ будущемъ; раз-
дѣлай съ нимъ его желанія; обращай къ нему
сладостнѣйшія улыбки; дай ему руку, пожатіе

которой воспламеняетъ его. Позволь ему итрапъ
косою твоею: отколи, если онъ желаетъ, розу,
украшающую тебя; но не запечатывай поцѣлуя
на устахъ его. *Еще очень рано!*..

О! не всходи такъ скоро на сіи мраморныя
ступени; не сгибай еще колѣна на сіи позлащен-
ныя подушки. Не приближайся съ такою увѣ-
ренностію къ сему храму, пребудущему жертвы
вѣрности! Это покрывало невѣсны можетъ ско-
ро превратиться въ черную дымку, и этою вѣ-
нокъ изъ цвѣтовъ недовольно легкою для твоего
чела. Помысли, что послѣ сей клятвы нѣтъ уже
болѣе надежды, нѣтъ сладкихъ удовольствій люб-
ви, нѣтъ сихъ упоительныхъ желаній, соспа-
вляющихъ существованіе наше драгоценнымъ.
Не жалѣешь-ли ты тайны слезъ твоихъ, — не-
порочности твоей красоты? Завтра ланиты
твои потеряютъ румянецъ; розовыя уста не
будутъ горѣть такъ пламенно; непорочность не
будетъ сіять въ очахъ твоихъ. Спрашисъ, дѣва,
упрашивать столько прелестей, которыми такъ
щедро надѣлила тебя природа, и которыми ты
блистаешь нынѣ!.. *Еще очень рано!*..

Альбина! отъ чего розы на щекахъ твоихъ
завяли такъ рано? Отъ чего Эдуардъ уже не воз-
лѣ тебя? И если ты перестала ему нравиться,
для чего сердце твое не могло перестать лю-
бить его? Не улыбайся такъ горестно, видя
удешающимъ сей послѣдній день блаженства!
Возведи угасающій взоръ свой на небо: — оно

соболъзнуешь о тебѣ. Безопрядная жизнь упо-
мила тебя: уже ты не желаешь, чтобъ суще-
ствование твое продлилось до слѣдующаго дня;
но завтра можешь быть Эдуардъ возвратится
вѣрнымъ тебѣ. Не склоняй такъ печально свою
голову. Удержи это дыханіе смерти, охлаждаю-
щее уста твои. Оппоргни могильную блѣдность,
омрачающую чело твое . . . . . Зачѣмъ этакъ про-
паянный вздохъ, это непрерывное молчаніе? . . .
Ахъ! за то, что ты такъ страстно любила,
такъ была молода, прекрасна, — и умерешь, Аль-
била! *Это было еще очень рано!* . . . .

Съ Фран. Гр. Н. Т — ой.

ВЕЧЕРНЕЙ ЗВѢЗДѢ.

Звѣзда! съ какою красотою,
Когда любовь рветъ счастья розы,
Ты надъ вечернею росой
Блещишь, какъ милый взоръ сквозь сѣзны,

Когда надъ зеркальнымъ ручьемъ
Гуляешь ты въ странѣ небесной,
Тогда, какъ живо вижу въ немъ
Улыбку звездочки прелестной.

Пусть златорядная луна
Лучи по звездамъ разливаешь,
Тебѣ не пагубна она:
Въ тиши твоей робкій лучъ сіяетъ.

Ты блещешь въ часъ, какъ по холмамъ
Ложился сумракъ ночи холодной,
И шепчетъ свившимся цвѣтамъ,
Что съ утромъ лучъ взойдетъ опрадной.

Или когда зефиръ шумитъ,
Какъ дальней музыки отзвуки,
И сердцу страстному велишь
Ловить любовные порывы.

Звѣзда! не разъ я въ тишинѣ
Лилъ слезы въ дань неумолимымъ:
Хотя любить приятно мнѣ, —
Но все пріятнѣе быть любимымъ!

Съ Англ. П. Д — ой.

НОВЫЯ КНИГИ.

70. *Безумная*, Русская Повесть, въ стихахъ.
Сочиненіе Ивана Козлова. С. П. бургъ, въ Тип.
А. Смирдина, 1830. Въ 12. (XI и 33 стран.)

Весь вѣкъ по правдѣ живи и не кривишь душою!..
Ю в е и.

Съ нѣкотораго времени участь хорошихъ на-
шихъ Поэтовъ незавидная: блеснувъ однимъ или
двумя произведеніями изящными, снискавшими
имъ хвалу справедливую, и увѣрившими публику
въ дарованіи ихъ, — слѣдующими за тѣмъ произ-
веденіями своими они не только не возвышаютъ
піишической славы своей, но даже уменьшаютъ
ее, къ испишному сожалѣнію всѣхъ Любителей
Ошечесвненной Словесности. Печальныхъ при-
мѣровъ, подтверждающихъ истину сію, мы при-
водимъ не намѣрены. Довольно упомянуть объ
одномъ только А. Пушкинѣ, первомъ изъ Поэ-
товъ новѣйшаго поколѣнія. Начальныя произве-
денія его имѣютъ безусловное старшинство въ
піишическомъ достоинствѣ предъ послѣдними.
Напримѣръ, *самое послѣднее*, по времени выхода
въ свѣтъ, произведеніе его, *Полтава*, есть *са-
мое послѣднее* изъ произведеній его въ піишиче-
скомъ отношеніи; первыя главы Огѣгина несрав-
ненно лучше послѣднихъ. Слѣдственно, термо-
метръ піишического дарованія весьма сходенъ съ
произведеніемъ Реомюра: онъ по возвышался,
по понижается, хотя, по естественному поля-
тію, которое надобно имѣть объ эпосѣ пред-
метъ, ему надлежало-бы только возвышаться.
Многіе, не имѣя должнаго уваженія къ нѣкто-
рымъ Поэтамъ, приписываютъ это причинамъ;
можетъ быть не совсѣмъ справедливымъ, основы-
вая свое мнѣніе на непомерной дороговизнѣ кни-
жечекъ, изъ коихъ каждую можно прочесть въ
четверть часа, а между тѣмъ продаются онѣ
по пяти или шести рублей. Эти *многіе* рѣши-
тельно утверждаютъ, будто-бы у насъ есть
Поэты, которые не столько заботятся о ли-

литературной известности своей, о достоинствѣ литературныхъ своихъ произведеній, и о приобретенной отъ публики довѣренности, сколько о выгодахъ, приспекающихъ отъ авторскаго дѣла; будто-бы единственная цѣль ихъ часто состоитъ въ томъ только, чтобъ написать сонетъ или четыре стиховъ, разогнать ихъ, при помощи типографической хитрости, на одномъ или двухъ печатныхъ листахъ, придать звучное названіе Повѣсти или Поэмы — и пустить въ продажу! Лишь-бы деньги, а о пользѣ Словесности и удовольствіи публики зачѣмъ заботиться!.. Нѣсколько жалкихъ примѣровъ возбудили сіе мнѣніе, но мы, однако жъ, думаемъ, что на немъ нельзя основываться во всѣхъ случаяхъ: ибо *истинный* Поэтъ никогда не спаваетъ писать въ духъ корыстолюбія, никогда не будетъ торговать своимъ вдохновеніемъ.

За нѣсколько предъ симъ времени существовало въ читающей публикѣ жалкое предубѣжденіе — къ литературной известности авторскихъ именъ! Нынѣ, благодаря Бога, это предубѣжденіе, для пользы Словесности, исчезло, или по крайней мѣрѣ оно осталось въ немногихъ, то есть въ такихъ людяхъ, которые или не смѣютъ имѣть своего сужденія или скудны здравому Логикомъ отъ природы. Бывало, если появился только какое нибудь произведеніе известнаго Писателя, всѣ напередъ увѣрены въ превосходномъ его достоинствѣ, и прежде нежели прочтутъ оное, распочаютъ въ честь его самыя пышныя похвалы. Нынѣ другое дѣло: каждый хочетъ опдать опчетъ самому себѣ въ томъ понятіи, которое надобно имѣть о вещи. Тѣ же, которые не увѣрены въ самихъ себѣ, но есть не надѣются на свой умъ, вкусъ и свѣдѣнія, тѣ прислушиваются безпристрастнаго мнѣнія, по ихъ выраженію, людей умныхъ, и руководствующаго опытомъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

С М Ъ С Ъ.

— Въ нынѣшнее время отсутствіе нѣкоторыхъ Московскихъ Журналовъ весьма чувствительно. „Не будь Сѣверной Пчелы и Furet, восклицаютъ многие, нѣчего было-бы читать.“ А Литературная Газета, тосподѣ?.. Гдѣ помѣщаются статьи занимательныя, какъ не въ Лип. Газетѣ?.. Въ ней вы читали глубокомысленныя сужденія почти о всѣхъ Европейскихъ народахъ: Французахъ, Нѣмцахъ, Англичанахъ, Испанцахъ, Полякахъ, Шведахъ и проч. Она разсуждала о Грекахъ, Евреяхъ, и наконецъ добралась теперь и до Китайцевъ. Названіе Петербургской Литературной Газеты она придала себѣ изъ скромности, свойственной всѣмъ великимъ гениямъ: ей надлежало-бы называться Всеобщей, Всемирною, Всеобъемлющею Газетою. Gazette universelle!.. Какъ-же неблагодарные люди, неумѣющие чувствовать истиннаго ея достоинства, не хотѣтъ включить ее въ число занимательныхъ періодическихъ изданій!..

— Изд. С. М. имѣлъ честь получить отъ нѣкоторыхъ известныхъ особъ благодарительныя отзывы за помѣщеніе въ 119-мъ Но своей Газеты стихотворенія Графа Д. И. Хвостова о Холерѣ, исполненнаго, по ихъ мнѣнію, высокими литературными красотами, и облующаго назидательными христіанскими мыслями. Считая себя не въправѣ воспользоваться сими благодареніями, каковыя непосредственно должны относиться только къ почтенному Автору, Изд. С. М. нужнымъ находилъ объявить, что за помѣщеніе означеннаго стихотворенія онъ единственно обязанъ лестному благорасположенію къ себѣ Его Силельства.

— Недавно одинъ живописецъ написалъ портретъ музыканта. Въ ту минуту, какъ нѣсколько знакомыхъ виртуоза спорили о сходствѣ портрета съ подлинникомъ, въжалъ въ компанію ма-

ленькой сыпъ музыканта, и увидѣвъ порптрешъ ошца, вскричалъ въ удивленіи: „Ахъ, папá, папá, вопшь другой папá!“ — Живописецъ былъ впѣ себя отъ радости до пѣхъ поръ, пока одинъ изъ присутствовавшихъ не спросилъ ребенка: въ чемъ онъ находилъ сходство? и пошъ отвѣчалъ: „въ скрипкѣ!“

— „Почему Г-жа Семеева не занимала роли Софьи Павловны въ последнее представленіе оперывковъ изъ Комедіи: *Горе отъ ума*?“ спрашиваютъ пѣкопорые.

„Чѣмъ не Аршинска? (восклицаютъ другіе) Въ ней Таланцовъ истинныхъ не мало;
И чшобъ . . . пльвать игрой своей —
Чего еще недоставало? . . .“

— Въ одномъ изъ Петербургскихъ Журналовъ поставили въ числѣ образцовыхъ стиховъ въ Поэмѣ Г. Козлова: *Безумнал*, слѣдующій:

Кто любитъ спрасшно, тотъ ревнуетъ.

Мысль въ этомъ стихѣ уже чрезвычайно спара и не совсемъ правильна: ревность не всегда означаетъ любовь, особливо въ мужчинахъ. Истинная любовь соединяется съ уваженіемъ къ любимой особѣ, а ревность означаетъ неуваженіе. Госпожа Спаль-Голштейнъ хорошо знала человѣческое сердце: она была такога мнѣнія. Въ этомъ случаѣ можно согласиться съ женщиною: истинная любовь не доказывается ревностью.

М О Д Ы.

(*Петербургскія.*)

— Въ одномъ изъ послѣднихъ Французскихъ спектаклей многія дамы имѣли токи изъ чернаго бархата съ весьма широкимъ полемъ; на правой сторонѣ висѣли къ низу по лпри и по чешыре бѣлыхъ пера. Нѣкоторыя токи были укра-

шенны перьями прехъ цвѣшовъ: голубаго, бѣлаго и шемно-краснаго.

— Шляпки-капопы замѣляются иногда шляпками съ подиашыми въ верхъ полми съ лѣвой стороны и опущенными съ правой. Поля у сихъ шляпокъ загнуты къ верху шириною въ чешыре пальца. Такія шляпки дѣлаются иногда изъ бархата съ черными и красными полосками; уборка ихъ состоятъ изъ одного только банша апласныхъ лешпъ подъ цвѣпъ шляпки. Тулья обшита бѣлыми лешпами à coulcau и подбиша бѣлымъ-же апласомъ.

— Нѣкоторыя щеголихи посятъ плащи изъ ялюша голубаго-зеленовапата цвѣта съ весьма длиннымъ воронникомъ. Борты обшиваются широкою бахрамою подъ цвѣпъ маперин. На груди носятъ мешалическія пражки съ изображеніемъ *фамилльнаго герба*.

— Бошинки дѣлаются изъ драдедама шемпаго цвѣта.

— Прическа волосъ à la chinoise.

— Серьги съ Кипайскою бесѣдкою.

Логогрифъ въ 132-мъ No значить: *arme, âme*.

C H A R A D E.

A son valet, pour l'envoyer
Où l'on veut, on est dans l'usage
De réitérer mon premier,]
Comme à l'enfant qu'on encourage.
Tu vois, lecteur, dans mon dernier
Certain pronom au singulier;
Et tu trouves dans mon entier
De tant de héros le partage,
Et le glorieux arapage
Souvent du plus humble guerrier.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамаъ и пят-
ницамаъ.

№ 134.

Цѣна годовому издаванію,
сослѣдующему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 7 НОЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

ВЗАИМНЫЯ СЪТОВАНІЯ ТЕСТЯ СЪ ЗЯТЕМЪ.

Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ женинныхъ
пажей —

Бѣсокій идеалъ Московскихъ всѣхъ мужей.

Гриболодовъ.

„Такъ-то, любезный зятюшко! Вчера намъ госпи не дали и побесѣдовашъ съ тобою. Приѣхалъ по казенной надобности, въ первый разъ послѣ женишбы, не надолго, — не скоро тебя заманишь изъ Москвы въ нашу столицу“ — говорилъ Артемонъ Васильевичъ своему зятю, прохаживаясь съ нимъ по длинной перспективѣ кампашъ, похожихъ болѣе на звѣринецъ, нежели на обыкновенныя названія гостиниой, образной, дѣпской и проч. „Видишь-ли, какъ въ необышность швою распросранилось наше заведеніе: сколько прибавилось кинареекъ, два новыхъ щура, кажепся тебѣ незнакомыхъ, пять попугаевъ, скворецъ со словами; а мосекъ, болонокъ — счету нѣтъ. Полюбуйся-ко, братецъ. Точно Ноевъ ковчегъ, въ которомъ и я — скажу мимоходомъ — не иное что, какъ весьма смиренное живошное.“

— „Да-съ! большая-же охопа у Камисты Пешровны!“

„Скажи, дружокъ, пышная, смѣшная глупость. Ну, слыхано-ли замушней женщиной занимашся такими пустяками, и, вмѣсто дѣшей, ласкашь больше собакъ и попугаевъ. Вѣдь право со спорны чудно! Посмотри, что за порядокъ, крикъ,

лай, свистъ — ни дасть ни взять въ шестый деиъ по созданиіи міра. Варварская ораторія! говорите надобно, какъ съ глухими, во все горло — и, по вѣрь, если-бъ не леденцы, я давно-бы осипъ. — Пойдемъ-ка лучше въ кабинетъ: эта комната, по милосци жены, пока освобождена отъ поспола попугаевъ, я припомъ имѣешъ двойную дверь — неосцѣненную ограду моего спокойствія.“ (*Прихо- дитъ туда и садится.*)

„Охъ, милый зятюшко! Не дай Богъ тебѣ имѣшь такую участь отъ приданого, какъ я! Такую жалкую, униженную спаросшь! Горько, да пособить нечѣмъ! Знаешь-ли ты, что я со времени женишбы не живу, а прозябаю; удо- влешворенъ всѣми жизненными пошребностями, если хочешь роскошью, — но не имѣю нравешвеннаго бышя. Сколько уже лѣтъ невольнио гляжу въ глаза той, которая кормитъ меня и семейство, — хопя въ послѣднемъ она и сама участвница. Я мужчина по одной наружности. Повелительное право, данное мнѣ природою, только унижаешъ меня — я самъ виноватъ! Въ первые годы женишбы, изъ нѣжности, я позволялъ вла- дѣшь собою; а попомъ привычка и независимость жены въ содержаніи, вмѣстѣ съ дурнымъ нравомъ, прежде незамѣченнымъ, совершенно взяли верхъ надо мною. Ошибка, на всю жизнь чувствительная! Не разъ принимался я и за угрозы, предполагая сдѣлать рѣшительный переворотъ въ своей участи — но все шщепно! Упорешво

жены, подкрѣпляемое упреками въ принесенномъ ею имѣніи, угрожало мнѣ фамилнымъ безчестіемъ — разводомъ. Но я, не допустивъ до сего, умѣрился разсудкомъ, и принесъ въ жертву супружій права. Это еще болѣе ушвердило деспотическую власть ея надо мною. Она и до сихъ поръ не убѣждена, что съ моей стороны одно сохраненіе добраго имени препятствуетъ мнѣ разойтись съ нею, и живъ по разнымъ частямъ города. Служба всегда-бы прокормила меня — и отсутствіе роскоши было-бы вознаграждено душевнымъ спокойствіемъ. Вотъ каковы цѣпи, торжественно наложенныя предъ алтаремъ! Какъ необдуманъ шагъ въ жизнь! Теперь я ничто иное, какъ высокій рабъ, образецъ жалкаго, смѣшнаго смиренія! Богатство жены даетъ мнѣ только въ утѣшеніе — эти мягкія кресла, въ которыхъ я, послѣ лакомаго обѣда, со слезой на глазахъ, погружаюсь въ пляжелую думу, прихожу въ дремоту, и на нѣсколько минутъ забываю домашній хаосъ. Чашка шеколаду прерываетъ мое блаженство, и часпо неписал уносился назадъ. Глубокій вздохъ провожаетъ ее — и я философствую о суетѣ земной: о люди, думаю я, какъ вы много заботитесь о существенныхъ надобностяхъ, и какъ мало о душевныхъ наслажденіяхъ! Зачѣмъ вы заблуждаетесь при выборѣ женъ: кричите, что въ нынѣшній желѣзный вѣкъ подобно злато, а получивъ его, бываете несчастны? О! вѣрьте старику, что одно согласіе сердець приведетъ васъ къ истинному благополучію. Богатство есть относительное къ нему достоинство: оно прикрываетъ въ глазахъ вашихъ недостатки невѣстъ, притворствомъ сглаженныя, и въ этомъ случаѣ, вмѣсто подруги, долженствующей облегчать тернистую дорогу жизни, — вы получите одну пляжестъ — гирю, постоянно гнетущую. Вотъ, братецъ, вздохни обо мнѣ; я все высказалъ, что лежало на сердцѣ: передъ своимъ скрываться не для чего. Ты, я

думаю, не скажешь сего объ Аннушкѣ? А? Дай-ко табачку. Чтожъ ты молчишь?»

— „Да я жалю васъ, бапюшка, и пѣяю, зачѣмъ вы не сообщили мнѣ холостому своей философіи. Если-бъ это случилось, что — позволяте мнѣ быть съ вами также опкровеннымъ — я, вѣроятно, не имѣлъ-бы чести быть вашимъ зятемъ.“

„Ну, вотъ открылъ шпuku! Да помилуй: я сдѣлалъ промахъ опъ бѣдности, а ты, имѣвши 400 душъ въ Калужской, почему былъ слѣпъ!“

— „Эхъ, бапюшка! хопѣлось имѣть 1000 душъ. Я думалъ, что для спокойной жизни мало 10000 рублей доходу; а къ тому-же — если позволите продолжатъ искренность — Аннушка ваша, по наружности . . . даже и теперь привлекательна. Мнѣ добрые люди завидуютъ; а я . . . начинаю считатъ себя несчастнымъ. Судя по первымъ шремъ годамъ моей женатой жизни, я могу заключить, что меня ожидаетъ участь, подобная вашей. Вѣрно Кал испта Петровна въ планѣ воспитанія своей дочери не забыла помѣспить и спать: объ управленія мужемъ; о выполненіи капризовъ; о въпренности . . .“

„Развѣ ты это замѣпилъ? . . Впрочемъ я, братецъ, ни въ чемъ не виноватъ. Жена опняла у меня и воспитаніе дочерей. Она, не смотря на мои совѣты, выучила Аннушку только наряжатъся, болтатъ по-Французски, пѣтъ, фигурно держатъ себя, и любятъ восное платье; а о достоинствѣ супруги и матери забыла внушить ей, не могли сама примѣру въ томъ податъ; о нравственной части воспитанія также не заботилась; — и вотъ, милый, каковы послѣдствія. Радостно-ли мнѣ слушатъ твои слова; я чувствую, что тебѣ не весьма пріятно жить съ такъ называемой воспитанной дѣвицей. Но при всемъ этомъ согласись, что Аннушка не слишкомъ странна въ нынѣшнее время, ибо она очень похожа на многихъ. При сватовствѣ швоемъ я по-

дагалъ, что у тебя современный вкусъ: вѣдь для васъ-же воспитываются пакъ дочерей . . . .“

— „Надобно имѣть слишкомъ мало разсудка, чтобъ опредѣлить себѣ такую идеаль въ женщины. Скажите, батюшка, что это случается обманомъ: поварь лицомъ продающъ, а о добротохъ ни слова . . . .“

„Кто-же причиной? Сами-же вы! На поприщѣ своего выбора, въ копильнонѣ, вы вѣряться поддѣльной чувствительности, и сладкимъ рѣчамъ — изъ Романовъ; скромнымъ сужденіямъ — о Романахъ; и чаруетесь этимъ лакомъ воспитания, скрывающимъ многое зло. Почему у васъ вѣтъ заботы, прежде нежели блеснуть на рукѣ обручальное кольцо, разсмотрѣть дѣвицу обстоятельно, не на балѣ, не за фортепیانомъ, а въ домашнемъ обиходѣ, въ минузу, когда щекотливала спруна задѣша и приличіе уступаетъ характеру; когда Граци, выученныя предъ зеркаломъ, принимаютъ на себя сердитыя личики. Въ это-бы время слѣпоша ваша коснулась разсудка, и волшебный вѣсъ приданаго, если-бъ не потерялъ силы, то, по крайней мѣрѣ, показался-бы меньше.“

— „О, надобно имѣть глаза и на запылькѣ, чтобъ узнать свѣтскую женщину.“

„Знаю; по скажу, что хороши и вы молодцы. Ваша безхарактерность, трехъ-часовая любезность, словомъ всѣ блестящія воспитанія балуютъ дѣвицъ и представляютъ мужчинъ какими-то низжайшими слугами, безпрекословными исполнителями ихъ малѣйшихъ желаній. Неужели нельзя найти середины, между характеромъ и вѣжливостью? Что вы за образы безъ лицъ? Охъ васъ-то испинно-порядочные люди и претрыкаются въ модномъ сватовствѣ. Если они не умѣютъ шапцеюсперски раскланяться, сыпать вычурныхъ фразъ и казаться похожимъ на другихъ — они презрѣны, не нравятся. Прямая ихъ достоинства, основывающія семейственное счастье, унижены. Самолюбіе свѣтскихъ женъ изнѣжено

до высочайшей степени, хуже авторскаго! . . .“

— „Ахъ, это справедливо, батюшка . . .“

„Теперь только догадался! Имѣи добрую душу, и не имѣи надлежащей опытности, ты хотѣлъ найми жену въ большомъ свѣтѣ! . . Ужь сколько на него жалуемся; а исправленія не видашь! — Я оставилъ-бы многихъ воспитанныхъ по его правиламъ дѣвицъ въ покоѣ, выдѣлывать solo лѣтъ до сорока — самаго безопаснаго времени для замужства: зла меньше-бы было. Примѣръ у насъ дома: жена погубила меня, дочь свою, тебя, и, можетъ быть, это пойдешь и далѣе, пакъ, что и ты услышишь охъ своего зятя по же самое, что говорилъ мнѣ . . .“

(*Входитъ слуга*) „Барыня къ себѣ васъ проситъ-съ.“

„Гм. (продолжалъ Артемомъ Васильевичъ) Проситъ-съ; ш. е. надобно понимать: приказываетъ явиться къ пей; а не то косишься будешь цѣлый день. Пойдемъ-ка скорѣй.“

Вопедъ въ диванную, они нашли Каллисту Пепровну на софѣ; возлѣ нее спала моська, прикрытая шалью, а съ другой стороны ласкались двѣ болонки.

„Что тебѣ, машушка? Поди-ка прочь, фидель.“

— „Оставь ее! Будто нѣтъ спульевъ!“ — закричала Каллиста Пепровна.

В — т — з В . . . . . ий.

ЭПИГРАММА.

„Люлюшинъ, слышишь-ли? Насъ всѣхъ война зоветъ; Смотри, мы всѣ идемъ впередъ,

Одинъ ты пятишься охъ страха . . .“

— „Охъ страха? . . вотъ смѣшио! Ты видно шутишь, братъ:

Я только отхожу назадъ,

Чтобъ послѣ кинушься съ размаха!“

НОВЫЯ КНИГЫ.

71. *Мысли о Русской промышленности* М. Шулепникова. С. П. бургъ, въ Тип. Департ. Внѣшн. Торговли, 1830. Въ 8. (72 стран) (*)

Не желаніе блеснуть витійствомъ, но благороднѣйшая цѣль — бытъ полезнымъ обществу — руководствована Авторомъ при изложеніи сихъ мыслей о предметѣ, на коемъ основано существование благо каждаго Государства. Несомнѣнно, что эта книжка будетъ имѣть много читателей, ибо въ ней заключаючися спасительныя наставленія Автора для исцеленія общаго въ нынѣшнее время нравственнаго недуга, которымъ почти всѣ страдаютъ, или по крайней мѣрѣ на которыхъ весьма многіе жалуются — ш. е. на безденежье. Изложеніе просто, но удовлетворительно.

С М Ъ С Ъ.

Д в ѣ м ы с л и.

Пришворная скромность поставляетъ въ женщинахъ высочайшую степень кокетства.

Афишки объявляютъ о роляхъ Актеровъ. Жаль, что подобныя извѣщенія не употребляются въ свѣтъ: не знаешь, кто какую роль играетъ.

В — т — ѝ В.....ій.

— Особы, имѣющія у себя первыя семь главъ Опытина, сѣдуютъ, что осьмая глава сего стихотворнаго Романа назначена къ напечатанію въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831-й годъ. Онъ могутъ упѣшились: помѣщеніе помянутой главы Опытина въ Сѣв. Цв. назначено единственно для того, чтобъ они скорѣе разошлись по рукамъ любителей альманачной Ботаники; несомнѣнно, что глава сія будетъ напечатана особо, и даже въ ско-

(*) Продается по рублю экземпляръ.

ромъ времени, если только означенное предположеніе Гг. Издателей сказаннаго Альманаха увѣщается благопріятнымъ успѣхомъ. Въ нашъ вѣкъ ничего не дѣлается безъ основательной цѣли.

— Нѣкоторые, полагая, что Евгенийъ Онегинъ, по дороговизнѣ своей, будетъ самымъ примѣчательнымъ изъ всѣхъ стихотворныхъ Романовъ въ свѣтъ, любопытствуютъ знать: изъ сколькихъ главъ онъ будетъ состоять? Иные утверждаютъ, будто-бы до ста.

М О Д Ы. (*Парижскія.*)

(31 Октября н. с.)

М у ж с к ѣ л.

— Платья начинаютъ носить съ рукавами; съ боковъ карманы, застегнутые пуговицами; воротникъ короткій съ складками на спинѣ и на плечахъ.

— У цвѣтныхъ фраковъ лацканы подбиваются опять бархатомъ.

— Сюртуки дѣлаются двухборшныя; полы, воротникъ и лацканы изъ плюша.

— Модные жилеты застегиваются до самаго верха; они большею частію шьются изъ камира соломеннаго цвѣта, съ премою рядами мѣталлическихъ пуговиць.

— Исподнее платье опъ колѣнь къ низу широкое, съ разрѣзомъ по споронамъ.

Шарада въ прошедшемъ No значить: valeur.

E N I G M E.

Un bruit toujours égal révèle ma présence,
Monter et retomber, voilà mon existence;
Mais j'ai le don de plaire aux spectateurs ravis,
Par l'éclat des couleurs, que j'emprunte d' Iris (*).
Ma voix mystérieuse est douce mélodie
Pour l'amant qui l'écoute avec sa jeune amie.
Je répands la fraîcheur.... Mais c'est trop m'expliquer,
Le lecteur, sans effort, pourra me deviner.

(*) L' arc-en-ciel.

Выходитъ по понедѣль-
шкамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 135.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 10 НОЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПРИКАЗЪ МУЖА НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАТЪБЫ.

Прелестная дѣвица N* была украшеніемъ спо-
личныхъ баловъ: рой обожателей жужжалъ во-
кругъ ея. По пышному обилію въ невѣстахъ,
и недостатку въ женихахъ, этому никто уди-
вляться не станеть, если мы скажемъ, что дѣ-
вица N*, при милой наружности и блестящихъ
дарованіяхъ, имѣла за собою богатое приданое.
Это послѣднее обстоятельство обратило на се-
бя вниманіе человѣка въ важномъ чинѣ и въ зрѣ-
лыхъ лѣтахъ; онъ былъ d'un age raisonable, т. е.
за сорокъ, сличкомъ за сорокъ лѣтъ, и вдовецъ
двухъ женъ. Недосыпнокъ волосъ на головѣ ра-
зительнo отражалъ непріятныя черты лица его;
а недосыпнокъ чего-то собсвенно въ головѣ
былъ замѣненъ въ превосходной степени въ пре-
восходительной его особѣ. Всѣ утверждаютъ
завѣрное, что прежнія двѣ его жены были жен-
щины слишкомъ нѣжнаго сложенія и весьма крош-
кихъ свойствъ; отъ чего, не могли привыкнутьъ
къ суровому его съ ними обращенію, развелись
съ нимъ — посредствомъ могилы. Человѣколюби-
вая молва донесла обо всемъ эпомъ Госпожѣ N*,
матери прекрасной Анеты; но она, крайне же-
лая имѣть превосходительнаго зятя, ничего не
приняла въ уваженіе, основываясь на томъ мнѣ-
ніи, что дочь ея легко можетъ привыкнутьъ къ

характеру своего мужа, а привыкнувъ, будетъ
довольною, ибо привычка вѣрняя природа. Логика
здравая! — Милая Анета предвидѣла печаль-
ную свою будущность; плакала — но слезы ея
не перемѣнили намѣренія матери. Несчастливая
дѣвушка предузнала тѣ страданія, которыя на-
значались ея удѣломъ, которыя надлежало ей
препервѣтъ; она предчувствовала все, что бы-
ло ей суждено, и даже ранѣе, нежели сама могла
ожидать, какъ мы увидимъ ниже. Между тѣмъ
любовь къ ней, то есть къ ея имѣнію, заспа-
вила нашего превосходительнаго вдовца и злаго
глупца перемѣнить себя на иѣконное время:
сѣдуя тактикѣ пышнѣшихъ жениховъ, онъ былъ
au petit soın къ своей невѣстѣ, и оказывалъ осо-
бенное уваженіе матери ея. Ему нужна была бо-
гатая жена, а матери Анеты хотѣлось имѣть
знашнаго зятя. И такъ, прежде нежели Анета
что либо знала, она была уже помолвлена — и
наконецъ сдѣлалась Генеральшею N*.

„Какъ загордилась Г-жа ***“ говорили преж-
нія ея пріятельницы: „въ присутствіи своего
мужа, она никогда намъ не кланяется, и только
удостоиваетъ знашныхъ наклоненіемъ своей го-
ловы.“

Не обвиняйте ее напрасно, милостивыя госу-
дарыни. Она поручила мнѣ объявить вамъ, что
въ присутствіи своего мужа, она будетъ рас-
кланываться съ вами, какъ можно въжливѣе; ибо
злой Вулканъ на другой день свадьбы отдалъ ей

слѣдующій приказъ: вовсе не кланяться прежнимъ своимъ знакомымъ; ничему не удивляться; и, если можно, ничего не говорить, пока не привыкнешь она къ языку лучшаго общества, въ кругъ котораго теперь поступила.

Не пожалѣете-ли вы теперь, что богатая дѣвица N° сдѣлалась бѣдною плѣнницею превосходительнаго своего супруга?

Бывъ увѣрена, что я принимаю въ ней душевное участіе, она просила меня написать что нибудь въ оправданіе ея передъ вами, и въ утѣшеніе горестливой судьбы ея. Не умѣя соиздать ррромъ, я намѣренъ написать на бѣдственную ея участь Элегію въ прозѣ, которой придумалъ уже и названіе: *плачъ несчастной жены*. На злого же Вулкана напишу Сапиру бѣлыми стихами, котораго, какъ въ зеркаль, покажетъ вамъ всѣ черныя свойства души его, если можно только предполагать въ немъ душу. То и другое будетъ напечатано въ непродолжительномъ времени.

N. N.

Э Л Е Г І Я.

Вчерашній день былъ день разлуки,
И къ испытанью первый шагъ!
Вчера извѣдалъ я всѣ муки,
При трагъ невозвратныхъ благъ!
Восторгъ плѣнительныхъ встрѣчи,
Обвороженъ сладкой рѣчи
И грусть разлуки прошлымъ днемъ,
Стѣснились на сердца моемъ.
Изнеможенный восхищенъ,
Я ласки дѣвы понималъ;
Впервые — дивнымъ размышленьемъ
Я призракъ счастья вѣрчалъ.
Но какъ не долго наслаждался
Привѣтами красы молодой....
Ахъ, скоро съ нею я расстался,
Душевный потерявъ покой.
Исполненный любви мечпанья,
Я слезы лилъ насидишь;
Межъ шѣмъ какъ сладостно во мнѣ

Толпились сердца упованья.

Просни невинный, свѣтлый взоръ,

Прости души рассказъ безмолвный,

И близкій сердцу разговоръ,

Очарованій чудныхъ полный!

И все, что зрѣлъ вчерашній день,

Въ очахъ мелькнуло будто тѣнь.

Просни! но вѣрь, о другъ мой милый,

Что буду помнить до могилы

Вчерашній день, вчерашній день!..

А. Суходольскій,

Рѣчь-Владиміровъ,

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Безумная, Повесть Г. Козлова.

(Продолженіе.)

Взявъ въ руки новое произведеніе Автора Чернеца, ожидаешь многого, но, къ сожалѣнію, найдешь малое. Скучности содержанія, весьма обвѣщалаго во многихъ Нѣмецкихъ и Русскихъ прозаическихъ повѣстяхъ, не могла поддержать и вдохновенная муза Козлова. Сумасшествіе опъ любви такъ уже исперлось опъ давленія и частаго употребленія, что трудно найти въ немъ пѣвическую сторону, даже и Поэту, вопреки мнѣнію Издателя Повѣсти Г. Козлова. Въ самомъ дѣлѣ, что за содержаніе! Авторъ ѣдетъ по большой дорогѣ; подѣхавъ къ селенію, встрѣчаетъ женщину; признаетъ въ ней сумасшедшую, и вмѣсто того, чтообъ опвесити несчастную въ теплую избу, сажаетъ на могильный камень (дѣло было въ морозную ночь) и заставляетъ се рассказывать исторію своего бѣдствія. Въ этомъ рассказѣ состоитъ все содержаніе Повѣсти, изъ котораго вы узнаете только то, что мать ея умерла, и что сама героиня оставлена своимъ любезнымъ. Рассказъ безумной, хотя и согрѣшь индѣ огнемъ Поэзии, но во многихъ мѣстахъ крайне холоденъ. И не мудрено: ибо повѣствовательница, вѣроятно, дрожала опъ холода.

Жаль, что Авторъ поскупился на эпизоды: имъ подлежало поддерживать однообразность содержания Повѣсти. Гдѣ только Поэтъ отступилъ отъ своего предмета, тамъ онъ превосходитъ. Такъ, напримѣръ, изобразилъ онъ ночное явленіе на небѣ:

Гляжу: спонимъ; ямщикъ крестился;
Зажглось небо надо мной,
Горитъ кровавою зарей;
Волнуясь, сверъь пламенѣеть,
То весь багровый, то блѣднѣетъ,
И море зыбкаго огня
Госово хлынуть на мспл,
.....
Клубясь въ сверкающихъ волнахъ,
Столбы багряные явились:
То расходились, то сходились,
Сдвигались, падали въ лучахъ,
Иль разсыпались, дымились;
И зарево съ высоты небесъ
Сіянье страшное бросало;
На свѣжій доль, на ближій лѣсъ
Оно шипящебно мерцало;
Пушистый иней вокругъ въшвей
Березъ высокихъ, соснъ космачныхъ,
Трейщеть въ искрахъ красноватыхъ;
И свѣжые ковры полей
Гдѣ пожелтели, гдѣ алблютъ.
Вездѣ дрожацій, чудный свѣтъ,
Какого днемъ и ночью нѣтъ.
Свѣкло и сирашно — лишь темнѣють,
Со всѣхъ сторонъ омрачены,
Лѣсныхъ овраговъ глубины.
И въ полѣ только раздается
Звокъ колокольчика порой,
И тихо изъ лѣсу несется
Волковъ голодныхъ дальшій вой.

И кони борзые пугливо
Храпають, какъ будио чуя диво.
Ямщикъ молчалъ; смолчалъ кругомъ,
И молвилъ мнѣ: „Не предъ добромъ!“
„Вѣрна примѣша, не обманешь:
„Намъ черній годѣ, бѣда нагряплетъ;

„Столбы—къ войнѣ, а пламя—морю:
„Того гляди, опять наборъ!“
Напрасно, гнавъ его сомнѣнье,
Я показавъ ему явленіе;
Не повѣлъ онъ —

.....
Едва везши меня рѣшился,
Онъ возжи взявъ, перекрестился,
Лѣниво съѣтъ, махнулъ кнутомъ —
И повторилъ: „Не предъ добромъ!“

Эпо, по нашему мнѣнію, лучшее мѣсто въ цѣлой Поэмѣ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

С М Ъ С Ъ.

— Дни при шому назадъ случилось здѣсь забавное происшествіе. Какой-то молодой человекъ, развѣзжая по лѣкопнымъ мѣстамъ на извозничьихъ дрожкахъ, въ часу 12-мъ утра остановился въ Большой Морской у одного дома, и сказавъ, что ему надобно зайти къ живущему тутъ своему пріятелю, и что онъ минуть черезъ десять возвратится, вошелъ въ домъ. Извозникъ провожалъ его глазами по лѣспиницѣ, по которой онъ пошелъ. Не прошло четверти часа, какъ извозникъ видитъ, что съдокъ его сходитъ съ лѣспиницы, закутавшись въ шинель свою такъ, что почти одни глаза его сверкали изъ подъ фуражки, хотя прежде онъ былъ въ шляпѣ, и по выходѣ на улицу, вмѣсто того, чтобы съѣсть на дрожки, онъ, не обращая на извозника вниманія, пошелъ по проунару весьма поспѣшно. Извозникъ поѣхалъ за нимъ. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ видитъ, что съдокъ его, подойдя къ другому извознику, садится на его дрожки и величаво хвально проворитъ къ Аларчину мосту. „Чтожь баринъ, деньги-по?“ наконецъ закричалъ первый извозникъ. Но шопъ и не отвѣчаетъ; а другой извозникъ между тѣмъ поѣхалъ скоро. Первый извозникъ, догнавъ своего съдока, повторилъ свое требованіе. „Какія тебѣ деньги?“ спросилъ съ-

докъ. „Въ самомъ дѣлѣ ты не потъ“ — сказалъ въ удивленіи извощикъ, разглядѣвъ челоуѣка, съ конимъ говорилъ: „да откуда ты взялъ эту шинель?“ — „Какъ, откуда? чпо ты, дуралей: это моя шинель!“ отвѣчалъ неизвѣстный. Между тѣмъ ѣхавшій съ нимъ другой извощикъ остановился для окончанія возникшаго спора, не смолпя на требованіе сѣдока, понуждавшаго его ѣхать проворнѣе. „А давно-ли твоя эта шинель?“ спросилъ извощикъ, увѣренный, что она ша самая, кошорая была на его сѣдокѣ. „Да какое тебѣ дѣло спрашивать меня“ — возразилъ неизвѣстный, снова побуждая своего извошника ѣхать скорѣе; но видя, что сей послѣдній не слушается, онъ вспалъ съ дрожекъ и пошелъ. Первый извощикъ, полагал, что дѣло должно бытъ какъ нибудь не такъ, соскочилъ съ дрожекъ, и догнавъ неизвѣстнаго челоуѣка, остановилъ его, говоря: „пѣшь, баринъ, или бѣсъ перемѣнилъ тебѣ или шинель не твоя; поспой-ка, опыщи-ка мнѣ того, чья эта шинель, чтобъ мнѣ не оспанься безъ денегъ; можетъ мнѣ цѣмъй день не дожждаться его.“ Начался шумъ и проходящіе составили уже около нихъ большую толпу. Извощикъ пребывалъ, чпобъ неизвѣстный возвратился вмѣстѣ съ нимъ къ тому дому, изъ котораго вышелъ; видя же, что безпокойство его возрастало болѣе и болѣе, и заключая по его обращенію и по плохой одеждѣ, которую онъ замѣнилъ, распахивая его шинель, что онъ не долженъ бытъ *баринномъ*, извощикъ смѣле настанвалъ въ своемъ требованіи. Наконецъ дѣло дошло до того, что незнакомецъ согласенъ былъ отдасть шинель извощику съ тѣмъ только, чпобъ онъ оспавилъ его. Тогда извощикъ, убѣдившись въ похищеніи шинели, пошачилъ его насильно за собою; и когда они, провожаемые многими зри-

телями, желавшими знать развязку сей сцены, дошли до извѣстнаго дома, въ то время выскочившіе уже изъ онаго люди, искавшіе шинели, схватили добраго молодца, и обсполтельства похищенія были немедленно открыты. Молодой челоуѣкъ, прѣхавшій на дрожкахъ, вошелъ въ квартиру своего знакомаго, оспавилъ по обыкновенію шинель въ передней. Люди, бывшіе въ ней, разошлись по другимъ комнамамъ, не прпявъ должной предосторожности задвинуть щеколду у дверей. Въ это время мошенникъ, вошедшій въ переднюю подъ предлогомъ просить подавння, видя, что въ комнашъ никого нѣтъ, взялъ шинель, въ кошорой онъ, по его словамъ, въ нынѣшнее холодное время нуждается (досппачное оправданіе!); въ коридорѣ падѣлъ ее на себя и спокойно опсправился своею дорогою. Такимъ образомъ извощикъ, кошорый сначала пошелъ его за своего сѣдока, неожиданно поймалъ похитителя. Если-бъ молодой челоуѣкъ пришелъ пѣшкомъ, бытъ-бы ему безъ шинели. Вотъ первое доказательство, какъ надобно остерегаться подобныхъ случаевъ въ большихъ домахъ, въ кошорыхъ, по многолюдспву, оныя удобнѣе пронсходить могутъ. (*Сообщено.*)

Загадка въ прошедшемъ No значить: Jet d'eau.

ENIGME.

Je dois, pour paraître accomplie,
Avec art farder mes appas;
Je ne suis jamais plus jolie.
Que lorsqu' on ne me connaît pas:
Lecteur, en restant incertaine,
Souvent je trouble la raison;
Nous perdriens, si j'étais nue,
Toi, ton amour, et moi, mon nom.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 136.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 12 НОЯБРЯ, СРЕДА.

ДВА НУМЕРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ.

Ей, спа пѣтъ оиъ Французскихъ книгъ,
А мнѣ оиъ Русскихъ больно спнися.

Грибодовъ.

(Сцена въ доли Н*, въ квартиру Князя Т*,
7 часовъ вечера.)

Н. (Входитъ въ переднюю.) Дома Князь?

Слуга Князя Т* (Стилая съ него шинель.)

У себя-съ; только почиваюиъ.

Н. Что это ему вздумалось? Оиъ, кажется,
не охотникъ спать послѣ обѣда.

Слуга. Да они еще и не кушавши; часу въ двѣ-
надцатомъ заснули, и по сіе время почивать из-
волятъ. Пепръ раза три принимался будить,
но не могъ добудиться: такъ крѣпко започи-
вали.

Н. Чудно!

Н. воиетъ въ кабинетъ Князя, ярко освѣ-
щенный кенкенами; не смотря на то, Его Ся-
мельниво спалъ на кушеткѣ, какъ убитый.

Н. (Расталкивалъ его.) Nicolas! Nicolas!

Тщетно.

Н. (Сильнѣе толкалъ его.) Nicolas! Nicolas!

Князь. А . . . . а . . . .

Н. (Продолжая.) Nicolas! Nicolas!

Кн. Ана . . . . . шоль . . . . . продол . . . . . женіе . . . . .

впередъ.

Н. Чиво оиъ за гиль меленъ! Nicolas! Nicolas!

Толкъ 2. № 136.

Кн. Академія . . . . . Китайцы . . . . .

Н. Что за дьявольщина!.. Nicolas! Nicolas!

Кн. Це-миноръ . . . . . эсъ-миноръ . . . . .

Н. Тѣфу пропасть! Оиъ генераль-басъ сочи-
плетъ. (Сильнѣе толкастъ.) Nicolas! Nicolas!

Кн. (Пробуждаясь.) Чшо? . . . Академія? . . .
Китайцы? . . . .

Н. Да опомнись, брапецъ; помилуй.

Кн. (Раскрывалъ глаза.) А! Michel! оставь по-
жалуйста: смерть спать хочеться.

Н. Что это съ тобою сдѣлалось? Неужели
ты будешь спать до завтраго.

Кн. (Приподымался не много.) Чшо это? Ве-
черь? . . Не можеть быть? . .

Н. Какъ, не можеть быть? Спишь цѣлые во-
семь часовъ! . .

Кн. Какъ, восемь часовъ! Я спалъ, кажется,
не болѣе часа.

Н. Съ двѣнадцатаго часа утра до осьмага ве-
чера, кажется болѣе часа.

Кн. (Вставалъ и протираалъ глаза.) Мнѣ что-
то не вѣрится; неужто я такъ долго спалъ? . .

Н. Посмотри на часы. Да ты еще не обѣдалъ.

Кн. Какъ, не обѣдалъ; не можеть быть: я, ка-
жется, обѣдалъ.

Н. Вчера разуметься ты обѣдалъ; а нынче
пока еще пѣиъ; и спраино, ѣсть не хочеться.

Кн. Если я не обѣдалъ, такъ я долженъ ѣсть
хотѣиъ.

Н. Эхъ, брапецъ, заспался! Да отъ чего это?

Не лепагическй-ли припадокъ?

Кл. Не понимаю! (*Увидѣвъ измятые листки на кушеткѣ.*) А, теперь помню! Вотъ смѣшно! (*Кличетъ.*) Дайте умыться.

Н. А мнѣ трубку. Да развѣ ны ночь не спалъ?

Кл. Напропивъ: я легъ вчера довольно рано, часу въ первомъ, и проспалъ хорошо до девяти часовъ.

Н. Ну.

Кл. Всталъ, выпилъ чаю и написалъ письмо къ мапушкѣ; часу въ одиннадцатомъ прѣхалъ Л* и пробывъ съ полчаса; какъ онъ уѣхалъ, я самъ хотѣлъ одѣваться и ѣхать со двора, да вотъ увидѣлъ на столѣ эти два послѣдніе нумера Литературной Газеты. (*Береть ихъ съ кушетки.*)

Н. Ну.

Кл. Я ихъ не читалъ еще, и чтобы просмотрѣть оба, прилѣгъ на кушетку.

Н. И заснулъ? Вотъ забавно! (*Смотря на листки въ рукахъ Килзл.*) 61 и 62 NNo.

Кл. Я и не читалъ ихъ, а только мелькомъ пробѣжалъ, потому, что въ обоихъ нумерахъ рѣшительно ничего нѣтъ; и не понимаю, какимъ образомъ заснулъ, и какъ могъ проспать до этого времени.

Н. Смѣшно! Неужто эти два нумера такъ сонворны?

Кл. Какъ и многіе твои, съ этими несносными *продолженіями впрѣдъ*, кошорыхъ я перепѣть не могу.

Н. А какъ-же ихъ избѣжать? Вѣдь это не Журналъ, а листокъ. Надобно соединять въ себѣ пятьдесятъ паланцовъ, чтобы умѣть сдѣлать *каждый* нумеръ, полисиника въ чепыре спрашчки, разнообразнымъ и занимательнымъ; чтобы въ этой дистанціи небольшого размѣра заключалось все: и клочокъ прозы, и стишки, и Библиографія, и Смѣсь, и Моды, и прочее.

Кл. Все такъ; но все это не оправданіе.

Н. Однако жъ и тѣ чипатели несправедливы, кошорые не сравниваютъ литературнаго достоинства въ Журналахъ: есть Журналы, которые выходятъ по два раза въ мѣсяцъ, что составитъ въ годъ 24 книжки (изъ коихъ перѣдко по двѣ и по три сколачиваются въ одну), и изъ коихъ въ каждой не болѣе *десяти* страницъ занимательнаго, но есть достойнаго прочтенія. Какъ же требовать отъ Журнала, выходящаго 156 разъ въ годъ, чтобы *каждый* No былъ прѣвосходенъ. Разумѣется, иногда и невольно, соображаясь съ обстоятельствомъ, должно ограничиваться посредственностью.

Кл. Все такъ; но все это не оправданіе. Ты думаешь, что надобно имѣть пятьдесятъ паланцовъ, чтобы сдѣлать свое изданіе совершеннымъ; а мнѣ кажется, что и съ однимъ *истиннымъ* можно достигнуть этаго: надобно только, чтобы съ этимъ однимъ истиннымъ паланцомъ было соединено прилежаніе, дѣлательность. У насъ скудны многіе Журналы единственно потому, что Издатели ихъ любятъ работать чужими руками; другимъ недостаетъ побольше образованности; иные-же не имѣютъ надлежащаго познанія въ общежитіи. Самъ-же ты говоришь, что видя иногда отвратительное безобразіе въ обоихъ отношеніяхъ, правдивномъ и литературномъ, невольно подумаешь, что читаешь статью пракипирнаго маркера, а не человекъ, хоть изрѣдка обращающагося съ порядочными людьми, и получившаго образованіе хоть въ Уездномъ Училищѣ.

Н. Вѣдь этихъ жалкихъ образчиковъ у насъ, благодаря Бога, болѣе одного не найдется; и потъ находился теперь при послѣднемъ изданіи въ судорожныхъ конвульсіяхъ, означающихъ близкій конецъ его существованія.

Кл. Не все-ли равно? Онъ перерядился въ другое платье, перекрестился въ другое названіе, по прежнему будетъ кричать охриплымъ своимъ

голосомъ, *это отъ наперсникъ славы*, и хоть прихрамывая, а поплелется своею дорогою.

Н. Хромая недалеко уйдешь.

Кн. По крайней мѣрѣ опередишь пѣхъ, которые ползутъ или идутъ ощупью. Но оставимъ это, а обратимся къ Литературной Газетѣ, по милости которой я еще не объдалъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

КУЗНЕЦЫ.

(Б а с н я).

Съ богатымъ не шпился,
А съ сильнымъ не борися —

Твердишь пословица; да только не впадай:

Ишой ии силецъ, ни богаты,

А лезеть въ драку.

И зналъ шакого забіяку;

И вонъ вамъ басня про него.

*

Въ лугу *Кузнецикъ* жилъ; его

Однажды посыпшилъ Орель крылатый:

Тогда былъ лѣпный день, и нашъ пернатый,

Онь зноя, съ вышины слезъль

И близъ норы кузнецей сѣлъ.

Казалось-бы, *завольно*

Усатому шого,

Что царь пернатыхъ у него,

По волю, иль невольню,

Сѣлъ ондыхать.

Такъ пѣшь: *бездельникъ*,

Орла задумавъ замарашъ,

Залѣзъ на ближій муравейникъ,

И ну въ него кидашъ

Землей,

Травой.....

И, думалъ, навдалъ порядочную гору;

Напѣшлся. — и прыгнулъ въ нору;

Орель межъ пѣвмъ ужъ ондохнулъ,

Большими крыльями взмахнулъ,

И, сбросивъ соръ весь надъ пороги,

Засыпалъ *кузнецца* и, кажепся, съ *жестого*,

Иные говорятъ, что съ злою.

Г. Кузнецкъ.

С М Ъ С Ъ.

Смотръ Журналамъ.

(Сообщено отъ *Мав. Вл. Толской.*)

Въ 45 No. Сына Отечества напечатана рецензія на вновь вышедшую Повѣсть Г. Максимовича, подъ названіемъ: *Безпріютіал.* Во-пер-
выхъ, мнѣ спраннымъ показалось въ сей рецен-
зіи, что Критикъ начинаеть свою спашью пѣмъ,
что даеть приношь сей Повѣсти, между *Нищамъ*—
Подолинскаго! и *Безумною* — Козлова! и почти
спавишь въ параллель Подолинскаго, Козлова —
и господина Максимовича. Во-вторыхъ, Критикъ,
упоминая о времени выхода Нищаго и Безумной,
опдаеть старшинство Безумной предъ Безпрію-
тшной, между пѣмъ какъ сія послѣдняя вышла
въ свѣтъ нѣсколькими дѣлами прежде Безумной.
Въ-третьихъ, Критикъ говоритъ, что все при
означенныя Повѣсти писаны — *стихами*, какъ-
бы желая намекнуть эшнмъ, что на стихахъ По-
долинскаго, Козлова — и господина Максимовича?
должно смотрѣшь съ одного и того же point de vue.
Все знаютъ, что Нищій и Безумная писаны
стихами, а госпожа Безпріютшная, будь ска-
зано не во гнѣвъ Критика и Автора сей По-
вѣсти, писана — *вершиами*! — Хотя Критикъ,
въ заключеніе спашья, и изъявляетъ свою увѣ-
ренность, что если Г. Максимовичъ послѣдуетъ
его совѣтамъ, то навѣрное будеть въ состояніи
подарить Русскую Словесность такимъ сочинені-
емъ, которое *распространитъ ея предѣлы* —
но . . . едва-ли не должно усомниться въ такомъ
предположеніи Критика, который не совсѣмъ вѣр-
нымъ окомъ смотритъ на произведеніе Г. Макси-
мовича: посредственное выспавляетъ въ образецъ
хорошаго, а хорошее (какъ наприм. стихъ: *И*
бросивъ саванъ степовой, стихъ, какихъ, разу-
мѣется, мало въ Повѣсти Г. Максимовича) по-
чему-то ему не понравился.

— Нѣкто, возвратясь изъ Спотицы, въ которой купилъ много рѣдкихъ вещей, вздумалъ дать блистательный обѣдъ господамъ помѣщикамъ своего Уѣзда. Вопи съхались всѣ. Обѣду и повару сдѣлали честь, и принялись за пышный десертъ; но шупъ нѣкоторые изъ Гг. Провинциаловъ, съвши персикъ или сливу, протягиваютъ руку за ананасомъ, абрикосомъ, или за гроздою винограда, и хватаютъ что-то прекрѣкое: несунуть въ ротъ, а въ зубъ не беретъ; рѣжутъ — ножъ не рѣжетъ, — и рѣшаются опшесити домой; однако хозяинъ, не желая перяпать мраморныхъ фруктовъ, сдвигавшихся на столъ для глазъ, а не для желудка, долженъ былъ покорно просить своихъ пошнителей о возвращеннн этихъ неѣдомыхъ сластей. (*Невъѣроятное.*)

М О Д Ы.

(*Парижскіе л.*)

(7 Ноября н. с.)

— Уборка головы: съ обѣихъ сторонъ напереди по одной гладкой бугалъ изъ волосъ; по срединѣ головы кокарда изъ цвѣтнхъ газовыхъ лентъ, составленная изъ четырехъ и даже пяти бантовъ безъ концевъ, или одного узла съ двумя розетками; сзади три или чепыре бугалъ изъ волосъ, утвержденныхъ посредствомъ черпаховой гребенки, вырѣзанной à jour.

— Чепчики изъ кружева убираются напереди двумя банниками изъ тюля, обшитого кружевомъ, и прсмя бантами лентъ, обложенныхъ тюлемъ или кружевомъ. Завязки у нихъ вообще бываютъ изъ шнла. — Чепчики изъ блондъ дѣлаются почти безъ всякой уборки, большою частно съ одною гирляндой изъ разныхъ мѣлкихъ цвѣтовъ.

— Шляпки изъ плюша въ большой модѣ; онѣ бываютъ разныхъ цвѣтовъ; отдѣлка ихъ изъ лентъ, обшитыхъ бахрамою; поля подбиваются также плюшемъ.

— У платьевъ изъ апласа и другихъ шелковыхъ матерій низъ обшивается повнше колыгъ однимъ рубцемъ изъ бархаша; пелеринка бархашная.

— Редентомы носятъ къ низу на распашку, такъ, чтобы видна была вышняя юбка изъ кисеи.

— Плаци изъ шерстяной материи большою частно бываютъ краснаго цвѣта съ синими или голубыми кзыпками; воронникъ дѣлается длинный, обшитый широкою бахрамою голубаго цвѣта; подбой изъ бѣлой шелковой материи.

Загадка въ прошедшемъ No. значить: énigme.

C H A R A D E.

Mon premier est souvent loué dans les poètes,
Qui du tendre Gessner empruntent le pinceau;
Les simples villageois dans leurs rustiques fêtes
Sur lui viennent danser au bord d'un clair ruisseau.
Il doit tout son éclat aux mains de la nature
Et fournit aux Philis leur plus belle parure.
Mon second, seul vrai bien; offre mille douceurs;
Il nous rend immortels, reste après le naufrage;
L'homme est de tous les tems et vit dans tous les âges
Par ce trésor, doux fruit de pénibles sueurs.
Quant à mon tout, lecteur, c'est un point de doctrine
Que nos sages entr'eux n'ont pu bien décider;
C'est un des attributs de la grandeur divine.
Bien des foux autrefois ont dit le posséder.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамаъ и пят-
ницамаъ.

№ 137.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
лавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 14 НОЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

ДВА НУМЕРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ. (Окончаніе.)

Кл. Въ каждомъ изъ Издаваемой Лип. Газеты не менѣе пятидесяти палачковъ, если вѣрнѣе собственнымъ ихъ показаніямъ, а между тѣмъ она такъ сухощава.

Н. Напротивъ: она пучитъ многихъ; посмотри хоть на эти два номера: видишь, какіе кормленые.

Кл. А что въ нихъ есть?

Н. Все, что надобно. (*Беретъ у него изъ рукъ номера.*) 61 No. Опрывки изъ книги: *Исповѣдь.* (*Звываетъ.*)

Кл. (*Зввалъ.*) Ну, прочи-ка. (*Садится на кушетку.*)

Н. (*Читаетъ.*) Невѣста. Глава V. Когда впервые Анаполь увидѣлъ невѣсту, выбрашу его матерью, то не зналъ, что видѣлъ ее.

Кл. Съ первыхъ спрокъ карачунъ смыслу: видѣлъ и не зналъ, что видишь. Спало бышь, онъ, какъ Романшикъ, не зря глядѣлъ. Можно-ли понимаешь это, не справясь съ подлинникомъ!

Н. Ну такъ чишай подлинникъ; а эштозъ переводъ, чѣмъ дальше, тѣмъ загадочнѣе. Послѣ него слѣдуютъ: *Слава нечестивца, Деларю.*

Кл. Великопоспное шестиспшише.

Н. *Письма къ Художнику любителю въ *** о выставкѣ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ.*

Томъ 2. № 137.

Кл. Въ-время! Даже и Иввалндъ ужъ прокричалъ объ эштозъ!

Н. *Библиографія. Практическое руководство къ сочиненію Музыки, Фужса.*

Кл. Эштозъ разборъ занимаетъ прешъ номера! Весело читашъ выписки изъ старыхъ самоучителей, выдаваемыхъ за собственные сужденія Рецензента.

Н. *Исторія Государства Россійскаго.* Изданіе прешіе.

Кл. Оплять старая пѣсня! Что дешево продается — и полько!

Н. *Смись. Отрывокъ изъ письма, полученнаго изъ Кяхты. Продолженіе обещано.*

Кл. Можетъ-ли бышь что упоминельнѣ! Эти Кипайцы мнѣ пеперь все во снѣ грезилсъ; а между тѣмъ общають продолженіе.

Н. 62 No. Опрывки изъ книги: *Исповѣдь.* *Окончаніе.*

Кл. Творецъ мой! Болѣе полуномера; а переводъ въ душу нейдетъ.

Н. *Смерть праведника, Трилуннаго.*

Кл. Также Великопоспные спишки.

Н. *Письмо II объ Академической выставкѣ.*

Кл. (*Зввалъ.*) А что дальс?

Н. *Библиографія. Иностранная Литература. Harmonies poétiques et religieuses, par A. de Lamartine.* Спашья 1.

Кл. Неужли вторая такъ-же будетъ суха, какъ эша?

Н. *Русскія книги. Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго. Продолженіе въ слѣдующ.* NN^о.

Кн. Едва ли кто изъ Журналистовъ, кромѣ Изд. Лип. Газеты, достигъ искусства — утомлять перья читателей своихъ плодовитыми спашьями. И такъ наговорено много, а все грязитъ продолженіемъ въ слѣдующихъ нумерахъ.

Н. Вотъ и все. Здѣсь въ концѣ объявленіе о подпискѣ на Лип. Газету въ слѣдующемъ году.

Кн. Эта спашья занимательнѣе всѣхъ прочихъ въ обоихъ нумерахъ; здѣсь по крайней мѣрѣ за новость узнаешь, что Лип. Г. удостоена лестными для Издателя ея *пріемомъ*, чего, разумѣется, никто прежде подозрѣвать не могъ, если эпопей лестный пріемъ понимать со стороны публики, а не собственнѣй Лип. Газеты, который она часно дѣлала сама себѣ,

Н. Тебѣ не нравится Лип. Газета, по видимому, отъ того, что она кажется ученою.

Кн. Она не кажется, но *хочетъ казаться* ученою — и опасается при одномъ только желаніи. Между ученостью и пущословіемъ — разница!

Н. Впрочемъ, въ ней промелькиваютъ иногда спашейки, довольно занимательныя. Ты помнишь, на примѣръ, *Самоубійцу*?

Кн. Спашья журнальная, если хочешь альманахная, но для Лип. Газеты тяжела. Эпопей Самоубійца помилъ, помилъ, помилъ, помилъ, и наконецъ чрезъ четыре нумера уже въ пятомъ зарѣзался. Весело читать одну повѣсть цѣлый мѣсяць!

Н. Въ другихъ Журналахъ, на примѣръ въ Славянцѣ, одна Повѣсть тянется около полугода.

Кн. Вотъ нашелъ примѣръ! Кому же съпощавъ на Славянина? Развѣ наборщику?

Н. Воля швоя; но Лип. Газета мнѣ иногда нравится.

Кн. Только эпо *иногда* бываетъ очень рѣдко. Но никогда я такъ не досадовалъ на нея, какъ давеча. Пересмащивая эти оба нумера — какъ можно, думалъ я, нѣтъ десяти спощекъ, которыя могли-бы доставить пріятное развлеченіе. Невольно я вообразилъ о помѣщикахъ, живущихъ въ провинціальномъ уединеніи, которыя, понадеясь на литературную извѣстность Издателя, выписали одну только его Газету, думая одною ею замѣнить два или три изъ прочихъ Журналовъ. Въ деревнѣ и такъ скучно, а путь за свои деньги еще покупай себѣ скуку. Ждешь нѣсколько дней, получишь листокъ, видишь, что въ немъ читать нѣчего, зѣвнешь, и долженъ бросить. Пересмащивая эти нумера, и взмывдая, то на Опрывки изъ *Исповѣди*, то на Великопощные списки *Деларю* и *Трилунаго*, то на запоздалыя и распянутыя *Письма объ Академической выставкѣ*, то на упоминательную и распянутую-же Библиографію, то на *Письмо о Китайцахъ*, — въ этихъ печальныхъ мысляхъ, и досадуя на скуку, ими мнѣ нанесенную, я почувствительнѣе заснулъ въ такое необыкновенное время и такимъ необычнымъ спощемъ. Какъ же отдѣлываючися отъ Лип. Газеты провинціальныя читатели, если въ Пешербургѣ, среди безпрерывнаго шума и стуку, просыпаешь отъ нея по осьми часовъ!

Н. Видно эти нумера сдѣлали на себя большое впечатлѣніе, потому, что ты и во снѣ все грезилъ спашьями, въ нихъ напечатанными: то Анаполемъ, то Академіею, то Кишайцами, то музыкальною спашьею Трилунаго.

Кн. Однако жъ, брашъ, отъ разговоровъ о Лип. Газетѣ сытъ не будешь: поѣду къ Дюбуа.

Н. Старайся жъ позднѣе нынче прѣхашъ домой.

Кн. Для чего эпо?

Н. За шѣмъ, что проспавши цѣлый день, ты не заснешь теперъ до самаго утра.

Кн. Вопъ ужь не боюсь эшаго: я опять при-
мусь за Лип. Газету; а если мало, по у меня
есть еще въ запасъ — твои сочиненія.

Н. Мои сочиненія наводять безсонницу, а не
помогаютъ опъ нея.

Кн. Это опзывается самохвальствомъ, заим-
ствованнымъ опъ Лип. Газеты!—

(Оба уходятъ.)

Б. Р.

ЛЮДМИЛА и СТАРИКЪ.

И д и л л я.

Старикъ. *(Подходитъ къ Людмилѣ, опираясь
на посохъ.)*

Напиться дай.... старикъ я хилый;

Иду сюда издалека,...

Людмила. *(Подаетъ ему кувшинъ молока.)*

Вопъ, на: напейся молока.

Старикъ. *(Возвращая ей кувшинъ.)*

Скажи: зовущъ себя?

Людмила.

Людмилой.

Зачѣмъ ты имл хочешь знать?

Старикъ.

Печаль въ лицъ твоемъ чистаю;

Я къ скорблямъ ближнихъ соспрадаю—

Авось, помочь могу....

Людмила.

Сказать....

Не въдаю....

Старикъ. *(Грозя пальцемъ.)*

Смотри, Людмила!

Могу я пайну разгадать.

Нѣтъ лепшы у тебя?

Людмила.

Мнѣ машь

Ее недавно подарила.

Старикъ.

Бышь можешь надобень цвѣпокъ?

А роза-бы къ тебѣ приспала....

Людмила. *(Весело.)*

Не угадаь, мой старичекъ:

На праздникъ, гдѣ я плясала,

Быль всѣхъ богаче — мой венокъ!

Старикъ. *(Съ участіемъ.)*

О чемъ-же прежде ты грустила?..

Людмила. *(Пригорюнясь.)*

Не въдаю, гдѣ милый мой:

Бышь можешь, что его могила

Теперь въ пескахъ страны чужой;

Бышь можешь, вражеской рукой.... *(Плачетъ.)*

Старикъ. *(Бросаетъ посохъ, сбрасываетъ съ себя
рубщице, шляпу съ подложными во-
лосами, и срывая бороду, восклицаетъ
радостно.)*

О, не крушись, моя Людмила!

Взгляни: твой другъ передъ тобой!..

(Людмила упадаетъ въ его объятія.)

К. Петерсонъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Безумная, Повесть Г. Козлова.

(Продолженіе.)

Въ разсказъ Безумной, изъ котораго, какъ мы
упомянули, состоить почти вся книжка, По-
эпъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ оспрослововъ, уда-
чно выдержалъ характеръ своей героини, соот-
вѣственный съ несчастнымъ состояніемъ раз-
судка ея: она наговорила много, но мало дѣлапа-
го. Иные находятъ много чувствъ въ разсказѣ
ея: они есть, но не въ избыткѣ. Многіе неспра-
ведливо опредѣляютъ свойство слова: *чувства*; и
це полагаая, что чувства находятъся въ стихахъ,
въ которыхъ непринужденно изливается душа
Поэта, думаютъ, что подъ симъ словомъ дол-
жно разумѣть мракъ планисвенныхъ печалей;
описанія могилъ; смутныя призраки; печально-
сумрачную блѣдность, соединенную съ унылыми
взорами; тревожныя думы; безнадежную грусть;
и другія печально-кудрявыя выраженія, болѣе по-
казывающія недостатковъ истинныхъ чувствъ
въ Поэпъ, нежели обиліе оныхъ.

Впрочемъ въ Безумной есть немногія мѣста, въ копорыхъ промелькиваютъ красныя, испинно пипическія, въ копорыхъ заключаются выскокія, новыя мысли. Изъ числа ихъ приведемъ въ образецъ то, гдѣ Безумная, переходя отъ поски о своемъ любезномъ къ чувству ревности, внезапно родившейся въ душѣ ея, говоритъ:

„Онъ живъ, хорошъ—не для меня!
И можешь быть, даво съ другою
Злодѣй смѣется надо мною!
*И страшно мнѣ, что, можешь быть,
Его не стану я любить!*“ (Стран. 27)

Заключаящаяся въ двухъ послѣднихъ стихахъ новая изящная мысль невольно обращаетъ на себя вниманіе, ибо даетъ новое понятіе о свойствахъ сердца человѣческаго, копорого черты не все еще извѣстны. Здѣсь видишь чиншатель, что Безумная поспавляетъ единственнымъ для себя унѣшеніемъ—любовь свою, хопя и безопрядную; одна мысль, что она можешь современемъ разлюбить — ужасаетъ ее!

Какъ не принялъ участія въ ней!
Какъ не жалеть о дѣвѣ нѣжной!..
Увы! спрадаче въ жизни сей
Для слабыхъ смертныхъ неизбежно!..
(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

С М Ъ С Ъ.

—Теперь считаеся восемь невѣстъ, имѣвшихъ въ виду одного жениха, копорый нынѣ женился на девятой, невходившей въ число ихъ. Гг. женихи извѣщаются объ открывшихся вакансіяхъ.

—Нѣкто получилъ недавно отъ одного изъ своихъ знакомыхъ, находящихся въ Парижѣ, письмо, въ копоромъ между прочимъ сказано: „примите на себя трудъ засвидѣтельствовать

мое почтеніе общему нашему знакомому, мамлю копорого я забылъ; помню только, что она кончается на *овъ.*“ (*Невъѣроятное.*)

—„Я всегда съ умиленіемъ воспоминаю о знаменитомъ нашемъ Исторіографѣ, Н. М. Карамзинѣ, когда гляжу на эти безсмертные двѣнадцать помовъ“—говорилъ кто-то на дняхъ, разсматривая библіотеку молодого чловѣка, только что вступившаго въ Университетъ. — „Помилейте, бапшьяка!“ воскликнула пешка студента: куда вы память заперли? Когда Ник. Михайловичъ былъ сдѣланъ Графомъ? Я знала его знакомыхъ: онъ умеръ просто Русскимъ Дворяниномъ, Симбирскимъ помѣщикомъ и Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣшникомъ!“ (*Совершенно истинное.*)

Шарада въ прошедшемъ No. значить: *préscience.*

LOGOGRIPE.

J'étais chez les anciens le chef de la famille;
On respectait mes ans et mes cheveux blanchis;
Tous mes moindres désirs de suite étaient remplis.
Mais ici les tout change, autre tems, autre usage,
Mon nom n'existe plus pour rappeler un sage,
Et les auteurs sacrés me désignent parfois.
J'ai perdu les honneurs, les égards d'autrefois.
De dix pieds, chez lecteur, mon être se compose;
En me décomposant, je suis plus d'une chose:
Tu trouveras d'abord la flottante maison
Qui conserva l'espèce et nous sauva, dit-on;
Ce que voudrait revoir à son heure dernière
Le banni relégué sur la terre étrangère;
Ce que redoute fort petit maître soigneux:
Ce que je voudrais être afin de vivre heureux;
Ce que fut Apollon lorsque dans sa disgrâce
Il gardait ses troupeaux dans les champs de la Thrace;
Ce qu'aujourd'hui, lecteur, sera pour toi demain;
Un animal rongeur qui se nourrit de grain;
Un quadrupède ami que souvent on caresse;
Un signe bien certain de joie et d'allégresse;
Dans les tems déjà loin un instrument de mort;
Ce qui vengeait Patrocle en mutilant Hector;
La bouche d'un volcan, le déchet d'une chose;
Enfin, ami lecteur, pour compléter la dose,
Tu dois trouver encor un oiseau peu discret;
Si tu m'as deviné, garde-moi le secret.

Выходитъ по понедѣльникамъ, средамаъ и пятницамаъ.

№ 138.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 156 NN. въ С. П. Б. 50, съ доставкой 40, съ пересылкою 37 рублей.

1830, 17 НОЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

НЕСЧАСТНЫЙ ПОЭТЬ.

Одинъ извѣстный Поэть былъ не весьма пригожь собою, отъ чего всѣ женщины не совѣмъ его жаловали: онъ имѣлъ большіе сѣрые глаза; ропись, занимавшій все пространство отъ одного уха до другаго; шолстые, опухлыя губы; длинный носъ, загнутый кънизу; и рыжеватыя бакенбарты. Все это придавало ему видъ непривлекательный; припомъ-же, не смотря на его пипическій умъ и *душу*, голосъ его вовсе не былъ звученъ и прогашеленъ, а ближе походилъ на скрипъ немазанныхъ колесъ. Однако жъ, вопреки своей наружности, онъ влюблялся во всѣхъ женщинъ, которыя, какъ мы уже сказали, плашили ему хладнокровіемъ. Однажды, послѣ тщетныхъ его преслѣдованій нѣкоторой особы, и потерявъ всю надежду побѣдить ея непреклонность, въ отчаяніи вскричалъ онъ: „да полюбите меня, сударыня, по крайней мѣрѣ за мой умъ!“ — „Я васъ и люблю за умъ; но только *умомъ!*“ отвѣчала она хладнокровно. — Въ эту минуту вошелъ стройный, высокій молодой человекъ, и Поэть опѣдалъ въ немъ, кого любила *сердцемъ* N. . . . — Несчастный, удалаясь въ бѣшенствѣ, проклиналъ любовь и красоту; но, вѣроятно, болѣе съговалъ на свое безобразіе. Вскорѣ послѣ того онъ получалъ отъ той-же особы письмо, наполненное нѣжными выраже-

ніями, гдѣ между прочимъ упоминалось: что она готова его любить, какъ *Элиза Абеларда!* — Оскорбленный Поэть, въ отмщеніе ей, написалъ сатирическую повѣсть въ стихахъ, въ которой неосторожно изобразилъ собственное свое приключеніе.

(Сообщено.)

ЭКСПРОМТЪ ДѢВИЦЪ, ДУРНО ПѢВШЕЙ РОМАНСЪ: Я ЖДУ ТЕБЯ.

Вы ждете?.. ждате — душъ мученье
Такое жъ шочно, какъ ушамъ!
Теперь и мы ждемъ: скоро ль вамъ
Угодно будешь кончить пѣнье?..

N.

НОВЫЯ КНИГИ. *Безумная*, Повѣсть Г. Козлова. (Окончаніе.)

Непріятнѣе всего, что въ этой послѣдней Поэмѣ Г. Козлова, менѣе видно опѣяки въ слогахъ, нежели въ первыхъ его произведеніяхъ. Не распространяясь многими примѣрами, мы ограничимся только первыми шремя страницами. Начало повѣсти:

Когда дорогого большого
Протъжій встрѣтитса ео мною,
И колокольчикъ прозвешитъ:
Всегда въ мое воображенъе
Онъ броситъ шайнос смущенье... (Стр. 1)

Колокольчикъ бросаетъ смущеніе въ воображеніе! Съ подобнымъ не желательнѣе-бы встрѣчаться въ произведеніяхъ Автора Чернеца! —

Открылся взоръ *усталый* мой... (Стран. 2)

Спиранио, что *взоръ* Автора *усталъ* — опъ дремопы!

Холоднѣли блестяиъ рдной почи

Невольно *ужаснулись* очи... (Стран. 3)

Грамматическая неправильность. Замѣнимъ еще, что эпи *оги* ужь слишкомъ часто выглядываютъ въ Повѣсти Г. Козлова. Съ ними безпрестанно встрѣчаешься: то они являются съ чуднымъ блескомъ (страни. 9), то съ дикимъ огнемъ (страни. 11); то они плачутъ(*) (страни. 15), то въ пяхъ опять сверкаетъ *блескъ любви строптисой* (страни. 19); то они закрываюцца (страни. 27), то опять глядятъ *на ужасы подземной ноги* (страни. 28); и проч. и проч.

Заклучимъ наше сужденіе пѣмъ, что Повѣсти Г. Козлова должна получить почетное мѣстечко въ дамскихъ библіотекахъ. Въ ней прощивнаго благопристойности пѣшь ннасколька, что въ нынѣшнее время, судя по многимъ примѣрамъ, надобно считать за рѣдкость; спншки мпленкѣ; поахатъ, а пожалуй и поплакатъ, есть опъ чего. Мы, мужчины, мы гораздо расчелдивѣе въ своихъ слезахъ, и, грѣшное дѣло! нерѣдко улыбаемся, глядя на шѣ вещи, опъ которыхъ *плачутъ оги* пѣжныхъ и чувствительныхъ красавицъ!..

Аристархъ Завѣтный.

(*) Въ одномъ изъ Петербургскихъ Журналовъ, эпомъ стихъ, въ которомъ *плачутъ оги*, выставленъ за образцовый. Нѣкоторые находятъ въ эпомъ и повость выраженія. На сіе имѣемъ честь довести, что въ Повѣсти Г. Максимовича: *Безпріютная*, вышедшей нѣсколькими днями прежде Повѣсти Г. Козлова, есть стихъ, въ которомъ *не плачутъ оги*. Слѣдственно доля похвалы за сіе выраженіе принадлежитъ и Г. Максимовичу. Развъ изъ состраданія должно обладать предпочтеніе *плачуцимъ* очамъ предъ *неплачуцими* — А. З.

С М Ъ С Б.

— Какая-то старушка попросила одного чиновника паписать ей просьбнцу къ начальнику покойнаго ея мужа, чтобъ ей дали пенсіонъ. Чиновникъ слылъ человекъ остроумнымъ и весьма краснорѣчивымъ между своими сослуживцами: ибо опъ, хопя и не совсемъ кончилъ курсъ въ Гимназіи, однако жъ умѣлъ правильно писать л на своемъ мѣстѣ и рассыпать оспорожно знаки препинаціи, чего другіе, за малознаніемъ, не наблюдали. Прошеніе сіе имѣло видъ школярной рѣчи, расположенной по Риторикѣ Рижскаго; шуптъ было и предложеніе, и приступъ, и примѣръ, и противное, и изъясненіе, и послѣдствіе, и наконецъ заключеніе, украшенное нѣсколькими знаками восклицанія, среди которыхъ провилась такая вычурная фраза, подобную коей врядъ-ли отыщешь и въ Разборахъ Лит. Газеты. Превосходнпслый, прочитавъ прошеніе, и невольно засмѣявшись, спросилъ: „что это значить, припадаю къ *подножію ногъ Вашихъ*? Я, кажется, не спашул, и педестада не имѣю.“ (Сообщено.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Издатель Сѣвернаго Меркурія, принося искренною признательность особамъ, обратившимъ благосклонное вниманіе на труды его, подпискою на сію Газету, имѣетъ честь уведомить, что Сѣверный Меркурій будетъ имъ издаваться и въ слѣдующемъ 1831 году.

Планъ Газеты оспается преждій:

1. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ПРОЗА. Повѣсти оригинальныя и переводныя; небольшіе отрывки изъ Романовъ; описанія примѣчательныхъ мѣстъ; жизнеописанія извѣстныхъ лицъ нашего времени; Анекдоты; Спашши о правахъ; и проч.

2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Вообще новѣшія произведенія отечественной Поэзіи.

II. КРИТИКА.

1. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ. Извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ, съ краткими о содержаніи и достоинствѣ ихъ замѣчаніями. — Подробное разсмотрѣніе первоклассныхъ произведеній отечественныхъ Писателей, съ указаніемъ въ нихъ истинныхъ красотъ и недостатковъ.

II. СМОТРЪ ЖУРНАЛАМЪ. Разныя замѣчанія о современныхъ періодическихъ изданіяхъ.

III. ТЕАТРЪ.

Разборы вновь поступающихъ на Театры достойныхъ вниманія пьесъ, съ краткими замѣчаніями объ игрѣ въ нихъ Актеровъ.

IV. СМѢСЬ.

Петербургскія Записки. Столичные новости о разныхъ предметахъ. Столичные увеселенія и описаніе ихъ. Петербургскіе Анекдоты. Извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Музыки и Живописи. Разныя замѣчанія, объявленія, шарады, загадки, логогрифы, и проч.

V. МОДЫ.

Извѣстія о примѣчательныхъ иностранныхъ и Петербургскихъ модахъ. Къ иностраннымъ модамъ будутъ прилагаться по два раза въ мѣсяцъ картинки замѣчательныхъ костюмовъ. Сія картинка будутъ гравироваться съ такихъ-же, издаваемыхъ при лучшихъ заграничныхъ модныхъ Журналахъ, немедленно по полученіи оныхъ съ послѣднею почтою въ С. Петербургъ. (Какъ, напримеръ: La Mode; Mercure des Salons; Petit Courrier des Dames; Journal des Dames et des Modes; и пѣк. др.)

Время выхода Газеты остается прежнее, по три раза въ недѣлю: по понедельникамъ, средамъ и пятницамъ.

Издатель прилагаетъ стараніе, чтобы Сѣверный Меркурій, какъ разнообразіемъ, такъ равно содержаніемъ и слогомъ статей, помѣщаемыхъ въ сей Газетѣ, нравился любителямъ приятнаго и занимательнаго чтенія. По крайней мѣрѣ, Издатель, желая угодить разборчивому вкусу просвѣ-

щенной публики, употребляетъ съвоей старанія всѣ мѣры для достиженія сей цѣли.

Въ трудахъ Издашеля участвуютъ многіе извѣстные опечиственные Писатели.

Форматъ Сѣв. Меркурія съ 1831 года увеличился противъ нынѣшняго, и будетъ соответствовать формату Литературной Газеты Барона Дельвига. Бумага будетъ веленева.

Газета сія издается въ такомъ видѣ, что, по содержанію своему, можетъ служить не на одно только настоящее время, но и по окончаніи года, она обращается въ книгу, могущую быть занимательною и на будущее время, ибо составляетъ изъ новѣйшихъ произведеній опечиственной Словесности; небольшой только современный Петербургскія извѣстія могутъ подвергаться исключенію. Но какъ неудобно собирать Газету, издающуюся листками, кои, въ продолженіе года, теряются и приходятъ въ вѣтхость, то Издашель Сѣвернаго Меркурія, въ отвращеніе сего неудобства, распорядится слѣдующимъ образомъ: съ 1831 года онъ будетъ печатать двойное количество экземпляровъ для Гг. Пренумерантовъ; каждый изъ оныхъ будетъ въ теченіе 1831 года получать листки сей Газеты, по времени выхода оныхъ, по естѣ по *три* раза въ недѣлю, что составитъ въ годъ 156 номеровъ; а по минованіи *каждаго полугодія*, всякій изъ Гг. Пренумерантовъ получитъ *томъ*, состоящій изъ 78 номеровъ, особо переплетенный, что составитъ въ годъ *два тома* (*).

(* *Первый томъ* Сѣв. Меркурія, состоящій изъ 78 NN, вышедшихъ въ первой половинѣ сего года, заключающій въ себя *до сорока* печатныхъ листовъ, и содержащій *пятьдесятъ девять* статей въ прозѣ и *восемьдесятъ* одно стихотвореніе, кромѣ Библиографическихъ, Театральныхъ и находящихся въ *Слѣдствіи* статей, продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обихъ столицъ, въ цѣпной печатной оберткѣ, по 15 рублей экземпляръ. (См. 132 No. Сѣв. Мерк.)

Второй томъ Сѣв. Мерк., также состоящій изъ 78 NN (79—156) за вторую половину сего года, и имѣющій содержать въ себѣ *до сорока же* печатныхъ листовъ, выйдетъ въ Январѣ 1831 года, и будетъ

Всѣ сія, имѣющія значительна умножилась въ 1831 году, въ сравненіи съ нынѣшнимъ годомъ, журнальныя издержки, (какъ-то: на увеличеніе формата Газеты, на улучшеніе достоинства бумаги, на картинки Модъ и на двойной экземпляръ, заключающійся въ упомянутыхъ *двухъ томахъ*, побуждаютъ Издашеля возвысить цѣну на сію Газету, прошивъ нынѣшняго года, *пятью* рублями. Прибавка сія совершенно незначительна, въ сравненіи съ прибавленными къ Газетѣ 24 картинками Модъ, увеличеніемъ формата, улучшеніемъ бумаги и особенно *двойнымъ* экземпляромъ, — по еснъ въ сравненіи съ шѣмъ, въ какомъ видѣ издавался Сѣв. Меркурій въ нынѣшнемъ году. — И такъ, на основаніи сего, подписная цѣна за годовое изданіе сей Газеты, состоящее изъ 156 нумеровъ и *двухъ* томовъ, съ 24 картинками Модъ, здѣсь въ Петербургѣ *тридцать пять* рублей; съ доставкою на домъ и съ пересылкою во весь города Россійской Имперіи *сорокъ два* рубли.

продавались также по 15 рублей, а оба вмѣстѣ по 30 рублей.

Издашель Сѣв. Меркурія, желая загладить несправность свою, состоящую въ *замедленіи* выдачи *одинадцати* NNo, а именно 79, 80, 81, 82, 83, 84, 126, 127, 128, 129 и 130, о коихъ упомянуто въ 131 No. Сѣв. Меркурія, симъ объявляетъ, что тѣ особы, которыя подписались въ нынѣшнемъ году на сію Газету, и пожелаютъ подписаться на оную и въ будущемъ 1831 году, — имѣютъ право получить *безденежно* упомянутые первый и второй томы Сѣвернаго Меркурія. *Первый* томъ выдается при подпискѣ, а *второй* получаютъ они по выходѣ, какъ выше сказано, въ Январь 1831 года. И потому сіи особы, какъ здѣсь въ Петербургѣ находящіеся, такъ и иногородныя, благоволятъ опшестись для сего съ своими прѣбываніями къ самому Издашелю. — Упомянутые же одинадцать нумеровъ Сѣв. М. будутъ выданы къ 10 числу будущаго Декабря.

Подписка на полученіе сей Газеты въ 1831 году иринимается въ *Петербургъ* у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, какъ-то: у А. Ф. Смирдина, И. В. Сленина, И. П. Глазунова, И. И. Заикина, И. В. Ненейцына, и у Н. Т. Лисенкова, управляющаго лавкою А. П. Глазунова; въ *Москву* у содержателя Университетской книжной лавки, А. С. Ширлева и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородные благоволятъ опшестись съ своими прѣбываніями въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта, или на имя самаго Издашеля, адресуя въ семь послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издашелю Сѣвернаго Меркурія. Въ С. Петербургѣ.*

Почтамты приняли дѣятельныя мѣры къ вѣрному и своевременному доставленію сей Газеты иногороднымъ подписчикамъ.

Михаиль Бѣстужевъ-Рюминъ.

NB. Покорнѣе прошу Гг. Журналистовъ перепечатать это объявленіе въ своихъ изданіяхъ. Вмѣнивъ себѣ это въ особенное одолженіе, я буду за сіе весьма признателевъ.

Логотипъ въ прошедшемъ No. значитъ: Patri-arche, гдѣ находятся слова: arche, patrie, tache, riche, père, hier, rat, chat, rire, arc, char, crater, tare и pié.

CHARADE.

A douze ans, cher lecteur, je livrais mon enfance
Aux plaisirs variés que m'offrait mon dernier,
J'avais peur de mon tout, et dans mon ignorance
Je ne connaissais pas le prix de mon premier.
Mais plus j'avance en mon dernier,
Plus je fais cas de mon premier,
Et moins j'ai peur de mon entier.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 139.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 19 НОЯБРЯ, СРЕДА.

ПАРИКЪ, ТРОСТЬ И СТАРЫЙ СЮРТУКЪ. (Истинный Анекдотъ.)

Онъ былъ старъ и дряхлъ, но тѣмъ не менше на семидесятомъ году своей жизни, проведенной въ вихрь свѣта, вздумалъ сдѣлать непроспиттельную мупость: женился на прекрасной, молодой дѣвушкѣ, — дочери небогатаго помѣщика, которому случай называть свою Натасу Ваитямъ Сидельствомъ казался верхомъ блаженства. Сдѣлавшись супругою Князя Рамирскаго прошивъ воли, она не знала сладостей брака, но носила всю скуку надзираельницы за больнымъ, причудливымъ и подъ часъ брюзгливымъ спарикомъ, который приближался разсудкомъ къ первоснеченному положенію дѣтства; за то она была Княгиня и ѣдила въ великолѣпной каретѣ, которую не болѣе двухъ разъ въ годъ выдвигали изъ сарая; а этаго довольно для отца, влюбленнаго въ Геральдику! —

Льшомъ онъ девяти часовъ ушра до девяти вечера сквозь чугунную рѣшетку Княжескаго сада, лучшаго во всемъ Губернскомъ городѣ, видѣли всегда Князя, то въ партерѣ, то въ бесѣдкѣ, то въ оранжереѣ съ толпою слугъ и садовниковъ; это была его сфера; ароматы цвѣтовъ, тѣхъ луковицъ, которыя онъ выписывалъ изъ Гарлема, казались, оживляли добраго спарика и вливали въ его жилы новый, шепчущій пошокъ

Томъ 2. № 139.

крови. На немъ бывалъ тогда сѣрый сюртукъ на кроличьемъ мѣху; вмѣсто шапки широкой парикъ шелковый какаго-то сомнительнаго цвѣта; а въ рукахъ огромная бамбуковая палка. Лице его было, какъ у мерпвѣца; носъ безконечно длинный; глаза впалые; голова безпрестанно прысала. Но какимъ восторгомъ блистали эти глаза, когда онъ воспоминалъ о своей молодости, о своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ; когда говорилъ, что эта простота подарена ему однимъ Боптенполискимъ спаричиною, убившимъ его спрашнаго венря; что этою парикъ былъ носимъ въ Женевѣ однимъ его приятелемъ, спрашнымъ Бопаникомъ; что въ этою сюртукъ путешествовалъ онъ и на сѣвѣный Сенитъ-Гопардъ и на поднебесный Шимборазо въ Америкѣ; что мѣхъ, конемъ онъ подбитъ, подаренъ ему въ Иркутскѣ однимъ охотникомъ, и пр. Эти рассказы, благодаря забывчивости Князя, повнорялись ежедневно, и — наводили зѣвопу на бѣдную Натасью Александровну. — Однако любезность и умъ его были всемъ извѣстны, и не было никого, ктобъ о добромъ спаричкѣ молвилъ худое слово. Оди лишь племянники — единственные его наследники, не хотѣли и знать объ немъ: одинъ изъ нихъ купилъ въ Москвѣ, а другой собачился въ своемъ уѣздѣ.

Такимъ образомъ прошло шри года, и спаричъ заснулъ вечеркомъ подъ стѣною посаженныхъ имъ яблонь — сномъ непробуднымъ.

Вотъ прискакали немедленно Князьки Рамирскіе, изъ которыхъ одинъ послѣдній полтора ста душъ заложилъ въ Онегунскомъ Совѣтѣ для удолстворенія приходней прелестной танцовщицы, которую онъ содержалъ, какъ Герцогиню; а другой, купивъ новую стаю голчихъ, содралъ такой оброкъ съ мужичковъ, что имъ ничего не осталось болѣе дѣлать, какъ пойти по міру. Похороны были великолѣпны: всѣ священники и Архимандритъ были приглашены; гостей съѣхался цѣлый городъ, ибо билетовъ съ черными каймами было разослано около пяти-сотъ. Оплавать долгъ покойному, должно было подумать и о себѣ: прошли шесть недѣль, и вотъ взламываются печати на дверяхъ кабинета, отворяются двери, всѣ входятъ гуртомъ вмѣстѣ съ Дворянскимъ Предводителемъ и съ Нотариусомъ, открываютъ бюро и — запечатанный пакетъ съ надписью: „Духовное завѣщаніе Князя Агафона Рамирскаго“ — поражаетъ взоры. Лежитъ конвертъ и производится чтеніе слѣдующаго содержанія. „Я, Агафонъ сынъ Сергѣевъ Князь Рамирскій, симъ извѣщаю моихъ наслѣдниковъ, любезныхъ племянниковъ, Князей Платона и Аркадія Рамирскихъ, что, къ прискорбію моему, не смотря на оказанную ими мнѣ любовь, преданность и уваженіе, я не могу наградить ихъ достаточно; ибо движимое и недвижимое имѣніе мое, состоящее изъ сельца Любова съ господскою усадьбою и съ двумя тысячами десятинъ пахотной земли, изъ двухъ-этажнаго деревяннаго на каменномъ фундаментѣ дома въ городѣ съ садомъ и оранжереею, съ прислугою, экипажами, лошадьми и рогатымъ скотомъ, — простирается до 250 тысячъ руб. гос. ассигнаціями: но такъ какъ 250 т. рублей я долженъ состояю по двумъ заемнымъ письмамъ, еще непредъявленнымъ въ присутственныхъ мѣстахъ, то и могу оставить любезнымъ племянникамъ моимъ въ наслѣдство лишь паркъ, палку и

„сѣрый сторшукъ.“ — Бѣшенство овладѣло наслѣдниками, ожидавшими всего отъ смерти богатаго дяди. Анпи-повелѣнія посланы въ Москву къ Загорѣцкому, знаменитому исполнному комиссіонеру, и въ особенности строго настрого приказано не принимать пера плаксиваго Біографа для публичнаго описанія доблестей покойнаго. Но правду сказалъ одинъ Писатель, что несчасіе нанеситъ не вдругъ свои удары. Этотъ день былъ жестокимъ днемъ въ жизни бѣдныхъ Князьковъ: только что отправлены были депеша къ Антону Антоновичу Загорѣцкому, какъ получаютъ Московскія Вѣдомости, въ которыхъ и жизнь, и смерть, и добродѣтели стараго Князя, были описаны восхищительно-важно-усыпительно, и съ симъ вмѣстѣ получено письмо отъ комиссіонера, извѣщающаго, что похвалы сіи стоютъ — двести рублей. Сверхъ того, кто-бы вы думали былъ Дебришоромъ покойнаго? — Княгиня, господа, Княгиня Наталья Александровна, которую старикъ хотѣлъ наградить за ея пруды и горести, и еще при жизни подарилъ ей два векселя: предъявивъ ихъ въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ, она получила прекрасное состояніе. Этотъ урокъ не худо-бы намотать себѣ на усть многимъ наслѣдникамъ. Великодушная Княгиня, желая владѣть вещами, всегда столь любимыми ея супругомъ, просила ихъ у племянниковъ, желая промѣнянъ на драгоценный сервизъ; но алчные Князья рѣшились объявить: давай намъ 50000 рублей, такъ и по рукамъ, а не то сей часъ сождемъ эти вѣтошки. Княгиня согласилась, и негодяи могли заплачивать хоть иѣконопые долги.

Вл. Б—въ.

У Н Ы Н І Е.

Все мрачно! ноютъ, ноютъ, ноютъ,
Какъ будно примерли сердца!
Какъ будно всѣмъ могилу роютъ!

Всѣ ждуть какого-то конца,
И разрѣшенія загадокъ;
Не вкусенъ силъ *зеленый* нашъ хлѣбъ
И легкій воздухъ нашъ не сладокъ;
Иныхъ жеемъ мы погрѣбъ,
Иныхъ полны мы ожиданій!
Но наши воли намъ пемны!
Такъ въ дѣбряхъ чуждыя спраны,
Они скользконы и преныканій
Невѣдомый объемлетъ страхъ,
И сердцу шажко и уныло,
Пока желанное свѣтло
Взойдетъ и спанешъ на горахъ.

Оед. Глипка.

НОВЫЯ КНИГИ.

72. *Скиталойцѣя странникъ или ногной побѣгъ приговореннаго къ эшафоту.* Повѣсть. Сочиненіе Николая Омина. С. П. бургъ, въ Тип. Х. Гинца, 1830. Въ 8. (29 страницъ.)

Буде читатели наши изумятся кудрявости вышепрописаннаго заглавія, по недоумію ихъ, вѣроятно, разрѣшится, когда мы скажемъ, что если Типографія Гинца буденъ существовать до 1930 года, и если только Г. Оминъ не станешъ печатать въ ней своихъ произведеній, по, безъ сомнѣнія, въ продолженіе ста лѣтъ, въ ней ничего не напечатается такого, что превосходило-бы своею цѣльностью вышесказаннаго *Скиталойцагоя странника*, и проч. Мы не можемъ сказать опредѣлительно, какъ написано это сочиненіе, стихами-ли, прозою-ль: шайпу сію разгадать трудно. Рнѣмъ нѣтъ, размѣра нѣтъ, строки разбивныя на подобіе стиховъ, а иногда идутъ въ рядъ, какъ въ прозѣ. Здравый смыслъ учинилъ побѣгъ изъ подъ пера Г. Омина и сдѣлалъ скиталойцима спранникомъ въ области безграмотности. Если бъ какого нибудь Кришика заставили опыскать его, подъ онасеніемъ, въ случаѣ неудачи, быть приговореннымъ къ эшафоту, то ему неминуемо пришлось-бы положить бѣдную

свою голову. Содержаніе сей Повѣсти нѣчто въ родѣ бенефиснаго романтическаго представленія. Тутъ все есть: и вершенъ разбойниковъ, и Адель прелестная, и подземный ходъ, и попойка, и прелестная-же Лаура, и разрушеніе замка. Главное дѣло состоятъ въ томъ, что ницѣй, герой Повѣсти, приходитъ просить милостыни въ замокъ какого-то Графа, и Графъ, вмѣсто подавнїя, предлагаетъ ему жениться на своей дочери, прелестной Адели. Ницѣй, разумѣется, соглашается; но передъ нѣтъ, какъ надобно было идти къ вѣнцу, приходитъ Лаура, и объявляетъ, что въ будущемъ зпнѣ Графа скрывается бѣглець и убійца. Женихъ, разумѣется, подавай Богъ ноги, убьжалъ въ *задулгивый* боръ, и нашедъ въ немъ разбойниковъ, вступилъ въ ихъ шайку. Желая отмстить Графу за то, что онъ, по доносу Лауры, раздумалъ женить его на своей дочери, бывший женихъ Адели приводитъ своихъ поварихъ въ замокъ Графа, гдѣ они и остаются въ видѣ спранниковъ, пришедшихъ для ночлега. Но тайна открылась: Графъ даетъ знать Правительству (?) и замокъ окружается многочисленнымъ ковоемъ. Разбойники, однако жъ, не унываютъ: свѣдавъ, что опъ замка въ нѣсколькихъ шагахъ сейъ подземный ходъ на три мили, они подламываютъ кладовую, похищаютъ изъ нея все драгоцѣнности, зажигаютъ замокъ, и спасаются бѣгствомъ посредствомъ реченнаго подземнаго хода. Впрочемъ, пировали они недолго: ихъ поймали, заковали, расажали за желѣзныя рѣшетки и приговорили къ смертной казни. Герой нашей Повѣсти сидитъ и горюетъ. Вдругъ передъ нимъ дѣлается въ землѣ отверстіе и замаскированныя лица говорятъ ему: „спасйся.“ Онъ немедленно бросается въ отверстіе; его сажаютъ въ кибитку и мчатъ быстрѣе вихря; привозятъ въ чей-то замокъ и представляютъ какой-то дѣвицъ, которая увѣщавшъ его, даетъ ему деньги и медаліонъ покровительницы его,

проснвшея ее предъ своею смертію о спасеніи его. Онъ узнаептъ въ медаліонѣ любящую его Лауру, копюра, какъ оказываепся изъ послѣдствія, изъ ревности распоргла бракъ его съ Аделью; отыскиваептъ могилу покойной своей *благодѣтельницаи*, и съ пѣхъ поръ

Всегластно плача надъ гробницей,
Гдѣ сердце не забвенной спитъ...

бродилъ одинъ въ поскѣ, пока не изловилъ его Г. Омигъ и не описалъ краспорѣвивымъ перомъ своимъ занимапельныя его похождения.

Вышеприведенныя нами двѣ спрочки изъ подлинника (конхъ, не смотря, впрочемъ, на пельбольшую книжечку Г. Омица (всего 29 страничекъ!), можно было-бы привесити для образца и двѣспи, если бъ мы не дорожили перигпиемъ своихъ читателель!) показываюпель степень дарованія въ новомъ Поэпгѣ, равно и по, какъ далеко онъ въ знаніи Русской грамоты. Если въ *двухъ* спрочкахъ еспи *три* непроситительныя промаха, по мы предоставляемъ глубокомысленнымъ Математикамъ подробно исчислитъ: сколько всѣхъ шаковыхъ найдется на 29 страницахъ? Можно-ли равнодушно смолпельтъ на такія явленія въ Русской Словесности!.. Охотники до подобныхъ диковинокъ, по еспи до каррикатуръ лишературныхъ, могутъ адресоваться къ книгопродавцу Алексѣю Свѣшнякову, въ лавкѣ копюраго (какъ мы начинали въ Академическихъ Вѣдомостяхъ) продешел означешое-пвореніе..... по сколько рублей или копѣекъ, право не упомипель.

С М Ъ С Ъ.

—Графиня F.... любила чрезвычайно мышей, и когда по вечерамъ собирались у нея гости, она

выпускала своихъ любимиць на круглый столъ, обнесенный рѣшеткою, и такимъ образомъ проводила время каждый вечеръ. Припное занятіе! (Изъ Journal des Dames)

—Недавно замѣпили на одной дамѣ пелеринку изъ чернаго бархапта, обшитую бахрамою изъ сученаго шелка, и зашегупную четырьмя бриліаншовыми буквами:

I
R
M
A

Читай: Irma. (*Оттуда жъ.*)

—Въ Сторейскомъ Театрѣ играюпель теперь одну пѣсу подъ названіемъ: The King of Abobacora-скороносорizzicatocaterfello. Нѣкно спросилъ одного занку, бывшаго въ представлении сей пѣсы, о названіи ея. Я видѣлъ, отвѣчалъ онъ: Abo.... bo.... ba.... ba... coco.... cca... cca.... ccoo.... poro.... pokopi... zizi.... casa.... toca.... teter.... fello. (Изъ Furet.)

Шарада въ прошедшемъ. No. значиптъ: or-age.

L O G O G R I P H E.

Dans mes huit pieds, ami lecteur,
Tout Normand peut se reconnaître,
Et tel en effet il doit être,
S'il écoute son procureur.
De mon corps sépare ma tête,
Alors je chasse les amours,
Et je perds ainsi pour toujours
L'espoir de faire une conquête.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 140.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 21 НОЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

ПОСЛАНИЕ КЪ ЖУРНАЛИСТУ.

*(Писано въ 1828 году; некоторыя перемѣны
сдѣланы въ 1830.)*

Ну, такъ и бышь! рываюсь я
Печаташся въ твою Журналь!..
Какое счастье для тебя!...
Ты будешь въ Русскомъ Ювеналѣ
Себя сотрудника имѣшь! —
Но если будешь ны умѣть
Списывать мое къ себѣ вниманье,
И дорого его цѣнить,
То, восхищаясь: можешь быть
Я напишу къ тебѣ посланье!
Тебя прославлю я собой,
Твоихъ враговъ всѣхъ уничижу,
И на Журналь счастливымъ твоимъ
Число подписчиковъ умножу.
Теперь онъ приметъ новый видъ,
И очень скоро загремѣтъ
Отъ Петербурга до Авачи;
Всѣ промахи, всѣ неудачи
Литературныя твои
Теперь тебя не обезславятъ;
Всѣхъ Криптиковъ молчанье заставятъ,
Все скраситъ лишь одинъ мой
Великодушный шагъ.
Да, да, въ Авачѣ, (можешь даль!)
Журналь читашся будешь твой:
Всѣ будутъ залпы молвой
Лишь объ одномъ твоимъ Журналь!...
Томъ 2. № 140.

И такъ, пріятель, съ этихъ поръ
Я поддержу тебя собою;
Но долженъ заключить съ тобою
Необходимый договоръ.
Ты кажешься мнѣ очень чуднымъ.
Ты ужъ давнымъ давно прослылъ
Въ литературныхъ средствахъ скуднымъ;
Но никогда Журналь твой былъ
Не хуже многихъ. Отъ чего же
Пришла незваная бѣда?
Не отъ того-ли, что тогда
Ты къ самому себѣ былъ строже,
И строже былъ ко всѣмъ глумцамъ;
Прилежно занимался самъ,
А не надѣлся на бредни
Тѣхъ безпріютныхъ Авторовъ,
Которыхъ видѣлъ я напередъ
Съ пучками прозы и стиховъ
Къ тебѣ собравшихся толпою?..
Смотри жъ, любезный, Богъ съ тобою,
Коль не уважишь словъ моихъ:
Будь для писачекъ строгъ ошпыль,
И не печатай (*)
Литературной дряни ихъ:
Ты отвергай всегда съ презрѣньемъ
Въ стихахъ и прозѣ разный вздоръ.
Но выслушай меня съ терпѣньемъ,
Въ чемъ состоить мой договоръ:

(*) Этого стиха не конченъ безъ всякаго намѣренія:
единственно за непріисканіемъ рѣзкости къ слову ош-
пыль. (**) Прим. Сочиниш.

(***) Зачѣмъ-бы, напримѣръ, не подкашъ рѣзкости между
названіями Журналовъ, издающихся въ нынѣшнее
время?.. Прим. наборщика.

Въ числѣ Издателей Журналовъ
 (И стихопворцевъ за грѣхи...
 Но очень вялы ихъ стихи!)
 Есть пѣсколько такихъ пахаловъ,
 Которые имѣютъ страсть
 Нервѣдко обращать ихъ право
 Въ неограниченную власть.
 Вѣдь не разсудили сами здраво,
 Вѣдь не умѣютъ понимать,
 Что хорошо, и что плохо;
 Но поступаютъ очень слабо,
 Любя *гужое* поправлять.
 Пришлешь статейку имъ въ подарокъ —
 Они жъ падѣлаютъ помарокъ,
 По сведеню все исчерпаятъ.
 Вошь, если-бъ хорошо — спасибо!
 Но все, злодѣи, испещряютъ
 Приказными словами: *ибо,*
Коль, оное, хотя и но,
 И думаютъ самолюбиво,
 Что все исправил умно
 И сдѣлалъ краснорѣчиво.
 При существительномъ одномъ
 Два прилагательныхъ прибавятъ,
 И, словомъ, говорятъ заставляя
 Своимъ пляскаемъ языкомъ.
 Но дѣло все еще не въ томъ:
 Мѣстоименій тѣмъ наставлятъ,
 Всѣ периоды расчлѣняютъ
 Союзамъ, гдѣ захопятъ,
 Въ одномъ и томъ же периодѣ
 Наставятъ скобокъ ( ) и шпире - —
 И увѣряютъ: это въ модѣ!
 А выйдеть что-то въ новомъ родѣ
 Пѣхотный угловый каре.
 Къ тому жъ (вошь право Журналиста!)
 Наставятъ бездну запятыхъ,
 Такъ, что на одной страницѣ съ 300
 Безужно насчитаетъ ихъ.
 Все будто смыслъ отъ нихъ лѣтъ,
 А выйдеть — понимать пруднѣе,
 Коль много лишнихъ есть кавыкъ.
 И прудѣ, и грѣхъ имъ не великъ!
 Чертятъ себѣ, того не зная,
 Что искажаютъ периодъ;

Что часто въ немъ и смыслъ не шотъ,
 Коль не у мѣста запятая.
 Перехниряютъ ужъ черезъ чуръ,
 И выйдеть — заказный сумбуръ! ...

Но это въ прозѣ все — стихи же
 Другимъ подвержены бѣдамъ!
 Все Журналисты, все они же
 Судьи и прозѣ и стихамъ.
 Ужъ вѣчные злодѣи намъ -
 Поэтамъ, мыслящимъ свободно.
 Прекрасно пишемъ мы, ей, ей!
 Кто чувства выразитъ сильней
 Души высокой, благородной?
 Кто въ Альманахахъ ежегодно
 Блится Музою своєю? ..
 Изъ насъ вѣдь всякой, кто угодно,
 Поэму сочинитъ въ пять дней,
 И самъ назначитъ цѣну ей,
 Вѣдь не для денегъ, а для чести,
 Что будто стоить 5 рублей.
 Кто чуждѣ литературной мести?
 Кто-бъ могъ Сатирою строемъ въ 200
 Позорить Критиковъ умы? ..
 Ои вѣстивуй: кто? ... — Мы, сударь, мы,
 Мы первоклассные Поэты! ..
 Пускай упопленники Леты
 Безславятъ скудный нашъ Парнасъ!
 Намъ чужды лѣсъ и вѣроломство:
 Не современники, потомство
 Оцѣнитъ справедливо насъ.
 Пускай никто насъ не читаетъ;
 Намъ въ этомъ надобности нѣтъ;
 Что хороши мы, всякой знаетъ,
 И въ томъ увѣренъ цѣлый свѣтъ!
 Мы продаемъ свои портреты
 И пишемъ надписи для нихъ;
 Вошь вѣщающъ иные ихъ . . . .
 Но что намъ злыхъ людей навѣтъ?
 Они коварны ископн!
 А мы попали въ кабинетъ
 Своихъ друзей и всей родни,
 И шамъ висимъ, чуждаясь славы;
 Пусть злые люди, что хотѣтъ,
 О нашихъ свойствахъ говорятъ,

Лишь были-бъ мы душою правы.
 Хоть самолюбя въ насъ пиятъ,
 Но сердце съ радости забьется,
 Когда увидимъ изъ Газетъ,
 Что въ магазинъ продается
 Нашъ гравированный портретъ.

Но въ постороннихъ разсужденьяхъ
 Я оиъ предмета отступилъ,
 И Журналистовъ, васъ, забылъ.
 Я что-то прежде говорилъ
 О вашихъ злоупотребленьяхъ.
 Зачѣмъ, скажите, господа,
 Приходитъ блажь вамъ иногда
 Блеспуть въ чужихъ стихотвореньяхъ
 Своимъ талаптомъ и умомъ,
 И прозаическимъ перомъ?
 Кто предоставилъ вамъ быть смѣло
 Квинтиллианами во всемъ?
 Увѣрьтесь прежде: ваше-ль дѣло
 Чужіе оцѣнять умы?..
 Еще вѣдь небольшое диво
 Кричать мѣстопимые *мы*,
 Хотя и то несправедливо.
 Кто жь эти *мы*?.. Ты, Журналистъ,
 Еще корректоръ, твой пріятель,
 Какойнибудь Канцеляристъ.
 „Мы, Божей помощью, Издаешь....
 Черезъ этоиъ *мы* печатный листъ
 Провозглашаемъ всепародно,
 Что *намъ* и то, и то угодно.“

Я правду высказалъ невольно;
 Но не сердись, господа!
 Повѣрите ль?.. вѣдь сердцу больно,
 Галдя на васъ, — какъ иногда,
 Какойнибудь хвастуль пахальный
 Изволишь надъ пиномцемъ Музъ
 Шутя оспрять свой умъ и вкусъ.
 И гений свой универсальный.
 Иль дерзкою рукой блажить
 Надъ присланнымъ стихопореньемъ:
 То вычернишь, то замънишь
 Своимъ приказнымъ выраженьемъ;

И изъ хорошаго списа
 Посмотришь — выйдешь чепуха!..

Ты возразишь мнѣ въ оправданье,
 Что лзыка знавъ красомы,
 Въ Элегіи или въ Посланьи
 Дурное исправляешь ты;
 Что ты въ своемъ Журналѣ воленъ
 Хозяиномъ распоряжанъ,
 И все, чѣмъ только недоволенъ,
 Имѣешь право исправлять.

Я въ томъ согласенъ; но дурное,
 Желавъ улучшить иногда,
 Самъ двласшь ты худшимъ вдвое,
 А не исправишь никогда.
 Возможно ль исправлять рѣшались
 Намъ недостатки шѣхъ людей,
 Которые (должно признашься!)
 Насъ просвѣщенныи и умныи?..

Въ своемъ изданьи ты хозяинъ,
 Но для плакихъ, въ которыхъ даръ
 Творца Трагедіи: *Корсаръ*(*).

Но кончу. Время паспупаетъ
 Для договора моего.
 Онъ не великъ — и заключаешь
 Лишь два параграфа всего.
Во-первыхъ: не держай, любезный,
 Моихъ спашей ты исправлять.
 Трудъ этоиъ вовсе бесполезный!
 Меня жь ты долженъ опличашъ
 Онъ рнемачей. Избави Боже,
 Коль не исправишься, — и шо же
 Самоуправною рукой
 Ты заблажишь и надо мпой.
 Не пернишь вражескихъ помарокъ
 Самолюбивый гений мой!
 Мой слогъ всегда двтшисшь и яркъ,
 И всюду блещешь оспроной.
 Я не хочу въ швоеиъ парядѣ

(*) Зачѣмъ-же шуть шворецъ Корсара?
 Въ немъ, государь мой, много дара!..
 У насъ галиматъи примѣръ
 Зовущъ Трагедію: Корсаръ.

Являясь къ публикѣ на судъ.
 Пускай друзья меня прочтуть.
 Въ одномъ хоть только Петроградѣ!
 (Судьба, чинашелей къ опрадь,
 Журналь пвой сирый завела
 Не далъ Царскаго Села.)

Второе правило. Нельзя-ли
 Тебѣ блистать въ своемъ Журналь
 Твореньями шакныхъ людей,
 Которыхъ всѣ-бы уважали;
 И чѣтобъ порѣже въ немъ встрѣчали
 Литературныхъ бобылей.....

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

—ъ —ивъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

73. *Нескужное* или *досуги*. Соч. С. Новикова.
 С. П. бургъ; въ Тип. И. Байкова, 1850. Въ 12.
 (51 стран.)

Г. Новиковъ писалъ стихи для составленія
 этой книжки вовсе не для того, чѣтобы имѣть
 припязаніе на славу Автора; но чѣтобы посвя-
 щеніемъ оной отблагодарить нѣкоторыхъ сво-
 ихъ пріятелей за ихъ хлѣбъ-соль. Г. Новикову,
 какъ и вообще Поэтамъ, кажутся стихи его
нескужными. Онъ и правъ: неужели эти стихи
 скучны?

О горе! горе!
 Пошлю бѣ ты въ море!
 И тамо-бы лежало;
 А насъ-бы не замало. (Стран. 33)

Прочтя это, вѣрно никто не зѣвнѣтъ, а
 улыбнется, — вообразивъ, что горе теперь ле-
 жишь въ морѣ.

С М Ъ С Б.

Прекрасный подвигъ Русскаго Дворянина.

Во многихъ издашіяхъ мы имѣли душевное удо-
 вольствіе прочитавъ извѣстіе о рѣдкомъ по-
 скупкѣ Федора Алексѣевича Бурнашева, опснанаго
 Шпабсъ-Ропмистра Л. Г. Кирасирскаго
 полка, Курскаго Помѣщика, имѣющаго въ Фа-
 пскаскомъ Уездѣ село Бычки въ 350 душъ. Въ
 годину бѣдствія народнаго, съ восторгомъ ви-
 дишь черты великодушія и щедрости, сихъ не-
 опшѣемыхъ добродѣтелей Россіяны! Движимый
 любовію къ ближнимъ и къ Престолу, Г. Бурна-
 шевъ, съ радостными сердцами, какъ самъ выра-
 жается въ своемъ донесеніи Курскому Граждан-
 скому Губернатору, пожертвовалъ для немущихъ
 крестьянъ 3500 пудовъ ржи, спюющихъ
 6000 р. Даръ, весьма значительный для челоѣка,
 немѣющаго большаго состоянія, и обремененнаго
 многочисленнымъ семействомъ. Благодарныя
 слезы облагодѣльствованныхъ имъ послужатъ
 ему наградою *здѣсь*; — но памъ, памъ..... бла-
 гоповорный подвигъ его достойно возмездился!
 (Сообщено.)

Логогрифъ въ прош. No. значить: *plaideur, laidur.*

С H A R A D E.

Mon premier n'a jamais connu la résistance;
 Sur la peau mon second nous plaît par sa blancheur;
 Mon tout marche très-vite et jamais il n'avance:
 C'est un mauvais voisin, toujours bruyant, grondeur,
 Mais toujours occupé de notre subsistance.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаммъ и пят-
ницаммъ.

№ 141.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 24 НОЯБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПУНШЕВОЙ СТАКАНЪ.

(*Опытъ огерка домашнихъ картинъ.*)

Нужда умъ родитъ.

(*Старик. поговорка.*)

Если бъ я владѣлъ перомъ Поль де Кока, Бальзака или Вашингтона Ирвинга, то описалъ-бы вамъ существующій гдѣ-то на Лиговкѣ, не вѣдаю подъ какимъ No., полуразвалившійся домикъ, видѣвшій рожденіе своего пятидесятилѣтняго хозяина, и поперпѣвшій до того отъ наводненія 1824 года, чпо синеходительные полицейскіе опмѣчатели, дѣлавшіе красную черту гораздо ниже свѣжаго признака воды, не могли не поставитъ оную на семь домикъ выше оконъ, ибо тогда все семейство спаслось на чердакъ. Поперпѣвъ отъ наводненія, получивъ денежное вспомошествованіе отъ благодѣтельнаго Правитель-ства, и пособивъ себѣ на счетъ просителей, хозяинъ, Парамонъ Ивановичъ Фапляжевъ, По-выпчикъ въ одномъ изъ Судовъ нижнихъ ин-станцій, посправилъ свой домъ, который отъ величалъ лачужкою, — и даже хотѣлъ окраситъ гриделеневою краскою, оснавивъ крышу цвѣта масака, который тогда былъ въ великой модѣ; но супруга его, Татьяна Андреевна, такъ за это на своего сожителя прикрикнула, чпо онъ за-былъ всѣ планы, сопряженные съ новыми издер-жками.

И такъ, въ этомъ-то домикѣ есть комната съ ободраными обоями, окнами на мѣлководную канаву, съ пивью или шестью старинными кожаными стульями, около конхъ 49 лѣтъ тому назадъ почтенный хозяинъ учился переступать; на стѣпъ передъ въпхитъ диваномъ висятъ любочныя картины, изображающія Александра Македонскаго, *Мерикаискихъ* дикихъ покоряющаго; похороны копа, любившаго, бражко пить и сладко есть; и нѣсколько сценъ изъ опечественной войны 1812 года. Всѣ отъ закопѣли отъ дыма и полунспѣли отъ времени; но тутъ же висятъ эстампы одинаковой гравировки и нлноминовки, которые гораздо посвѣжѣе: это портреты двухъ нашихъ безсмертныхъ полководцевъ, прославившихъ себя во время послѣдней Французской кампаніи; а вотъ поближе къ окну линографированный портретъ какаго-то Персіянина, верхомъ на одномъ изъ аргамаковъ Вернейповой школы: это Хосревъ Мирза. Въ одномъ изъ угловъ множество кивошовъ и образовъ, украшенныхъ фарфоровыми лйцами, натуральными и поддѣльными пучками вербъ, пестрыми лептами и пр. пр. Тутъ столъ передъ диваномъ покрытъ пестрою скатертью Ярославскаго издѣлія; столикъ подъ худо нашпифованнымъ зеркаломъ, нагруженный фарфоровою и хрустальною посудою, которая есть даръ добрыхъ и синеходительныхъ просителей, и стоитъ здѣсь, какъ на аукціонѣ: ибо если лакей скунаго сосѣда, или

дѣвушка богобоязливой старушки, разобьютъ или чашку или молочникъ, то и бѣгутъ къ Татьянѣ Андреевнѣ, копорал, спасая ихъ такимъ образомъ отъ ругательствъ и пощенихъ, сперва записываютъ мѣлкомъ на стѣнкѣ, а потомъ, ведя свой торгъ съ умомъ, взыскиваютъ съ нихъ деньги, вдвое или втрое болѣе, нежели сколько-бы надлежало взять за отданныя ею вещи. За полуразбитыми стеклами видѣются помпильныя надписи Юридической Грамматики, Юридическаго Словаря Чулкова, Всеобщаго Стряпчяго рядкомъ съ Сонникомъ, съ Пѣсенникомъ и Ариометрикой, чрезъ Штыкъ Юнкера Войтхавскаго сочиненной, листки изъ копорой повывраны на разныя домашнія потребности, а вблизи сихъ занимательныхъ твореній замѣтна полдюжина шарелокъ; двѣ, при грязныхъ сафетки; да нѣсколько ножей и вилокъ, вмѣстѣ съ невымытыми отъ обѣда оловянными ложками. Прибавше къ этому сильный запахъ изъ кухни; ожививше эту мерзкую сцену плачемъ нѣсколькихъ малютокъ, слезы копорыхъ, смѣшавшись съ пылью, оставили темныя полосы на румяныхъ ихъ лицахъ; заставше эти чашки, шарелки и книги дрожать и колыхаться отъ походки высокой, полстой дѣвки, ходящей въ панѣвъ босикомъ, копорая въ одно и то же время исправляетъ должность и судомойки, и няньки, и прачки, а иногда даже и компаньонки, — то вы будете имѣть вѣрное понятіе о жилищѣ почтеннаго Парамона Ивановича, копорый находится подъ деспотическою властію своей супруги, Татьяны Андреевны, урожденной Зазывалкиной, дочери довольно доспащочнаго купца, получившей воспитаніе въ какомъ-то Французско-Нѣмецкомъ или обратню пансіонѣ, находящемся на Петербургской споронѣ, въ Широкой улицѣ, если я не ошибаюсь.

Парамонъ Ивановичъ, находясь на службѣ въ такомъ мѣстѣчкѣ, гдѣ иногда удастся поймать

пушокъ на рыльцо, рѣдко является домой безъ того, чтобъ изъ своего помпильнаго краснаго сафьяннаго книжника не вынуть двѣ или три сиценькія ассигнаціи, и представивше оныя съ подобострастіемъ своей супругѣ, копорая немедленно прячетъ ихъ съ великою осторожностью, Рѣдко удастся ему исхитить изъ этихъ суммъ для своего обихода нѣсколько рубашковъ; а если возвращается онъ домой на извозникѣ, то расплачивается съ нимъ на углу, чтобъ жена не видала; и бѣда, если во время расчетовъ съ извозникомъ, поспѣлая служапка, именуемая Аксѣпьею, пройдетъ мимо въ лавочку: тошчасъ разскажетъ барынѣ, и тогда крика и суматохи не оберешься дни на два. Если ему нужно выйди по дѣлу-ли, или чтобъ поспѣшить поварница, или чтобъ зайти къ Начальнику съ поклономъ, то никакъ не смѣетъ безъ предварительнаго разрѣшенія сожителиницы своей: ревнивая Татьяна Андреевна изъ наслѣдственнаго мужицкаго дома сдѣлала такую гауптвахту, съ копорой первый арестантъ, ш. е. Парамонъ, не можетъ иначе отлучиться, какъ съ вѣдома Коменданта, а если (чего Боже уласи, и что рѣдко случается!) муженецъ, почувствовавъ неумѣстный порывъ къ самоспопцельности, вздумаетъ похорохориться, то опинается немедленно парикъ: а съ бритвою головою куда пойдешь? — Капризная супруга позволеть рабу своему одно наслажденіе: ѣсть вдоволь щи и спудень, а запивашъ копѣчнымъ квасомъ; въ гостяхъ же онъ могъ бражничать, какъ ему угодно, но не смѣлъ пить пушша и вообще крѣпкихъ напиковъ, про копорые она относится такъ: „пушшѣ-сь и ратафіл-сь для инаго, между прочимъ сказать мужичны не вредны и даже крѣпительны; но для моего Парамони они суціи ядъ-сь: онъ-сь дѣлается тогда такой докучный, что и право стыдно“ — прибавляетъ она съ ужимкою, свойственною дочкѣ купца Широкой улицы и супру-

гъ владѣльца деревяннаго домика на Лиговкѣ.

На днѣхъ, кто-то постучалъ въ дверь. „Кто жѣ тамъ?“ спросила Ақсиня на своемъ Бѣло-русскомъ нарѣчїи. Нѣтъ отвѣта; но спужъ душе и громко кашляющъ, „Сей часъ отворю-ста“ вскрикиваетъ красавица, и весь домикъ пошелъ ходуномъ отъ ея походы. Вошь она отперла дверь, и вошь ввалился въ темную прихожую маленькій, кругленькій, красный человечекъ съ кадыцкими глазами и съ посядѣлою щетиной на головѣ, окутанной огромною мѣховою шапкою. Съ важностью бросая енотовую шубу свою на руки служанки, онъ спросилъ: „Парамонъ Ивановичъ у себѣ?“ — „Барыня-ста дома,“ — „Не барыню, а барина мнѣ надо,“ — „Ужь коли, сударь, барыня-ста дома, дакъ и хозяйнѣ-то такъ же,“ — „Ну, доложи жѣ обо мнѣ.“ — „Сей часъ!“ —

(*Окончаніе въ слѣдующемъ Но.*)

À MADemoiselle DE S***.

Вы, думая, что мы ревнивы,

И что безъ памяти оцѣ Васъ,

Твердите все, что влюблены Вы,

Но только ни въ кого изъ насъ.

Нѣтъ! въ этомъ насъ удѣлишь трудно:

Мы твердо все убѣждены,

Что въ каждаго (хоть это чудно!)

Изъ насъ Вы страстно влюблены.

—f —пе.

НОВЫЯ КНИГИ.

74. Caneyas méthodique et chronologique, pour servir à l'étude des littératures anciennes et modernes, etc. Par Ch. de St. Hilaire. St Pétersbourg; de l'imprimerie de Charles Kray, 1850. in 8, (pages XII, 310.)

(*Письмо къ родителямъ и наставникамъ.*)

Передо мною теперь лежатъ на моемъ письменномъ столѣкъ прецелезная для юношества книга сія, на днѣхъ появившаяся въ свѣтъ. Авторъ оной сочинилъ всѣмъ извѣстную и нынѣ повсюду принятую Grammaire française en 36 leçons à l'usage des Russes, и имя Г-на Сенпѣ Илера уже ругается за достоинство сего сочиненія,

которое, хотя строгіе оцѣнщики быть можетъ назовутъ сколомъ, сборомъ, компиляціею, сборною ухою и пр., — но воспитатели и учащїеся благодарятъ истосердечно Сочинителя за его произведеніе, составленное и выполненное весьма удачно. Главное вниманіе Автора обращено было на Французскій языкъ и на Французскую Литературу, къ обозрѣнію коей онъ еще приобщилъ и Историческую картину Литературъ всѣхъ древнихъ и почти всѣхъ новыхъ народовъ, кромѣ Шведовъ, Данчанъ, Голландцевъ и Поляковъ, свѣдѣнія о литературныхъ успѣхахъ коихъ будутъ прибавлены особо ко второму тому сей книги, имѣющему въ непродолжительномъ времени выйдти. Повсюду замѣтна въ семъ сочиненїи искренность и благородное истосердечіе; Авторъ нигдѣ не обращается на Романтизмъ съ дерзкимъ крикомъ: *Эвоэ! эвоэ!* Классиковъ - Вакханокъ; но ученикъ вездѣ замѣтитъ безпристрастіе, руководившее перомъ сочинителя, литературная душа коего, какъ говорятъ, хотя и вскормлена была прѣмь единствами, и служъ коего хотя и весьма прилично умѣлъ привыкнуть къ стукопнѣ классическаго ямба. — Читая сію книгу, я лишь жалѣлъ о томъ, что Авторъ - Издатель поспешилъ на хронологическій цифирный порядокъ: не приложилъ алфавитнаго списка именамъ, и пр; чрезъ что чтеніе сей книги несравненно облегчилось, бы для справокъ молодыхъ Литераторовъ, которые съ подобными сочиненїями въ рукахъ не стали-бы впадать въ нѣкоторыя непростительныя ошибки пропнѣ Исторїи Литературной. Изъ отдѣленія Русской Словесности, о которой Авторъ говоритъ болѣе, чѣмъ о другихъ, и кошорая выбрана изъ *Учебной книги* И. И. Греча, — намъ прилично приведемъ одно мѣсто съ стр. 295, гдѣ Авторъ даетъ умные и благонамѣренныя совѣты нашей пишущей молодежи. Вошь что онъ говоритъ: „Да изучаея

они (ш. е. юноши Русскіе) основательно языку и наукамъ, прежде чѣмъ начнутъ предавать писанию свои произведенія; да не вѣрятъ льстивымъ словамъ какихъ нибудь школярныхъ поварищей, упоенныхъ чадомъ энтузіазма; да не прельстившъ ихъ легкость въ подражаніяхъ иностранному: нѣтъ ничего вреднѣ сего. Если истинная любовь къ Императору, любовь высокая и изящная, ихъ воспламеняетъ, а не спрасть видѣть лишь имя свое въ печати, по пускай употребляютъ способности свои на пруды, могущіе прославить ихъ отечество, не устремляясь рабски подъ знамена вкуса той или другой націи; но пользуйсь просвѣщеніемъ нѣхъ, кои опередили Россію въ семъ великомъ поприщѣ умственныхъ успѣховъ, они должны стремиться къ благородной цѣли, чтобъ даровать своему Отечеству *Литературу народную*, основанную не на Классицизмѣ или Романтизмѣ, а на истинномъ, изящномъ вкусѣ, и на обширныхъ способахъ, для сего представляемыхъ языкомъ богатымъ и звучнымъ. Исторіею романической, обильною сильными картинами и правами, — разработываніе родника коихъ есть еще дѣло времени.“ — Послѣ эпига можно видѣть образъ мыслей Авшора; и я, хотя патриотъ въ душѣ, и вовсе не *квасной*, но сыновьямъ моимъ велѣлъ читать теперь со вниманіемъ *Capetas de la littérature*, вмѣстѣ VII главы Онгина, которая мнѣ соевоствѣ не по сердцу. — Говоря о Россіи, Авторъ раза два едѣлаь небольшие промаха: эпо жаль! — Книга сія, напечатана довольно красиво и исправно. Цѣна весьма малая: 5 рубли 2) коп. за 20 печ. листовъ. Купите родимели ч паславники: книга преползшая! Послушайтесь старика, который совѣтуетъ вамъ эпо опѣ

искренняго сердца, усердно желая быть полезнымъ для юныхъ своихъ соотечественниковъ, (*) и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ истиннымъ почтеніемъ имѣетъ честь быть къ услугамъ вашимъ....

20 Ноября.

Панкратъ Веритинъ.

(*) Люди умные васъ послушаютъ, дѣдушка. *Изд.*

С М Ъ С Ъ.

Выписки изъ Агенды молодого Юмористика.

1. Исторія сообщаетъ намъ, что Геліогабалъ учредилъ жепскій Сенатъ, судившій и рѣдившій о модахъ, покахъ, шапкахъ и городскихъ новостяхъ, имѣвшій своихъ лазутчиковъ, и разбиравший всѣ сплетни Сенатъ сей уничпожился съ копчиною своего основателя; но нынѣ, въ нашихъ госипныхъ, не видимъ ли мы хоть Департаментъ эпога грознаго судіи? . .

2. У насъ, и вообще въ Европѣ, воюютъ Классики и Романики, и бой ихъ достойнъ смѣха; но въ доказательство справедливости мнѣній сихъ послѣднихъ, мнѣній, выраженныхъ энергически и бойко въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Виктора Гюго и Карла Нодье, приведемъ слова стариннаго и значимаго Писателя Грима, говорившаго, что „истинная Трагедія никогда не можетъ ладить съ слогами цвѣтистымъ, изысканнымъ, и слишкомъ посящимъ отпечатокъ опрабочки пидательной.“

Шарада въ прош. No. значитъ: moulin.

ENIGME.

Marlyre, on me révère; astre, je brille aux cieux;
De la jeune Zéphé mon nom peint l'innocence;
Mais qui jamais jouit d'un sort si glorieux?
Celui qui créa tout, me doit son existence.

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средама и пят-
ницама.

№ 142.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою, 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 26 НОЯБРЯ, СРЕДА.

ПУНШЕВОЙ СТАКАНЪ.

(Опытъ очерка домашнихъ картинокъ.)

(Окончаніе.)

Въ то время, какъ въ передней шла перегово-
ры между работницей и неизвѣстнымъ посты-
пелемъ, скинувшимъ свою шубу, и на древнемъ
синемъ фракѣ котораго ярко блискали медалька,
пряжка за двадцатипятилетнюю службу и Анна 3
спешени,—въ такъ называемой гостиной, уже на-
ми описанной, происходило жаркое преніе между
супругами.

„Кто это къ тебѣ прикапиль? Опять го-
спин!“ — спрашиваетъ Татьяна Андреевна сво-
его супруга, мгновенно спрятавшаго свои бума-
ги въ ломберный столъ, на которомъ онъ кро-
паль какую-то ябедническую просьбу.

„Это душечка“ — отвѣчаетъ онъ, цѣлуя руки
своей супруги: — „это Яковъ Прокофьевичъ Цац-
цараповъ, старый мой товарищъ, Секретарь въ
Нижнемъ Земскомъ Судѣ города такого-то, гу-
беріи такой-то; человекъ сильный и для меня
очень полезный; онъ прѣхалъ повидаться со мной
передъ своимъ отъѣздомъ, чѣмъ пополькованъ
о такомъ одномъ дѣлѣшкѣ, въ которомъ будетъ
можно . . . . между нами будь сказано, много
рыбки поудить самымъ певнинымъ образомъ.“

„Будетъ-ли мнѣ на Бухарскій платокъ?“

— „Будетъ, мапушка, и на шаль Турецкую.“

Толъ 2. № 142.

„Ну, хорошо: прими его; я приняю все, что
нужно; угости его, какъ слѣдуетъ.“

— „А чѣмъ, для компаніи . . . ?“

„Ни, ни, ни: прошу и не касаться пунша.“

— „Ну, хоть полстаканчика.“

„Ни капли, слышь, а не по бѣда: прибѣгу и
осрамлю.“

— „Чтожь дѣлать-то шали: Цаццараповъ укачетъ.“

„Ну такъ вычѣпъ эти деньги изъ нѣтъ, копо-
рыя я положила тебѣ на обмундировку. Слышь,
Парамонъ Ивановичъ, не сердчай меня.“

„Барыня! хозяйна-ста спрашивать!“ — закричала
во все горло Аксинья, вбѣгая.

„Ну проси!“ — воскликнула Татьяна Андреевна,
вышедъ въ другую комнату, и проглядывая сквозь
замочную скважину, что въ топъ у Типулярныхъ
Совѣтницъ *въмаго цѣха*.

„Дружище, здорово!“ — вскричалъ Цаццараповъ,
входя и озираясь во все стороны.

„Здравствуй-те, Яковъ Прокофьевичъ, все ли
вы по добру, по здорову?“ — отвѣчаетъ вопросомъ
нашъ Парамонъ, представляя своимъ поклономъ
лашинскую букву Z.

„Да вотъ, какъ, братъ, видишь; гмъ! сегодня
былъ я у купца Проторгуева; сынокъ его въ
службѣ, и по милости и доброду расположению
Начальника Отдѣленія, получилъ вожделенный 14,
такъ былъ дружескій *спрыскъ*. Поимасишь? —
Но ты живешь у черна на корючкама; погода
препроклятая у васъ въ Пешербургъ; вихрь ша-

кой, какихъ у насъ и въ степяхъ не видано; гмъ! надо бь пробогрѣться.“

„Отогрѣемъ, отогрѣемъ и шѣло и душу нашему почтенному госпю, нашему ненаглядному солнышку: Эй, чаю, да съ ромомъ или съ ко-пьякомъ!“

„Чаю!“ бормочетъ работница: „эхъ сегодня разображничался; скажу пойду барынь, такъ не бось уйметъ тебя, старый!“

„Ну чтожь, дура, ворочайся!“ воскликнулъ Парамонъ, крича шакъ громко, чтобъ бормотанье служанки не было слышно.

Секретарь (Смотря на фарфоръ.) Эки какіа у тебя, Парамонъ Иванычъ, чашки! Все вѣдь фарфоръ; вѣрно . . . , хмъ! хмъ! . . . .

Пар. Ив. Да, бездѣлщицы!

Секр. (Подходит къ подзеркальному столу.) О! коли это бездѣлщицы, то позволь мнѣ вопъ эту бездѣлщицу золотую на купидончикѣ взять въ У-бѣдъ; у насъ, я чай, и у Предводителя такихъ вѣшь.

Пар. Ив. (Слышавшись) Да чашка-то эта не моя, а моей жены.

Секр. А эта жедтая съ флаграмомъ; она не дурна!

Пар. Ив. Жена ее подарила мапушкѣ.

Секр. А эта зелененькая съ чудными вычурами на курьихъ ножкахъ?

Пар. Ив. Ее приготовила жена моя въ подарокъ шешкѣ.

Секр. Ну, братъ: видно у тебя жена-то подаплива. (*Нюхаетъ табакъ и поглядываетъ мелкою на лубогную галерею.*)

Въ это время несуть чай на подносъ, а маленькая дочь Парамона Ивановича, про которую говорятъ злые языки, будто она удивительно похожа на одного какого-то Подлекаря Сухопушныхъ Гошпипалей, несетъ въ жестяной корзинкѣ груду впушекъ, кренделей, сахарныхъ сухариковъ и прочихъ лакомствъ, на которыя съ жадностью устремился Парамонъ, ибо для него

дома этихъ драгоценностей не подаютъ. Вотъ устался. Вдругъ, Яковъ Прокофьевичъ, замѣтя, что на той великодынной чашкѣ, которую ему подали, изображены изъ незабудочныхъ гирляндъ буквы П. Ф., воскликнулъ: „Эйпа, братъ, шушка также жевица?“

Пар. Ив. (Сконфузясь.) Нѣтъ, это не жевица, а моя.

Секр. О! если твоя, то въ знакъ памяти будетъ и моею. Неправда-ли?

„Правда“ — ошвѣчалъ Парамонъ сквозь слезы, и величье подавъ еще чаю. Чай поданъ, и снова пьется. Секретарь по и дѣло подливаетъ ромъ, а Пovýчкикъ нашъ, какъ не озирается, а не смѣетъ хлебнуть этого драгоценнаго нектара. — „Что ты братъ, сирашиваетъ Цапцарановъ, видно нездоровъ: пьешь чай безъ рома! Ну гдѣ это видано? — Бывало, я помню, ты былъ никакой *питухъ*, какихъ со свѣчей поискать.“

— „Да, бывало, а нынче это мнѣ вредно; Лекаръ нашъ, а у насъ, батюшка, прейскусный врачъ изъ военнаго вѣдомства, запретилъ употребленіе горячихъ напитокковъ, которые, по его словамъ, слишкомъ волнуютъ мою кровь; жена моя изъ любви ко мнѣ также подобныя deboши спрожайше запретить изволила“ — говоритъ Парамонъ; но такъ говоритъ его разсудокъ, ужасаемый женскимъ крикомъ и суматохой, а поднимаемъ-ка дерзкою рукою завѣсу душевную, какой вопль изъ сего разбитаго сердца излетаетъ: „Охъ! если бь не эта шолстая Аксинья на караулъ, то ужь лбь рѣшился, шакъ и бытъ, хлебнулъ-бы; да бѣда: она расскажетъ женѣ и поднимется гвалтъ!“ — Видя, что Секретарь не вынетъ нужныхъ документовъ, пока хорошенько не разгуляется, Парамонъ разсудилъ упѣшишь почтеннаго приказаніемъ подавъ пуишь. Подали горячій спаканъ ароматнаго пунша, а подъ блюдчкомъ положена записка, которую схватываетъ Парамонъ и держа передъ свѣчей,

между тѣмъ какъ пріятель его, развалиясь на диванѣ, наслаждается благовопнымъ папишкомъ, — читаетъ слѣдующее: „До слуха моего дошло, что на роль-то ты изволишь огень пристальненько поглядывать, такъ берегись, и до пунша не смѣй касаться. — „Что это такое?“ спрашиваетъ назойливо Секретарь. — „Такъ, баппоника, бездѣлушка, маленъкое порученьице отъ жены!“ говоритъ Парамонъ и рветъ въ клочки бумажку. — „А жена твоя, братъ, мастерица пуншъ дѣлать. Спасибо ей: угодила баба! Хмъ!“ — „Аксинья! скажишь-ка, чтобъ еще дали спаканчикъ.“ — „Это прекрасно; но у тебя здѣсь страхъ жарко: пѣфу пропасть, заперта форточка; семь-ка отопру ее, а между прочимъ бѣды пуншъ не будетъ.“ Сказавъ сіе, Цапцараповъ шелъ къ окну исполнить свое желаніе; но Парамонъ остано-вилъ его за руку, восклицая жалобно: „Ахъ! ради Бога, не дѣлайте эпаго, почтенный Яковъ Прокофьевичъ: у жены хлюсь и бѣда!“ — „Все жена съ своими бѣдами“ — пробормоталъ Секретарь, отпывая лопъ съ лосищагося чепа, и принималъ другой спаканъ пунша отъ краснощекой Аксиньи, на которую онъ поглядывалъ сладостно, и которая, съ свойственнымъ ей кокетствомъ, оп-вѣщивовала тѣмъ-же этому селадону. — „Эка, братъ, вскричалъ онъ, дѣвушка-то красочка; ну, видно жена твоя не ревнива, а съ моей Пелагеей Дементьевной бѣда топчасъ бѣдной дѣвчонкѣ: косу долой, если на иную смазливенькую я взгляну, вошь такъ!“ и при сихъ словахъ умильно по-смотрѣлъ онъ на Аксинью. „Моя жена предобралъ, рѣдкая женщина!“ сказалъ Парамонъ, дыханіемъ своимъ стараясь пить пуншевой паръ, не смѣя насладиться самымъ папишкомъ. При прешьемъ спаканъ Секретарь вынулъ изъ кармана кипу докуменшовъ и началъ приказное чтеніе, аком-панируемое прихлебываніемъ пунша, который Парамону очень хотѣлось раздѣлить съ пріа-телемъ, да невозможно: Аргусъ пуншъ.

Пар. Ив. Аксинья! подь въ кухню.

Секр. Зачѣмъ? Пусть красочка оспається; пусть дастъ мнѣ ручку; вошь такъ: эка жъ полстая ручка-то, смотри пожалуй! . . . .

Пар. Ив. Поди же, негодная.

Секр. Не ходи, душа моя.

Пар. Ив. Я скажу барынь.

Аксинья. Скажи, хозяинъ, сунься-ко къ пей: ба-рыня сама мнѣ велѣла пуншъ спойать, и . . . . .

Пар. Ив. Да мы будемъ говорить секреты.

Секр. Э! пустяки, оспаешься!

Но Парамонъ рѣшился сбѣгать въ кухню и сказать женѣ, что будио Цапцараповъ не соглашастся и слова вымолвить при служанкѣ. Вотъ раздался крикъ: „Аксютка!“ и Ланса выр-валась изъ объятій пламеннаго Ринальди, кото-рый, по возвращеніи хозяина, сказалъ ему: „Ну, братъ, какого ты меня лишилъ бобра; да дай-ко хотъ съ горя заляпнуться: ужъ у меня отъ пунша заболѣла голова.“

Пар. Ив. О! пирубокъ у меня и въ заводѣ нѣтъ: жена терпѣть ихъ не можетъ.

Секр. (Махнувъ пестрыми носовыми платками.)

Тѣфу пропасть! Все жена, да жена! Куда не по-вернись, вездѣ она.

Между тѣмъ Пар. Ив. оставленные гостемъ полспакана выпилъ изподтишка и побѣжалъ за четвертымъ, не смотря на увѣщанія Цапцара-пова, который уже едва шевелилъ языкомъ. Вотъ онъ принесъ огромную баклагу, сдѣланную на похвальбу, ибо жена какъ-то все вѣрила; что гость одинъ пьетъ, и зная приказную утробу, нимало не удивлялась этому. Послѣ нѣкоторыхъ церемоній Пар. Ив. выпилъ самъ огромную бакла-гу, вмѣщавшую два спакана. — Секретарь, сдавъ всѣ дѣла своему другу и кліенту, едва вышелъ въ переднюю, гдѣ спряпалъ въ карманъ чашку, улесенную у Парамона. Завернувшись въ шубу, онъ дружески простился съ Пovýпчикомъ, и садясь въ пошеви говорилъ: „Надѣюсь, что изъ

благодарности за славное дѣльце, приплешь ты мнѣ въ Уѣздъ Аксіону!“ Фатяжевъ, возвратясь въ комнату, спать было занимался дѣлами, но глаза его зажмурились; онъ упалъ на подушки и захрапѣлъ: сонъ его былъ такой сладоспный, какого еще ни въ какой *лѣтописи скуки и зловоты* описано не было; а пробужденіе . . . . . по онъ, вѣроятно, принадлежалъ къ Эпикуровой школѣ, и любилъ сны, не беспокоясь о настоящемъ.

3. 2.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Ославленный своимъ перомъ,
Въ своей ничтожности блаженной
Сей мужъ лгасяся осломъ,
А ласящъ москвой совершенной.

N.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

75. *Чертополохъ*, карманная книжца для любителей и любительницъ галиматши, на XIX столѣтіе. С. П. бургъ, въ Типографіи (неизвѣстно въ какой), 1850. Въ 12. (46 стран.)

По заглавію этой книжечки, мы предполагали увидѣть въ ней собраніе пародій, болѣе или менѣе остроумно написанныхъ; но, къ сожалѣнію, ошиблись. Все, здѣсь помѣщенное, и стихопворное и прозаическое, сушь самая простая *гиль*, вовсе немьющая ничего забавнаго, и непоказывающая цѣли, для которой писана. Мудрено разрѣшить: съ намѣреніемъ или безъ намѣренія писано то и другое?

С М Ъ С Ъ.

Испанскія церемонія. У Испанцевъ въ обыкновеніи спрашивать весьма привязчиво къ объду; но учтивость требуетъ, чтобъ вы всегда нашли какую нибудь отговорку, довольно ловкую

для отказа, а иначе, если согласитесь на приглашеніе, поставите въ шупникъ хозлеву дома. (Mem. d'un Apoticaire, 1829, Paris.)— Не то ли же самое дѣлается и у насъ на Руси, не въ мапушкѣ Москвъ хлѣбосольной, а въ Петербургѣ расплывомъ?

— „Какъ служить у нашего Семена Ермалаевича!“ говорилъ на дняхъ одинъ чиновникъ про своего Начальника Опдѣленія: „онъ совсѣмъ не имѣетъ голоса!“ — „Какъ, не имѣетъ!“ воскликнулъ другой: „да онъ какъ разкричипся на Подканцеляриста Заплапина, шакъ звонче великихъ трубъ!..“

— Извѣстный гобоистъ Финнеръ получилъ однажды приглашеніе на ужинъ отъ Господина N°, который просилъ его въ запискѣ не забыть взять съ собою и гобсй. Поилвъ цѣль сего приглашенія, Арписъ отвѣчалъ запискою-же: „Къ сожалѣнію, я не могу воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, ибо мой гобой никогда не ужинаетъ.“ (*Изъ Фран. Журн.*)

— Въ одномъ обществѣ спросили молодого человека, недавно вступившаго въ службу: „Où servez vous, Monsieur?“ — Спрася объяснялся по-Французски заставила его прибѣгнуть къ пресмѣшному переводу. Онъ отвѣчалъ: Je sers, Madame, au Département des affaires montagnards et salées.“

Загадка въ прои. No. значить: vierge.

С H A R A D E.

L'âme, chez toi, lecteur, abandonnant le corps,
Mon premier est l'asyle où repose ce corps;
On sait que mon dernier, commun à tous les corps,
Ajoute chez la femme à la beauté du corps.
Pour former mon entier, il faut bien plus d'un corps,
Et pourtant cet entier ne forme qu'un seul corps.

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедель-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 143.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 28 НОЯБРЯ, ПЯТНИЦА.

ЛГУНИШКА.

Мѣдпочеловъ имѣлъ чрезмѣрную спрость къ самому гиперболическому украшенію всего того, что рассказывалъ: это была его болѣзнь, и всѣмъ уже онъ сдѣлался извѣстенъ за немилосерднаго враля; но Правдуробовъ, старый морякъ, и сосѣдь его по деревнямъ, находилъ бывало сладостное удовольствіе бѣсить этого разсказчика небылицъ, впрочемъ всегда соглашався съ его словами: это былъ особенный родъ насмѣшекъ.

Недавно какъ-то за вистомъ онъ вздумалъ выставлятъ достоинства своей Іохимовской коляски (а эта, надобно сказать, также у него есть замашечка, чпобъ хвалишь все свое и хулишь все чужое), про которую онъ увѣрялъ, что съядше въ нее съ полнымъ спаканомъ воды въ рукъ, велише скакать по ухабамъ. . . . стой, — и спаканъ полнехонекъ: вы можете упоиить свою жажду, если успали онъ этой поѣздки, или если солнце васъ пекло.

— По воображенію жь, возражаетъ Правдуробовъ, — какъ за то въ Москвѣ мерзко работаютъ экипажи: я, напримѣръ, выписалъ себѣ карету. На взглядъ, не карета, а заглядѣнье. Велѣлъ запречь, сѣлъ, пропустилъ съ мѣспа, и пошла моя карета ходуномъ; дорога гладкая, хоть шаромъ капи, а меня и въ право и въ лѣво, и такъ и сякъ, во все спороны по и дѣло бросаетъ; ели, ели могу держаться; наконецъ кричу кучеру: стой! стой! ради Бога стой! . . . Лакей суевиится кругомъ; я ему ве-

Томъ 2. № 143.

лю отворить дверцы; но онъ все меня не слушаетъ. Видано-ли дѣло, чпобъ Капитана не уважалъ мапрость: прямо смоллая рожа! — Я взбѣсился: лице запымало, глаза будто выскочили хоплять; а Ромашка кричитъ, снимал шапку: „воля ваша, сударь, я не виноватъ; вопъ ужъ съ четверть часа бѣгаю околю кареты, да не могу схватить ручки бѣтъ дворець.“ — „Вели остановишься.“ — „Она спонитъ давымъ давно, да все съ бока на бокъ качается.

Такъ вопъ, милоспивые государи, штука-по получше той, которую намъ рассказывалъ о своей Іохимовской коляскѣ Артемій Вавиловичъ: кому неизвѣстна добротность Пиперскихъ экипажей и мастерство пидмошнихъ карепшиковъ? —

Артемій закусилъ губы, но не надолго: скоро началъ, завидѣвъ хозяйскую собаку, рассказывать чудеса про своего Гектора, который, по его словамъ, такъ умезъ, что сподитъ ппиць низко пролетѣть мимо его носа, такъ онъ ее цапъ лапой, — и дупельнипетъ или бекасъ въ сумъ. „Сверхъ того спонитъ только сказать ему: Гекторъ! караулъ меня въ сѣняхъ, — и онъ никого не пуститъ въ комнапы прежде моего прихода.“ „О! — прибавилъ онъ, — я эту собаку и за тысячу рублей не отдамъ, хоть Князь Борисъ Сергѣевичъ и очень пѣжно на нее поглядываспъ.“ —

— А за мою, вскричалъ Правдуробовъ, хотля бы самъ Повелипелъ чалмоносцевъ предлагалъ мнѣ алмазъ изъ его чалмы, то никогда не раз-

спанусь съ Мупономъ. Вообразите истинникъ его, что я говорю истинникъ, вообразите умъ, душу эпаго живописнаго!... Право, если бы я не изучил основательно догмашовъ Въры, по повѣрилъ-бы Метемпзикоу, смотря на Мупона. Онъ обѣдаетъ подлѣ моего стула; велишь уперъшься, и онъ уперется; по разъ, какъ-то не замѣшивъ, что онъ приказаніе мое исполнилъ, я сказалъ съ строгимъ видомъ: упрись, Мупонъ! — „Я уперся, Петръ Семеновичъ!“ отвѣчалъ умный Мупонъ. Я бросился цѣловать эшо сверхъ-сспественное живописное!

Всѣ хохотали; одинъ лишь Мѣдпочеловъ сидѣлъ надувшись, повѣся съ негодованіемъ голову.

(Сообщено.)

РАЗСКАЗЪ ТЕРАМЕНА (*)

Едва успѣли мы пройти врата Трезены,
Онъ въ колесницу сѣлъ; печальный спражи сонмъ
Былъ также сумраченъ, и молча шелъ кругомъ;
Герой, задумчиво направляя путь въ Микены,
Едва, едва бразды придерживалъ рукой;
А кони гордые, кошорые, бывало,
Послушные сму, посилися стрѣлой,
Теперь, потупя взоръ, склонясь главой услапой
Родилися съ его печальной пишиной....
Вдругъ страшный вопль возникъ изъ цѣдръ спихин
влажной,
Воздушной пишины онъ возмущилъ покой;
И вслѣдъ ему другой вопль дикій и прощячивый,
Споная даль отвѣпилъ изъ глубины земли:
И въ жилахъ нашихъ кровь, какъ ледъ охолодѣла,
И кони вспрянули — ихъ грива подиллася...
Вопль влажная гора въ пучинѣ закишла,
Примчалась — грянулася о брегъ — разорвалася —
И съ пѣной чудвище изрыгнула изъ бездны!
Къ шпрокому челу приковавъ рогъ желѣзный (**),

(*) Вотъ образчикъ новаго перевода феды, прудившійся надъ коимъ желаемъ знать мнѣніе знапиковъ: можеть-ли оный быть шерпимъ послѣ мастерскаго перевода, живѣстнаго публикк? — Изд.

(**) У Расина сказано: „широкое чело его украшено рогами“ — но я одинъ рогъ сломилъ для спиха; прошу извиненія у аккуратныхъ классиковъ. Прим. Перев.

Всѣ плесь его покрытъ желтистой чешуей.
Неодолимый воля, драконъ разсвирѣпый,
Въ чешуйчатый клубокъ онъ свилъ свой спанъ деблый
Колеблетъ берега его протяжный вой,
Со спрахомъ на него взираешь сводъ безбрежный,
Земля дрожитъ подъ нимъ, онъ воздухъ заразилъ,
Принесшій валъ его въ испугъ отступилъ!
Не смѣя биться съ нимъ, все къ приспани надежной
Сокрылось въ ближвій храмъ отъ смерти неизбежной;
Но осадивъ коней, лишь Иполитъ одинъ
Схватилъ свое коше . . . . .
Безспрашно выждалъ мигъ и гибельнымъ ударомъ
Межъ ребръ чудовища отверзъ большой проломъ.
И ггнувшись оно къ ногамъ коней клубкомъ,
Ихъ обдало огнемъ, и кровію, и паромъ!
Испугъ ихъ одолялъ! — всхрапнули — понеслся —
Не чуяшъ ни бразды, ни голоса не слышатъ —
Какъ изъ лука стрѣла — изъ поздрей искры пышатъ —
Ужъ кровію удила спальные заеклись.
Но Иполитовы спаранія безсильны!
Ихъ пвкій Богъ слѣдилъ, спрекалъ дорогой пыльной;
И наконецъ къ скаламъ крупнымъ загналъ ихъ спрахъ;
Ось съ трескомъ рухнула! Запутанный въ браздахъ
Просперся Иполитъ . . . . О рокъ безчеловѣчный!
Мигъ спрашный! слезъ моихъ испоникъ безковечный!
Я видѣлъ, видѣлъ я — какъ онъ, несчастный! былъ
Конями развлаченъ, копорыхъ самъ вскормилъ!
Взываешь къ нимъ — по крикъ знакомый ихъ пугаетъ;
Несуешь — трупъ его весь въ язву претворенъ!..
Нашъ громкій вопль за нимъ долины оглашаетъ,
И наконецъ ихъ бѣгъ сердитый утомлещъ
Близъ древнихъ тѣхъ могилъ, въ молчаніи гробовомъ
Гдѣ праошцы его спомъ непробуднымъ спитъ;
Рыдая мы бѣжимъ . . . ахъ! кровь слѣдомъ багровымъ
Приводитъ насъ къ нему — и по куснамъ шерповымъ
Кровавые клочки испоргнуныхъ волосъ! . . . .
Я подбѣжалъ . . . зову . . . онъ руку проспираситъ . . .
Онъ мушный взоръ открылъ . . и снова закрывашъ . .
„Я правъ! по приговоръ Богъ гнѣвный произнесъ . .
Будь ты Арасинъ въ печали утѣшителъ!
О другъ мой! если жъ все узнаешь мой родилсѣя,
И о невпномъ онъ хопилъ слезу прольсѣя,
Скажи ему — чшобъ кровь спрадалыца не распала,
Пусть сирота пайдеши въ исьмъ родспвенный при-
дѣлъ . . .

Чтобъ возвратилъ онъ ей . . . . .“

Здѣсь смерть его прервала,

И безобразный трупъ я обнялъ мертвеца;
На немъ побеснѣннѣй гнѣвъ судьба знаменовала,
Его бѣ не распозналъ и самый взоръ отца!

* * *

С М Ъ С Б.

—Всякій народъ имѣетъ въ своемъ языкѣ выраженія болѣе или менѣе сильныя, болѣе или менѣе грубыя, которыя произносятъ прошлою днѣмъ, или челоуѣкъ, не получившій блиспашельнаго воспитанія, во всякомъ случаѣ, если онъ очень обрадованъ, или если, напротивъ, очень раздосадованъ. Такъ, напримѣръ, Нѣмецъ гремитъ: *der Teufel* Англичанинъ восклицаетъ: *Goddam!* Французъ: *parbleu, sachieoty, sacrematin, ventrebleu*, и еще многія другія, которыя, какъ и у насъ въ Русскомъ народѣ, весьма неблагоприспосойны; Итальянецъ съ разбѣгающимися глазами, ворчитъ: *Dannazione, cogro di basso, cogro di diavolo*. Испанецъ говоритъ: *Carajá!* — Ирландецъ, крестясь кричитъ: *Mushá Arrah! Viga voga!* — Мусульманинъ, въ особенностн Турка, говоритъ, поглаживая бороду, и куря кальянъ: *Аллахъ акбаръ!* — Гаскоонецъ, если хочеть увѣрять въ томъ, что напримѣръ мѣдныя пуговицы золотыя, говоритъ: *Sarédébious cadédís.* — *Амокъ! Амокъ!* восклицаетъ въ Остъ-Индіи рабъ, клянясь своему господну, что трубка его набила прекрасно, и что ароматъ ея чая божественъ. Гоппентпотъ, желая выразить восторгъ, квакаетъ, какъ утка, крича: *Твакъ! Твакъ!* — Множесливо можно собрать подобныхъ выраженій, переходящихъ отъ одного поколѣнія къ другому. (*Изъ Ассиды молодого юмористика.*)

—*Испанскія карты.* Испанская колода отлична отъ нашей тѣмъ, что не имѣетъ ни бубнѣ, ни червей, ни пирсѣй, ни пикъ, вмѣсто которыхъ изображены диалки, деньги, шапки, бокалы, и

проч. Нѣтъ десятковъ; ваетъ называется *la sota*; а дама *la caballa*; но Король почно такъ-же изображается, какъ и у насъ. (*Mem. d'un Aroticaire.*)

—Сенегальцы, желая увѣрять васъ въ справедливостн чего нибудь, говорятъ: я клянусь своимъ носомъ. (*Kélédor, Nouvelle Africaine, par le Baron Roger, 1829.*) Видно у сихъ черныхъ чадъ природы носъ важнѣе головы, которою *мы* всегда ручаемся, не смотря, что у многихъ бѣлыхъ эта порука бываетъ часто ничтожна, то есть несправедлива.

—Г. Безполковецкій, Инспекторъ какой-то провинціальной пурпы, принадлежащей одному знатному барину, впрочемъ Инспекторъ по доброй волѣ, ибо самъ владѣлъ славными вощинами, всегда во время представленія говоритъ: „Ахъ, какъ я уморился! О чертовская должность!“ Вы удивляетесь, почтенные читатели; но знайте, что Г. Инспекторъ вѣчно играетъ ролю самаго послѣдняго бушафора и *bon gré mal gré* уморится бывая по туду, по сюда, какъ угорѣлый, и крича: поднимай солнце, двигай дверь, выведи войска. Есть отъ чего умориться! На сихъ дняхъ почтеннѣйшій далъ слѣдующее повелѣніе двумъ закулиснымъ громо-молниевержцамъ: „смотри, Милюшка! чтобъ у тебя молнія явилась за десять минутъ до грома; вотъ, на тебѣ часы мои; а ты, Федька, чтобъ громъ загремѣлъ своевременно: черезъ десять минутъ!“

—Въ магазинъ И. Лемберга, находящійся на Невскомъ проспектѣ, близъ Аничкова моста подъ No. 16, поступилъ въ продажу портретъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА. Цѣна оному на лучшей бумагѣ 4, а на Китайской 5 рублей. Портретъ сей отличаетъ изяществомъ художественной отдѣлки.

—Книгопродавецъ И. Лисенковъ издалъ портретъ Его Высочайшепревосходительства Алексѣя

Самойловича Грейга, рисованный съ напугры Г. Осокинымъ, а на камнѣ Г. Саидумури. Поршрешъ сей въ художественномъ отношеніи очень хорошъ. Цѣна 3 рубля. Продается у означеннаго книгопродавца, въ домъ Ген. М. Балабина, въ лавкѣ подь No. 25.

М О Д Ы. (*П а р и ж с к і я*.)

(20 Ноября н. с.)

— Шляпки изъ бархата носятъ большею частію прехъ цвѣшовъ: зеленаго, голубаго и чернаго.

— Шляпки голубаго цвѣта убираются бѣлыми перьями или букетомъ бѣлыхъ розъ; у нѣкоторыхъ поля обшиваются и подшиваются бѣлымъ бархатомъ.

— Шляпки-капоны изъ атласа свѣтлозеленаго или голубаго цвѣта подбиваются чернымъ бархатомъ; онѣ убираются двумя большими черными перьями.

— Шляпки изъ атласа розоваго цвѣта, подбитыя чернымъ бархатомъ, убираются на правой сторонѣ большимъ букетомъ розъ, а на лѣвой према бантами атласныхъ лентъ подь цвѣтъ матеріи. Тулья у нихъ дѣлается кумоломъ.

— Дѣтскія шляпки изъ плюша розоваго или голубаго цвѣта подбиваются бѣлымъ плюшемъ; уборка ихъ состоитъ изъ двухъ бантовъ лентъ подь цвѣтъ шляпки.

— Токи изъ газа убираются шестью перьями изъ марабу въ видѣ солнечныхъ лучей; на правой сторонѣ бантъ изъ марабу.

— Бальныя платья дѣлаются изъ блондъ, кисеи и прочихъ матерій бѣлаго цвѣта; иныя украшаются листками, цвѣтками; другія рисунками въ готическомъ вкусѣ. Платья изъ бѣлой chaly дѣлаются безъ всякой уборки, исключая

четырехъ широкихъ складокъ на подолѣ выше коленъ.

— Платьи болѣе носятъ съ широкими полосками, нежели клѣпчатые; самые модные дѣлаются бѣлаго цвѣта.

— Носятъ также платья изъ чернаго атласа, подбитые плюшемъ краснаго или голубаго цвѣта; воротникъ длинный до самаго локтя, обширный широкимъ рубцемъ изъ плюша.

Шарада въ прош. No. значить: troupeau.

E N I G M E.

Comme Pallas je nais armée;
 J'ai le manteau de pourpre et la couronne d'or;
 Le soleil à vos yeux étale mon trésor,
 Et partout les zéphyrs portent ma renommée.
 Sous le plus bel aspect des cieux
 Naissent mes beautés souveraines:
 On me compte parmi les Reines;
 Mais n'en murmurez point, je suis du sang des Dieux.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Подписка на полученіе *Съвернаго Меркурія* въ будущемъ 1831 году принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обихъ Столицъ; иногородные благоволять отнositъ съ своими пребываніями въ Газетную Экспедицію С. Пешербургскаго Почтампа или на имя самаго Издашеля, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Съвернаго Меркурія. Въ С. Пешербургѣ.* Цѣна за 156 NNo. и два тома, съ 24 картинками модъ, здѣсь въ С. Пешербургѣ 35, съ доспавкою на домъ и пересылкою 42 рубли.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 144.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкой, 40, съ пересыл-
кою 37 рублѣй.

1830, 1 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

А Ж И Б Ъ или ЖЕЛАНІЯ.

Уже три дни Ангелъ смерти держалъ надъ устами Калифа Ебнъ-Альнаскара остріе ужаснаго меча своего (1): Визирь и Эмиры преклонили колѣна предъ царскимъ ложемъ. Одни обѣщались божественному пророку совершить путешествіе въ Мекку, чтобы приложиться къ черному камню горы Арафата (2); другіе раздирали одежду свою, и какъ-бы старались прервать ежеминутныя рыданія. Мечети были наполнены народомъ, ибо трость Кадія жестоко наказывала пѣхъ, кто не молился за Властелина правъверныхъ.

Но когда наружная площадь дворца запылала тысячами факелами (3), тогда безчувственное тѣло Ебнъ-Альнаскара было поручено надзору нѣсколькихъ Евнуховъ; Визирь же и Эмиры пос-

пѣшли въ дворецъ Аламута (4), гдѣ, по обыкновенію Аравіянъ, былъ заключенъ Шахъ-Алмедъ, братъ покойнаго Калифа.

Пуенгъ (5), испребилъ въ сердце Шахъ-Алмеда, воспитаннаго въ эпоху унылой темницы старою кормилицею, все мужество: когда сей послѣдній услышалъ радостныя со всѣхъ сторонъ крики: *Алла*, онъ затрепеталъ и поспѣшно спрятался подъ софу. Испорченный изъ се-го убѣжища, блѣдный, разстроенный и умирающій отъ страха, Шахъ-Алмедъ былъ провозглашенъ Калифомъ. Но тщетно повпоряли ему о кончинѣ брата: онъ умолялъ окружающихъ не подвергать жизнь его опасности. Наконецъ нѣкоторая твердость духа возвратилась къ нему, когда онъ увидѣлъ народъ простертымъ у ногъ своихъ; твердость сія скоро превратилась въ низкую гордость и въ малодушный восторгъ. Подобно ребенку, который восхищается новою игрушкою, Шахъ-Алмедъ давалъ окружающимъ приказанія, изъ коихъ одно было неблагоуразуміе другаго; не смотря на то, медленность въ исполненіи ихъ подвергалась строгому наказанію, ибо малодушный Калифъ былъ жестокъ въ гнѣвъ своемъ.

(1.) Воспичные народы говорятъ, что Ангелъ смерти держитъ надъ устами страждущаго мечъ, съ остріемъ коего падаютъ три капли крови: первая лишаетъ его дара слова; вторая показываетъ удаленіе души; съ третью же начинается гніеніе тѣла. Едва умирающій испуститъ духъ, Магометане осушаютъ всѣ сосуды, въ домъ находящіеся, опасаясь, чтобы Ангелъ не омылъ въ оныхъ меча своего.

(2.) Гора Арафатъ находится недалеко отъ Мекки. Въ главномъ храмѣ видно маленькое четвероугольное спрѣеніе, въ которомъ хранился черный камень, предметъ поклоненія Аравіянъ.

(3.) Когда Персіянцы умрею, по родные его освѣщаютъ факелами переднюю площадь его жилища, для извѣщенія проходящихъ, чтобы они молились объ усопшемъ.

(4.) Аламутъ значитъ замокъ смерти.

(5.) Напинокъ, настоенный макомъ, цѣлибухой и коноплянымъ семенемъ. На Воспокъ эпоху напинокъ должны употреблять государственные преступники или искатели престола: онъ дѣлаетъ ихъ глухими и непонятными.

Приивъ въ свое владѣніе прекрасное жилище, служащее мѣстопробываніемъ Властителя правовѣрныхъ, Шахъ-Алледь вступилъ въ сераль. Тамъ подали ему золотой кубокъ, наполненный розовою водою; послѣ чего поднесли ему алоевые духи въ ларцѣ, блестящемъ драгоценными камнями. Онъ падушилъ свою бороду и одежду, и наливъ духовъ на обѣ руки, обтеръ ими лице.

Оттуда ввели его въ торжественную залу. То былъ алебастровый куполъ, поддерживаемый ста колоннами изъ бѣлаго мрамора, основанія и верхи коихъ украшались изображеніями разныхъ птицъ и животныхъ. Шахъ-Алледь среди спящихъ царедворцевъ своихъ сѣлъ подъ великолѣпный парчевый навѣсъ. Предъ нимъ поставили столъ, убранный большими фарфоровыми, хрустальными и агатовыми вазами. Тщательно рабы поднесли ему пріятнѣйшія яства: онъ ни къ чему не прикасался. „Визирь!“ сказалъ онъ гнѣвно: „все это не возбуждаетъ во мнѣ аппетита, подобно кушанью моея кормилицы: если завтра я не захочу ѣсть, то ты будешь посаженъ на колъ!“ И съ негодованіемъ сѣлъ на софу. „Вы превозносили мнѣ ваши увеселенія!“ — продолжалъ онъ: „развлекайте-же!“

Едва произнесъ онъ слова сіи, пятьдесятъ балдерокъ, великолѣпно одѣтыхъ, вступили съ пѣснями въ залу, въ сопровожденіи пятидесяти музыкантовъ, изъ коихъ одни извлекали пріятнѣйшіе звуки изъ Персидской флейты, гобоя и люлли; другіе имѣли въ рукахъ легкіе тамбурины; а шесть Мавровъ, испанскаго роста, били въ мѣдные тарелки.

Вошедшія при звукахъ музыки въ залу молодыя дѣвушки имѣли въ рукахъ своихъ пурпуровые, золотые и лазуревые шарфы. Находясь въ живописномъ положеніи, онъ представляли самое восхищительное зрѣлище: казалось, эго былъ рой Гурій посреди облаковъ и огней Востока. Онъ шо разбѣгались, то собирались въ одну куч-

ку, чтобы снова разсыпаться въ разные стороны. Наконецъ музыка утихла; одалиски оставились и образовали полукругіе. Одна изъ нихъ выступила впередъ; ея черные локоны падали на спѣжныя плеча; ея улыбка была очаровательна; взглядъ мечтательный; поступь ровная; глаза потуплены въ землю. Вдругъ прекрасный юноша явился передъ нею: подобно робкой лани, урвѣшей охотника, хотѣла она удалиться отъ него. Быстро полетѣлъ онъ за нею; не разъ руки его обвивались вокругъ легкаго снана ея, но она отдалась; иногда прииворался онъ упомленнымъ отъ усталости, и въ то самое время, какъ неосторожная одалиска улыбалась, смотря на свою побѣду, онъ снова прикасался къ воздушной одеждѣ ея. Но мало по малу быстрота бѣга ея уменьшилась, и она съ участіемъ глядѣла на прекраснаго юношу. Наконецъ она остановилась и невольно упала на руку юнаго красавца. Пламенные вздохи ихъ смѣшались, уста соединились, и спраспный панецъ изобразилъ весь восторгъ ихъ любви.

„И вы называете это увеселеніями?“ сказалъ Шахъ-Алледь, попягивая руки и зѣвая. „Клянусь Магометомъ, никогда не былъ я въ подобной скукѣ, какъ теперь. Не такъ проводилъ я время въ Аламутскихъ палатахъ! Какъ были занимательны сказки моея кормилицы: всю ночь онѣ однѣ спались мнѣ! Бывало, я спѣшилъ скорѣе одѣться, чтобы снова слушать рассказы ея. Но она скончалась, и теперь никогда я не найду, кто-бы зналъ такія прекрасныя повѣсти!“

„Властитель правовѣрныхъ!“ возразилъ Визирь: „пвой высокій брашъ любилъ слушать рассказы Эмиръ Гассана, котораго повѣствованіе о происшествіяхъ, сообщенныхъ ему опцемъ его, прозваннымъ Мунедесомъ, по принципъ особенной его мудрости и глубокихъ познаній.“

Шахъ-Алледь подалъ знакъ, и Визирь, вышедъ

изъ залы, чрезъ нѣскольکو минутъ возвратился въ сопровожденіи Гассана.

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

ПРЕЖНИМЪ ТОВАРИЦАМЪ.

Какъ весель былъ досужный
 Незванный вечерокъ,
 Гдѣ кругъ улановъ дружный
 Сбирался на часокъ;
 Гдѣ мы безъ экикета
 Съ семейю дорогой,
 Презрѣвши сплетни свѣта,
 За чашей круговой
 Привѣтъ воспоминали
 Красавицъ молодыхъ,
 И грусть свою о нихъ
 Шампанскимъ облегчали.
 О Я . . . . . друзья,
 Товарищи прямые!
 Какъ часто съ вами я
 Дѣлилъ часы почилы!
 И въ памяти моей
 Остались прежнихъ дней
 Досуги золотые!
 Я буду навсегда
 Хранишь мечтой завѣтной
 Кругъ дружескій, привѣтливый,
 Крылатые года,
 Когда я между вами,
 Уланами - друзьями,
 И жилъ, и пировалъ;
 Когда съ шампанскимъ кубокъ
 За васъ лишь выпивалъ
 Въ прозрачномъ дымѣ трубокъ;
 Но скоро можете быть
 Положено судьбою
 За дальнюю рѣкою
 Безъ Я . . . . . мѣхъ жизни,
 Развонзались съ друзьями,
 Къ гусарамъ привыкавъ,
 Лампасы съ лацканами
 На ментикъ промѣнявъ.
 Тогда бѣ пріятно было,
 Чтобъ старые друзья

Мечтою легкокрылой
 Коснулись до меня.
 „Гдѣ нашъ гусаръ унылой,
 Товарищъ дорогой?
 Какъ памъ онъ одинокой
 Живетъ въ степяхъ далекой?
 Доволенъ-ли судьбой?“
 И все одинъ, какъ прежде!
 Гласъ дружбы не обманъ:
 Гусаръ хоть по одеждѣ,
 Но сердцемъ все уланъ!..

А. Суходольскій.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

76. *Христина и дворъ ея.* Историческій Романъ XVII столѣтія. Соч. фанъ деръ Фельдс. Перев. съ Нѣм: С. де Шамлета. Двѣ части. С. П. Б., въ Тип. ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи, 1850. Въ 12. (Въ пер. ч. 197, во втор. 177 страницъ) (*)

Намъ всегда пріятно было читать переводы Г. де Шамлета; теперь же съ неудовольствіемъ должны сказать, что этотъ Нѣмецкій Романъ, въ литературномъ отношеніи, ниже прежнихъ его переводовъ съ Французскаго языка. Больше всего должно удивлять Г. Переводчика въ небрежности. Въ нѣкихъ мѣстахъ слогъ перевода довольно хорошъ, въ другихъ посредственъ, а нѣдѣ дуренъ: можно подумать, что надъ нимъ трудилась многіе. Поспѣшность въ трудѣ, по видимому, ввела Переводчика въ пакія двусмысленности, которыя даже неблагопріятны (**). Вообще же, переводъ близокъ къ подлиннику.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 6 рублей; съ пересылкою 7 рублей.

(**) Часть первая, стран. 22 и 33.

С М Ъ С Ъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ прочитали мы въ 96 Но. Газеты: *le Figet*, благонамѣренное желаніе Издателя составить подписку для *сиротъ селѣйствъ, у коихъ отцы погибли отъ заразы.* Сихъ несчастныхъ, какъ говоритъ Издатель, пакъ

много, что Правительство не можетъ всѣхъ одѣлать и успроить достойно; да сверхъ того не мы-ли, граждане, должны вспомоцствовать Правительству въ благодѣтельныхъ мѣрахъ, имъ принимаемыхъ? — Одинъ опецъ семейства уже прислалъ Издателю на сей предметъ 150 р. Мы съ своей стороны ласкаемъ себя надеждою, что многіе изъ нашихъ соотечественниковъ примутъ участіе въ семъ челоѣколюбивомъ предпріятіи. Честъ и хвала благородному иностранцу! Дай Богъ, чтобъ у насъ на Руси было бы поменьше заморскихъ шарлатановъ, а побольше людей, подобныхъ Г. С-тѣ Жюльену, съ такимъ рвеніемъ стремящихся къ пользѣ общей! —

Р. С. отсылать деньги можно въ Тин. Плюшара въ б. Мор. въ д. Косиковскаго, или въ м. Морскую, въ д. Лупеня, на имя Г-на С. Жюльена, живущаго въ шрешемъ этажѣ.

— Одна спарушка о чемъ-то спорила съ своимъ внукомъ, молодымъ шалуномъ, который, смотрясь въ зеркало, и пуская пучу дыма изъ своей сигары, вскричалъ: „Э, бабушка! какъ вамъ объ этихъ вещахъ судить: вы никогда въдѣ въ Саксоніи не бывали!“ Почтенная спарушка, не разслушавъ этой Русской поговорки, превратившейся въ пословицу, изволила воскликнуть: „Ахъ, ты бусурманъ, Дормидонъ! стыднѣ такъ меня спаруху бранить: ужъ я ль у Самсонія не была! Да не родилась-ли я, не проживала-ли на Петербургской сторонѣ?.. Съ нами крестная сила: у Самсонія не была!..“ (*Невѣжливое.*)

— Какъ-бы хорошо дѣлали нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ-самозванцевъ, если-бъ они не называли только именъ знаменитыхъ Писателей, думалъ шѣмъ выказать свои вслкія познанія въ Исторіи Литературы, почерпнувши ими изъ какой нибудь *Bibliographie universelle*, а читали бы

хорошихъ Авторовъ. Фавартъ, напримѣръ, сказалъ-бы имъ, что: „свѣпильникъ критики долженъ освѣщать, а не жечь.“ (*Изъ Агенды младаго юмористика.*)

— На сихъ дняхъ какой-то Поэтъ, и какъ мы слышали, самірической, находясь въ одномъ обществѣ, вдругъ началъ плакать. Нѣкоторые спросили его о причинѣ сей странности. „Господа, отвѣчалъ онъ, мнѣ вздумалось написать Элегію; а какъ эпопѣ родъ Поэзіи для меня прудень, то мнѣ захотѣлось попробовать, не выльется-ли изъ моихъ глазъ хоть нѣсколько испино-элегическихъ стиховъ — и такимъ образомъ я создамъ удачное стихотвореніе. Я воображаю, что любезная моя, которая, впрочемъ, онъ меня безъ ума (прибавилъ онъ съ самодовольною улыбкою), и которую такъ-же зовутъ Лизою, какъ эпю миленькую брюшечку (здѣсь указалъ онъ на одну изъ дѣвицъ, бывшихъ въ томъ обществѣ), — разлюбила меня. Не правда-ли, что первый стихъ, пришедшій мнѣ на мысль, прекрасенъ?“

Я плачу!... видишь-ли блестящельныя слезы?..“

— „Эшъ слезы точно блестящельны“ — возразилъ шупъ одинъ изъ пріятелей Поэта: „это не обыкновенныя слезы, но капли Лафита и Бургонскаго.“ — Это сказано было справедливо: ибо поклонникъ Апполона, принесши въ сей день для имяннѣ своего пріятеля обильную жершву Вакху, дѣйствительно находился въ веселомъ расположеніи духа.

Загадка въ прош. No. значить: la rose.

LOGOGRIPHE.

Je suis souvent un bien et quelquefois un mal;
On me vante parfois et parfois on m'outrage;
Propice à quelques-uns, à tel autre fatal,
A ma lai je soumets le fou comme le sage.
Transpose un de mes pieds, je change de destins:
J'élève jusqu'aux cieux ma voix et mon hommage,
Et chante les vertus de la Vierge et des Saints.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаѣ и пят-
ницамъ.

№ 145.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкой 40, съ пересыл-
кою 57 рублей.

1830, 3 ДЕКАБРЯ, СРЕДА.

АЖИБЪ или ЖЕЛАНІЯ.

(Продолженіе.)

Гассанъ былъ старецъ почтенной наружно-
сти. Въ то время, какъ онъ спучалъ лбомъ о
коверь, гдѣ покоились ноги Калифа, Шахъ-Ал-
ледъ сказалъ ему: „ты, говоряшь, рассказываешь
хорошія сказки. Я соглашаюсь слушать тебя
единственно для того, чтобы имѣть удоволь-
ствіе доказать, что ты не можешь сравниться
въ этомъ съ моею кормилицею. Я не стану при-
нуждать тебя согласиться въ томъ со мною, ибо
всякій рассказчикъ хвалитъ свое повѣствованіе:
принимъ же ты не слышалъ рассказовъ моей
кормилицы. И такъ, начинай; но мнѣ желатель-
но, чтобы голосъ твой не былъ унылъ, подобно
крику Имановъ когда съ высоты минаретовъ они
возвѣщаютъ часъ молитвы.“

Гассанъ снова палъ на колѣна и началъ слѣ-
дующій рассказъ.

„Калифъ Аарунъ-Альрашидъ имѣлъ обыкнове-
ніе, переодѣвшись купцемъ, ходитъ по улицамъ
Багдадскимъ съ однимъ Месруромъ, Начальникомъ
Евнуховъ, и Жіафаромъ, первымъ своимъ Визи-
ремъ. Не смотря на пѣкпороды страшныя про-
исшествія, съ нимъ иногда случавшіяся, онъ всег-
да самъ удостовѣрялся въ точномъ исполненіи
своихъ приказаній, отдаваемыхъ Кадию, и жало-
бы народа перѣдъ) доходили до него. Сей Калифъ
преисполненъ былъ мудрости: онъ зналъ, что

*истина прикрывается селью завѣсами, которыя
надобно все сорвать, чтобъ узрѣть черты ея(6).*
Однажды вечеромъ, послѣ молитвы, проходя чрезъ
Безенштейнъ(7), услышалъ онъ сионы, выходив-
шіе изъ палатки, въ кошорой пылалась лампада.
Калифъ, сквозь пологно, увидѣлъ молодого Пер-
сіянина пріятной наружности, коего бѣдность
и изнеможеніе предвѣщали близкую его кончину.
Старецъ, сидящій подлѣ Персіянина, подавалъ
ему кубокъ, который былъ отвергаемъ юношею.
„Сынъ мой, любезный Ажибъ, говорилъ старикъ:
онъ чего сіе опечалие, причина коего мнѣ не-
извѣстна? При послѣднемъ днѣ мѣсяца Сафара
ты съ нѣжностію лобызалъ меня и называлъ
себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; но сдѣ-
ла наступилъ мѣсяцъ Геммади, какъ ты уже же-
лаешь умереть! Ахъ! если бѣ по крайней мѣрѣ
зналъ я, онъ чего протекаетъ ужасная сія
скорбь? Но ты молчишь, Ажибъ. Ажибъ! ты болѣе
не любишь отца своего.“— „Родитель мой! зачѣмъ
ты желаешь знать плачевную тайну пивоего не-
счастливаго сына?“— отвѣчалъ Ажибъ слабымъ го-
лосомъ: „ужасная стращаешь сѣдаетъ меня; если бѣ
ты обладалъ сокровищами и властію даже са-
маго Визиря, то и тогда не въ состояніи былъ
бы соединить меня съ Зѣрою... (8). Однажды,

(6) Саади.

(7) Безенштейнъ — базаръ, гдѣ собираются всѣ Араб-
скіе купцы.

(8) Зѣра значить цвѣтокъ или краса свѣта.

когда я былъ въ этой палаткѣ, она вошла, со-
путствуемая двумя Евнухами, и сирочила у ме-
ня шелковыхъ пикапей(9). Чтобы лучше судить
о пиканяхъ, она подила покрывало свое, и я,
при видѣ небесной красоты, сползъ неподвиженъ.
Съ той поры тайный пламень распространился
по всемъ жиламъ моимъ; образъ прелестной ода-
лиски всюду преслѣдовалъ меня; сонъ не смыкалъ
болѣе глазъ моихъ; ежеминутно чувствовалъ я
невыразимое смущеніе и безпокойство. Два дни
и двѣ ночи мучивался безъ свиданія. Но какъ
велика была моя радость, когда я опять уви-
дѣлъ ее въ палаткѣ. Обманувъ бдительность
черныхъ ея спражей, я осмѣлился произнести
нѣсколько словъ, и увидѣлъ, что она, приподнявъ
свое покрывало, улыбнулась. Улыбка сія напол-
нила сердце мое восторгомъ. Ободренный симъ
знакомъ ея вниманія, я положилъ вмѣстѣ съ ку-
пленными ею пикаями виноградное семя, кусокъ
угля, инбирю и квасцы, обвернутые жемчужнымъ
шелкомъ(10). Въ смущеніи, нетерпѣнн и въ ка-
комъ-то спрахѣ ожидать я ее. Наконецъ явилась
она въ Безешштейнгъ. О, какъ было тогда мое
сердце! Зѣра тихими шагами приближалась и
прошла мимо палатки моей, не бросивъ даже
взгляда въ мою, и когда опчались мое было въ
высшей степени, о счастье! она бросила къ по-

(9) Женщины на Востока не столь въ спорогѣ за-
почтѣнн, какъ увѣряютъ цастъ нѣкоторые Писате-
ли: напротивъ, онѣ иногда пользуются свободою,
ибо имѣютъ возможность перѣдко выходить пере-
одѣтыми, что весьма благоприятствуетъ любов-
нымъ ихъ приключеніямъ.

(10) На символическомъ языкѣ восточныхъ народовъ
сіи предметы значатъ: „мое тайное желаніе
состоитъ въ томъ, чтобы открыть моего лю-
бовь къ тебѣ съ перваго дня нашего свиданія:
сердце мое принадлежитъ тебѣ. Но ты увя-
нешь, подобно цвѣтку, если не сжамишься надъ
любовію моею, и не облегчишь скорби, меня
сидящую.“

гамъ моимъ черную тулипу(11). Но, отецъ мой!
ея суровые спражи, върошно, узнали наше тай-
ное сношеніе: съ той поры Зѣра не являлась
болѣе въ Безешштейнгъ, и жизнь моя безъ нея
сдѣлалась мнѣ неспособною; одинъ Ангель смерти
въ состоянн прекратилъ мои мученія!“

„Месруръ“ — сказалъ Калифъ: „кто эта Зѣра,
косою красота возбудила столь пламенную любовь
въ сердце этого юнаго Персіянна? Я не знаю,
что въ моемъ сералѣ есшь одалиска сего имени:
поди за ней и приведи ее въ палатку Ажиба.
Жіафаръ! прибавилъ онъ съ довольнымъ видомъ:
почное мое спраствование не бесполезно: я сдѣ-
лаю счастливымъ одного изъ своихъ подданныхъ.
Дай Богъ, чтобы Магометь дозволилъ мнѣ уго-
дитъ каждому изъ правовѣрныхъ моего государ-
ства.“ — „Желаніе сіе свойственно Аарунъ-
Альрашиду“ — отвѣчалъ умный Визирь: „но серд-
це человеческое неудовлетворительно: вся швол
великая власть не въ состоянн исполнить же-
ланій самаго несчастнаго изъ жителей Багдада.
Самъ Ажибъ, когда пройдутъ первые порывы
любви, пожелаетъ новыхъ наслажденій . . . .“

„Жіафаръ“ — возразилъ Аарунъ: „ты теперь
не показываешь обыкновенной своей мудрости.
Я докажу сіе: Зѣра, гово, ишь ты, не составилъ
счастья Ажиба. И пакъ, я одарю его всемъ мо-
имъ могущесствомъ, и докажу тебѣ, что благо-
дѣянн Аарунъ-Альрашида могутъ привести Ажи-
ба въ невозможность желать еще чего нибудь
болѣе.“

„Едва Калифъ произнесъ сіи слова, Зѣра во-
шла въ палатку Ажиба. Нельзя изобразить во-
спорга сихъ двухъ счастливыхъ любовниковъ.“ —
сказалъ Эмиръ Гассанъ, прервавъ свой рассказъ:
„я не въ силахъ!“

(11) Черная тулипа на томъ же символическомъ язы-
кѣ значить: „я раздѣляю твою любовь, и ску-
гаю безъ тебя!“

— „Н очень хорошо“ — сказала Шахъ-Амлетъ, зъвалъ: „какъ скученъ твой рассказъ, Эмиръ! Ты ничего не сказалъ удивительнаго; даже не упомянулъ о чудесахъ и волшебницахъ, безъ чего никакое повѣствованіе не можетъ быть занимательно. Ахъ! не пакъ рассказывала моя добрая кормилица!.. Кончи-же однако твою сказку, и если конецъ ея будетъ пакъ-же скученъ, какъ начало, то по крайней мѣрѣ можно заснуть отъ твоего рассказа.“

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЪ АЛБДОМЪ.....

Ужъ не просите, соглашаюсь
Хоть что нибудь вамъ написать;
Но вѣрнее мнѣ, я опасаться
Вамъ правду речами сказанъ; —
Припомъ же разницу я вижу,
(И многое отъ ней шерилло:)
Вы мнѣ твердите: *ненавижу*;
А я вамъ говорю: *люблю*.

Ө. Д.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

77. *Безпріютная*. Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Проза Максимовича С. Ш. Б., въ Тип. Воспитательнаго Дома, 1850. Въ 8. (45 стр.)

Какъ вы думаете, въ чемъ состоить содержаніе этой Повѣсти?.. Не отгаданы вамъ!.. Выслушайте-же! — Леонъ, образованный юноша, въ осенній вечеръ, идетъ по Невскому проспекту; вдругъ слышитъ позади себя шорохъ, оглядывается, и видитъ.... что же? — Сердце радуется чужому счастью! — Миленькую 16 или 17-ти лѣтнюю блондинку, съ томными голубенькими глазками, съ розовымъ румянцемъ на полненькихъ дилейныхъ щечкахъ!.. Въ эту минуту, когда пишешь рецензію на книгу, казалось-бы, пылкому воображенію не надлежало разыгрываться; но — воля ваша! Въ эпическомъ случаѣ невольно представивъ себя на мѣстѣ блаженнаго Леона, если

вообразишь что очаровательная Надина (имя героини), о которой, вѣроятно, можно сказать:

Какъ любовь она прекрасна,

Какъ надежда весьма мила!

идеть по Невскому проспекту. Нынче и въ копыльонахъ, иногда формируемыхъ изъ 20 и болѣе паръ, рѣдко встрѣчаешь миленькихъ блондинокъ съ томными глазками, съ розовыми щечками, за недостаткомъ коихъ часто долженъ панцовать съ 30 лѣтними полновѣсными Церерами, которыми служатъ разнцельными эмблемами Сентября мѣсяца, и отъ неповоротливости которыхъ не можешь провальсировать болѣе двухъ круговъ, — а иначе задохнешься! Какъ-же не обрадоваться было Леону пріятной своей встрѣчѣ съ голубенькими глазками, томность коихъ отъ легко могъ разглядѣть при яркомъ блескѣ магазинскихъ кенкетъ. Видя удобный случай поговорить съ красавицею, въ которой, отъ, повидимому, отгадалъ безпріютную, Леонъ сперва распорядился благоразумно, какъ и всякій молодой человекъ сдѣлалъ-бы въ такомъ случаѣ; даже и азъ грѣшный, весьма впрочемъ робкій въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, можетъ быть не иначе поступилъ-бы на его мѣстѣ: услышавъ, что прекрасная незнакомка тяжело вздохнула, Леонъ, разумеется, на секунду пріостановился, пошелъ рядомъ съ красавицею, и, разумеется-же, весьма въливымъ образомъ вступилъ съ нею въ разговоръ. На первый вопросъ о причинѣ ея печали, красавица, взглянувъ нѣжно на милого юношу, принимающаго видимое сердечное участіе въ горести ея, — отвѣчала весьма снисходительно. Повидимому, дѣло-бы и въ шляпѣ; но Господинъ Леонъ оказался въ послѣдствіи большимъ чудакомъ: вмѣсто того, чтобы въ такомъ случаѣ, какъ сказалъ одинъ извѣстный Поэтъ, мѣлкимъ бѣсомъ развертнуться, наговорить до дюжины именъ небывалыхъ бабушекъ, пестушекъ и сестрицъ, пред-

ложить услуги, обѣщать предстательство, — вмѣсто всего этого Леонъ понесъ околесную Богъ вѣсть о чемъ и Богъ вѣсть зачѣмъ. Милая Надина слушала, слушала, и вѣроятно зазвала отъ разсказовъ его (такъ-же какъ я отъ чиненія оныхъ).

Неловкость Леона и неумѣніе его распорядиться надлежащимъ образомъ привели меня въ такую досаду, что я не имѣлъ першвія дочитатьъ Повѣсти Г. Максимовиша.

Черезъ нѣсколько времени я спросилъ у одного своего пріятеля, прочитавшаго Безпріютную: гдѣ Г. Максимовичъ далъ приютъ своей героинѣ? — „Въ могилѣ“ — отвѣчалъ онъ. — Уморилъ, злодѣй! воскликнулъ я жалобнымъ голосомъ: не пощадилъ ни юности, ни красоты, и не сжалился надъ слезами, лившимися изъ голубенькихъ глазокъ. Какъ можно было заставить умереть это милое шестнадцатилѣтнее созданіе! . . Ah, Mr Maximovitch! il est trop tot! . .

О всецѣлая мода! по преданію мнѣ извѣстно, что мершвецы, пипомцы покойной Г-жи Радклиффъ, были у насъ въ большой чести лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Нынѣ эта мода, по видимому, снова возобновилась: какаѣ ли появились повенькал Поэмка или Повѣсть въ прозѣ, вѣрно ужъ покойникъ или покойница. Наши Поэты, какъ кажешся, уже испощились въ изобрѣщеніи новыхъ родовъ смерти для своихъ героинь и героевъ: поэтъ зарѣжешся, та упоишся, поэтъ застрѣлишся, та отправился. Ахъ, милостивые государи! что это за *убійственная* Поэзія! . . Вы отъ желанія слѣдовать за моднымъ направленіемъ вкуса дѣлаетесь душегубцами; а намъ, Рецензентамъ, будно всеело бышь производите-лями литературныхъ уголовныхъ дѣлъ! Для васъ забавно, по видимому, совершать безпрестанно погребальныя церемоніи; а намъ уже наскучило

служить частыя о покойникахъ панихиды. Но вы, милостивые государи, погребая своихъ геросевъ, вѣроятно не чувствуете, что вмѣстѣ съ ними хороните першвіе и охоту читать ваши произведенія!

Аристархъ Завѣтный.

С М Ъ С Ъ.

— „Ну что, Анофиза Никодимовна, видѣли вы свою певѣспушку, Ольгу Григорьевну: какова она вамъ показалась?“ спросила какаѣ-то Петербургская дама у одной провинціальной барыни, прѣхавшей въ столицу посмотреть на живые-бытѣе милого сына своего, недавно женившагося раг amour на богатой дѣвушкѣ. — „Какъ-же съ, видѣла матушка, Прасковья Степановна; ужъ какаѣ она щеголха, сударыня: *формуляръ* на шеѣ, а *кларнетъ* (т. е. лорнетъ) въ рукахъ!“

— Съ нѣкотораго времени чрезвычайно увеличилось число хвастуновъ: многіе утверждаютъ явно несправедливо, что они будно-бы видѣли е (*Горе отъ ума!*) . .

— Частю-ли вы обо мнѣ думаете?“ спросилъ одинъ молодой человекъ у нѣкоторой дѣвицы. — „Когда только вижу васъ“ — отвѣчала она хладнокровно, стараясь подчеркнуть холодность своего ошвѣта прощическою улыбкою. — „Дпо странно“ — возразилъ первый: „а я и тогда не могу принудить себя думать о васъ, когда и гляжу на васъ.“

Логогрифъ въ прощ. Но. значить: Nomen, hinc.

С H A R A D E.

Interprète muet des caprices du sort,
Mon premier à lui-même, en ses effets contraire,
Fait naître d'un seul coup la joie et la colère;
Mon second, tout lecteur le sait, c'est chose claire:
Pour mon tout tu le peux deviner sans effort:
Il annonce l'amour, la folie ou la mort.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 146.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою, 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 5 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА.

АЖИБЪ или ЖЕЛАНІЯ.

(Окончаніе.)

„Въ началѣ мѣсяца Зилькади“ — продолжалъ Эмиръ: „Аарунъ-Альрашидъ проходилъ опять чрезъ Безеншпейнъ, и вспомнивъ о юномъ Персіянцѣ, котораго осчастливилъ, подошелъ къ палаткѣ Ажиба.

„Онъ сидѣлъ на софѣ подлѣ Зѣры. „Душа души моей, говорила ему прелестная одалиска: зачѣмъ черное облако печали покрываетъ чело твое? Неужели Зѣра переспала тебѣ нравиться? . . .“ И слезы навернулись на мнѣхъ глазахъ ея, обращенныхъ на Ажиба, который успокоилъ ее нѣжными ласками. „Пламень взоромъ моихъ, опивчалъ онъ: клянусь тебѣ Магометомъ, что ты мнѣ столь-же драгоценна, какъ твѣи Сидраха(12); ты мнѣ кажешься столь-же прекрасною, какъ етебелъ Лопоса, колеблемый южными вѣтрами. Но признаюсь тебѣ: съ тѣхъ поръ, какъ ты моя супруга, я сожалею, что рожденъ проснрымъ купцемъ; сей часъ я не могъ видѣть безъ зависти прошедшаго мимо Эмира, окруженнаго всею блескомъ сана своего.“

„Аарунъ-Альрашидъ, услышавъ сіе, поспѣшно удалился отъ палатки Ажиба.

„Черезъ часъ нѣсколько янычаръ, кои предводивельствовали Ага и два Кадія, окружили

(12) Очаровательная рожица, подлѣ тѣи коей покоится Гурін.

палатку Ажиба: одѣвъ его въ почепное платье, все они преклонили предъ нимъ колѣна, именуя его Эмиромъ. Ажибу все сіе казалось свидѣніемъ. Но когда онъ былъ приведенъ къ ногамъ Калифа, который отдавалъ ему во владѣніе великолѣпный замокъ, тогда Ажибъ предался полному своему восторгу, и обнимая Зеру, вскричалъ: „Ахъ! теперь ничего недоспашь для счастья Эмира Ажиба! . . .“

„Новый Эмиръ былъ веселаго нрава и оспроуменъ. Приближенный къ Властелину правотверныхъ, онъ умѣлъ ему понравиться, и часто Аарунъ сажалъ его подлѣ себя на царскую софу, чтобы развлечь себя умною его бесѣдою.

„Однажды Калифъ изумился, увидя любимца своего печальнымъ. „Ажибъ, спросилъ онъ его: зачѣмъ слезы появляются на глазахъ твоихъ, когда принужденная улыбка смешивается съ твоихъ уснѣи? Говори: я повѣляю тебѣ объяснить мнѣ причину скорби твоей.“ — „Великій Калифъ.“ — отвѣчалъ Ажибъ, падая на колѣна: „я, благодарный, недостойный твоихъ милостей. Ты излилъ на меня все благодѣаніе; а я, забывъ низкое происхожденіе свое, сътую, что принужденъ отдавать Визирю тѣпочести, который, въ честолюбіи своемъ, хотѣлъ-бы воздавать одному только тебѣ. Сей часъ, Ага, предъ всеми вельможами двора твоего, грубо сказалъ мнѣ, чтобъ я преклонялъ колѣно предъ Жафаромъ; и хотя онъ твой правый глазъ“ — прибавилъ Ажибъ:

„но слезы досады омочили лице мое.“ — „Если онъ мой правый глазъ“ — возразилъ Камифъ: „по опинишь ты будь монимъ дѣвымъ, Встань, Визирь Ажибъ, и раздѣлай власть Жіафара! . .“

„Новый Визирь показалъ себя достойнымъ того сана, въ который облекъ его Аарунъ, Ажибъ судилъ самъ, и кто просилъ суда его съ дарами въ рукахъ, того наказывалъ онъ палкою, какъ презрительнаго обольстителя, Жіафаръ скоро умѣлъ оцѣнить благородныя качества Ажиба, и соединился съ нимъ узамъ тѣсной дружбы,

„Однажды Аарунъ разговаривалъ съ своими Визирями. Они начали разсуждать о счастіи, и Ажибъ съ жаромъ превозносилъ спокойную и уединенную жизнь. „Ахъ! говорилъ онъ: счастливъ тотъ, кто живетъ въ уединеніи; но стою кратъ блаженнѣе тотъ, у кого многочисленное семейство не заставляетъ его смотрѣть съ грустью на будущее, и если ревность, неразлучная подруга молодой и преданной супруги, не возмущаетъ душевнаго спокойствія.“ — „Хотя это счастіе, сказала Аарунъ, не есть то, которымъ ты наслаждаешься; но, Ажибъ, въ Багдадѣ одинъ только я выше тебя: ты раздѣляешь власть мою, и ты счастливъ.“ — „Счастливъ, воскликнулъ Визирь, счастливъ: можно-ли быть счастливымъ, когда жадная и коварная толпа спарается поколебать всѣ правосудія, врученные мнѣ побогомъ? Когда страхъ потеряешь твою благосклонность, и причинишь несчастіе цѣлому народу, день и ночь терзаетъ меня? Ахъ! если есть счастіе въ свѣтѣ, то оно существуетъ въ уединенной хижинѣ мирнаго поселенна, коего спокойствіе не нарушено ни семейственными печальми, ни ревностію, ни всѣми мученіями, кон преслѣдуютъ того безумца, который вѣрлетъ себя обольщеніемъ честолюбія!“

„Ажибъ! вопъ та участь, копорюю ты наслаждался три года тому назадъ“ — сказалъ Камифъ: „но ты хотѣлъ умереть тогда, чшобы не

быть въ томъ состояніи, котораго пышь желалши, Ахъ, Жіафаръ! Жіафаръ! Ты справедливъ: человекъ ничѣмъ недоложенъ, и когда онъ не знаетъ, къ чему обратиться свои желанія, тогда начинается жалеть о томъ состояніи, на которое ропталъ прежде.“

„Эмиръ-Гассанъ!“ воскликнулъ Шахъ-Алледъ, проснувшись: „кто осмѣливается говорить сказки съ такимъ дерзкимъ правоученіемъ, тотъ не долженъ приходиться разсказывать ихъ предъ нашею софою. Ты заслуживаешь примѣрное наказаніе, которое ужаснудо-бы всѣхъ подобныхъ тебѣ докучливыхъ врадей; но какъ самое жесточайщее наказаніе для разскащика соспонить въ томъ, если скажешь ему, что бредни его скучны, ибо онъ скорѣе предпочтетъ прослыть за безчестнаго человека, нежели за дурака, — то наша великая милость прощаетъ тебя, дерзкій!“

Попомъ шлжело вздохнувъ, Шахъ-Алледъ прибавилъ: „Ахъ, добраа мой кормилица! не такія разсказывала ты мнѣ сказки! . .“

Изъ Фран. Жур. Н. Т. ш—въ.

Ш Ъ С Н Ъ С К А Л Ъ Д А,

А. Д. О . . . . . ой,

За весной, красой природы,
Лѣто знойное придетъ,
А меня въ подлунномъ мірѣ
Другъ сердечный не найдетъ

* *
*

О дѣва, дѣва, дшей отрада!
Прими ты сердце опъ меня,
Какъ кисть гуспую винограда
Въ жару поминельнаго дня.

* *
*

Посмотри, краса природы,
Какъ и лѣто, пропадешь;
Какъ спрѣла, промчался годы,
Все умреть, ахъ, все умреть! . . . .

* *
*

Такъ Скальдъ звучалъ; въ душѣ унылой
 Раждались грустныя мечны;
 Зима пришла — и надъ могилой
 Легла на мертвыя цвѣты. . . .
 Быть можетъ, сердца другъ любимой
 Одна, въ тиши, въ тѣни березъ,
 Лила въ тоскѣ неборимой
 На шѣ цвѣты полнокъ слезъ;
 Быть можетъ. . . . Нѣтъ! на холмѣ эпозъ
 Лишь маня печальная была, . . .
 Подруга чувства тѣмъ-же льпою
 Другому руку отдала.

* *
 *

Въ строфахъ короткихъ и простыхъ,
 Не соблюдая строгой мѣры,
 Хлориномъ вспырыкивая ихъ,
 Нушь не достигъ я до холеры;
 Молится я — она была
 Намъ карой Божескаго гнѣва!
 Да пройдетъ мимо чаша зла,
 Да остынитъ святая Дѣва . .
 Земную дѣву, обликъ чей
 Давно храню въ душѣ моей,
 Такъ узникъ, брошенный въ пустыню,
 Храпитъ завывающую свальциню . . . . .

Москва.

Д. Новиковъ,

Н О В Ы Я К Н И Г И,

78. *Повѣдка въ Германію*. Романъ въ письмахъ, изданный Николаемъ Гречемъ, двѣ части. С. П. Б., въ Тип. Издателя., 1831 г. (*) Въ 8. (Въ перв. ч. 240, во вп., 272 стран.) (**)

(*) На обѣихъ оберткахъ и на всѣхъ заглавныхъ листкахъ сего романа вездѣ выславлено 1831-й годъ. Тѣбу пропастъ, какалъ плохая память: я по сіе время думалъ, что у насъ продолжается 1830-й годъ, а между тѣмъ ужъ давно идетъ 1831-й! Но Николай Ивановичъ могъ-бы смѣло выславить на своемъ твореніи и 2831-й годъ: несомнѣнно, что его *Повѣдка въ Германію* доживетъ до онаго. *Прим. Изд.*

(**) Продается въ Типографіи Сп. Сов. Греча, на Исакиевской площади, въ домѣ Бремера, подъ No. 180, и въ магазинѣ Смирдина. Цѣна за двѣ части, папечатанныя на веленовой бумагѣ, 10 р., съ пересылкою 12 р.

Извѣщая чипателей нашихъ о семъ романѣ, мы освобождены отъ необходимости рекомендовать имъ Сочинителя онаго. Н. И. Гречъ извѣстенъ просвѣщенной публикѣ, какъ ученый филологъ и Литераторъ: посвятивъ себя занятіямъ полезнымъ, онъ давно пріобрѣлъ благодарность своихъ соотечественниковъ; а нынѣ подарилъ публику *Повѣдкою въ Германію*. Подъ симъ названіемъ изданъ имъ романъ въ письмахъ, происшествіе коего само по себѣ чрезвычайно просто; сцены — ежедневно могущія случиться съ каждымъ; — по совѣтмъ тѣмъ занимательность онаго чрезвычайно. Прочли одно письмо, нельзя отказать себѣ въ удовольствіи прочесть другое, и такъ далѣе.

Цѣль романовъ вообще, кромѣ нравственнаго своего достоинствъ, есть занимательность происшествія, прелестъ разсказа и вѣрность описаній. Но есть романы, происшествіе коихъ по себѣ весьма маловажно, а достоинство ихъ отъ того не уменьшается. Сіе происходитъ отъ живописной подробности и вѣрности описаній: точно таковъ романъ Н. И. Греча. Это семейственный картина въ вкусѣ фламандской школы, со всею разнообразію красокъ и движеніемъ (*mouvement*), по потребно для одушевленія оныхъ.

Чипателя, между прочимъ, поражаетъ прилипая новость. По заглавію книги онъ долженъ полагать, что дѣло идетъ о Германіи; но ошибется: ибо въ романѣ превосходно описаны нравы также Нѣмцевъ, но только здѣшнихъ, Пепербургскихъ. Въ самомъ дѣлѣ сословіе ихъ представляется совершенно отдѣльный народъ, непоходящій нисколько на ихъ за-Нѣманскихъ соплеменниковъ, и много отличаящійся отъ Русскаго. Быть ихъ столько-же заслуживаетъ быть признаннымъ, сколько она составляютъ часть нашей націи, сколько участвуютъ въ правахъ нашихъ и въ славѣ. Сочинитель удачно воспользовался новостью, заславивъ влюбленнаго путешественника говорить въ письмахъ своихъ изъ Германіи о

своей любви въ Россіи. Предметъ опой — Луиза, блонкурая красавица — прелеетпа.

With sweetest airs
Entice her forth to lend her angel form
For beauty's honour 'd image.

(Akenside)

Если порипреть Луизы напомялъ намъ спихи Англійскаго барда, то характеръ Анны Ивановны невольно припоминаетъ прекрасную басню И. А. Крымова: *Дорожные и муха*. Эпа хлопопунья, Анна Ивановна, всегда вездъ: безъ пелнпъ ни похоронъ, ни родинъ, ни свадебъ; словомъ — безъ пел и пива не сваримъ. Она являетя повсюду въ чепчикъ безъ ленипъ, по смотря по обшюинельспвамъ прикалываетъ черныя — если она на похоронахъ; голубыя — если на родинахъ, и шакъ дагъ.

Мы не упоминаемъ здѣсь о слогъ, ибо стипаемъ это пзлншимъ. Кому неизвѣстенъ слогъ Греча? Онъ можетъ служить образцовымъ по своей правильности, чистотѣ и гладкости. Сказавъ безприспирасно свое мнѣнїе, намъ остаелся по примѣру *благонампренннхъ* критиковъ указать на недоепанки романа, которыѣ перъдко составляютъ одну, главнѣйшую цѣль ихъ рецензій; но мы ищемъ, ищемъ ихъ — и не находимъ. Намъ только показалось нѣсколько странныхъ мнѣнїе Мещиславцева (героя романа) о бесполезности ученїя древнихъ языковъ. „Не странно-ли, говоритъ онъ, употребляя лучшїе годы жизни на мучительное изученїе того, что пошомъ непременно должно позабыть!“ (1-я ч., стр. 54) Это намъ врипоминаетъ опвѣтъ одного слуги, который на выговоръ своего господина, почему онъ не умываетъ рукъ? опвѣчалъ: „Вѣдь замарасшь-же носъ.“ Жаль, что Сочинитель, бытъ можетъ, желая отличиться новоспью,

опвергаентъ одно изъ главныхъ условїй просвѣщенїя — знакомспво съ классическою древностью. Мы согласны, что не звуки древнихъ для насъ драгоценны, а ихъ духъ и мысли. Но все же нельзя вполнѣ постичь духъ Писателя, читая его въ переводъ, точно шакъ какъ нельзя узнать иноземца, переводящаго въ народное платье. Припомъ слогъ такъже можетъ заслуживать вниманїе и служить образцемъ. Взгляните на Шмелера въ переводъ. Мысли его, характеры, имъ выведенныя, нѣ же; но гдѣ эпа сила языка, эпа прелесть выраженїя, которая придаетъ столько прелести сему Германскому Поэту? Латинская проза Тацита можетъ служить равно образцемъ и Англичанину и Французу, а въ особеннспн Нѣмцу и Русскому, языкъ-коня, сохрания болѣе первобыппой силы, ближе подходитъ къ языку Римлянъ. Но доказательства *въ пользу* изученїя древности завлекли-бы насъ слишкомъ далеко: ограничиваемся сказаннымъ нами, и приевокупимъ, что не смотря на двѣ, при — можетъ бытъ — не совсѣмъ правильныя мысли, романъ Н. Н. Греча имѣетъ двѣ главнѣйшїихъ достоинства для читателя, которыхъ нѣрѣдко онъ такъ щепотно ищетъ: необыкновенную занимательность разсказа и живописную вѣрность изображенїй.

In e m t u s.

Шарада въ прош. No. значить: délire.

LOGOGRIPHE.

Prenez-moi tout entier, j'habite les campagnes;
J'ai pour mes habitans mille chantres divers;
Et, sans y prendre part, je préside aux concerts
Des bergers et de leurs compagnes.
Si l'on m'ôte un membre à trois pieds,
Il me reste deux parts faciles à connaître;
Par l'une, que de gens noyés!
Et pour l'autre, combien qui s'exposent à l'étre!

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средаѣ и пят-
ницамъ.

№ 147.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою 40, съ пересыла-
кою 57 рублей.

1850, 8 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Г Р О Б Ъ.

Галдъ Св'шланз, — о Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ!

Жуковский.

Тишина природы не соответствовала пош бурѣ, которая волновала душу Эраста: глаза его были налиты кровью, и конвульсическія движенія безпрестанно изображались на блѣдномъ его лицѣ; какое-то жестокое безпокойство преисполняло его душу; онъ говорилъ, но не зналъ самъ, что говорилъ; онъ смѣялся какимъ-то адскимъ смѣхомъ, и смотрѣлъ, ничего не видя.

Будущая теща его, Госпожа Симская, не понимала этой переменны; а невѣста его, прелестная Ольга, съ безпокойствомъ смотрѣла на своего нареченнаго, съ которымъ вскорѣ должна она была соединиться вѣчными узами.

Ароматы цвѣтущихъ листвъ наполняли воздухъ своими бальзамическими благоуханіями, растворенными вечернею влагою, а заходящее солнце отражалось на зеркальной поверхности живописной Невы, и румянило слегка вершины березъ и елей. Дача Г-жи Симской на Охтѣ, не смотря на веселое мѣстоположеніе и на легкость испанно-Италіанской архитектуры, имѣла видъ грустный въ эпоху вечеръ. — Эрастъ взялъ шляпу и вышелъ; мать и дочь за нимъ последовали съ какимъ-то душевнымъ, глубокимъ, непостижимымъ предчувствіемъ.

Томъ 2. № 147.

Эрастъ, умный, любезный, благородный юноша, умѣлъ привлечь къ себѣ имъ страстно обожаемую Ольгу; но была-ли эта любовь, коею преисполнялось сердце милой, невинной дѣвушки, когда она съ тѣмъ, кто назначенъ для нея судьбою, встрѣчался, говоритъ, сочувствуется? — Нѣтъ; это было совсѣмъ иное ощущеніе: здѣсь болѣе дѣйствовалъ разумъ, чѣмъ сердце; болѣе обдуманная мысль, чѣмъ пламенный восторгъ; болѣе голова, чѣмъ душа!... Нерѣдко миленькіе пальчики Ольги, изъ копорыхъ одинъ былъ украшенъ завѣтнымъ кольцомъ изъ волосъ каштановаго цвѣта, про которые она краснѣя увѣрила, что они принадлежатъ одной ея подругѣ, — Евгеніи, — нерѣдко эти пальчики чертили, то на бумагѣ, то на зеркалѣ, попускиломъ отъ дыханія, букву Е, и потомъ багисповый платокъ поспѣшно спираль съ стекла завѣтную эту букву. Все это не ускользнуло отъ наблюдательныхъ взоровъ Эраста, и змѣй ревности зашипѣлъ въ влюбленной душѣ его.

Тихо шли они впроемъ, и столь-же тихо, движимые какимъ-то сверхъ-естественнымъ чувствомъ, вошли они въ церковь, гдѣ свѣтились лишь двѣ или три лампы. По срединѣ стоялъ на низкой эспрадѣ, покрытой чернымъ сукномъ, гробъ малиноваго бархата, задернутый кисеей и парчевымъ покровомъ. Церковникъ читалъ псалмъ; все было странно и дико! — Эрастъ поблѣднѣлъ и воскликнулъ: „Боже! мертвецъ меня

не оставлялъ въ покоѣ: они со мной, они за мной повсюду; но я ищу въ церкви успокоенія и.... найду его!.... Всемогущій!...“ Онъ бросился на колѣни и своды церковныя огладились его рыданіями. Мать, чтобъ не унасть, прислонилась къ периламъ, а дочь, прѣрещая, молилась, тихо спрашивая: „Матушка! матушка! что съ Эрастомъ? — Мнѣ здѣсь ужасно!“ — Эрастъ скоро всталъ; лице его было спокойнѣе; грудь не волновалась, и лишь слезы градомъ капилсь изъ глазъ его. — „Пойдемъ-те отсюда“ — сказалъ онъ; но только они хотѣли выйти, какъ вдругъ сильный порывъ вѣтра отворилъ слегка припертое окно, и летя къ гробу, вздулъ покровъ, и..... мертвецъ лежалъ мраченъ: лице его было блѣдно изсиня; волосы стояли дыбомъ; руки съ сжатыми кулаками, казалось, угрожали кому-то; около горла и полуотверзшаго рта запеклась кровь; а большіе, стеклянныя глаза, какъ-бы смотрѣли на Ольгу. Несчастная, вскричавъ: „Евгеній!“ упала безъ чувствъ на руки матери. Минувъ черезъ пятъ, съ дикимъ воплемъ устремясь къ гробу, она возопила: „Евгеній! кто убилъ тебя?“ — „Я!“ раздался голосъ Эраста. Онъ затрепещалъ; глаза закатились; пѣна и кровь клубомъ брызнули изъ рта — и убійца упалъ мертвъ. Ольга прильнула къ устамъ Евгенія — своими похолодѣлыми устами; руки ея обняли гробъ; пальцы ея затвердѣли, оцепенѣли, и она — соединилась съ милымъ Евгениемъ, другомъ своего дѣтства, котораго удалила мать, замѣтивъ раздающуюся страсть между юными сердцами. Они, по ея мнѣнію, не были созданы одно для другаго: ибо Ольга была богата, а Евгеній бѣденъ; между тѣмъ богатый Эрастъ бралъ Ольгу безъ приданаго, оставляя оное матери ея. Евгеній писалъ съ высоты Кавказскихъ къ милой; но она не получала его писемъ; и думая, что онъ забылъ ея, рѣшилась выйти за другаго. Эрастъ былъ избранъ ея разсудкомъ; и эгопъ-

то Эрастъ, узнавъ, что Евгеній пріѣхалъ въ Петербургъ, опыскалъ его, вызвалъ на поединокъ и смертельно ранилъ.

И такъ Г-жа Симская изъ низкаго корыстолюбія погубила при существа: теперь она въ слезахъ и въ трудахъ влачитъ дни свои въ темной кельѣ одного дальняго монастыря.

Вл. Б—въ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Въ какомъ недугѣ я поскокую
Неизяснимо для меня:
Въ раздумьи грустномъ тѣму ночную
Я предпочелъ свѣтилу дня.
Какъ все окреститъ меня утихнеть
Глубокой ночи посреди,
Порой мгновенный пламень вспыхнеть
Въ моей встревоженной груди;
И то, что темной неслую
Еще завѣшено отъ глазъ,
Такъ ярко свѣтитъ предо мною,
Пока сей пламень не погасъ.
И мнится мнѣ: предъ книгой рока
Въ священномъ страхѣ я стою,
Или внимаю въ ушахъ пророка
Судбу грядущую мою.

А. Подолжскій,

С М Ъ С Ъ.

Выписка изъ письма къ Издателю.

У насъ, на сваяной Руси, вошло нынѣ въ моду (*) пописывать плохенькими спишкками, столь-же вялыми, какъ прищиплѣнная дѣвица (**), столь-же *иссмагильли*, какъ худо изготовленное блюдо. Имена Мошкова, Оомина, Улегова, и многихъ другихъ, имъ подобныхъ, которыхъ вирши легко встрѣтитъ можете даже и въ Альмапахъ (напримѣръ: въ Зимцерль, въ Вѣнкъ Грацій, въ Цефезъ, и пр. и пр.),

(*) Эша мода, къ сожалѣнію, ведется у насъ уже давно, и повидимому, надолго еще продолжится. *Изд.*

(**) Прошу извиненія за Автора у Васъ, Mesdames, въ эгомъ нескѣжливомъ, и, по моему мнѣнію, несправедливомъ сравненіи. *Изд.*

— не устращаютъ опчаянную фалагу риемо-плепцевъ, желающихъ повыше вскарабкаться на Парнасъ. Коллекція нашихъ литературныхъ весьма увеличилась, если не учредился здравой, благонамъренной Криптики, которая сильно пресѣдовала-бы энихъ галимапчиковъ, и убивала-бы ихъ произведенія при самомъ ихъ рожденіи, для опята охоты и у другихъ дѣлать то же. Я часто съшую о васъ, М. Г., воображал, коликъ должно быть для васъ затруднительно выписывать, не спихи Улегова, Оомина, съ ихъ братіею, по большой части печатающею книженки свои въ Московской Типографіи Армянскаго Испинупа Лазаревыхъ, но вообще спиншонки мѣлкихъ подражателей Ламартину, Байрону и Пушкину, которыхъ развелось у насъ, какъ таракановъ: ихъ с улемой-бы литературной! — Жало Шелы иногда обилуепъ сю; на Телеграфическихъ палочкахъ она лежитъ слоями; прописывайпе-ка и вы почаще меркуріальныя пилюльки, или дайте волюшку доброму молодцу, Аристарху Михайловичу Завѣшному; урви голова! *Пилгримъ Веритатинъ.*

Выписка изъ юмористической Агенды.

Наблюдая за нравами, иногда приходится бывать въ такихъ обществахъ, въ какихъ на врьдѣли пришлось быть безъ охоты къ юмористическимъ наблюденіямъ, для которыхъ тамъ находишь обильную пищу. На дняхъ случилось мнѣ зайти на *имянинный пирогъ* къ одному Повышечку. У него было гостей много и всѣ почти одного покроя; а я между ними казался какимъ-то чуднымъ явленіемъ иного міра. Много слышалъ я шутокъ площадныхъ шутокъ и bons-môts, называемыхъ въ семь кругу прибауточками; но въ особенности поразила меня одна изъ такихъ. Толстый Шп, Капитанъ какого-то Армейскаго полка игралъ въ *бастонъ*, громко спуча мѣдно-серебрянымъ перспнемъ своимъ о ломбер-

ный споль; вдругъ слыша, что одинъ изъ гостей спросилъ трубку, закричалъ густымъ Скалозубовскимъ басомъ: *не давай: курить станетъ! ха! ха! ха!* — Общій восторгъ! Но я улыбался, самъ вовсе не понимая этой оспрошы. — Гость, спросившій трубку, какой-то выходець въ вождемный 14-й классъ, съ завитыми бакенбартами, съ завитою головою, и съ галспухомъ, проложеннымъ вмѣсто подгалстучника какимъ-то чернымъ экстракпомъ, слыша, что Г. Шп. Капитанъ спрашиваетъ также себя трубку у шутокъ споявшаго оффиціанта, взятаго на сей торжественный день изъ какой-то рестораціи. вскричалъ съ довольнымъ видомъ: *Дай, да только не просто трубку, какъ спросилъ Его Благородіе, а съ табакомъ! ха! ха! ха!* — И снова общее удовольствіе, и снова я ничего не поимъ. — *Comprends qui veut!...*

— Нѣкто, потерявъ богатого дядю, оставившаго ему весьма значительное имѣніе, счелъ за благо показать передъ свѣтомъ свою печаль о потерѣ споль достойнаго мужа, и явль въ свой Департаментъ, повязалъ креновый бантъ на лѣвый рукавъ. Канцеляристъ Глупешко, только что пріѣхавшій съ *Кабилецкаго Повита, Пилтавской губерніи*, вообразивъ, что этотъ нѣкто, слывшій великимъ франтомъ между Гг. Чиновниками (что, впрочемъ, не мудреное дѣло!), носилъ крепъ именно потому, что это мода, и себя навязалъ огромный бантъ, съ которымъ и давай франчить. Разумѣется, надъ нимъ спали смѣялись, а онъ свое несепъ: „Экы чудакъ: самы модъ ни знаютъ, а надъ нашимъ-то братомъ сміютъся; я жъ зробию, што оны глупы!..“ (*Сообщено.*)

— Одинъ Капитанъ, желая поцицеронить предъ своею ротюю, сказалъ: „Фельдфебеля не должны понимать, что такое водка.“ — Думая сказать: слушаю, его фельдфебель вскрикнулъ: „Понимаю, Ваше Высокоблагородіе.“

— Въ 143-мъ No. Сѣв. М., на стран. 259-й, напечатана спашейка изъ Агенды молодого юмористика, въ которой упоминается о нѣкоторыхъ выраженіяхъ, употребляемыхъ разными народами въ минушу гнѣва или радости. Тамъ говорится объ Ирландцахъ, Туркахъ, Гасконцахъ, Индійцахъ и даже Готтентотцахъ. Не все изъ нашихъ читателей свѣдуши въ языкахъ и нарѣчіяхъ сихъ народовъ, и потому повѣряя намъ на слово, что приведенныя въ образецъ выраженія, напечатанныя Русскими буквами, правильны. Но какъ, вѣроятно, они изумлялся, увидѣвъ, что Французы и Нѣмцы изъясняются въ упоминаемой спашейкѣ, столь-же для нихъ невразумительно, какъ Готтентоты. Нѣмецъ, напримѣръ, будто-бы гремитъ *der Teufel*, вм. *der Teufal*, а Французъ якобы восклицаетъ *sachrioty*, вм. *sacrestie*. Избави господи, если по не снисходительности или по недогадливости какихъ нибудь изъ нашихъ читателей, сіи видимыя опечатки (рописей коимъ, по изъясненіямъ нами въ 78 No. Сѣв. М. причинаемъ, мы въ послѣдствіи времени не составляемъ) почтутся ошибками Сочинителя спашейки! —

— „Пожалуйте, Ваше Благородіе, оригиналу въ 39 строчекъ для Смѣси 147-го No., за чѣмъ сдѣлалась остановка“ — говорилъ типографскій наборщикъ Журналисту, только что собравшемуся вхашъ въ гости. „О злая журнальная участь!“ — вскричалъ сей послѣдній: „гдѣ мнѣ теперъ взять 39-ти строчекъ?..“ Журналистъ началъ поспѣшно рыться въ архивѣ своемъ, но тщетно: изъ числа спашей, для Смѣси назначенныхъ, одна случилась маленька, но только въ строчекъ 15 или 16, а все прочія были весьма большія. Что дѣлать! надобно было выбирать

любос: или опоздать нумеромъ Журнала, или опоздать къ мазуркѣ, для которой (ахъ!) была уже ангажирована милая сердцу особа. Публика (думалъ Журналистъ) не приметъ въ извиненіе сердечныхъ обстоятельствъ, а время дорого! Бывъ совершенно развлечень, бѣдный Журналистъ рѣшительно не зная, какъ-бы отдѣлаться ему отъ наборщика, и болѣе ничего не придумавъ въ сію минушу, какъ только то, чтобъ написать про это свое горе. Онъ поспѣшно схватилъ перо, набросалъ кое-какъ на бумагу, съелъ спрочки, но все показалось ему будетъ недоспаечно. „Послушай!“ сказалъ онъ наборщику, отдавая написанное: „набери это, а если будетъ мало, то остальныя спрочки, чтобъ не оставалось бѣлаго мѣста, добавь почками.“ — „Какъ можно почками, Ваше Благородіе“ — возразилъ наборщикъ. — „Да ужь нѣчего дѣлать“ — вскричалъ Журналистъ: „если въ Онѣгивѣ, который принятъ вовсе не на срокъ, если цѣлыя спрочфы изъ почекъ, то почему жъ не добавишь ими спрочки три или чепыре въ газетномъ листкѣ? Сдѣлай, какъ сказано.“ — Сказалъ и уѣхалъ. *(Изъ одного Французскаго Журнала.)*

.....
 .....
 .....

Догогрифъ въ пропѣ No. значитъ: ormeau, eau, or.

Е N I G M E.

Je suis une cité de charmante structure:
 J'ai pourtant contre moi des ennemis si forts
 Qu'ils abattent mes murs et leur font mille torts,
 Sans avoir de ma part regu la moindre injure,
 On est tenté toujours, en voyant ma figure,
 De faire contre moi d'agréables efforts.
 Quand mon maître me vend, mes habitans sons morts;
 Et comme leur cité je suis leur sépulture.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходитъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 148.

Цѣна годовому издаванію,
состоющему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 50, съ дос-
тавкою, 40, съ пересыл-
кою 37 рублей.

1830, 10 ДЕКАБРЯ, СРЕДА

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КНИГИ:

1572 годъ или летопись временъ Карла IX.

Вечеромъ 24-го Августа опрядъ легкой конницы вступилъ въ Парижъ чрезъ ворота Св. Антонія. Пыль на саноггахъ и вообще на одеждѣ всадниковъ показывала, что они сѣлали переездъ значительный. Послѣдніе лучи заходящаго солнца упали на загорѣлыя лица воиновъ: черты ихъ выражали то безотчетное безпокойство, которое мы чувствуемъ въ ожиданіи событія, хотя не совѣмъ извѣстнаго, но гибельнаго по догадкамъ.

Отрядъ шагомъ отправился на площадь, лежащую у стариннаго дворца. Капитанъ велѣлъ остановиться, чтобъ людямъ отдохнуть, и пославъ 12 человекъ подъ начальствомъ Корнелия на рекогносцировку, самъ поставилъ часовыхъ у входа въ ближнія улицы, отдавъ приказъ между тѣмъ зажечь фитили, какъ будто-бы въ виду былъ непріятель.

Въ томъ же вечерѣ, съ наступленіемъ положеннаго часа, Бернардъ де Мержи, завернувшись въ плащъ, и надвинувъ на глаза шляпу, отправился къ Графинѣ де Тюргисъ. Не успѣвъ сѣсть нѣсколько шаговъ, онъ встрѣпилъ Доктора Амброазъ Паре, который пользовалъ его послѣ поединка съ Комменжемъ. Паре возвращался опъ Колиньи, и Мержи не преминулъ спро-

сить объ немъ. „Все хорошо“ — сказалъ Докторъ: „рана препорядочна, но, Богъ дастъ, залечится. Надѣюсь, что лекарство, которое прописалъ я теперь, будетъ очень для него полезно, и онъ спокойно проведетъ эту ночь.“

Проходившій мимо ихъ какой-то простопосидинъ разспысалъ, что они говорятъ объ Адмиралѣ Колиньи, и отойдя подальше, чтобъ безопасно можно было молотъ велика глупости, закричалъ: „скоро зададутъ презвопъ вашему проклятому Адмиралу“ — и со всѣхъ ногъ ударился бѣжать.

„Бездѣльникъ!“ закричалъ Мержи: „мнѣ крайне досадно, что нашъ славный Адмиралъ принужденъ жить въ этомъ городѣ, гдѣ столько враговъ у него.“ — „По счастью, дворецъ его охраненъ надежно“ — сказалъ Докторъ: „когда я выходилъ опъ него, всѣ лѣстницы были усыпаны солдатами, и они зажигали уже фитили. Ахъ, Мержи, здѣшній народъ не любитъ насъ! Но уже поздно: мнѣ пора въ Лувръ.“

Они разспались, пожелавъ одинъ другому добраго вечера. Мержи продолжалъ путь свой, предаваясь мечтамъ самымъ сладостнымъ, которыя скоро заставили его забыть и Адмирала и ненависть къ нему Каполиковъ. Между тѣмъ онъ не могъ не замѣтить необычнаго движенія въ улицахъ, всегда почти пустыхъ въ позднее время. То встрѣчалъ опъ носильщиковъ спрашнаго вида, шавившихъ что-то на плечахъ сво-

ихъ, ноги кошорыхъ казались ему въ пемношъ пиками; шо попадался ему безмолвнй отрядъ воиновъ, съ примкнуемыми шпыками и зажженными фишлями; шо вдругъ отворались въ нѣкопорыхъ домахъ окна, откуда выказывались съ свѣчами фигуры, и попомъ оляшь исчезали.

„Послушай!“ закричалъ онъ одному изъ носильщиковъ: „куда ты, любезный, шацишь плакую пошу?“

„Въ Лувръ, сударь, чшобъ въ эту ночь позабавишься.“

„Товарищъ!“ спросилъ Мержи у Сержанпа, командовавшего папрулемъ: „куда вы идете въ такомъ вооруженіи?“

„Въ Лувръ, сударь, чшобъ въ эту ночь позабавишься. Вы, кажешся, Пажъ Королевскій: куда отпрапляешься?“

— „Также въ Лувръ, чшобъ эту ночь праздновать.“

Всѣ шупъ, повидимому (думалъ Мержи), кромѣ меня, между собой сговорились. Впрочемъ, какал мнѣ до того надобность; Король безъ меня можешь праздновать, и я вовсе не любопытствую видѣть его забавы. — Далѣ замѣшилъ онъ, что кто-то, худо одѣшый, остаивавливался предъ шпыными домами, чершилъ мѣломъ на дверяхъ кресты.

Неизвѣстный сей, когда Мержи заговорилъ съ нимъ, скрылся, не отвѣчавъ ему.

При поворотѣ въ улицу, гдѣ жила Графиня, Мержи встрѣпилъ человека, подобно ему закупаннаго въ большой плащъ, и пробиравашагосъ въ одну съ нимъ улицу, хопя съ противоположнымъ намѣреніемъ. Не смотря на пемнопу и спаранія ихъ обоихъ укрышься, они узнали другъ друга.

„А, здорово, Бевиль!“ сказалъ Мержи, проплывая ему руку.

Чшобы дать Мержи правую руку, Бевиль взялъ что-то изъ нея въ лѣвую; шупъ плащъ его распахнулся.

„Да благоденствуетъ храбрый рыцарь, любимый красавицами“ — закричалъ Бевиль: — „объ закладѣ гоповъ бипься, что вы, мой другъ, отпрапляетесь къ своей любезной.“ —

„А васъ, повидимому, отвѣчалъ Мержи, мужья не слишкомъ жалуюшь: грудь ваша, если не ошибаюсь, покрыта кольчугой; а изъ подъ плаща выглядываетъ что-то похожее на писполепты.“

„Надобно быть всегда благоразумнымъ“ — возразилъ Бевиль, поправляя свой плащъ, и спараясь скрыть бывшее при немъ оружіе.

— „Крайне сожалѣю, сказалъ Мержи, что не могу сегодня охранять дома вашей возлюбленной: во всякомъ другомъ случаѣ я къ вашимъ услугамъ.“

„Нынѣшній вечеръ вы не можете быть со мной, Г. де Мержи“ — сказалъ Бевиль съ значущею улыбкою.

„Счастливыи шупъ, прощай“ — проговорилъ Мержи.

„И шобъ желаю счастливаго шупи“ — сказалъ Бевиль особеннымъ голосомъ.

Они распались; Мержи сдѣлалъ уже нѣсколко шаговъ, какъ Бевиль позвалъ его къ себѣ и спросилъ: „братиъ швой въ Парижъ.“

— „Нѣтъ, но я жду его съ часу на часъ; да скажи: ты сегодня будешь на праздникъ?“

„На какомъ?“

— „Говоряшь, чшо въ эпошъ вечеръ при дворѣ большой праздникъ.“

Бевиль пробормоталъ на сіе чшо-то сквозъ зубы.

— „Прощай-же“ — сказалъ Мержи: „мнѣ нѣ когда; ты понимаешь, что я хочу сказать.“

„Постой, еще пару словъ: мнѣ право не хочется тебя оставишь безъ истинно дружескаго совѣща.“

— „Напримѣръ, какого?“

„Не ходи къ ней сегодня: повѣрь, скажешь завтра спасибо.“

— „Только-то; но о комъ говоришь ты?“

„Разумѣется о комъ; но если ты уменъ, то теперь-же переѣзжай Сену. Какъ благородный человекъ, говорю, что самъ со мной согласишься.“

— „Много благодаренъ; въ другой разъ постараюсь воспользоваться этимъ совѣтомъ, а теперь меня ждуть.“

„Ну когда случится съ побою бѣда, то не вини меня.“

Спрашнй, вовсе несвойственный Бевилю годость, которыми сказаны были слова сіи, поразилъ Мержи, и онъ, удержавъ Бевила, сказалъ: „да объяснись получше: съмай одолженіе, перестань говорить загадками.“

„Я сказалъ тебѣ, любезный, болѣе, нежели сколько слѣдовало.... Переѣзжай рѣку прежде, чѣмъ наступитъ ночь.... Прости!“

„Послушай....“

Бевиль былъ уже далеко. Мержи сначала пустился за нимъ, но потомъ, вспомнивъ, что переплетъ время, которое могъ-бы провести гораздо пріятнѣе, отправился къ саду, куда ему войши было пужно. Долго прогуливался онъ близъ него взадъ и впередъ, выжидал, пока скроются проходящіе. Онъ опасался подать имъ подозрѣніе входомъ своимъ въ садъ въ такую пору. Ночь была прелестна; легкій эфиръ прохладжалъ воздухъ; луна показывалась и исчезала между тонкими облаками; все внушало любовь.

Когда улица опускала, Мержи отворилъ садовую калитку и заперъ ее попихоньку. Сердце его билось сильно, но онъ думалъ только объ ожидавшихъ его удовольствіяхъ у Графини де Тюржисъ. Непріятныя мысли, родившіяся въ головѣ его отъ страннхъ рѣчей Бевила, теперь почти исчезли. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ дому. За красною занавѣсью у полуоткрытаго окна свѣтилась лампада. Это былъ

условенный знакъ. Въ мгновеніе ока онъ очутился въ комнатѣ своей любезной.....

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

МОСКВА УТРОМЪ (*).

(Отрывокъ изъ Поэмъ.)

Открывъ разсвѣтливой рукою
Окно, межъ тѣмъ усаживалъ взоръ
Елецкій прямо предъ собою.
Предъ нимъ свѣтло озарена
Наспавшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала.
Аркада дяннаго моспа
Блѣла ярко. Чуденъ, пышенъ,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всѣми зданьями возвышенъ,
Огнемъ востока Кремль алтъ;
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы зотошы;
Межъ ними царственпо горѣлъ
Иванъ Великій. Садъ красивый,
Кругомъ твердыни горделивой
Віся, живо зелелья.
Но онъ на пышную столицу
Глядѣлъ съ душевною враждой.
За что? о томъ въ главѣ другой
Найдуть особую страннцу.
Онъ былъ воскормленъ сей Москвой;
Минувшихъ дней воспоминаья
И дней грядущихъ упованья —
Все заключалъ онъ въ пей одной!
Но спрашной доли несъ онъ бремя,
И былъ ей чуждымъ въ то же время —
И чуждымъ больше, чѣмъ другой.

Баратынскій.

(* Изъ Альманаха: *Альциона*, изд. извѣстнымъ нашимъ Писателемъ, Барономъ Розеномъ. Альманахъ сей первый вышелъ на 1831 годъ. Онъ продается въ магазинахъ Слѣнича и Смирдина по 10 руб. экз. Въ одномъ изъ слѣдующихъ NN. Сѣв. М. будетъ напечатана подробный разборъ его. Изд.

С М Ъ С Ъ.

Наконецъ Г. Олинъ издалъ . . . . . но не шдъ, что вы думаете: не остальные числящіяся за нимъ попынѣ въ долгу книжки *Журнала Древней и Новой Словесности*, не остальные невыданные тридцать номеровъ Газеты: *Рецензентъ*, не остальные *семь Карманныхъ Книжекъ*, — Г. Олинъ издалъ ОБЪЯВЛЕНІЕ о предположеніи своемъ — — — выдавать въ свѣтъ съ будущаго 1831 года литературную Газету подъ названіемъ: *Колокольчикъ*.

Въ этомъ Объявленіи Г. Олинъ увѣряетъ будущихъ(???) подписчиковъ своихъ . . . . . но не въ томъ, въ чемъ вы думаете: не въ вѣрной выдачѣ общаемаго числа номеровъ новой Газеты, — Г. Олинъ увѣряетъ въ томъ, что „Литература „наша, къ сожалѣнію, (п. е. къ сожалѣнію Г. „Олина), не достигнувъ еще своей возмужалости, „начинаетъ уже примѣнно клониться къ своему „упадку; и потому, для такого горестнаго со- „стоянія нашей Литературы, необходимо, чтобъ „онъ Г. Олинъ издавалъ реченную Газету: *Коло- „кольчикъ*.“

[Г. Олинъ, бывъ увѣренъ, что, не смотря на всѣ сіи важныя причины, побуждающія его при- ляться за изданіе упомянутой Газеты, въ Рос- сійской Имперіи мало найдется охотниковъ запла- тить за 15-ть или 20-ть NN. (вмѣсто обще- мыхъ 104-хъ) 35 рублей, — представляетъ въ залогъ независимое состояніе новаго сотоварища своего (котораго при семъ случаѣ онъ именуешь *погребельникъ*), Г. Никонова, объявляя, что у Г. Ни- конова есть собственный трехъ-этажный домъ, находящійся 4-й Адмиралтейской части, въ Боль- шой Коломнѣ, близъ Аларчина моста.

Г. Олинъ приглашаетъ иногородныхъ особъ отнестись съ своими требованіями . . . . . по не шуда, куда вы думаете: не въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта, а . . . . въ Редакцію *Колокольчика*, въ которой Главноуправляющимъ состоитъ самъ же онъ, Г. Олинъ(*)!

(*) Издатели Журналовъ получаютъ изъ С. П. бург- ской Газетной Экспедиціи премерационныя деньги не иначе, какъ за прошедшее время, то есть по выдачѣ въ свѣтъ изданій своихъ. *Примпаніе для тѣхъ, которые вздумали-бы подписаться на Ко- локольчикъ, и по силѣ объявленія, препроводить деньги въ Редакцію онаго.*

— Кого называють *добрими мамми*? .. Того, въ комъ добра мало.

— Недавно были разыграны двѣ лоперен, и лѣкпо изъ подписавшихся на оныя выигралъ въ одной лошади, а въ другой дрожки. Провинціаль- ная барыня, рассказывая о семъ обстоятельстве, заключила повѣствованіе свое слѣдующимъ во- склицаніемъ: „не правда-ли, какъ это случилось въ *риолу* (п. е. кстапи)? ..“

Загадка въ прош. No. значилъ: *pâté*

LOGOGRIPHE.

Ministre de la nonchalance,
Au milieu des pavots, je garde le sommeil
Dans un antre profond à l'abri du soleil,
Palais ténébreux du silence.
Sans ma tête, fils d' Apollon,
J'eus longtems à pleurer une épouse chérie
Qu'en vain je réclamai par ma douce harmonie
Dans le royaume de Pluton.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходящъ по понедѣль-
никамъ, средамъ и пят-
ницамъ.

№ 149.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 156 NN.
въ С. П. Б. 30, съ дос-
тавкою 40, съ пересы-
лкою 37 рублей.

1830, 12 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КНИГИ:

1572 годъ или летопись времяя Карла IX.

(Окончаніе.)

Во время разговора Графини съ своимъ любез-
нымъ послышался глухой шумъ, подобный крику
людей, встревоженныхъ пожаромъ; смятеніе
становилось яснѣе, и чрезъ нѣсколько минутъ
можно было различить раздававшійся вдали звонъ
колоколовъ и ружейные выстрѣлы. Плачевные
крики смѣшались съ радостными восклицаніями;
красноватый дымъ со всѣхъ концовъ города под-
нялся къ небу. Въ слѣдъ за тѣмъ ружейный
огонь освѣтилъ окна ближняго дома.

„И такъ убійство началось“ — сказала Гра-
финя, съ ужасомъ закрывъ лице руками.

— „Какое убійство?“

„Король повелѣлъ истребить въ эту ночь
всѣхъ Протестантовъ. Капоники до одного во-
оружились, и никто изъ ерешиковъ не спасется.
Церковь и Франція спасены; но ты погибнешь,
если не отречешься отъ своего исповѣданія.“

Мержи почувствовалъ, что холодъ пробѣжалъ
по его членамъ; ужасная перемена, раздававшая-
ся въ ушахъ его и наполнявшая весь городъ, до-
вольно оправдывала услышанную имъ роковую
новость. Нѣсколько минутъ Графиня оставалась
безъ движенія, безмолвно глядя на Мержи, и ука-
зывая пальцемъ на окно, какъ-бы желая предста-
вить воображенію своего любезнаго кровавыя сце-
ны, умоляющимъ голосомъ воскликнула: „Бернардъ!

заклинаю тебя: спаси жизнь свою и мою, копо-
рая въ твоей власти.“

Мержи бросилъ на нее грозный взглядъ, и не
смотря на то, что Графиня слѣдовала за нимъ
на козлы, схватилъ съ кресель свою шапку,
надвинулъ на глаза шляпу, застегнулъ португую,
и обвернувъ плащъ около лѣвой руки, съ рѣши-
тельнымъ видомъ бросился въ двери. Графиня
хотѣла было остановить его; но онъ такъ рва-
нулся изъ объятій ея, что она со всѣхъ ногъ
упала на полъ.

Въ эту минуту кто-то постучался въ воро-
та, и старый конюшій, пользовавшійся довѣ-
ренностью Графини, разгляда въ щель калитки
подошедшаго челоуѣка, и сдѣлавъ ему нѣсколько
вопросовъ, доложилъ госпожѣ своей, что Капи-
танъ Жоржъ де Мержи настоятельно требуетъ,
чтобы его къ ней впустили. Для Капитана ве-
льно было открыть входъ. . . .

Выйдя изъ гостей, Капитанъ Жоржъ пустился
къ своему дому, въ надеждѣ найти тамъ бра-
та; но получилъ въ отвѣтъ отъ слуги, что онъ
оплучился на всю ночь. Жоржъ легко догадался,
что Бернардъ у Графини, и потому поропился
отыскать его. Но между тѣмъ кровопролитіе
уже было начато; смятеніе, толпа убійцъ, и
цѣпи, проплетутыя среди улицъ, на каждомъ
шагу его останавливали. Онъ принужденъ былъ
идти около Лувра, гдѣ вопли видна была яростны
изступленныхъ. Въ этой споронѣ жила большая

часть Протестантовъ, и попому-то спеклись сюда Каполическіе граждане и Королевскіе Гвардейцы, съ мечемъ и огнемъ въ рукахъ. Проливаемая ими кровь спруилась къ рѣкѣ со всѣхъ сторонъ, и нельзя было ступить, не подвергаясь опасности быть раздавленнымъ выбрасываемыми изъ оконъ трупамн.

По адской предусмоприпельности, ланки, почти всегда развѣзавшіе на Сепѣ, отведены были на противный берегъ, отъ чего подбѣгавшіе къ рѣкѣ, въ намѣреніи переправиться на другую сторону, и шѣмъ спастись отъ непріятельскихъ ударовъ, должны были избирать любое или попутъ или умирая отъ пресѣдователей. Между шѣмъ Карлъ IX, стоя у окна дворца своего, стрѣлялъ въ проходящихъ, какъ въ дичь, изъ длиннаго ружья.

Капитанъ переходилъ черезъ трупы убитыхъ, скользя по крови и на каждомъ шагу подвергаясь опасности пасть жертвою какого нибудь злодѣя. Онъ замѣнилъ, что солдаты и вооруженные граждане имѣли на рукѣ бѣлый шарфъ, а на шляпѣ бѣлый крестъ: ему легко было и себя опидичить такими знаками, но и они даже приводили его въ ужасъ; такъ сильно подѣиспывало на него предспавлявшееся ему убійство.

У берега рѣки кпо-то его окликнулъ. Оборопясь, онъ увидѣлъ челоуька, съ бѣдымъ крестомъ на шляпѣ, съ головы до ногъ вооруженнаго; оружіе его оспавалось безъ дѣйствія; онъ верпѣлъ въ рукѣ клочекъ бумаги съ весьма непринужденнымъ видомъ. Это былъ Бевиль. Онъ хладнокровно смотрѣлъ на трупы и на людей, которыхъ заживо бросали съ моста въ воду. „Что ты здѣсь дѣлаешь, Жоржъ?“ вскричалъ Бевиль. „По чуду или по усердію ты явился на правлю Протестантовъ?“

— „А ты что дѣлаешь между этими злодѣями?“ спросилъ Капитанъ.

„Чорпъ возьми, что я дѣлаю! смотрю, братецъ, смотрю: вѣдь это спектакль! Знаешь-ли, какую славную я сдѣлалъ штуку? Тебѣ, кажется, знакомъ старый Карнабонъ Пропіестантъ-ро-сповникъ, который сполько дралъ съ меня про-цейповъ?“

„Ты его убилъ, несчастный?“

„Вотъ еще: стану я мѣшатся въ религиозное дѣло! Просто я засадилъ его въ погребъ, и онъ далъ мнѣ росписку въ полученіи отъ меня всего долга. Правда, я держалъ пистолетъ надъ его головою, чтобъ онъ скорѣе подмахнулъ росписку; но чорпъ-бы взялъ меня, если бъ я вздумалъ застрѣлить его . . . . Посмотри, посмотри, вотъ на ту женщину, которая зацѣпилась плащемъ за мостъ: она упадетъ . . . . итъ не упадетъ . . . . Чорпъ возьми . . . да это прелюбопытно, братецъ; надобно подѣхатъ къ ней поближе.“

Жоржъ отспалъ отъ него, и ударивъ себя рукою по лбу, сказалъ: „и это одинъ изъ честнѣйшихъ людей, которыхъ я зналъ въ городѣ!“

Онъ вошелъ въ улицу Saint-Josse, пустую и темную; тамъ вѣрно не жило ни одного Протестанта. Между шѣмъ въ смежныхъ улицахъ слышно было смятеніе. Вдругъ на пути Жоржа бѣлыя стѣны освѣнились факелами, раздался пронзительный крикъ, и онъ увидѣлъ полунагую женщину, съ распущенными волосами, державшую на рукахъ дитя. Она бѣжала съ сверхъестественною скоростію. Ее пресѣдовали два челоуька, одушевлявшіе другъ друга дикими восклицаніями, подобно охотникамъ, стремящимся за дикимъ звѣремъ. Женщина бросилась было въ открытую аллею, но одинъ изъ пресѣдователей выстрѣлилъ въ нее изъ ружья. Она повалилась на землю, но потомъ вставъ, и на нѣсколько шаговъ приблизилась къ Жоржу, упала къ ногамъ его, и съ послѣднимъ усиленіемъ подпала къ нему дитя свое, какъ-бы поручая оное великодушію

его. Несчастная скоро умерла безмолвно.

„Еще поналась собака изъ стан изувѣровъ“ — сказалъ человекъ, сдѣлавшій выстрѣлъ: „душа моя не будетъ спокойна, пока не наколочу ихъ до дюжины.“

„Бездѣльникъ!“ вскричалъ Капитанъ и выстрѣлялъ въ него изъ пистолета.

Злодѣй сей ударился головой объ стѣпу, ужасно засверкала глазами, и скользя на каблукахъ, упалъ, подобно доскѣ, не крѣпко поддерживаемой.

„Какъ! убивать нашего брата, Каполика!“ — закричалъ товарищъ убитаго, державшій въ одной рукѣ факель, а въ другой окровавленную шпагу. „Что ты за человекъ? Ба, да вы изъ Королевской Гвардіи! — Позорно поступать такъ, Г. Офицеръ!“

Капитанъ вышацилъ изъ за перевязи другой пистолетъ и взявъ курокъ. Убійца понялъ это движеніе, бросилъ факель, и побѣжалъ опрометью. Жоржъ, считая его несостоящимъ пистолетнаго заряда, обратился къ проспѣрленной на сквозь женщиной: не безъ труда изторгъ изъ ея объятій дитя, къ удивленію, пераненое, и завернулъ его въ плащъ свой. Попомъ, прикрѣпивъ къ своей шляпѣ снятый имъ съ каски убитаго человека бѣлый крестъ, съ этимъ знакомъ безъ дальнѣйшихъ препяпствій добрался до Графинина дома. Туда, какъ мы уже сказали, онъ былъ впущенъ, и нашелъ тамъ брата своего, Бернарда. Они обнялись и долго оставались въ такомъ положеніи, не говоря ни слова. Наконецъ Капитанъ въ короткихъ словахъ рассказалъ о томъ, что происходило въ городѣ.

Съ Франц. Д. Косляров . . .

Къ Н.

Твои стихи: ѣсть и пить;
Ты Докторовъ не любишь слушать;
Ты много ѣшь, чпобъ долще жить;
Живешь за швмъ, чпобъ больше кушать.

Обѣдъ — твой вѣчный идеалъ;
Желудокъ — мѣришель дѣлій;
Ты прона вѣрно бѣ не желалъ;
Но кухня — верхъ твоихъ желаній.
Тебѣ науки прынь-права,
Ты съ здравымъ ссорился разсудкомъ:
Всегда пусная голова
Дружиа съ нагруженнымъ желудкомъ!..

А. Б — въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

79. *Лира*. Сочиненіе Лебедева. С. П. Б., въ Тип. Пушей Сообщенія, 1830. Въ 8. (49 стран.)

Въ объявленіи, сдѣланномъ Г. Лебедевымъ въ началѣ нынѣшняго года въ С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ, онъ обѣщалъ издасть въ нынѣшнемъ году *четыре* книжки, въ которыхъ обѣщаль помѣстить *лучшія* новѣйшія стихотворенія, изъ числа наигриваемыхъ имъ на своей лирѣ, достойныя вниманія любителей Поэзии по *совершенству* стиховъ; но изъ всего обѣщаннаго Г. Лебедевъ ничего не исполнилъ: вмѣсто четырехъ книжекъ, онъ выдалъ только одну (за что, впрочемъ, честь ему и слава!); а въ числѣ стихотвореній, напечатанныхъ въ сей книжкѣ, нѣтъ ни одного достойнаго вниманія по *совершенству* стиховъ, ибо почти всѣ пьесы, въ сей первой книжкѣ помѣщенныя, если и могутъ быть замѣчательны, то развѣ только по *несовершенству* оныхъ.

С М Ъ С Ъ.

— Вотъ еще примѣръ, какъ опасно отваживаться говорить на языкѣ, который намъ мало извѣстенъ. N*, сидя за столомъ у одного своего пріятели, гдѣ было довольно много гостей, хотѣлъ объяснить хозяину о томъ, что L*, который ему долженъ, не хочетъ плащать; но не желалъ, чпобъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, равно какъ и слуги, поняли его, громогласно воскликнуть: „Moi deja lui écri, écri: payé moi; mais de

lui repense non pas comme non pas, et toujours bu, joue.“ — Хозяева и многіе изъ гостей, разумѣющіе по Французски, расхохотались, услышавъ это, и уверждай, что они будто-бы смѣются поному, что кредиторъ Господина N*, не платя ему денегъ, между пѣмъ все пѣетъ, да играетъ. Увѣряя нашихъ читателей въ справедливости сего происшествія, скажемъ, что упомянутая шарбарщина на языкъ Господина N* значитъ: „я ему ужъ писалъ, писалъ: заплаши мнѣ; но отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ; и онъ все пѣетъ, да играетъ.“

— Въ 147 №. С. М., на стран. 275-й, въ лѣв. гранкѣ, въ четв. спрокѣ, послѣ словъ: Коллекція нашихъ лишературныхъ, — пропущено слово: *уродцевъ*. Поправка сія пѣмъ необходима, что опъ сего пропуска фраза лишилась смысла, между пѣмъ какъ дѣло шло о нѣкоторыхъ нашихъ приемоплатахъ.

— Рассказываютъ, что знаменитый Кардиналъ Дюбуа имѣлъ обыкновеніе въ Новый годъ говорить слѣдующее привѣтствіе своему дворецкому, приходившему къ нему съ поздравленіемъ: „Я дарю вамъ, сударь, для Новаго года, все то, что вы украли у меня въ печеніе минувшаго.“ Дворецкій низко кланялся, бормоча: „По гробъ благодаренъ буду Вашему Святейшесіеву!“ — Мы полагаемъ, что многіе изъ Русскихъ Господъ, по случаю приближенія Новаго года, могутъ сдѣлать такой-же подарокъ своимъ управителямъ! — (Furet.)

— П. Г. Волковъ, Литераторъ, съ пріятнымъ и многообъщающимъ дарованіемъ, который уже извѣстенъ читателямъ Сѣвернаго Меркурія по нѣсколькимъ пиншическимъ своимъ произведеніямъ (*), — съ наступающаго 1831 года будетъ

(*) Въ Сѣверныхъ Цѣвшахъ на 1831-й годъ напечатаны два стихотворенія П. Волкова: *Мелта* и *Русалки*. Эти пьесы суть изъ *лучшихъ* въ стихотворномъ разрядѣ сего Альманаха.

издавать два Журнала. Одинъ изъ нихъ посвящается для *Иностранной Словесности* и *Излечныхъ Художествъ*; а другой, подъ названіемъ: *Эхо*, будетъ содержать въ себѣ оригинальныя прозаическія и стихотворныя произведенія Русской Словесности, Библиографію и Моды. Нѣсколько Литераторовъ, обладающихъ хорошими свѣдѣніями и дарованіями, будутъ постоянно участвовать, какъ намъ извѣстно, въ изданіи обоихъ сихъ Журналовъ. — Подписная цѣна за оба Журнала (первый изъ нихъ состоитъ изъ 24-хъ, а другой изъ 52-хъ книжекъ, съ таковымъ же числомъ модныхъ картинокъ) *сорокъ*, съ пересылкою въ города и съ доставкою на дома *сорокъ пять* рублей. Подписка на *Эхо* принимается и *отдѣльно* отъ Журнала Иностранной Словесности, и цѣна за оный, за 52 книжки съ 52 картинками, назначена *взвѣгажно дешевле* — 18 рублей! Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ, а для иногородныхъ въ С. Петербургской Газетной Экспедиціи.

Логогрифъ въ прои. №. значитъ: Morphée, Orphée.

E N I G M E.

Huit lettres composent mon nom,
Et j'en puis former plus de mille.
Les détaillerai-je ici? non,
Cela ne serait pas facile.
Contente-toi, mon cher lecteur,
D'y trouver celui de ton maître,
De ton égal, de ton inférieur,
De celui qui te donna l'être.
Si cependant tu veux le tien,
Celui de ton Eléonore,
Et de son chat et de son chien,
Tu les y trouveras encore.